

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

7-8 (457)

2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Алексей Сальников. Отдел. *Роман*.....3
Михаил Нилин. Жительствует (тут). *Стихи*.....166
Екатерина Симонова. Стыд любого прощения. *Стихи*.....173
Александр Титов. Общежитие писателей. *Повесть*.....177
Елена Дорогавцева. «слово» *и др. стихи*.....193
Алексей Порвин. Стихи из «Поэмы определения» и цикла «Антистрофы».....196
Вячеслав Харченко. Сколопендра. *Рассказ*.....202
Дмитрий Глебов. Роль. *Рассказ*.....204
Вадим Месяц. «Кино и немцы» *и др. стихи*.....206
Рафаэль Шустерович. Явления переноса. *Стихи*.....212

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Николай Бернер. «Кромешное лето»
Публикация, примечания Татьяны Нешумовой.....217

БИБЛИОМАН

Наталия Черных. Шесть рецензий
НАШКРЫМ. Антология; Анатолий Головатенко. Изборник. Материалы к энциклопедии вселенской жизни: стихи, проза, эссе; Ингер Кристенсен. Избранное; Р. М. Рильке. Книга Часов; Владимир Аристов. По нашему миру с тетрадью; Евгений Никитин. Стэндап-лирика.....227

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Андрей Фамицкий. Рассуждение о птице
Надя Делаланд. Сезонные раскопки акведука.....231

Сергей Трунев. Вокруг Китая
Игорь Сорокин. Маленькие стихи для неторопливого чтения.....233

Александр Котюсов. Жизнь за скобками
Сергей Носов. Фигурные скобки.....234

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. Слабые стороны сильных и наоборот
«Охотник на лис» (реж. Беннетт Миллер), «Одержимость» (реж. Дэмьен Шазелл), «Процесс» (реж. Константин Селиверстов).....238

© «Волга», 2015

Алексей САЛЬНИКОВ

ОТДЕЛ

Фантастический роман

Глава первая

Жена пятый раз за полтора часа позвонила Игорю и спросила, когда он будет дома. С той поры, как его выгнали из органов, она стала удивительно властной язвой. Все пять раз, что она звонила, она намекала на то, что задержится на работе, поэтому он должен забрать сына из детского сада.

– Слушай, – не выдержал наконец Игорь, – тебе что там, заняться нечем, кроме как названивать?

Его раздражение было легко понять, он кружил по району на машине, как какой-то залетный бомбила, в поисках адреса, где должно было состояться собеседование, но gps, яндекс-карта, гуглмэпс и прохожие, как один, указывали ему на одинокое здание, от которого торчала из-за кривого бетонного забора только красная кирпичная труба, несколько выщербленная временем. Низкое октябрьское небо, на фоне которого торчала труба, медленно гнало куда-то одну сплошную, широкоформатную, от края до края, тучу, и небесное движение это приводило Игоря в еще большее отчаяние. Здание с трубой, к которому вела глинистая грунтовка, перегороженная облезлым деревянным шлагбаумом, никак не могла быть фээсбэшной конторой, куда несколько дней назад Игоря настойчиво зазывал офицер со смутно знакомой фамилией.

Но жена позвонила шестой раз, Игорь подумал: «Я как бы забыл телефон в машине», – и действительно оставил телефон в машине, вышел и полез под шлагбаум. За забором было еще более уныло, чем казалось снаружи, дело, видимо, было в том, что до этого Игорь глядел через шлагбаум изнутри теплого сухого автомобиля и не чувствовал и не слышал того ветра запустения, который непрерывно двигался через огороженную территорию с каплями редкого дождя. С внутренней стороны углы забора, заросшие какими-то кустами, выглядели, как забывшие о бритве подмышки. Грунтовка знаком вопроса огибала здание с трубой, как бы интригуя тем, что вход в здание находится со стороны, обратной шлагбауму; с той стороны, где стоял Игорь, были только большие окна, состоявшие из множества квадратных стеклышек, настолько пыльных, что тем, кто был внутри, если внутри кто-то был, не нужны были шторы. Справа от окон располагалась водосточная труба с оторванным низом и чернотой на том месте, где секции трубы соединялись друг с другом. Возле водосточной трубы стоял крупный хмурый мужчина в потасканном синем комбинезоне и курил сигарету. Игорь помахал ему рукой, надеясь, что тот задержится и как-то разъяснит весь этот занимавший Игоря топографический идиотизм, но мужчина, завидев повиливания Игоря в свой адрес, бросил окурок, пошел прочь, открыл дверь откуда-то сбоку здания и пропал. «Вот сука», – почти без злобы подумал Игорь.

Внутри здания с трубой, если не считать двух паровых котлов и запаха туалета, смешанного с запахом хлорки, было пусто. Игорь походил туда-сюда, изучая выцветшие плакаты с правилами техники безопасности, пустой противопожарный щит с силуэтами багра, топора и треугольного ведра, нашел две двери в подсобки с надписями «Сварщики» и «Слесаря» и безрезультатно подергал дверные ручки. Эхо, отдававшееся от кафельного пола, походило здесь на цоканье каблучков, Игорь

Алексей Сальников родился в 1978 году в Тарту. Публиковался в альманахе «Вавилон», журналах «Воздух», «Урал», «Уральская новь» и др., в двух выпусках антологии «Современная уральская поэзия». Автор трех поэтических сборников (последний – «Дневник снеговика»: New York, Ailuros Publishing, 2013) и книги прозы. Лауреат поэтической премии «ЛитературРентген» (2005) в главной номинации. Живет в Екатеринбурге.

вспомнил про жену, и легкая волна злорадства слегка притушила ту досаду, что была у него на душе. Наконец Игорь нашел дверь, ведущую на лестничный пролет, который вел, в свою очередь, куда-то наверх. Наверху был сумрачный коридор без единого окна, освещенный парой сорокаваттных лампочек, по обеим сторонам коридора находились двери, Игорь без стука сунулся в первую из них.

При переходе из коридора в кабинет кафель сменялся линолеумом, старые половицы заскрипели под ногами Игоря, и полный, приземистый человек, сидевший спиной ко входу, лицом к экрану ноутбука, чего-то там набиравший на бесшумной клавиатуре, блеснул абсолютной лысиной, озвучивая равнодушный вопрос.

– Чего надо? – спросила лысина тусклым голосом.

«Шоколада», – захотелось ответить Игорю, он замялся, соображая, как оформить вопрос, чтобы не выглядеть совсем уж глупо, и человек за ноутбуком, почувствовав заминку, глянул через плечо.

– А-а, – сказал человек даже как бы с разочарованием. – Ну, садись, садись.

Он показал стул сбоку от стола. Загипнотизированный его разочарованием, Игорь послушно сел. Человек продолжил шевелить пальцами по клавиатуре, будто забыв об Игоре минут на десять. За это время Игорь успел устать, скашивая глаза на убранство кабинета, более походившего на вотчину советского директора школы, со всеми этими стеклянными шкафами, где хранились журналы, потускневшими вымпелами на стене, пыльными спортивными кубками на подоконнике, красным телефоном с круглым диском на столе. Стул под хозяином кабинета поскрипывал, пока он шарил по клавиатуре толстенькими пальцами, на безымянном пальце правой руки не было кольца. Спортивный костюм человека за ноутбуком не вязался с его одышливым посвистывающим дыханием. Возникал вопрос: если лысый так дышит, когда просто сидит, то что же происходит с его дыхалкой, когда он передвигается.

– Пришел, значит, – сказал человек так внезапно, что Игорь подпрыгнул от неожиданности на своем онемевшем от сидения заду.

Толстяк с нескольких попыток выдвинул перекосившийся ящик стола, вытащил оттуда канцелярскую папку с надписью «Дело», развязал тесемочки, сверился с тем, что внутри и спросил, как-то по-особенному сотрясая щеками:

– Игорь Петрович? Так?

– Так, – кивнул Игорь.

Толстяк бросил папку обратно в ящик стола и с нескольких попыток задвинул его обратно. Глаза толстяка обратились в сторону Игоря, и от этого взгляда Игорю стало как-то нехорошо, у него создалось впечатление, что глаза толстяка приделаны ему от кого-то другого, будто ленивой швейцарской овчарке пересадили глаза питбуля.

– Давай сразу на ты, Игорь Петрович, – сказал толстяк. – Меня зовут Сергей Сергеич, я тут главный, я тебе и звонил.

Толстяк не сделал никакого движения, хотя бы намекающего на то, что он собирается протянуть руку для рукопожатия, Игорь подумал, что если потянет руку первым – это будет как-то унизительно в свете того, что устроили ему на прежней работе, и в свете того, что творилось у Игоря в семье. Он решил, что унижений ему хватит, и через это в знакомстве Игоря и Сергея Сергеевича образовалась неловкая пауза с пятисекундными гляделками.

– Ты знаешь, чем мы тут занимаемся? Справки у бывших коллег не наводил? – в последнем вопросе толстяка сквозила некая, понятная им обоим, издевка, Игорь невольно хмыкнул, а Сергей Сергеевич расценил это хмыканье иначе, нежели это мыслил Игорь. В хмыканье Игоря должна была угадываться горечь, типа, какие, нахрен, бывшие коллеги. Сергей Сергеевич же угадал какую-то насмешку над деятельностью своей и своих коллег.

– Нет, ну понятно, – вздохнул Сергей Сергеевич, – но при этом ты же пришел сюда. Или совсем все плохо? Даже начальником охраны никуда не берут? Даже бухгалтером в какое-нибудь СМУ не хотят?

– Не хотят, – честно сказал Игорь.

– Вот, – удовлетворенно заметил Сергей Сергеевич, – теперь ты уяснил, куда ведет неправедный путь коррупции.

Игорь оценивающе пригляделся к лицу толстяка, пытаясь угадать, насмешничает он или нет, но только загляделся на мелкие малиновые прожилки в щеках Сергея Сергеевича, с самого детства такие прожилки в лицах пожилых людей пугали Игоря больше всего.

– То, что ты неразговорчивый – это хорошо, – сказал Сергей Сергеевич, тоже, видимо, приглядывавшийся к Игорю и сделавший для себя кое-какие выводы. – Потому что если у тебя раньше были поводы молчать, то теперь у тебя их только прибавится, если согласишься работать по специальности.

«Был бы я таким неразговорчивым раньше, я бы тут не сидел», – с легкой тоской подумал Игорь.

– Так чем нужно будет заниматься? – спросил Игорь.

Сергей Сергеевич скрипнул стулом, закрыл ноутбук и посмотрел на Игоря так, что у того вспотели ладони.

– Всем, что я скажу, нужно будет заниматься, Игорь Петрович. Это второй шанс, ты сам понимаешь, если тебе его государство дало, нужно ценить. Если ты сюда пришел, значит, этот шанс тебе нужен, так ведь? – Сергей Сергеевич не стал дожидаться ответа и продолжил: – Мне нужны такие люди, которые, если я скажу поехать в Таиланд и притвориться бригадой тайских блядей, должны будут спросить только, когда выезжаем, а как предохранить их от СПИДа и предохранять ли вообще – моя забота. Я хочу знать, что они не побегут в ближайшую газетенку со сведениями о том, что ФСБ крышует сиамские бордели и поставляет им своих сотрудников.

Игорь понял, что это шпилька в его адрес и кровь несколько прилила к его лицу.

– А косметика? – спросил Игорь исподлобья.

– Что косметика? – не понял Сергей Сергеевич.

– Косметику в Тайланд свою брать, или вы на месте выдадите?

– Юмор – это хорошо, – с тем же выражением лица одобрил выпад Игоря Сергей Сергеевич. – Юмор, особенно вот такой беззлобный, позитивно действует на коллектив, но учти, что у меня, кроме тебя, таких клоунов уже несколько штук есть, не устанешь шутить?

«Не устану», – подумал Игорь, но промолчал. Он не понимал, что опять привело его сюда, под крыло этих людей, чьи корочки и звездочки на погонах что-то решают в судьбах других людей без корочек, без звездочек или с количеством звездочек, соответствующих низшему рангу. Это был необъяснимый магнетизм причастности к защите страны. Многие люди, очарованные этим магнетизмом, строили генеральские дачи или крышевали бизнес, или, как Игорь, безропотно выслушивали шутку про тайских блядей, при том что если бы такую шутку высказал какой-нибудь другой работодатель, не имеющий этого флера причастности к высшей цели, звездочек, корочек, Игорь уже попытался бы разломать столешницу его жирной мордой.

Молчание Игоря Сергей Сергеевич расценил по-своему и сказал:

– Значит так, Игорь Петрович, история такая. Я тебя обманывать не буду. Формально мы, конечно, ФСБ принадлежим, то есть ты сможешь как раньше корочками по пьяни светить, на дороге там, если проблемы возникнут, тоже. Но ты тут до первого косяка. Тут и без тебя придурков хватает. Если на реального фээсбэшника напорешься, то тут он по всем статьям обыгрывает, типа, у тебя восьмерка, а у него туз. Так что если начнешь не по делу залупаться, то и отсюда вылетишь. И еще такое дело. Проект секретный, совместный с минобороны, секретный на всех этапах, поэтому деньги попилили еще на стадии выделения и пилили еще несколько раз, пока они до нас дошли, сам видишь, какая у нас конторка через это образовалась, в сортир лучше дома ходить, ботинки целее будут. Карандаши, ручки, картриджи для принтера самому придется покупать, по крайней мере, пока. Кадры у нас тоже такие, что даже ты ахнешь. Я имен называть не буду, но один хрен свидание одиннадцатилетнему пацану назначил в интернете, скандал был, ну его, короче, выперли из органов, но за прежние заслуги все-таки решили пристроить хотя бы сюда до пенсии. Его жена из дома выгнала, так он прямо тут и живет, ему, бедолаге, приходится терпеть тут все удобства, но это, наверно, все равно лучше, чем из дырявой ложки есть. Сюда даже дочку одного генерала пытались всунуть, когда она семью на пешеходном переходе бодро переехала, но потом решили по старинке, типа, отсрочка приговора до времени, когда ее ребенку исполнится четырнадцать лет, а она даже не беременна еще, прикинь.

– Прикинул, – сказал Игорь.

– Я тебя в детали, конечно, посвящать не могу, – продолжил Сергей Сергеевич, – но, вообще, работа не пыльная. Это даже, я бы сказал, иллюзия работы. Я, честно тебе скажу, сам не совсем верю в то, чем я тут занимаюсь. Меня самого во все детали не совсем посвятили, я иногда сижу дома и несколько охреневаю, и тебя это чувство посетит, тут только Молодого оно не посещает, ну так у него при нынешнем строе, считай, вся сознательная жизнь прошла, а ты же еще до перестройки родился?

– В деле все есть, – заметил Игорь.

– Да, – то ли признал правоту Игоря Сергей Сергеевич, то ли отвечал каким-то своим мыслям. – Короче, бардак, конечно, но ты ведь и раньше с этим сталкивался, и надеюсь, что пыл поумерил, варежку уже не будешь разевать.

Из-за этого сказанного добродушно «разевать варежку» кровь опять прихлынула к лицу Игоря.

– Тут просто нельзя играть в разоблачителя, реально, – пояснил Сергей Сергеевич. – Начнешь видеообращение к народу на ютьюб закидывать или документы сканировать для «Викиликс» про то, какой идиотизм здесь творится, то сразу говорю, во-первых, ты ничего не докажешь. Это в лучшем случае, а в худшем, конечно, твои старые грешки могут припомнить, и будет твоя жена передачки в тринадцатую колонию возить, сам понимаешь.

Игорь совсем не был уверен, что его жена будет возить передачки в тринадцатую колонию, он не был уверен теперь, будет она их хотя бы слать или хотя бы отвечать на письма и, видимо, эти мысли как-то отразились на Игоревых мимических мышцах, потому что Сергей Сергеевич спросил.

– Ну что, есть какие-нибудь вопросы, может, детали какие остались непонятные, ты не стесняйся, лучше сразу узнавай, чтобы потом не было соблазна героя из себя строить. Лучше сразу представь, что тебе предложили охранником в Освенциме работать, чтобы шор каких-то романтических не оставалось, если они у тебя еще остались с прошлого раза.

– Курить здесь можно? – спросил Игорь.

– Вообще, я противник этого дела, – признался Сергей Сергеевич. – Я, как видишь, больше пожрать люблю в нерабочее время.

– Да и в рабочее тоже, – угадал мысль Игоря Сергей Сергеевич, – Но так-то можно, только форточку открой, а пепел в кубок вон тот стряхивай, потом вымоешь.

Возникла очередная заминка, связанная с тем, что Игорь выкурил все сигареты, пока искал контору Сергея Сергеевича, но не знал, как об этом сказать, потому что ожидал, что сам Сергей Сергеевич поделится сигаретой, потому что решил, что проблемы с сосудами на лице возникли у Сергея Сергеевича от того, что он злоупотреблял алкоголем и сигаретами. И теперь Игорь не знал, как сказать об этом повежливее, Сергей Сергеевич ждал, когда Игорь начнет свое задумчивое курение под форточкой. Игорь стал ищуще хлопать себя по карманам.

– А, так ты так завуалировано стрельнуть пытался. Извини, – Сергей Сергеевич, хрустнув костями стула, привычно снял трубку с телефона, зажал ее между плечом и щекой, схватил тело телефона одной рукой, для того, чтобы тот не скользил по столу, а указательным пальцем второй раза два повращал телефонный диск. Только теперь Игорь заметил круглые настенные часы над входом в кабинет, они показывали тридцать восемь минут пятого. Только без двадцати пять отчетливые гудки в телефонной трубке сменились каким-то хрипением, а Сергей Сергеевич сам возмущенно засопел и захрипел в ответ на это хрипение.

– Ты спишь, что ли, там? Сигаретку занеси мне, дорогой.

Трубка что-то коротко вопросительно или возмущенно прошипела.

– А на что ты нанимался? – не без язвы спросил Сергей Сергеевич. – Давай, короче, неси, потом поругаемся, заодно познакомишься.

Трубка опять похрипела, на этот раз как будто вопросительно. Сергей Сергеевич после этого вопроса оценивающе глянул на Игоря.

– Не, ну хер знает, – сказал Сергей Сергеевич, – может, Филу и понравится, а тебе вряд ли, хотя если еще пару месяцев в таком темпе придется работать, мы тут все друг к другу заприглядываемся. Короче, иди сюда, хорош уже кокетничать.

Сергей Сергеевич хлопнул трубку обратно на рычаг и, как показалось Игорю, облегченно вздохнул.

– Вот так вот, – сказал он, как будто объясняя Игорю что-то.

Через минуту в дверь аккуратно постучали.

– Елы-палы, – громко высказался Сергей Сергеевич вместо приглашения зайти, и на пороге появился тот самый здоровяк в синем комбинезоне, что проигнорировал махания Игоря возле шлагбаума.

– А, этот, что ли, – сказал здоровяк с некоторым разочарованием, пока Игорь изучал его заляпанные грязью брезентовые ботинки. – Это ведь тот самый, крыса который? – спросил здоровяк, как будто Игоря не было в кабинете, считая, скорее всего, что телосложение дает ему право задавать такие вопросы в таком тоне и в присутствии Игоря.

– Да, да, – ответил Сергей Сергеевич, попадая в тон здоровяку, так, что у Игоря создалось впечатление, что он вообще исчез из кабинета. – Он самый. Пятно на чистом лике государственной службы. Он твой тезка, кстати, только Петрович.

– А-а, ну хорошо, – одобрил здоровяк и пояснил свое одобрение: – Хоть запоминать особо не нужно, а то этот, то ли Ре́нат, то ли Ри́нат...

– Ринат, – сказал Сергей Сергеевич.

– Ну ладно, – отвечал здоровяк, – пойдем, что ли, покурим, Игорь, э-э-э...

Игорь понял, что пора подняться и пожать руку.

– Игорь Петрович, – сказал он здоровяку, пытаясь показать, что его рукопожатие не такое слабое, как может показаться на первый взгляд, что впечатление обманчиво.

– Игорь Васильич, – представился здоровяк и тут же бросил через плечо Игоря: – Смотри-ка, вроде женатый, а рука правая сильнее, чем у Молодого.

Игорь пропустил шутку здоровяка мимо ушей, а Сергей Сергеевич оставил ее без ответа. Игорь обратил внимание, что у Игоря Васильевича, как и у Сергея Сергеевича, тоже не было обручального кольца.

– Ладно, Игорь Петрович, пойдем, правда, покурим в другом месте. – Игорь кивнул, они вышли, и здоровяк сказал в еще не закрытую дверь: – А то опять начнет, у меня из-за вас астма, диабет, давление.

Они вышли на лестничную площадку и поднялись на этаж выше, может, и там тоже был коридор, но дверь в него была заколочена двумя толстыми досками крест-накрест. Выше лестница уже не вела, здесь лестничная площадка выглядела свежее из-за своей заброшенности, она была как будто только что побелена, побелена была даже заколоченная дверь, и сразу же брошена малярами, в углу еще стояли их кисти, покрытые известкой, на подоконнике полуоткрытого окна стояло ведро с белыми подтеками. Игорь Васильевич показал на это ведро и сказал:

– Пепельница, – потом протянул Игорю сигарету, закурил сам и дал прикурить Игорю.

– К нам, значит, собираешься, – сказал здоровяк после первой затяжки, Игорь покивал и спросил: – А что тут, вообще?

Игорь Васильевич ухмыльнулся.

– А тебе главный мраку напускал? – Игорь покивал. – Обещал командировку в Тайланд? – Игорь опять покивал.

– Да тут все по-всякому считают, – сказал Игорь Васильевич, пуская дым на макушку Игоря. – Молодой говорит, что мы, типа, инопланетян допрашиваем. Говорит, что кто-то наверху выслужиться решил еще при Медведеве, типа, если тот от инноваций на внеземной разум переключится, сразу нас предъявить, вот, у нас уже это есть, вот и документы и все остальное, список операций, протоколы допросов, так что ты не парься особо, что все это правда. На самом деле эта история еще при Союзе началась. Но я не могу тебе рассказать, потому что у меня с Эсэсом договор языком не трепать. Ре́нат думает, что мы каких-то черных риэлторов покрываем каким-то макаром для кого-то сверху.

Игорь не знал, чем ответить на такой пространный спич и неопределенно похмыкал, делая вид, что понимает, о чем говорит Игорь Васильевич.

– А я вот надеюсь, что не у всех же наверху крыша поехала, если держат нас тут, значит есть какой-то смысл, система определенная прослеживается. Отчетность ведь требуют наверх даже больше, чем обычно, тут, блин, бумажной работы, даже ты, бухгалтер, охренеешь. Да и смысла не было бы все так скрывать, если бы все просто было, если бы это была какая схема криминальная под крышей ФСБ, ты

ведь не один такой несчастный, что никуда приткнуться не можешь, тут половина народу согласилась бы на любую криминальную байду сразу, если бы ее прямым текстом предложили, а вторая половина поломалась бы, поломалась бы и согласилась после некоторых раздумий. Ну, что я тебе говорю, если согласишься, может, сам до чего додумаешься, даже интересно, что тебе в голову придет.

– А зарплата как?

– Ну, мне хватает, – уклончиво ответил Игорь Васильевич.

Игорь мысленно усмехнулся, его всегда удивлял этот стыд людей при разговоре о зарплатах. Все, кого когда-либо знал Игорь, с легкостью рассказывали о каких-то гомосексуальных опытах в юности, о том, как у них не стоит на жену, о самых интимных деталях семейной жизни, но сразу же стеснительно замыкались, когда разговор заходил о деньгах, которые они честно получали за свой честный труд, – это было какое-то сложное табу на финансовую наготу. Игорь и сам стеснялся говорить, сколько зарабатывает. Он хотел озвучить эту мысль, но почему-то не решился, пялясь на огромные боты Игоря Васильевича, Игорю Васильевичу тоже что-то резко не о чем стало говорить, поэтому остаток перекура они провели молча.

Они спустились к Сергею Сергеевичу, здоровяк зачем-то ободряюще похлопал Игоря по плечу, но сам в кабинет заходить не стал, а пропал за одной из дверей коридора. Игорь уже понял, что Сергей Сергеевич отчего-то не любит стуков в дверь и вошел сразу, как и в первый раз. Сергей Сергеевич снова ковырялся пальцами по ноутбуку и спросил лысиной:

– Что, наслушался про черных риэлторов? Решил?

– А что, других вопросов не будет? Всяких там, кем я вижу себя в вашей компании через год или через пять лет?

Сергей Сергеевич шевельнул головой, как бы пытаясь развернуть ее в сторону Игоря, чтобы метнуть в него какой-нибудь взгляд, но развернуться так, чтобы встретиться взглядом с Игорем, у него не получилось, и он сказал только:

– Иди к Ринату в пятый кабинет, он тебе покажет, как и что.

Пятый кабинет оказалось найти легко, потому что это был единственный кабинет, обозначенный цифрой, Игорь рассудил, что аура начальственного запанибратского поведения должна распространяться на всю контору и сунулся в пятый кабинет без стука и тут же получил вопрос о том, не учили ли его стучаться, откуда-то справа от входа, из-за стеллажа с папками. Огорошенный этим вопросом, он не сразу оказался удивлен тем, что пятый кабинет покрыт не линолеумом, а паркетом, что дверь пятого кабинета, в отличие от остальных дверей, обычных деревянных дверей, покрытых масляной краской, сделана под евроремонт. Помимо стеклянных стеллажей и паркета в кабинете был также вполне современный компьютерный стол и вертящийся стул с подлокотниками, окна были пластиковые, незаметный с первого взгляда кондиционер нагонял в кабинет теплый сухой воздух.

– Я от Сергея Сергеевича, – сказал Игорь стеллажу.

Из-за стеллажа выскользнула подобная самому Игорю канцелярская крыса, даже вроде бы одного с Игорем возраста, разве что сам Игорь был в костюме-тройке, а канцелярская крыса в таком же, как у Игоря Васильевича, синем комбинезоне, только чистом и лучше подогнанном по размеру, чистой синей рабочей курточке, а под комбинезоном и курточкой крысы виднелась белая рубашка и синий, в цвет комбинезона, галстук. Вместо брезентовых ботинок были надеты какие-то берцы с белыми шнурками, и если бы не золотой держатель для галстука, Ринат напоминал бы советского инженера-проектировщика в третьем поколении.

– Ринат Иосифович, – представился новый знакомый, – Ринат, – повторил он, особенно надавливая на звук «и», в то время как Игорь невольно представился в ответ и попытался вообразить, при каких обстоятельствах родители отца Рината Иосифовича, пытаясь польстить ЗАГСу и вождю народов, нарекли сына Иосифом. В целом Ринат понравился Игорю с первого взгляда своей аристократической бледностью, ботанической выправкой, цепкими татарскими глазами на славянском лице и тем, как прямоугольно выпирала сигаретная пачка в кармане его комбинезона.

– Сергей Сергеевич сказал, вы введете меня в курс дела, – сказал Игорь, и Ринат Иосифович деловито кивнул, не делая попыток перейти на ты, чем стал Игорю еще более симпатичен, махнул рукой с обручальным кольцом, приглашая следовать за собой, и скользнул за стеллаж.

За стеллажом стоял огромный, в человеческий рост сейф, в замке которого Ринат Иосифович шумно поковырялся вынутым неизвестно откуда ключом. Из недр сейфа был извлечен еще один ключ с болтавшейся на нем бумажной биркой с цифрой «8» и две печати – одна круглая, другая прямоугольная, подушечка для печатей, снизу которой чем-то красным, вроде бы лаком для ногтей, был начертан еще какой-то нумер. Игорь уже протянул руки, чтобы принять владение этим, но Ринат Иосифович протестующе покряхтел:

– Под роспись, под роспись, – и они пошли обратно к столу Рината Иосифовича, так что Игорю стала непонятна манипуляция с заманиванием его к сейфу.

Ринат Иосифович выкатил откуда-то еще один вертящийся стул, посадил Игоря сбоку от стола, достал из-под столешницы бумажку и шариковую ручку, а на вопросительный взгляд Игоря сказал, будто умственно отсталому:

– Заявление о приеме на работу, все, как положено. На имя Сергея Сергеевича Веретнина.

– А в пункте «место работы» что писать? – спросил Игорь.

– Пишите «отдел», – ответил Ринат Иосифович, как вдохновением захваченный процессом вынимания из стола и из стеллажа канцелярских книг и складыванием их возле заполняемой Игорем бумажки.

– А должность какая? – спросил Игорь.

– Пишите «оперативник».

Когда Игорь составил заявление и сказал «все», Ринат Иосифович взял бумажку за угол двумя пальчиками, бегло посмотрел на нее, сказал:

– Дата, подпись, – и сунул его Игорю обратно.

Игорь вернул заявление с датой и подписью, Ринат Иосифович опять взял его двумя пальчиками, снова бегло посмотрел на него, недовольно морщась почерку Игоря, как учитель Игоревой начальной школы, и опять сунул обратно.

– «Отдел» нужно с маленькой буквы и в кавычках. – Игорь начал исправлять большую букву на маленькую и попытался пририсовать кавычки, в ответ на эти ухищрения лицо Рината Иосифовича перекосилось, он выдернул бумажку прямо из-под пера шариковой ручки и сунул Игорю новый листок. – Лучше перепишите.

За подписью к Сергею Сергеевичу Игорь пришел уже взмокший, прохлада в кабинете главного казалась ему живительной, Сергей Сергеевич угадал состояние подчиненного по лицу, которое Игорь загнанно вытер пиджачным рукавом.

– Укатал тебя наш татарин.

Ринат Иосифович рассмотрел подпись и печать Сергея Сергеевича так придирчиво, словно Игорь мог подделать их в коридоре или Сергей Сергеевич мог поставить их как-то не так.

– Ладно, – с непонятным Игорю разочарованием сказал Ринат Иосифович, убирая заявление в стол, – теперь давайте фотографии для удостоверения. Вы ведь сделали фотографии? Теперь пойдемте принимать кабинет, вот только распишитесь за ключ, печати и штемпельную подушку.

Игорь думал, что прошел все семь кругов канцелярского ада, когда заполнял заявление пять раз подряд, но по сравнению с принятием кабинета номер восемь заполнение заявления было некоей разминкой.

В кабинете номер восемь было очень мало предметов. Был шаткий желтый лакированный стол, подобный столу Сергея Сергеевича, был компьютер, с клавиатурой настолько грязной, будто на ней резали мясо, и мышью залапанной, как дверца общественного туалета; принтер, системный блок и старенький монитор с экраном чуть больше почтовой открытки выглядели не лучше. На окне Игорева кабинета висели светло-зеленые шторки, таких Игорь не заметил, когда гостил у Сергея Сергеевича, зато не было вымпелов и кубков, стеклянный шкаф у стены был пуст. Были еще стулья, телефон, бюстик Чайковского, коврик возле двери. Казалось бы, передача этих немногих предметов во временную собственность Игоря не должна была занять много времени. Сначала все пошло действительно очень бодро, как будто даже не в манере Рината Иосифовича; Игорь успел расписаться за шторы, шкаф, бюстик, коврик, но вот уже на компьютерной мыши, названной в одной из канцелярских книг Рината Иосифовича «Манипулятор типа “мышь”, производитель “Леново” инвентарный

номер “715”», возникла некоторая заминка. Производителем мыши оказалась не «Леново», а «Хьюлетт-Паккард», а инвентарного номера на ней и вовсе не было.

Ринат Иосифович настоятельно попросил Игоря никуда не уходить, вырвал мышь из гнезда и ушел минут на пятнадцать, затем вернулся вроде бы с той же мышью, но уже какой-то более удовлетворенный.

– Тааак, – сказал он и, по-кошачьи щурясь, стал листать одну из своих канцелярских книг. – Есть еще два стула.

– На одном пики точеные? – едва слышно пробормотал Игорь и осекся под взглядом Рината Иосифовича, который перестал быть кошачьим, а стал очень внимательным.

– Что? – спросил Ринат Иосифович. – Со стулом что-то не так?

– Нет-нет, я так просто, – сказал Игорь.

У обоих стульев оказались не те инвентарные номера, и Ринат Иосифович, схватив оба, опять скрылся, оставив Игоря, который безнадежно присел на угол стола. Вернулся Ринат Иосифович опять же с двумя стульями, правда, на этот раз стулья оказались лучше и чище прежних. Дальнейшая сверка с канцелярией показала, что в кабинете Игоря не хватает настенных часов, и, принесенные и подвешенные на место, а именно над дверью, они показались Игорю удивительно похожими на часы из кабинета Сергея Сергеевича. Несколько раз Ринат Иосифович срывался с места, как гриф с пустынных высот, пропадал и приносил в Игорево логово что-то новенькое, а именно: ведро с красными масляной краской написанными буквами «М.Т» на боку, чугунное пресс-папье, желтый от времени графин и граненый стакан, швабру, как бы сплетенное из пластмассы мусорное ведро.

Когда Ринат Иосифович сунулся к окну, Игорь испугался, что тот начнет пересчитывать дохлых мух в оконной раме и приносить недостающих, но Ринат Иосифович нашел там гранитную пепельницу, успокоился, дал Игорю расписаться в ее получении и тут же закурил. Игорь жадно втянул чужой дым ноздрями, но Ринат Иосифович оставил это его телодвижение без внимания, хотя видно было, что он его заметил. Игорь перехватил его скошенный в сторону выхода задумчивый взгляд, там, на дверной ручке, болтался, похожий на перегрызенный, обрывок веревки.

– Мне собаки служебной не полагалось? – спросил Игорь, пытаясь съязвить, и кивнул головой в сторону веревки.

– Нет, не полагалось, – рассеянно сказал Ринат Иосифович и очень серьезно посмотрел Игорю в глаза: – Вы будьте внимательнее. Они готовы все помещение по кирпичикам растаскать. Они способны две пачки сигарет за день пострелять, я как-то чисто из академического интереса посчитал. Сейчас пойдем спецодежду получать, два комплекта, вы с ней аккуратнее, это на год и ботинки тоже на год.

– Вот, – говорил он уже спустя несколько минут, уже внизу открывая каморку с надписью «Слесаря», вот здесь ваш шкафчик, видите, цифра «восемь», вот ключ от него, вот здесь распишитесь, ага. Оружие вы все время с собой таскать не сможете, только перед операцией, только под роспись, но вы и не похожи на того, кто в этом потребность испытывает, вы, кстати, вообще, стрелять умеете?

Игорь не успел ответить, как ему под нос была сунута книга по технике безопасности, в которой он, не вчитываясь, как под гипнозом, расписался.

– Теперь умеете, – сказал Ринат Иосифович.

– Значит так, – инструктировал Ринат Иосифович, когда они опять вернулись в восьмой кабинет. – Вот эта печать, – он, как погремушкой, тряс круглой печатью у Игоря перед носом. – Этим заверять протокол допроса, если вас до него допустят, а этим, – он опять тряс печатью, но на этот раз прямоугольной, – детали операции, а вот это, – он тряс картонкой, похожей на игральную карту, – ваш логин и пароль от компьютера, логин и пароль менять не нужно, вот возьмите и не потеряйте. Печати убирайте в этот ящик стола, он запирается, вот ключ, – и он протянул очередной ключ с биркой.

– Если монитор кажется вам маленьким, несите из дома свой, флешек из дома носить не нужно, из дома можно носить все, отсюда уносить ничего нельзя. Вот распишитесь, что согласны с этим.

Когда Игорь остался один, он потратил несколько минут на то, чтобы сидеть лицом ко входу, спиной к окну, но все время выглядывать из-за монитора и видеть болтающийся на дверной ручке обрывок веревки ему не улыбалось, и он поставил стол так, чтобы сидеть спиной к стеклянному

шкафу у стены, чтобы окно было слева, а дверь справа. Устаканив себя таким образом, он сел перед компьютером, даже не пытаясь включить его, и какое-то время просто приходил в себя после бури, которую устроил вокруг него Ринат Иосифович.

Он чувствовал себя так, будто его стремительно прогнали через все позы канцелярской Камасутры, ощущение усталости во всех его мышцах смешивалось с ощущением непонятного удовлетворения во всем организме.

Игорь еще не вышел из этого состояния, когда к нему без стука опять заглянул Игорь Васильевич.

– Ты домой собираешься или, как Фил, будешь здесь ночевать?

Они вместе посмотрели на настенные часы, которые показывали полседьмого.

– Не подкинешь меня? Я тут недалеко живу, – опять сказал Игорь Васильевич. – А то моя машинка в ремонте, отдал каким-то алкашам местным, они ее уже неделю ковыряют, меня уже все возили, ты еще нет. Только подожди меня под шлагбаумом, пока я переоденусь.

Игорь не мог представить здоровяка ни в чем другом, кроме этого обшарпанного комбинезона и обшарпанных ботинок, отчасти именно это обещание и любопытство, как же выглядит здоровяк в своей повседневной одежде, убедили его остаться в машине возле шлагбаума и подождать Игоря Васильевича. Ожидание Игорь скрашивал руганью с женой по телефону, количество пропущенных вызовов от которой он даже не стал глядеть, чтобы не расстраиваться заранее.

Получилось и правда неловко, на очень высоких тонах жена поведала Игорю, как ей позвонили на работу, как она спешила через пробки, чтобы забирать сына из детского сада, как воспитатель притворялась, что ничего не случилось, но готова была сожрать жену Игоря на месте. Ее очень расстроило, когда она узнала, что Игорь опять подался во внутренние органы.

– Ты опять с этими мудаками связался, – сказала она. – Тебе мало одного раза. Тебе мало, что остальные уже по двое детей имеют, одного старшеклассника и одного маленького, я как старая дева выгляжу среди подруг, которая напоследок что-то отхватила. И вообще, ты скоро домой собираешься?

– Как только, так сразу, – сказал Игорь.

– О. Вот, прекрасно, узнаю старые времена. Где был, что делал, говорить нельзя, что у меня происходит – слушать не хочешь, чего ты вообще хочешь-то?

Она была так заведена за несколько часов Игорева молчания, что проносилась упреками через всю их совместную жизнь туда и обратно, словно играла на ней гаммы. Когда Игорю становилось совсем уж тоскливо от ее упреков, он откладывал телефон на соседнее сиденье, слушал, как нечленораздельно попискивает динамик, бессильный донести до него слова жены, и смотрел на то, как на лобовом стекле копятся капли полудохлого дождя. Затем, догадываясь по шуму того же динамика, что жена спрашивает его о чем-то, он опять брал трубку, говорил в нее нейтральное «да, да» и опять клал трубку на соседнее сиденье. Наконец, увидев появившегося на горизонте Игоря Васильевича, Игорь сказал:

– Извини, дома уже поговорим как следует, сейчас правда некогда, – Игорь сбросил звонок. Несколько секунд он опасался, что за год его бездействия жена могла научиться игнорировать все эти его «извини, мне некогда», могла позвонить снова и продолжить свой монолог в еще более повышенных тонах, но телефон молчал. Пока здоровяк шагал по глине в его сторону, Игорь, чтобы совсем не искушать судьбу, успел набрать смску «Я перезвоню, когда освобожусь» и, временно успокоенный этим своим тактическим матримониальным ходом, сунул мобильный телефон в нагрудный карман пиджака.

От влезающего в машину здоровяка не ускользнуло это движение, он понимающе показал Игорю свою окруженную мимическими складками улыбку, состоявшую из ровных зубов, как бы высаженных в десны с равным промежутком в миллиметр между ними.

– Поругался? – спросил здоровяк и ткнул Игоря пальцем в бок. – Она у тебя хохлушка, нет?

– Да нет, вроде из Сибири у нее отец с матерью, – ответил Игорь.

– А моя хохлушка была, – сказал Игорь Васильевич, подстраивая сиденье под себя и протягивая ремень безопасности через свою обширную грудь и напоминая этим почему-то революционного матроса с пулеметной лентой. – Она и руки распускала, пользовалась тем, что я сдачи дать не могу – я ведь сразу убью нахер. Меня и спасало только то, что она до головы до моей не дотягивалась – так, все в туловище колотила. Ну что, поехали.

В быту Игорь Васильевич носил серый костюм, пиджак которого он не застегивал ни на одну пуговицу, белую рубашку без галстука и желтые ботинки из матовой кожи. Этот приличный наряд не делал самого Игоря Васильевича приличнее, и костюм и ботинки все равно сидели на нем, как комбинезон и брезентовые боты, поэтому, когда Игорь Васильевич достал из кармана футляр и напялил на нос очки в тонкой оправе с прямоугольными стеклами, Игорь едва не рассмеялся. Желание смеяться, впрочем, у Игоря пропало, как только он увидел, сколько глины натащил в салон Игорь Васильевич на своих ботинках.

Сначала их дорожный разговор как-то не заклеился.

– Да, кстати, – начал было Игорь Васильевич, вытащил из кармана красные корочки и отдал их Игорю. – Не потеряй, – сказал он.

Но Игорь только кивнул в ответ и спрятал корочки в тот же нагрудный карман.

Потом, видно, от скуки, здоровяк стал шарить глазами по салону и обнаружил сзади детское кресло:

– Сколько лет? – спросил он.

– Шесть, – коротко ответил Игорь.

– Один? – спросил Игорь Васильевич, на что Игорь только вздохнул в ответ, и они опять замолкли на какое-то время, качаясь на кочках промзоны, куда их обоих угораздило попасть работать.

Игорь косился на Игоря Васильевича и вроде бы не прочь был поговорить, но темы, которые поднимал здоровяк до этого, не могли не исчерпаться парой фраз. Что мог ответить Игорь на вручение корочек? Произнести торжественную речь? Как он мог ответить на вопрос о ребенке? Спросить, есть ли у Игоря Васильевича дети? Тот бы ответил что-нибудь про старшего сына раздолбая или дочь, которая тянет деньги на тряпки. Можно было спросить про внуков, тем более в машине, вблизи, Игорь разглядел, что здоровяк может быть вообще одного возраста с Сергеем Сергеевичем, а тому уже было явно больше пятидесяти, но внуки бывают очень больной темой. Бывает, что их не заводят, или бывшая жена не дает встречаться с детьми и внуками, или, что еще хуже, они есть и есть их фотографии в кошельке, а еще хуже, в телефоне, или их видеозапись на телефон, и все это нужно просмотреть и следить при этом за дорогой.

– Тут всегда пробки, – предупредил Игорь Васильевич, – давай в объезд, налево.

Игорь послушался здоровяка, но на том пути, куда они поехали, сломался трамвай, машины, которые пытались его объехать, перегородили трамвайные пути, так что исправные трамваи на встречных трамвайных путях не могли проехать и выстроились в очередь, как и те трамваи, что выстроились за неисправным трамваем и перегородили дорогу окончательно. Среди бензинового и газового пара, среди психованно перекликающихся автомобильных гудков, в гуще беспомощного автотранспорта ковырялся озабоченный, мокнущий регулировщик.

– Все бы отдал, чтобы вот так же, на спокойной работе, – кивнул на регулировщика Игорь Васильевич.

– Так, вроде бы, все спокойно у нас, как мне показалось, а что, бывают сильные запарки? – спросил Игорь.

– Скоро обещается бурный денек и бурная ночка, – сказал Игорь Васильевич. – Ты жену предупреди, что тебя не будет.

– Ага, «предупреди», может, сейчас позвонить и сказать, – усмехнулся Игорь.

– А, ну да, ну да, – тоже усмехнулся Игорь Васильевич, – я уже подзабыл слегонца, как это бывает. А-а-а, опять, опять тебя не будет, тебя уже дети только по фотографии узнают.

– Нет, ну не до такой степени, – возразил Игорь, – у нас до такого не доходит, да и не доходило, но некоторое напряжение, конечно...

– Некоторое напряжение, – зачем-то повторил за ним Игорь Васильевич. – Тут такое иногда творится, я прихожу домой и радуюсь, что никого дома нет, что никто не спрашивает, как дела, потому что дела на самом-то деле хреново всегда.

– Так жестко все? – несколько напрягся Игорь.

– Нет, ну это все, конечно, зависит от того, где ты раньше работал, я знаю, где ты раньше работал, поэтому думаю, что все это тебе покажется жестковатым. С другой стороны, многим бумажная ра-

бота кажется невыносимой, более даже невыносимой, чем в поле работать, а у тебя тут все в порядке должно быть.

– А почему ты вообще не уволился? – спросил Игорь. – Тебе вроде бы по возрасту можно уже.

– Я идейный, – сказал Игорь Васильевич, но улыбнулся так, что неясно было – шутит он или нет.

Игорь мрачно задумался, мрачность усиливалась еще и тем, что они углубились в пробку, а какой-то хрен на машине сзади раздражался видом багажника или номерного знака автомобиля Игоря и то и дело давил на сигнал. Чтобы отвлечься, Игорь включил радио.

– Да ты не грейся, – угадал его телодвижения Игорь Васильевич, – если бы ты не подходил, тебе бы не позвонили. Тебя основательно проверяли, за тобой даже следили. Я тебе больше скажу, я тебя знаю больше, чем ты сам себя знаешь, я тебя выбрал, точнее, мы с Сергеем Сергеевичем. Ты ведь достаточно уравновешен, ты, может, сам не знаешь, насколько ты спокойный, как удав. Конечно, ты любопытный, но это не большой недостаток. Отчасти это даже достоинство. Если тебе интересно, что происходит, значит, ты будешь ответы искать, возможно, ты даже их найдешь, эти ответы, может быть, ты даже ответами этими с нами поделишься.

Игорь даже не заметил, как закурил, видимо, он достал сигарету, когда услышал, что за ним следили.

– Я так понимаю, что самой информации мало даже наверху, – сказал Игорь Васильевич. – Это заметно, когда наверху мало знают, они тогда еще больше тумана напускают. Фух, охота тебе бензином дышать, закрой окно, я лучше пассивным курильщиком буду.

Игорь послушно закрыл окно.

– Ты статистику изучал? – спросил Игорь Васильевич.

– Мне никто статистику еще не давал, – сказал Игорь.

– Ты не так понял, – поморщился здоровяк, – вообще, статистику как науку.

– А, в этом смысле. Ну, в институте вроде преподавали, только это когда было-то, больше десяти лет назад. Да и то это непрофильное что-то было, типа философии, английского.

– Ну понятно, – грустно вздохнул Игорь Васильевич. – Но ты ведь еще после перестройки учился, но до этого дурдома, не как сейчас учат этих лопухов малолетних, когда какой-нибудь менеджер двух слов грамотно написать не может в явке с повинной? Или эти с пятерками по русскому языку, которые по-русски вообще не говорят.

– Так ведь если вы меня изучали...– начал было Игорь.

– Да это риторический вопрос был, я такими до смерти тебя заговорить смогу, это возрастное, наверно.

Водитель сзади продолжал то и дело гудеть на каждое движение Игоря за рулем. Игорь Васильевич несколько раз сказал: «Да что же это такое». Когда Игорь, для того чтобы выбросить окурок, притворил окно, а сосед сзади прогудел еще раз, а из-за приоткрытого окна звук этот достиг ушей Игоря Васильевича особенно отчетливо, здоровяк вздохнул и шустро вылез наружу. Освобожденный от его тяжести автомобиль облегченно качнулся.

Игорь Васильевич подошел к машине раздражительного автолюбителя и произвел какие-то слаборазличимые для Игоря во всем уже наступившем мраке, свете фар и уличных фонарей манипуляции возле окна раздражительного водителя, вроде бы объясняясь с ним о чем-то.

– Даже корочками не пришлось светить, – вздохнул здоровяк, опять нагрузив собой машину Игоря. – Хватило одного вида моей мрачной будки. Вот такой, – он изобразил сумрачное лицо, Игорь невольно улыбнулся тому, что это выражение лица не было состроено по его поводу.

Они проваландались в этом заторе еще минут сорок и, хотя водитель сзади унял свое раздражение, Игорь Васильевич периодически поглядывал назад и чему-то ухмылялся. Игорю не нравилось это, как ему казалось, глумление над поверженным противником, но он молчал.

– Ладно, спасибо, хотя я бы пешком бы, наверно, быстрее добрался, зато в тепле, – сказал Игорь Васильевич вместо прощания, когда освобождал салон от своего тела в спальном районе, неподалеку от обычной пятиэтажки. Игорь пожал ему руку, подумал, стоит ли возвращать пассажирское сиденье в прежнее положение, но не стал с этим возиться, а сразу же позвонил жене.

– Купить чего-нибудь? – спросил он озабоченным голосом, притворяясь, что у него только что был серьезный разговор, чтобы скрыть виноватые ноты в голосе, которые только завели бы жену в новый скандал.

За то время, что ей было запрещено звонить, жена, видно, перекипела и обзвонила всех – от подруг до матери – и как-то поуспокоилась, потому что теща в общем-то хорошо относилась к Игорю, и распад их семьи был ей не нужен – она сама как-то хотела еще наладить свою семейную жизнь после смерти тестя, и внук, сплавляемый ей ссорящимися дочерью и зятем, путал бы ей какие-то карты в каких-то ее амурных делах. Теща, возможно, была даже за то, что Игорь вернулся в органы, ей нравилось «пробивать по базе» всех своих потенциальных ухажеров, прямо она этого дочери не говорила, она находила другие слова, покрасивее, но на дочь они действовали успокаивающе.

– Ты скоро там? – спросила жена надтреснутым вечерним голосом, каким она всегда говорила поздним вечером, когда она уже намазывалась кремами, потому что идти было уже некуда, ничего не нужно было уже готовить, а в гости к ним никто не собирался.

– Да скоро, скоро, минут через пятнадцать буду, – сказал Игорь. – Купить ничего не надо, говорю?

– Ну, йогурт какой-нибудь купи, не знаю, мелкому. А лучше просто домой иди.

Это было сказано настолько мирным голосом, что Игорь напрягся, чуя засаду, но на всякий случай решил поторопиться. Консьержка в подъезде посмотрела на него осуждающе, как будто была уже в курсе, сын в своей комнате сидел за компьютером в наушниках, как бы готовя себя к очередной родительской ругани и готовясь, в случае чего добавить звук на полную катушку и не слышать, как они обмениваются упреками о зря проведенных совместных годах. Но жена встретила Игоря, в общем, радушно, а не сидя в гостиной перед телевизором, или не сидя в спальне за ноутбуком, или не сидя в кухне за стаканом вина и скептическим взглядом, направленным на холодильник. Она вышла его встречать, мягко ступая на тапочках, они даже поцеловались, она сказала: «Фу, ты мокрый, когда успел», а Игорь ответил: «Да там хлещет».

Пока он раздевался и разувался, жена спросила:

– Что за место-то хоть, ничего?

– Я сам пока не разобрался, – сказал Игорь. – Но так вроде ничего, правда, все занюханное там, знаешь, такой офис в стиле соцреализма.

– С бюстиком Дзержинского? Или с портретом?

– Да нет, там бюстик Чайковского у меня в кабинете, почему-то.

Жена хихикнула, сын, краем глаза увидевший свет в прихожей, выглянул из комнаты, с легким опасением в глазах разглядывая обоих родителей (Игоря кольнула совесть), подошел, обнял Игоря за ноги и спросил:

– Ругаться вы не будете?

– Не будем, не будем, – сказала жена.

Сыну хватило этого обещания, чтобы тут же забыть об отце и, даже в некоторой спешке, уйти обратно, к экрану, где что-то происходило.

Когда Игорь принимал душ, жена стояла и смотрела на него каким-то странным взглядом, так что Игорь даже спросил, что это она так смотрит.

– Я просто думаю, не такой уж плохой год был, пока ты себя искал, типа, – вздохнула жена.

Игорь опасливо посмотрел на нее из-за воды, стекавшей по лбу, и не нашелся, что сказать на это. Лишь отметил про себя, что курить она бросила сразу, как только узнала, что беременна, но до сих пор стояла возле раковины так, как делала еще в институте, в общажной кухне, опершись копчиком на раковину, скользя тапочками по кафелю и поминутно переставляя ногами, чтобы совсем не соскользнуть на пол, даже руку уперла локтем в бок, а пальцы поднесла ко рту. На ум Игорю пришла, конечно, фраза «Ты знала, за кого выходила», но он уже произносил ее раньше, и ничего хорошего из этого не получалось. Он так часто злоупотреблял этой фразой, что если герой какого-нибудь фильма произносил ее, жена могла начать ругаться из-за нее (и что интересно, в самом фильме, параллельно, жена главного героя тоже начинала скандал после таких слов).

– Мне даже нравилось, какой ты был пришибленный, как котеночек, – сказала жена.

– Ну, знаешь, мне это как-то не очень нравилось быть пришибленным, – спокойно ответил на это Игорь. – Это ужас какой-то был. Не совсем кромешный ужас, но неприятно было болтаться вот так не при делах. Ты еще крысилась иногда, как не знаю кто, как сегодня вот.

– Да ладно тебе, крысилась, – не обидевшись, сказала жена.

– Давай, списывай все на ПМС, – предложил Игорь.

– А почему бы не списать? У тебя зато первое время после того такие перепады были, куда там до ПМС, прямо климакс какой-то, а теперь, смотри, как и не увольнялся. Даже позвоночник как будто выправился обратно, – она полезла к нему и поскребла его по спине между лопаток.

– Ага, и жопа обратно выросла, – сказал Игорь, – буду опять табуреты собой ломать.

– Нет, ты все-таки расскажи поподробнее, – попросила жена, когда умытый и высушенный Игорь переместился в кухню и стал поедать свой ужин. – Интересно же, кто там, как. Вот ты говорил, что когда уволили – ужас был, а там не будет такого же ужаса, но уже на работе?

– Я пока точно не знаю, будет ужас или нет. Ты прямо... Ты на кого работаешь, вообще?

Жена засмеялась.

– Нет, ну правда, – сказал Игорь, – меня же только-только взяли, я всего несколько человек видел, что я могу рассказать?

– Ну, расскажи, кто там главный у вас, молоденький? Мне нравится, когда молоденький, а уже в звании, и его старперы вроде тебя терпят. У нас такой менеджер в соседнем отделе был, сын главного, ох как всякие пенсионеры психовали.

– Это который грибов нажрался и в окно вышел?

– Ну да, ну да, этот, но все равно.

– Нет, тебе бы главный не понравился, он на твой вкус староват, – сказал Игорь. – Он еще и толстый.

– Фу, – ответила на это жена.

– Он реально очень крупный такой кабанище, – сказал Игорь.

– Еще и лысый небось, – угадала жена.

– Ну, так не разобрать: лысый, бритый, – Игорь показал лицом, что он не специалист в парикмахерском искусстве. – Но вроде лысый, как-то органично его лысина вписывается в его толстоту. А еще он, прикинь, в спортивном костюме на работе. Только, знаешь, золотой цепи на шее не хватает и перстней с наколками.

– Ага, – сказала жена. – И наколотых перстней. А секретарша у него?

– У него нет секретарши, он, похоже, сам себе секретарша, – Игорь помедлил, ожидая, пока шутка оформится в его голове и добавил: – Во всех смыслах этого слова.

До жены не сразу дошел смысл сказанного, но она с готовностью улыбнулась, услышав в голосе Игоря юмористическую интонацию, а когда шутка до нее дошла, жена улыбнулась еще раз, но уже искренне. Только после этих ее улыбок Игорь почувствовал, что вернулся, наконец, домой, потому что до этого все было каким-то пограничным. До этого ему казалось, что он в какой-то разведке на оккупированной территории. Лампочки в гипсокартонном потолке, ввинченные по периметру, засветились с теплотой елочной гирлянды, хотя и гипсокартонный потолок, и эти лампочки жена выбивала в семейном споре перед ремонтом какими-то жуткими оскорблениями (Игорь хотел какую-нибудь круглый светильник, одиноко свисающий с потолка), и каждый раз, глядя на эти лампочки, Игорь чувствовал себя проигравшим. И кухонные шторки, которые они выбирали вместе всей семьей, но остановились на выборе жены, не вызвали в Игоре коробящих его воспоминаний, а казались даже симпатичными. Да и сама жена, без косметики, вечерняя, с собранными в хвост на затылке волосами, казалась роднее и проще. Игорь вдруг вспомнил, как бесили его в подростковом и юношеском возрасте собственные родители с этими их вечерними посиделками на кухне и бессмысленными разговорами и спорами, бесил отец, сидящий за столом в трусах и голубенькой майке, подпираемой изнутри небольшим пузом, и обнаружил себя самого, сидящим в одних семейниках, обсуждающим начальство и отпускающим по поводу начальства довольно-таки глупые шуточки. Словно в ответ на его мысли, как-то по-особенному потопывая, появился сын и попросил чего-нибудь поесть.

– Суп ведь ты не будешь, – сказала сыну жена.

– А йогурта нету никакого? – спросил сын.

– Какие тебе йогурты, ты уже в майку не влезаешь, – ответила на это жена.

– Да она просто ему мала уже, – сказал Игорь, поглядев на сына, у которого между пижамными штанами и нижней кромкой майки действительно наблюдался просвет в пару сантиметров.

Сын подтянул штаны, и жена сказал на это:

– Давай-давай, так ты до подмышек собрался подтягивать? Может, чаю попьешь? – сын согласно покивал.

– Давай, рассказывай дальше, – сказала жена, возясь возле сына.

– Он такой, знаешь, старой закалки, ну, понятно, он ведь еще в Советском Союзе начинал, то ли с гэбэшными, то ли с армейскими замашками, потыкал меня носом в мое дело, конечно. Так что пришлось немножко пообтекать. Он все с такими подколками намекал, чтобы это больше не повторилось. Мне это вообще нравится, все такие честные лица делают, и никто как будто ничего не знает, но все ведь знают, как было, и все знают, что я вижу, что они знают. Ну, мы на эту тему уже...

Сын смотрел на Игоря из-за края кружки, и видно было, что хотел что-то спросить, но его могли выгнать из кухни, а послушать, о чем говорят родители, ему пока было интересно, поэтому спросить он не решался.

– Второй еще есть, тезка мой, – сказал Игорь, – такой, типа Валуева. Этот вообще, как будто из театра роль играет такого, знаешь, резонера. Даже непонятно, что в нем не так. Он такой соответствующий своему образу. Правду-матку режет и про себя и про других, в движениях такой уверенный. Шутит грубо. Но такое чувство, как будто роль играет, как будто пригласили актера из ТЮЗа сыграть антагониста начальству – вот он и чешет по роли, в которую вжился. Импровизирует. Но, вообще, производит такое впечатление нормальное в целом.

– У нас Сережка такой, – встрял сын. – Он решил, что он Бэтмен, и хочет, чтобы его все «Бэтмен» звали, а его все равно Сережкой зовут.

– Иди, иди отсюда, – погнала сына жена. – Уши он тут свои... Выпил свой чай – иди. А то потом будет...

– Потом еще татарин есть, он вроде бухгалтера и завхоза, – продолжил Игорь, когда за сыном стукнула дверь. – Этот вообще кадр, но основательный, если бы там все такие были, как он, да и вообще, везде такие, как он, были, и бардака бы такого повсюду не было бы. Ну представь, татарин с немецкими замашками, я бы даже сказал нацистским, ему только формы не хватало.

– Ой, ну не надо, татарин с немецкими замашками, да еще и завхоз и бухгалтер, про это фильм есть «Совершенный человек», – пошутила жена.

– Нет, ну реально, – сказал Игорь, убеждающее приложив руку к сердцу. – По-моему, там на нем вся материальная база держится. Он прямо как постигший бухгалтерский дзен выглядит. У него у одного кабинет нормально отремонтирован. От него одного шорох по всему заведению стоит. Он бы тебе понравился.

– Только не начни у этого гуру, как в прошлый раз, бухгалтерскую отчетность копать, – сказала жена.

– Даже если доберусь, то вряд ли что найду, – убежденно сказал Игорь. – Там же по его уверенной морде видно, что хрен подкопаешься, у него явно какая-то чистейшая схема там есть, скорее всего, безупречная, видно же, что он не дурак и не просто так пользуется положением. Там явно не в должности дело, а в чистоте документов.

– Вот нравится мне, когда у тебя так глаза начинают блестеть, – сказала жена. – Вроде ничего хорошего это не обещает, а все равно симпатично, как у Мишки, когда он грипповал в четыре года.

– А мне вот не совсем это нравится, – ответил Игорь. – Так что если заметишь, сразу пресекай.

– А с девушками у вас как на новом месте? – спросила жена.

Это был вопрос, наверно, еще с начала их брака, когда-то этот вопрос был очень острым, потому что жена считала, по опыту своей семьи и по тому, как вел себя ее собственный отец, что все мужчины только и думают, как сходить «налево», и поэтому ревновала ко всему что только можно самой нездоровой ревностью. Но со временем вопрос стал каким-то обыденным, Игорь не подтверждал ее подозрений, и это отсутствие ревности Игоря даже как-то обижало, ему казалось, что жена еще питала на него какие-то надежды, но в настоящее время полностью убедилась, что он рохля.

– Там, по-моему, совсем нет женщин, – сказал Игорь, – и не было похоже. Потому что обычно какие-то следы остаются после вас. Допустим, плакат на восьмое марта бы где-нибудь валялся, или бутылка из-под мартини где-нибудь стояла бы по всяким закуткам для курения, хоть что-то было бы. А там этого нет. Не знаю, может, специально так коллектив подобрали.

– Может и специально, – признала жена. – У нас коллектив вот наполовину мужской, наполовину женский, но как-то между женщинами терки вечно какие-то, заговоры непонятные, какие-то обиды. Я иногда смотрю сериал, вот тот же детективный, где герои пополам такие, пополам такие, и удивляюсь, какие там сугубо деловые отношения. Компьютерщицу бы загнобили за ее цветные тряпки и пальцем у виска бы крутили остальные бабы, сколько бы докторских степеней у них бы не было при поступлении в ФБР.

– Это да, – улыбнулся Игорь. – Помнишь, у вас сисадмин приперся на корпоратив в футболке с конями, сколько они ему это вспоминали?

– Они ему этих розовых лошадей до сих пор припоминают, причем не в глаза, а так, считают его придурком за спиной у него. Ну, так-то он правда придурок, зажатый какой-то, хотя почти под тридцать, с мамой еще живет, как маньяк.

Сам Игорь не считал сисадмина маньяком, но покивал, хотя идея жить если не с мамой, то хотя бы одному, какой-нибудь холостой жизнью, хотя бы какое-то время – ему в принципе была симпатична.

– Это вообще не вполне нормально, по-моему, – продолжила жена. – Он ведь гораздо умнее многих наших гусей, которые тачки и жен меняют. Но класть свой ум на алтарь тупорылой скромности, может, считать себя умнее других, втайне радоваться их идиотизму. Я вот, например, дура ведь полная в компьютерах. Это у него точно что-то нездоровое. Опять же этот корпоратив, ему ведь мать стала в десять названивать, где он и как, и судя по его лицу несчастному, она ему небось угрожала своим сердечным приступом, я бы такую мать сама подушкой давно бы задушила.

Игорь вспомнил, как она сама названивала ему днем, но никак не выдал того, что вспомнил.

– Да ты и сам такой был в начале студенчества, – сказала жена. – Просто тогда с сотовой связью были проблемы. Помнишь, она говорила, что я стерва, что рожу обязательно не от тебя ради квартиры. Помнишь?

«Насчет “стервы”, может, она и не так уж ошибалась», – беззлобно, со скошенной улыбкой подумал Игорь, а сам сказал:

– Нет, ну мне-то она в глаза этого не говорила, так, шушукалась с сестрой и отцом, отец, кстати, за тебя был. Твоя мать тоже вон считала бог знает что. Что ты залетишь, а я тебя сразу же брошу. Тоже считала, что из-за квартиры и из-за дачи, огорода этого бабки твоей. И звонили тебе тоже, боялись, что я тебя не на свидание повел, а сдавать в бордель или на органы.

Они посидели и повспоминали всякое из их ранней супружеской жизни, отчего Игорю стало еще уютнее. В детстве у него была подруга во дворе, они вот так же обсуждали какую-нибудь книгу, вместе ходили в библиотеку, вместе катались на велосипедах, и от этого сходства того общения и теперешнего разговора жена казалась еще родней.

– Мне читать кто-нибудь будет? – крикнул сын из своей комнаты. – Или у вас там романтика?

– Ох, точно, вот мы следим за режимом, – сказала жена, перевернув к себе лицевой стороной сотовый телефон на кухонном столе. – Давай ты сегодня почитаешь. А я пока серию досмотрю, а то скачала...

Сын уже сам выключил свет в своей комнате, включил ночник, укрылся и смотрел из-за края одеяла, как смотрел из-за края кружки, темными, как у жены, глазами.

– Папа, – перебил он, когда Игорь взял книгу и открыл уже было рот.

Было тихо, только долбился об жестяной карниз и об стекло несильный, но ровный дождь, еще было слышно, как забубнил телевизор в их с женой спальне.

– Папа, – повторил сын, – а ты меня сводишь на актера посмотреть?

– Какого актера? – не понял Игорь.

– Ну, ты же сказал, что у вас есть актер на работе.

– Аа, этот, да он не актер, он просто похож на актера на сцене, – сказал Игорь, а сам подумал, что неплохо было бы совсем теперь не знакомить Игоря Васильевича и сына, потому что сын сразу припомнит Игорю Васильевичу слова, сказанные о нем в тесном семейном кругу.

– Все равно, – некапризно сказал сын, – интересно посмотреть.

– Может и свожу, – соврал Игорь, – но там ничего интересного нет, это как у мамы на работе, такие же дяденьки и тетеньки, только тетенек нету.

– Я по телевизору смотрел, там из фээсбэ террористов ловили, – сказал сын. – Ты к ним устроился теперь?

– Так я и раньше там был, только ты уже не помнишь, – сказал Игорь.

Сын повозился под одеялом, видно, движение сложной мысли не могло не сопровождаться у него телодвижением.

– Нет, раньше ты был бухгалтер, как мама, а теперь у вас же есть уже там бухгалтер, – сказал сын. – Ты теперь будешь ловить?

– У меня даже пистолет, на меня записанный, есть, – похвастался Игорь. – Только я его не смогу домой приносить, его под роспись выдают, а потом забирают. Тоже под роспись.

– Жалко, – сказал сын, у которого были на пистолет какие-то планы. – А кого ты будешь ловить? Террористов? У нас же в городе, наверно, нет террористов.

– Может, есть, – нашелся Игорь. – Может, их вовремя у нас просто ловят.

Сыну понравился такой ответ, и он еще раз повозился, но на этот раз ничего не спросил.

– А может, вовсе и не террористов, – зачем-то сказал Игорь, глядя в его довольные глаза. – Там почти все не понимают, чем мы занимаемся. Один считает, что мы пришельцев ловим, как люди в черном.

– Уау, – шепотом сказал сын. – Он, наверно, видел уже и поэтому так думает, а ты не видел?

Игорь вспомнил Сергея Сергеевича и сказал:

– Инопланетян не видел, а вот пришельца из прошлого – да. Он у нас главный и есть.

– А как он у вас главный, если он из прошлого? Может – из будущего? Может, ты перепутал?

– Нет, он точно из прошлого, – уверенно сказал Игорь. – Он не только себя к нам притащил, но и всю контору оттуда приволок.

– А ты расскажешь, когда поймаешь?

– Расскажу, конечно, – сказал Игорь. – Только ты никому не говори, – предостерег Игорь, зная, что сын все растреплет в детском саду.

– Просто у меня друг есть, – вздохнул сын, – он говорит, что пришельцы невидимые, что они не как в кино, а их совсем не видно.

Игорь попытался вспомнить фильм, откуда друг сына мог узнать про таких пришельцев, но на ум что-то ничего не пришло.

– Вот, – сказал сын, – если ты поймаешь, ты сфотографируй, а я ему покажу, чтобы он поверил.

Глава вторая

– Ты вот ездишь с Петровичем, ты ему хотя бы раз сказал, что мы тех, кого допросили, – убиваем? – спросил Молодой Игоря Васильевича.

Это удивительное умение Молодого говорить «ты» всем подряд раздражало и изумляло Игоря, тем более что Молодой был почти подросток или производил такое впечатление своей змеевидной сутулостью и жирными русыми патлами с зализанной в сторону челочкой над прыщавым лбом. Когда он присоединялся к ним в курилке на третьем этаже, доставал свои вишневые сигарки и уверенно закуривал, Игорю каждый раз хотелось дать ему подзатыльник и прогнать прочь. Но Игоря Васильевича такое поведение нисколько не смущало, и этому были, видно, какие-то причины.

– Я делал ему туманные намеки, что все не так просто, – отвечал сверху вниз Игорь Васильевич.

– Ты как мой батя, он вон тоже туманные намеки делал, что скоро свалит, а потом оказалось, что хоп – и свалил, хоть в розыск объявляй. Кстати, объявили, а оказалось, что он не пропал, а ушел, загодя всех предупредив. Так и тут.

– Ты задолбал, честно говоря, истории про своего батю травить, – сказал Игорь Васильевич. – Я его уже лучше, чем себя, знаю.

Фил улыбался на это с подоконника возле пепельницы-ведра с засохшей известкой – сам он не курил, но ходил за компанию. Филу было где-то около тридцати, он походил на актера, играющего положительные и героические роли, но в его нынешнем положении было что-то комическое, каждую его реплику Молодой и Игорь Васильевич комментировали в контексте любви к мальчикам. Игорь

все ждал, когда Фил сорвется и полезет драться или хотя бы даст по морде Молодому, но Фил, казалось, был непроницаем для шуток и только смеялся вместе со всеми. Игорю не хотелось думать, что на самом деле творится у Фила в голове, в области настоящего отношения к тем, с кем Фил работал, и в области сексуальных фантазий.

Вот уже почти неделю они то и дело коротали рабочее время, собираясь в курилке. К ним никогда не присоединялись ни Сергей Сергеевич, ни Ринат Иосифович – первый, понятно, не курил и был тяжеловат, а второй – непонятно почему, и болтали на всякие темы, какие только приходили им в голову. Со скуки травили Молодого за любовь к компьютерным играм, обсуждали семейные дрязги, новости, ютьюбовские ролики. Фил обычно располагался на подоконнике, Молодой и Игорь Васильевич облокачивались на стены возле окна, а сам Игорь упирался задом в перила и курил так, то и дело поднимаясь на одну ступеньку, чтобы подойти к ведру и вытряхнуть пепел.

Этот разговор возник после обсуждения садово-огородных дел Игоря Васильевича, все заметно волновались, узнав утром от Сергея Сергеевича, что ночуют сегодня не дома.

– Ты, Петрович, не переживай, – успокоил его Игорь Васильевич. – Твое дело, можно сказать, сторона. Никто тебя кровью связывать не собирается. Не хочешь – не участвуй. Если ничего экстремального не случится, можешь даже выйти в другую комнату. Твое дело допросить. Вот и все.

– А оружие нам тогда зачем? – спросил Игорь.

– Ну, там, собака, мало ли, всякой херни хватает, – сказал Игорь Васильевич. – Один раз авторитетика какого-то местного брали, так там целую кучу народу пришлось перехерачить. Люди же всякие бывают. Но в основном алкаши да наркоманы, так что особо не грейся. Пускай главный греется и Ре́нат, что мы что-нибудь там из инвентаря потеряем.

– Что-то я все равно нагрелся, – признался Игорь и наткнулся на искреннюю улыбку Фила. – То есть просто берем и убиваем?

– Да, просто, – сказал Игорь Васильевич. – Советую, кстати, поспать, у тебя работа нудная, можешь носом начать клевать.

– Первый раз вряд ли заклюет, – уверенно сказал Молодой. – А вот если несколько вызовов подряд, то и я начинаю путаться.

Игорь послушно спустился в комнату отдыха на первом этаже, где обычно обитал Фил, лег на диванчик, но вместо того чтобы уснуть, переводил взгляд то на холодильник «Юрюзань» в углу, то на стол со стопкой чистых тарелок и рядом граненых стаканов, в один из которых был воткнут букет из алюминиевых ложек и вилок, то смотрел на серый чуть выпуклый экран выключенного древнего телевизора. У него не шла из головы история двухлетней давности, когда обычного понтоватого воришку из соседнего района, который безобидно постукивал на местных ментов одному из бывших сокурсников Игоря, обнаружили мертвым посреди криминальной сцены в духе итальянских разборок времен сухого закона, что было совсем воришке не по чину. Трое дружков воришки, пять проституток, домработница и бог знает кто еще были разбросаны в лужах крови по всему частному дому, стены дома были изрешечены так, будто их решетили целенаправленно. Один боец, подрабатывавший у воришки чем-то вроде телохранителя, лежал в ванне с перерезанными венами – на него все и списали, решили, что это посттравматический синдром и обилие алкоголя сыграли с бывшим афганцем злую шутку. Еще тогда Игорь засомневался в версии следствия, да что там, сами следователи, похоже, сомневались в своей версии, но теперь Игорь засомневался еще больше. Опять же, он не был уверен, что это массовое убийство и упоминавшееся Игорем Васильевичем дело – было одним и тем же делом, ведь на разборку в особняке понадобились бы силы десятка Игорей Васильевичей, а никак не одного, пусть даже при моральной поддержке скромного педофила и прыщавого полуподростка. Но перебирая в памяти всякие необычные криминальные эпизоды, происходившие в городе за несколько лет, Игорь не мог вспомнить случая, где заметную криминальную фигуру в городе убили бы именно дома.

Поняв, что уснуть не удастся, Игорь поднялся к себе и полез в интернет через телефон, чтобы Молодой, в обязанности которого входило администрирование, не узнал, про что Игорь копает. Он, конечно, знал, что кто-нибудь все равно следит за его движениями в интернете, но абстрактная фигура анонимного соглядатая не вызывала того отторжения, как фигура Молодого, изогнутого зна-

ком вопроса, играющего в «ВоВ» и параллельно смотрящего в логи Игоря. Копание скрасило Игорю часы ожидания, его уверенность в том, что убийство воришки совершили именно те, с кем он в данный момент работал, – несколько укрепилась.

Игорь совершенно по-новому посмотрел на этих людей, но от того, что он уже знал их какое-то время, отношение к ним не могло измениться у него сразу же, он не мог им не симпатизировать хотя бы потому, что они в общем-то приняли в свою компанию. С хорошим приемом трудно бороться, даже если компания, в которую тебя принимают, занимается неизвестно чем.

За окнами совсем стемнело, когда в кабинет Игоря заглянул запыхавшийся Молодой.

– Вот ты где, – сказал он. – Мы тебя сначала на диванчике поискали, потом решили, что ты свалил от греха, потом посмотрели, а машина на месте. Помоги кое-что загрузить.

– Сразу не могли тут глянуть? – запоздало спросил на это Игорь, но послушно поплелся за Молодым в его кабинет, где пришлось хватать за углы какую-то громоздкую штуку, завернутую в полиэтилен.

– Мы потом ее еще обратно попрем, – кряхтя заметил Молодой, когда они выволокли ее в лестничный пролет. – Хотя, может, без нас обойдется, впряжем здорового и Рината.

– Впряжешь ты Рината, как же, – сказал Игорь, невольно постукивая жестяным боком переносимого груза о перила. – Далеко тащить-то?

– Да до гаража, – сказал Молодой, – когда до земли дойдем, легче будет, главное, на льду не поскользнуться у выхода, там и без этой хреновины убиться можно.

На выходе их встретили курящие под наддверным фонарем Игорь Васильевич и Фил. Игорь Васильевич сказал.

– Давайте, давайте, – как бы подгоняя своих крепостных.

– Ты вообще мог бы один эту штуку стаскивать и затаскивать, – отвечал ему Молодой.

– Ага, – сказал Игорь Васильевич. – Мне нельзя. Я уже старый.

Фил присоединился к Игорю и Молодому, чтобы как бы помочь, но взяться за бандуру, что они несли, было негде и поэтому он, смущенно улыбаясь, пошел рядом, глядя, как они то и дело спотыкаются на замерзших автомобильных следах. Возле самого гаража – кирпичного куба около самой дальней от шлагбаума стороны забора – Фил забежал чуть вперед и предупредительно приоткрыл створку железных ворот, которая проскрежетала об лед нижней кромкой и загудела, как гонг.

– Я машину так-то уже прогрел, – сказал Фил.

– Зашибись, – сказал Молодой, первым протискиваясь в образовавшуюся щель, освещенную изнутри желтым светом нескольких лампочек. Игорь благодарно кивнул Филу, на что тот только махнул рукой.

Они загрузили бандуру через задние двери белой «Газели» в пространство между сиденьями и вытерли пот.

– Я тут спину оставлю когда-нибудь, – мрачно пообещал кому-то Молодой. – Сколько там еще осталось? Поссать я успею сбегать?

Это был риторический вопрос, но Игорь и Фил посмотрели на часы, хотя Игорь не знал, когда они выдвигаются, и видел, что Молодой сам полез за телефоном, чтобы посмотреть на время.

– Телефон оставь, сколько говорить, – сказал на это Фил с обычной своей улыбкой. – Спалимся когда-нибудь из-за тебя.

Молодой не стал отшучиваться в своей обычной манере человека, стоящего на ступеньку выше, чем все его собеседники, а послушно скрылся во мраке ночи, так что Игорь даже слегка онемел от неожиданности. От Фила не скрылось удивление Игоря, но он только скорчил неопределенную гримасу, вроде «такие дела» или «вечно одно и то же». Игорь на всякий случай похлопал себя по карманам, хотя точно помнил, что оставил телефон на столе, это тоже не укрылось от Фила, но на это он только понимающе улыбнулся.

Еще было полчаса всякой возни, во время которой Ринат Иосифович выдавал им пистолеты, а они расписывались и, ковыряясь с комбинезонами, напяливали каждый свою кобуру, и это походило на то, как будто каждый из них был лошадью и запрягал сам себя.

– Вам, Александр, я бы, будь моя воля, вообще бы ничего не давал, – выразил свою тайную мысль Ринат Иосифович, обращаясь к Молодому. – Вы меня пугаете, даже когда держите в руках степлер.

– Ты бы вообще никому ничего не давал, – сказал Молодой. – Будь твоя воля, мы бы пешком до места ходили и обратно.

В лице Рината Иосифовича мелькнуло что-то такое, будто Молодой озвучил какую-то мысль, какую не озвучил или не решался озвучить сам Ринат Иосифович.

Игорю Ринат Иосифович вручил запечатанный конверт формата А4, который некуда было деть, кроме как сунуть за карман комбинезона на животе.

– Вот какой смысл, – опять встрял Молодой. – Дал бы уже ему эти листочки, он бы их в карман сунул, все равно ведь мы там же будем и все услышим.

Игорю Васильевичу Ринат Иосифович выдал стеклянный пузырек с одиноко позвякивающей внутри пилюлей. При этом Игорь Васильевич и Ринат Иосифович, не сговариваясь, посмотрели на Молодого, ожидая от него, может быть, очередных реплик, но Молодой на этот раз промолчал. В том же молчании, от которого волнение Игоря начало усиливаться до такого состояния, что руки у него начали слегка подрагивать, они, то есть Игорь, Молодой и Игорь Васильевич, погрузились в заднюю часть «Газели», а Фил сел за руль.

– Хоть бы Эсэс вышел удачи пожелать, – сказал Молодой, когда они выехали, и открывший шлагбаум Ринат Иосифович помахал им вслед.

– Все тебе не так, – заметил Игорь Васильевич, – волыну, кстати, дай сюда.

Молодой не стал спорить, вытащил пистолет и протянул его Игорю Васильевичу рукояткой вперед.

– Обойму хоть не успел вставить, балбес? – сказал Игорь Васильевич, проверяя пистолет на отсутствие патронов. – Фил, возьми от греха.

Игорь Васильевич пролез по салону и отдал пистолет Филу, затем вернулся на свое место, то есть на место как раз напротив Игоря, на соседнее место с Молодым. Игорь ожидал, что Игорь Васильевич травонет пару баек про Молодого и пистолет. По крайней мере, обстановка и многообещающее лицо Игоря Васильевича как бы к этому располагали, но тот начал совсем про другое.

– Ты не волнуйся, – сказал Игорь Васильевич Игорю. – Мы же тут не сверхлюди какие работаем. Мы же тут всякая шваль. Но при этом работаем же. И те люди – обычные люди, а может, не совсем обычные, не зря же мы к ним ездим. Но производят они впечатление именно обычных людей. Ты таких тысячами на улице видишь. Посмотри на Молодого, он вон придурок придурком, а пару лет уже здесь зависает, справляется, с ума не сошел, мух с себя не ловит. А у тебя, считай, опыт какой-никакой есть, не в этой области, конечно, но это ведь не совсем с нуля.

Такое утешение почему-то слабо порадовало Игоря.

– Что ты мне рассказываешь, – ответил он Игорю Васильевичу. – Буду на месте, сам посмотрю.

Он не знал, куда они едут, а город в ночное время стал совсем неузнаваемым. Пробок не было – понятно, время уже перевалило за полночь. Игорь поймал себя на мысли, что жалеет о том, что нет пробок, ему хотелось оттянуть начало знакомства с непосредственным действом как можно дальше.

– Блин, сколько раз говорил, не ставь ноги на эту херовину, – сказал Молодой.

Игорь Васильевич, правда, поставил ноги на бандуру, мирно лежавшую на полу, из-за чего Игорю казалось, что они едут в катафалке, а бандура – свежий, нераспечатанный гроб с фабрики гробов.

– Ты же ставишь, – резонно отбрехнулся Игорь Васильевич.

Молодой, не убирая подошв брезентовых ботинок с бандуры, пояснил:

– Я знаю куда ставить, а ты – нет. Ее и так колыхает на каждой кочке, как бы не грохнуть.

– А что это вообще такое? – спросил Игорь.

– Да это показания снимать во время допроса, – сказал Молодой.

– Так мы ее за собой потащим, что ли? – спросил Игорь, на секунду потрясенный этим обстоятельством больше, чем предстоящим убийством. – И на какой этаж?

Игорь Васильевич и Молодой радостно заулыбались выражению лица Игоря.

– Нет, – сказал Молодой. – Здесь только данные будут собираться через блютуз, вот от этой вот...

Молодой постучал по какому-то предмету под своим сиденьем, предмет этот Игорь в полумраке «Газели» принял за ведро. Это и под костяшками пальцев Молодого звучало как ведро.

– Он тут останется, – кивнул Игорь Васильевич на Молодого. – И за мейлофоном последит, и чтобы колеса не сняли.

– Чаще, конечно, таджиков отгонять приходится, – сказал Молодой. – Они теперь как бы парковки организовали на придомовой территории, и если мы паркуемся, то, типа, денег просят.

Масштаб творящейся глупости стал вырисовываться перед внутренним взором Игоря все более отчетливо. Под впечатлением от него Игорь смолк до конца пути. Игорь пришел в себя, только когда вылез на мороз через распахнутые Филом задние двери и принял из рук молодого то, что раньше казалось ему ведром.

– Это на бошку надевать, только не себе, а тому, с кем разговаривать будешь, – пояснил Молодой. – С той стороны, короче, где датчиков нет – перед.

Игорь кивнул, изображая понимание.

Игорь Васильевич, кряхтя, пробрался по проходу мимо Молодого и тоже выпрыгнул наружу.

– Давайте, – махнул им рукой Молодой, прежде чем Фил захлопнул его в машине.

Выяснилось, что Фил припарковал машину с четной стороны улицы, а им нужно было на нечетную. Фил шагнул было уже к водительской двери, но Игорь Васильевич придержал его за плечо:

– Да ладно тебе, перейдем.

Они перешли узенькую двухполоску поперек движению медленной, гудевшей, как пылесос, мигавшей оранжевым огнем уборочной машины и двинулись в обход длинной пятиэтажки хрущевских времен, стоявшей у самой дороги.

– Уборщик встретил мужика с пустым ведром, – сказал Игорь.

– Ну да, – ответил Игорь Васильевич.

В своих синих курточках и комбинезонах они напоминали Игорю сотрудников какого-нибудь интернет-провайдера или просто технических сотрудников какой-нибудь технической службы, смущало только то, что на спинах у курток не было никакого логотипа, а за это сразу цеплялся взгляд.

Игорь Васильевич уверенно провел их к третьему подъезду и рывком открыл подъездную дверь, отчего домофонный магнит только как-то печально и слегка непечатно ахнул.

– Мы вперед, – вежливо отодвинул Игоря с дороги Фил и пошел вслед за взбегавшим по ступенькам Игорем Васильевичем.

На площадке второго этажа из щели приоткрытой двери на них смотрела старушка с озабоченным лицом, из-за соседней к ней двери была слышна музыка – Высоцкий пел своих коней каким-то не своим уже голосом из-за того, видимо, что кассетный магнитофон, коим его воспроизводили, порядком поизносил и себя, и кассету.

– Я уже милицию хотела вызывать, – пожаловалась Игорю Васильевичу старушка.

– Так мы, бабуля, и так из милиции, поступил сигнал, – сказал ей Игорь Васильевич.

– Это форма у вас новая? – спросила она.

– Да, бабуля, выдали после переаттестации, вы, давайте, закрывайтесь, сейчас тихо будет через минуту.

Старушка послушно закрыла дверь, но Игорь чувствовал, что она смотрит через глазок, поэтому постарался встать так, чтобы его не было видно.

– Сколько раз он соседей заливал – не пересчитать, – послышался старушечий голосок.

Фил уверенно влез в распределительный щиток и щелкнул тумблером, отчего музыка сразу же смолкла, а за дверью послышался возмущенный вопль как минимум двух человек.

– Вот где люди набираются так? Вроде бы запретили после одиннадцати, – громким шепотом возмутился Фил.

– Они походу пивом обхлобучились, – тоже громким шепотом пояснил от двери Игорь Васильевич.

Между тем за дверью шумной квартиры послышались решительные шаги, звякнула о металл двери металлическая задвижка, дверь не успела еще открыться, а Игорь Васильевич помог ей, сунул внутрь уверенную руку и шагнул в темноту. Темнота, впрочем, была недолгой, потому что Фил опять щелкнул тумблером, снова, басовито мяукнув, запел Высоцкий.

– Дверь за собой закрой, – сказал Фил Игорю и тоже быстро шмыгнул в квартиру.

Игорь двинулся за ними. Пока он закрывал дверь, косясь на дверь ванной, оттуда раздался короткий грохот осыпающейся с полочки мелкой утвари, похожей по звуку на груду баллончиков от пены для бритья, и все стихло.

Магнитофон в задымленной кухоньке замолк сразу же после грохота, как будто вырванный с корнем. «Э-э-э», – возмущенно произнес чей-то незнакомый голос, но тут же осекся. Игорь продолжал топтаться в прихожей, разглядывая замызганные оранжевые обои с бледным рисунком, какую-то полку у себя над головой, заваленную всяким хламом вроде разноцветных лыж и пыльных трехлитровых банок, а Игорь Васильевич уже выскочил из ванной и быстро прошел сначала в одну комнату, потом в другую, затем пошел к Филу на кухню и призывно помахал оттуда Игорю. Игорь пошел, сомневаясь, что там хватит места им всем.

Места оказалось еще меньше, потому что посреди кухни лежал вниз лицом какой-то мужчина в тельняшке, и как-то сразу было видно, что он мертв. Еще один, удерживаемый за шиворот Филом, сидел на табурете возле окна и наблюдал, как Игорь Васильевич роняет пилюлю из стеклянного пузырька в кружку с пивом и размешивает ее ручкой столовой ложки. Это был худенький мужичонка неопределенного возраста, в одних семейных трусах с этакой алкоголической щетиной на лице, которая всегда удивляла Игоря тем, что Игорь за всю свою жизнь не видел запойных алкоголиков с бородой – они были или чисто выбриты (как отец Игоря), или носили такую клочковатую щетину (как бывший сосед Игоря по подъезду или сосед по даче).

Лицо у мужичонки было задумчивое, он смотрел в пол, как будто что-то соображая, он дышал носом, с таким особым присвистом, казалось, что его вот-вот стошнит.

– Вас Верка, что ли, послала? – спросил, наконец, мужичонка линолеум у себя под ногами. Игорь увидел синие от грязи ногти на пальцах венозных, растрескавшихся ступней мужичонки, и его замутило сильнее, чем от вида трупа.

Игорь Васильевич на секунду перестал помешивать ложкой:

– Можно и так сказать, – отвечал он. – Все беды ведь из-за баб. Наверно, и твоя тоже.

Мужичонка опять обратился к линолеуму:

– Да она брешет все.

– А вот мы сейчас проверим, брешет или не брешет, – сказал Игорь Васильевич, кладя ложку на кухонный столик между синей, грязной пепельницей и хлебницей, черной от времени. – Вот, пей давай.

Он двинулся к мужичку, тот протянул было руку к кружке, но Игорь Васильевич отпихнул его кисть в сторону и пояснил:

– Рот открой, дубина.

Мужичок послушался и, запрокинув голову, открыл рот. Игорь увидел его ясные, голубые, как у младенца, глаза, окруженные почти черными складками век и сухих морщин. Горло мужичка задергалось, как у котенка или цыпленка, когда он стал глотать то, что вливал в него Игорь Васильевич. Не глядя на Игоря, Игорь Васильевич вытянул пластмассовый табурет ногой из-под стола и сказал через плечо.

– Садись давай, – Игорь послушно подтянул табурет себе и сел.

– И долго? – спросил Игорь.

– Когда как, – ответил Игорь Васильевич. – Ну тут, вроде, если с алкоголем, да масса. Пара минут.

Все они замерли в ожидании, даже мужичок, вместо того чтобы вырываться и сигать в окно, опять опустил голову и поставил руки на колени. На левом предплечье у него была размытая татуировка, от которой разобрать можно было только буквы «ДМБ», но нельзя было разглядеть год, в который он дембельнулся. На плече этой же левой руки была вытатуирована чайка, вроде МХАТовской.

Чтобы хоть как-то занять себя, Игорь принялся давить еще дымившийся в пепельнице окурок, оставленный, видимо, спешившим открыть дверь гостем мужичка. В наступившей тишине было слышно, как в хлебнице что-то шуршит. Из пивной лужицы на дальнем от Игоря конце стола, шевеля длинными усами, лакомился здоровенный таракан. Только теперь, когда стихла суматоха, Игорь заметил, что Игорь Васильевич и Фил когда-то успели надеть перчатки телесного цвета, а сам он был без перчаток, ему их даже не выдали.

– У тебя проводка, что ли, слабая? – встряхнул мужичка Фил.

– Чего? – спросил тот.

– Горит что-то, – сказал Фил.

Тут Игорь, заглядевшийся за неимением того, на что можно заглядываться, на раковину, с крана которой свисала тяжелая капля, но все никак не могла упасть, почувствовал запах паленого пластика. Игорь зачем-то посмотрел на газовую плиту, убеждаясь, все ли конфорки закрыты.

– Может, я чего не так выдернул из розетки, – предположил Фил и дернул подбородком на розетку рядом с плечом Игоря. Игорь понюхал розетку, но запах гари шел не оттуда, а откуда-то из-под стола. Передав Игорю Васильевичу свою ведровидную ношу, Игорь, невольно косясь на жуткие ноги мужичка, полез под стол. Там он, изрядно изваляв ладони в пепле, пыли, кухонном жире, наконец обнаружил окурок, закатившийся за край линолеума возле плинтуса и тихонько тлевший среди пыли. Игорь затушил его об батарею, шипя, затоптал тление руками и вылез наружу.

– Ох, че это такое вы мне налили, ребята, – сказал мужичок вяло и посмотрел своими ясными глазами на Игоря Васильевича. – Меня так прет, так прет.

Игорь Васильевич, словно и не обратив на слова мужичка никакого внимания, сказал Игорю:

– Ну и руки у тебя.

Игорь, переступив через туловище трупа, сунулся к кухонной раковине, но она была забита посудой почти под самый кран, ни моющего средства, ни мыла на раковине не было.

– В ванную не советую ходить, – угадал мысль Игоря Игорь Васильевич. – Проблюешься еще с непривычки, там открытая ЧМТ лежит.

Игорь замер, беспомощно нюхая свои ладони, пахшие теперь, как носки.

– Просто сполосни, да об штаны вытри или вон об штору, – посоветовал Фил, он уже увидел, как Игорь с сомнением косится на серое полотенце, висевшее на вбитом в стену гвоздике, рядом с блестящей от чистоты теркой, висевшей на таком же гвоздике. Игорь осторожно приоткрыл кран и несколько раз сполоснул руки и вытер их об штанины с задней стороны бедер. Он не успокоился, пока руки не стали пахнуть пыльной тканью.

– Чистота – залог здоровья, – сказал на это мужичок.

– Порядок – прежде всего, – продолжил его мысль Игорь Васильевич. – Ты, главное, потом их с хлоркой вымой, прежде чем до еды добраться. Да что до еды, я бы с такими руками по-маленькому бы боялся сходить.

– Вы бы не умничали, – заметил Фил. – После нашего-то туалета здесь просто Версаль.

– Кстати, да, – согласился Игорь Васильевич, – уже несколько месяцев собираюсь как-то оживить там обстановочку, но все руки не доходят.

– Считай, неделю балду пропинали, – сказал Фил.

– Ну так ты там живешь, кому как не тебе удобства обеспечивать, – сказал Игорь Васильевич.

– Нормально, – саркастически высказался Фил. – Я душ, между прочим, на свои деньги отгрохал, эту кабинку, плитка тоже, пол этот, по которому вы ходили, когда еще клей не просох, а теперь еще и туалет, имейте совесть, ребята.

– Димон, кстати, вот такой сантехник, и по плитке, – встрял в разговор мужичок и показал на труп возле их ног. – Он все по-божески, за нормальные деньги.

Игорь Васильевич встряхнулся, будто избавляясь от наваждения, и протянул Игорю прибор, похожий на ведро.

– Давай сам, включается вот здесь.

Игорь принял ведро, щелкнул переключателем, где ему показали (прибор опасно загудел, как трансформаторная будка, но больше ничего, что указывало бы на то, что прибор работает, не произошло). Затем Игорь наискось перешагнул труп, задев плечом Игоря Васильевича, и надел прибор на голову мужичка.

– Темно, – гулко сказал мужичок изнутри.

– Сейчас тебе вопросы будут задавать, ты на них будешь отвечать, – постучал по ведру Игорь Васильевич. – Ты все понял?

Ведро утвердительно покивало.

– Я понял, – гулко сказал мужичок, эта гулкость ему, видимо, так понравилась, что он добавил, пытаясь сделать свой голос более низким и гулким: – Цветочек аленькой.

– Еще бывает, про тайну золотого ключика втирают, – поделился с Игорем Игорь Васильевич.

– Мне уже приступать? – спросил Игорь и, получив от Игоря Васильевича утвердительный кивок, снова сел на табурет, достал конверт, который стал влажным с одной стороны от его собственного пота.

– Вы хоть форточку откройте – жарко же, – попросил Игорь.

Фил, отпустивший загривок мужичка и стоявший со скрещенными на груди руками, развернулся к форточке, уронив с подоконника пустую, частично ржавую жестянку с надписью «Сахар» и крупными красными горошинами на боках, а когда нагнулся, чтобы поднять ее, Игорь Васильевич сказал:

– Не надо, это тебе жарко. Ты на мандраже. А Фил застудит шею, будет потом улыбаться, как собака, будет шею потирать. Тебя же самого совесть замучает.

– Я немного открою, – все-таки сказал Фил. – Тут, правда, слегка тяжко.

Сухая сторона конверта была почти пуста. В верхнем левом углу стоял мелко пропечатанный номер «146», а в правом нижнем углу стоял штрих-код. Игорь прощупал конверт, пытаясь определить, где лежит запечатанная в него бумага, чтобы не порвать ее при открытии, затем слегка надорвал конверт за уголок и оторвал от конверта полоску сбоку. Судя по спокойным лицам Игоря Васильевича и Фила – Игорь сделал все правильно. Нашарив двумя пальцами – указательным и средним – содержимое конверта, Игорь вытянул его наружу – на обычном листке формата А4 был с одной стороны напечатан какой-то текст, набранный мелкими буквами, а другая его сторона была пуста.

– Конверт и огрызок сюда давай, – дал лапу Игорь Васильевич, хотя сам уже утянул со стола узкий обрывок от конверта. С тем, что получил, Игорь Васильевич, ушел в туалет, откуда раздались многократные звуки разрываемой на мелкие клочки бумаги и последовавшие за этим всплески унитазного смыва.

– Походу, я угадал его любимую комнату, – кивнул на мужичка Игорь Васильевич, когда вернулся, – и его любимую книгу.

Игорь Васильевич вытащил из кармана маленький, похожий на брелок предмет, в котором Игорь узнал небольшой диктофон и положил его взамен обрывка от конверта.

– Вот, – сказал Игорь Васильевич, – пользуйся. Вот тут он включается, если не знаешь. Задавай вопросы, следи за реакцией.

– Как я могу следить за реакцией, если у него лица не видно.

– Как хочешь, так и следи, – сказал Игорь Васильевич.

Игорь включил диктофон (а Игорь Васильевич завис над ними обоими – диктофоном и Игорем, чтобы проверить, все ли правильно делается) и сунул нос в листок.

Самая первая строчка была пронумерована цифрой «один», все строчки были пронумерованы, последним значился вопрос под номером «сто шестьдесят восемь», Игорь вернулся в самое начало текста и озвучил первую строку:

– Какие кошки вам больше нравятся, белые или рыжие?

Игорь Васильевич протянул руку к диктофону и выключил его:

– Второй дубль, – объяснил он свое движение. – Говори номер вопроса, а потом задавай. Начали.

Игорь под похожей на дубовую сенью Игоря Васильевича, снова включил диктофон, озвучил номер вопроса и сам вопрос. Мужичок же, видимо, задремав у себя под ведром или потерявшись под действием выпитой таблетки, и не думал отвечать. Фил постучал по ведру сверху, мужичок встрепенулся.

– Давай отвечай, когда спрашивают, – сказал ему Фил. Мужичку нравились черепаховые кошки с белым брюхом и подбородком.

– Вопрос номер два, – сказал Игорь. – Любите ли вы разгадывать кроссворды.

– Я раньше любил, – ответил мужичок, – когда их в «Труде» печатали и в журналах, на последней странице «Человека и закона», на обложке сзади.

– Вопрос номер три, – сказал Игорь. – Имеете ли вы разряд по шахматам?

– Юношеский третий, – ответил мужичок.

Фил посмотрел на мужичка с некоторой долей уважения и сожаления.

– Вопрос номер четыре, – сказал Игорь уже несколько автоматически, он не понимал, какую реакцию он должен видеть, поскольку отвлекался теперь уже на лицо Фила. – Посещали ли вы когда-либо Казанский Кремль?

– Может, в детстве, – сказал мужичок, – у меня бабка в Казани жила. Но точно я не знаю.

– Вопрос номер пять, – сказал Игорь. – Какими бы словами вы описали яблоко?

– Красное, – ответил мужичок, – круглое, зеленое, кислое.

– Вопрос номер шесть, – сказал Игорь. – Вы когда-нибудь жгли во дворе листья?

– Кто же их не жег, – усмехнулся мужичок.

– Вопрос номер семь, – сказал Игорь. – Сколько друзей у вас было во время службы в армии?

– Трое, – ответил мужичок, – Васян, Гошка Еремеев и Серега Долгих.

– Вопрос номер восемь. Часто ли вы точите кухонный нож?

– Ну, как затупится, так и точу, сами можете посмотреть, – сказал мужичок и попытался приподняться, чтобы, видимо, показать нож, но Фил удержал его на месте.

– Вопрос номер девять. Забывали ли вы когда-нибудь что-нибудь в транспорте?

– Я друга один раз пьяный в троллейбусе забыл, – сказал мужичок, – а в восемьдесят девятом у меня в трамвае всю зарплату вытащили.

Игорь замолчал, решив, что мужичок продолжит перечислять забытые в транспорте предметы, потому что интонация у мужичка была многообещающая, говоря про зарплату, он как бы не закончил свое предложение точкой, а закончил чем-то другим, вроде многоточия или запятой, но мужичок молчал.

– Давай дальше, – сказал шепотом Игорь Васильевич, – а то он опять задремлет.

– Вопрос номер десять, – сказал Игорь. – Вы помните какое-нибудь стихотворение из школьной программы?

Мужичок стал читать Асадова, он так и сказал: «Асадов. Цыгане поют». После второй минуты его чтения Игорь было засобирался остановить его, но Игорь Васильевич показал указательный палец, как бы предостерегая его от этого.

– Еще я «Бородино» знаю, – сказал мужичок, покончив с Асадовым.

– «Бородино» не надо, – остановил его Игорь. – Вопрос номер одиннадцать. Бывают ли у вас приступы головокружения?

– «Вертолеты», что ли? – не понял мужичок. – По молодости бывало, сейчас реже, а так я высоты боюсь, когда едем по мосту, я стараюсь в окно не смотреть.

– Вопрос номер двенадцать, – сказал Игорь и осекся, потом все-таки прочитал вопрос, – Боитесь ли вы высоты?

– Говорю же – боюсь, – сказал мужичок, повысив голос от того, что его спрашивают об одном и том же и добавил: – До усрачки, можно сказать, боюсь.

– Вопрос номер тринадцать. Ели ли вы в детстве сырую крапиву?

– Неет, – уверенно ответил мужичок. – У нас только пацан один мог так делать, сворачивал там листок, говорил, что вкусно, но никто за ним повторять не рискнул.

– Вопрос номер четырнадцать, – сказал Игорь. – Умеете ли вы водить автомобиль?

– Умею, конечно, – ответил мужичок.

Вопросы были составлены удивительным образом, Игорь пожалел, что не прислушался к совету идти поспать, потому что на шестидесятом вопросе его уже поволокло в сторону. На шестьдесят седьмом – Игорь внезапно для самого себя зевнул. Вслед за ним принялись заразительно зевать Фил, Игорь Васильевич и мужичок под ведром. Что до Фила, то он не только зевал, но, хотя и оставался на ногах, все равно стал как-то оползать то в одну, то в другую сторону, стал часто менять положение тела. Фил то облокачивался на подоконник обеими руками, то одной, то чуть ли не локтем. Игорь Васильевич переминался с ноги на ногу, затем поднял валявшийся в углу табурет и сел на него, подперев щеку кулаком. Задавая вопросы, Игорь покосился на Игоря Васильевича – тот слушал вопросы, как ребенок, когда ему читают уже не раз читанную сказку.

Среди вопросов попадались воистину странные, например, «висели ли вы когда-нибудь вниз головой до потери сознания», «какая футбольная команда вызывает у вас бóльшую неприязнь», «сколько всего у вас было собак за всю вашу жизнь», «пробовали ли вы бросить курить, если да, то сколько раз», «где вы предпочитаете встречать Новый год». Игорь уже не только задавал вопросы, но и сам мысленно отвечал на них и сравнивал их с ответами мужичка, Игорю не нравилось, когда

мужичок отвечал остроумнее, чем он сам. В итоге он так углубился в текст, что совсем забыл, что будет в конце.

– Вопрос номер сто шестьдесят восемь, – сказал Игорь. – На каком этаже вам бы хотелось жить, если бы вы могли выбрать?

Игорь перевернул листок, еще раз убеждаясь, что вопросов больше нет, а в это время мужичок ответил:

– Я и так выбрал на каком, я этот дом, можно сказать, своими руками строил в восемьдесят втором.

Безо всякого сигнала со стороны Игоря, Игорь Васильевич встал с табурета и снял ведро с головы мужичка, мужичок даже не успел сощуриться от света, как Фил, облокотившийся на локоть и сонно помаргивавший в пустоту, соскользнул локтем с подоконника (Игорь даже решил, что Фил задремал), схватился за мужичка, поймал его шею в локтевой сгиб, прижал к себе, отпустил – и мужичок молча повалился на бок. Игорь услышал свист воздуха, выходившего из расслабленных легких мужичка. Мужичок падал в сторону стола, потом соскользнул плечом по краю столешницы и завалился лицом вниз, головой прямо под ноги Игоря. Все произошло так быстро, что Игорь не успел даже вскочить. Глядя на все так же облокачивающегося на подоконник Фила, Игорь подумал, что вскакивать уже глупо, и спросил.

– Что теперь?

Игорь Васильевич выдернул бумажку с вопросами у него из пальцев и опять ушел в туалет.

– Вот так это и делается, – сказал Фил безо всякой бравады, словно мясник, десятый раз показавший тупому ученику, как разделывать тушу. Игорь подумал, что Молодой ходит по очень тонкому льду, когда достает Фила своими шуточками.

Из туалета опять раздались звуки разрываемой бумаги и плески унитаза, Игорь Васильевич вышел обратно и сказал от кухонного порога:

– Вроде ничего не забыли.

– Вроде ничего, – сказал Фил. – Ты все комнаты проверил?

– Охренеть тут комнат, – не без сарказма заметил Игорь Васильевич, бросая табурет, на котором сидел во время допроса, обратно в угол. – Пошли уже.

Они вышли на лестничную площадку. Бабулька, может, уже и уснула, успокоенная тишиной, но к ее глазку Игорь все равно старался держаться спиной. – Тут вроде замок английский, – задумчиво пробормотал Игорь Васильевич и хлопнул дверью, потом подергал дверную ручку. – Точно, английский.

– И что, никто на нас не подумает? – спросил Игорь уже на улице, когда они шли, обходя дом уже в обратную сторону.

– Да бытовуха обычная, – сказал Игорь Васильевич, – такая каждый день происходит. Тут в новостях посмотришь, без нашего участия такие вещи творятся – у меня самого волосы дыбом на жопе встают, а спина изморозью покрывается. Двое, короче, сели в шахматы играть, в итоге один выиграл, другой обиделся – пять трупов. Мы, конечно, не дело творим, но мы хоть по приказу родины, и у этого всего цель есть. Конечно, страшно, что у страны цели такие могут быть. Но еще ведь страшнее, что граждане сами друг друга безо всяких целей херачат налево и направо. Я некоторым поступкам объяснения дать не могу, вроде много повидал. Какой-нибудь не маньяк, вроде, бац, сына по башке табуретом за неубранные игрушки. Жена суп пересолила, мужу не понравилось, она его чик ножом пятнадцать раз, а потом ребенка в окно. Главное, не сама, а ребенка почему-то. А дорожные разборки? Вообще мрак. А эта игра «Поймай на бампер старушку на переходе – получи два года».

– Так-то это самооправдания все, – вздохнул Фил.

– Перед тобой страна тоже оправдывается, – сказал Игорь Васильевич. – Она тебе разрешает, даже приказывает убивать людей, но при этом запрещает пацанов трахать и курить в общественных местах и оскорблять чувства верующих и покупать алкоголь после одиннадцати.

– Ты меня на лояльность проверять, что ли, вздумал? – безобидно глядя в землю и не сбиваясь с шага, спросил Фил.

– Нет, – твердо сказал Игорь Васильевич, – я серьезно. Я на полном серьезе. Вот в чем провинились эти бедолаги сегодня?

– Значит, в чем-то провинились, – все так же глядя в землю, сказал Фил.

– Да ну тебя, дуешь уже на холодное.

Фил широко улыбнулся какой-то своей мысли.

– Нет, ну правда, – вполголоса, то есть в том тоне, каким и шел весь разговор, возмутился Игорь Васильевич. – Тебе уже некуда уже падать. У тебя же депрессняк, от тебя жена ушла, с которой у вас, не знаю, что-то ведь было, дочку же родили, ты живешь на работе. Тебя позвали к нам, ты пошел. Ради чего? Ради высшей цели? Явно ведь не из-за карьеры. Ой-ой, хоть кому-то я нужен.

– А если и ради цели? – поинтересовался Фил.

– А если бы ради цели нужно было пацанов трахать? – тут же спросил Игорь Васильевич, и лицо у Фила закаменело. – Вот сказали бы, вперед, Фил, ради страны, ради высшей цели.

Фил ничего не ответил, а Игорь Васильевич продолжил:

– А тут ведь речь о человеческих жизнях идет, Фил. Может, это вообще какая-то ошибка. Всплывет это все через несколько лет в результате очередной перестройки, и будем мы с тобой и с тобой, – он указал на Игоря, – типа сталинских палачей. И окажешься ты, Фил, в еще большей жопе, чем был. Как тебе такая перспектива? И твое же государство будет тебя клеймить, те же люди, что тебе приказы отдавали.

– Ты к чему все это? – спросил Фил.

– Да ни к чему, – сказал Игорь Васильевич.

«Достоевщина какая», – подумал Игорь.

За разговором они подошли уже к своей «Газели» и стояли возле нее, продолжая спорить. Фил сменил идейность на расчет и утверждал, что собирается просто дослужиться до пенсии и уйти копать огород, Игорь Васильевич все равно не отставал от Фила и разрушал его безыдейную базу, утверждая, что тот сойдет с ума на пенсии, потому что копать огород – это не для Фила. Несколько раз Игорь Васильевич употребил фразу «трахать пацанов» в том или ином ключе, и у Игоря сложилось впечатление, что Игоря Васильевича эта тема интересует гораздо больше, чем самого Фила. Молодой приоткрыл задние двери и с удовольствием на лице слушал их обоих, потом не выдержал и сказал:

– Давайте, может, уже внутри продолжим диспут о сексе с несовершеннолетними?

– Он еще в столб врежется, когда начнет аргументы искать, он мрачный такой становится, когда ему объясняешь... – проворчал Игорь Васильевич, но, тем не менее, полез в машину.

– Не буду я ничего искать, я все уже нашел, – ответил ему в спину Фил и пошел на свое водительское место.

– Ну как прошло? – спросил Молодой, когда машина тронулась.

– Вот что ты тебя терзаешь? – взвился на Фила Игорь Васильевич. – Ты вон, иногда по нескольку человек за ночь убиваешь – и еще терзаешься, что тебя на мальчиков тянет. Так же с ума можно сойти. В этом прямо какой-то разлом нездоровый есть. Или ты никого не убиваешь – и святой, или убиваешь – и не терзаешься насчет мальчиков. Я просто боюсь, что это когда-нибудь плохо для нас всех кончится. Нельзя одной ногой стоять в одном лагере, а другой ногой – в другом. И ладно бы ты правда кого-то изнасиловал там, так ведь нет, тебя же сразу спалили на первом же пацане, может, ты сорвался, потому что у тебя витаминов каких не хватало, может, это биохимия была, другой бы на дурака отъехал и еще бы радовался, какие вокруг идиоты.

– Он часто так по мозгам катается, – поделился с Игорем Молодой. – Если запала хватит – он и меня и тебя начнет жизни учить.

– Хрена ли тебя учить? – перекинулся на Молодого Игорь Васильевич, постепенно ослабляя жар интонации, словно Молодой открыл в Игоре Васильевиче аварийный клапан. – Тебя надо было драть с самого рождения армейским ремнем вплоть до сегодняшнего дня, да и то толку бы не вышло.

– Так как все прошло-то? – спросил Молодой.

– Да нормально все прошло, – сказал Фил.

– Не видишь, что ли, все живы-здоровы, – подтвердил Игорь Васильевич. – В штатном режиме. Правда, лишних двоих зацепили. Прикинь, зашли люди пивка попить к старому товарищу. Ладно, хоть детей не было или собаки.

Игорь внутренне содрогнулся, он и не предполагал такой возможности и не представлял, что бы было.

– Один раз вообще хреново получилось, – признался Игорь Васильевич. – Мужик один жил, когда его, видно, отслеживали. Отслеживали, отслеживали, а он за это время то ли пить бросил, то ли колоться, ну и вернулась к нему жена с сыном – а тут и мы нарисовались. Там и елка стояла в игрушках. Ад, короче.

Это, видно, была не очень легкая тема, поэтому Молодой вроде бы и открыл рот, чтобы что-то сказать, однако все-таки промолчал, косясь на Игоря Васильевича. Игорь внезапно вспомнил, как заваливался набок, а потом вперед мертвый мужичок. Представил на его месте своего сына и, в приступе внезапно накатившей тошноты, задергал ручку двери, пока она не открылась, свесился лицом к выезжавшей снизу дороге, пойманный прыгнувшими на него одновременно Игорем Васильевичем и Молодым – и его несколько раз вывернуло желчью.

Фил неторопливо свернул к обочине и плавно затормозил.

– Давайте хоть газировки какой купим, – предложил Игорь Васильевич, успокаивающе похлопывая Игоря по спине.

Игорь отрицательно помотал головой, а Молодой сказал:

– Я сбегаю, тут вон недалеко, – перепрыгнул через голову Игоря и ускакал.

– Сына своего представил в таком положении? – догадался Игорь Васильевич.

Игорь покивал дороге и стал подниматься. Он не просто представил, это было как наяву. Он даже видел, во что сын одет, – бабушка подарила ему связанные из разных цветных ниток носки, – и он полюбил скользить в этих пестрых носках по ламинату, как на коньках. Дома сын носил только или пижамные штаны с майкой или трусы с героями «Тачек», вот в этих трусах, в этих носках, которые были по длине почти как гольфы, и в майке сын был в его видении. Игорь вспомнил, как выходил воздух из расслабленных смертью легких мужичка, и его начало выворачивать еще раз.

– В следующий раз, если будет тянуть поблевать, – не стесняйся, блюй прямо здесь, – сказал Игорь Васильевич. – Не хило было бы, если бы тебя пришлось с дороги соскребать, а потом твоей семье объяснять, как ты коньки отбросил. О семье думай.

– Да может, просто укачало, – попробовал оправдаться Игорь, утирая слезы и отдыхиваясь. – Так совпало просто.

– Все равно, давай без каскадерства, подыши пока поглубже.

Как бы забыв о запретах Молодого, Игорь и Игорь Васильевич поставили ноги на валявшийся агрегат и закурили переданные Филом в салон сигареты.

– Нихрена ты соску купил, – сказал Игорь Васильевич подбежавшему с двухлитровой бутылью Молодому, а когда Молодой, поскользнувшись на ступеньке при залезании в салон, едва не упал головой в пол, добавил: – Давай, еще ты башку разбей.

– Лапы убрали, – приказал Молодой, отряхнувшись, и они безропотно поджали ноги под сиденье, сам же Молодой, словно вспомнив о своих непосредственных обязанностях, передал бутыль Игорю Васильевичу, принялся накрывать полиэтиленом бандуру в проходе.

– Мне дайте хлебнуть, – попросил Фил.

– Ага, – сказал Игорь Васильевич, и пена из бутылки полилась на полиэтилен.

Молодой громко заматерился на смех Игоря Васильевича и Фила.

– Если бы вы знали, сколько эта штука стоит, – вы бы два раза поседели, если бы вас просто рядом с этой хреновиной стоять попросили, – сказал Молодой.

– Ну и сколько она стоит? – спросил Игорь Васильевич, ожидая, когда Фил передаст бутылку обратно. – Может, загоним ее на цветмет, а перед Ре́натом будем пустую коробку таскать, корячиться, чтобы он чувствовал удовлетворение.

– А это мысль, кстати, – сказал Молодой, принимая бутылку от Игоря Васильевича, отхлебывая из нее и тоже роняя газировку на полиэтилен. – Педофилия, кстати, через слюну не передается, нет?

– Лишь бы ты девственностью своей никого не заразил, – тут же сказал на это Игорь Васильевич, так что Молодой подавился.

– Давайте, закрывайте уже двери, выстудили уже все вконец, – по-хозяйски скомандовал Фил, – залили тоже. Пить аккуратнее нельзя разве?

Игорь Васильевич перешагнул через ноги Игоря и закрыл двери.

– Полегчало? – спросил Игорь Васильевич.

Проветрившейся голове Игоря и правда стало полегче, а спазмы в желудке улеглись, он оторвался от бутылки, из которой пил мелкими глотками вязнущую на зубах и отдающую углекислотой в нос жидкость, и кивнул.

– Погнали, давай, дальше, – скомандовал Игорь Васильевич, впрочем, Фил и без его команды, только-только хлопнули двери, начал трогаться с места. Машина, перевалившись на левых колесах, встала обратно на дорогу и покатила.

– Тебя не поменять? – спросил Игорь Васильевич Фила. – А то ты вялый какой-то был, когда Игорек отходную читал.

– Да не, нормально все, – ответил Фил, блеснув глазами в салон.

– Я тогда покемарю малясь, – сказал Игорь Васильевич.

– Да тут недалеко уже, ты не успеешь, – сказал Фил.

Молодой незаметно забрал бутылку из рук Игоря и вытянул в одну морду почти половину бутылки. Игорь стал смотреть в заднее окно, он поймал себя на мысли, что желтое мигание светофоров его как-то успокаивает. В некоторых многоквартирных домах, мимо которых они проезжали, горели один-два окошка, и это тоже действовало на Игоря успокаивающе, хотя в квартирах с горящим светом, как уже Игорь убедился, могло происходить все, что угодно. Он загляделся на какое-то здание, вроде небоскреба, отстроенное в их центре совсем недавно, – во всем здании было темно, и только этаже на пятнадцатом, на лестничной площадке, горела одинокая лампочка. Там же, освещенный ее чахлым светом, похожим на аварийный, стоял маленький человек и, кажется, курил.

– Что ты говоришь, недалеко, мы вон через центр едем, – предъявил Игорь Васильевич Филу.

– Мы через край центра, – объяснился Фил.

– Тебе бы таксистом работать, – сказал Игорь Васильевич.

– Счетчики отменили, смысла нет, – снова отбился Фил ровным своим голосом.

– Через тракт выехал бы сразу, – не сдался Игорь Васильевич. – Там по объездной вчистил бы.

– Не знаю, че-то накатило.

Игорь Васильевич смирился и замолк. Сначала Фил окунул их в улочки, становившиеся все мельче, но увешанные светящимися вывесками и рекламами, почти каждое дерево по пути было оплетено мигающими гирляндами. Из-за сумрака и движения легшего там и сям снега грязи не было видно, и улицы казались этакими европейскими предновогодними улочками. Потом вывесок стало меньше, но они не исчезли совсем, а стали как-то проще, оплетенные гирляндами деревья попадались все реже. Наконец, они выехали на улицу, которую Игорь хорошо знал и по которой сам каждое утро ездил на работу, – это была широкая улица с тополями и высокими фонарями по бокам, за тополями стояли высоченные новостройки, но из-за фонарей, которые, хоть и освещали асфальт под собой, сгущали в самом воздухе темноту вокруг себя и образовывали целую стену темноты. Затем был мост, с которого, когда они по нему ехали, Игорь увидел пассажирский поезд, бесшумно двигавшийся, освещенный изнутри плацкартным ночным светом.

Через несколько минут дорога перестала быть ровной, сначала их кидало на ямах, пробитых в асфальте грузовой техникой, потом и вовсе пошла грунтовка. Молодой запридерживал агрегат и стал шипеть на Фила, чтобы тот ехал осторожнее.

– Ты туда ехал нормально же, – сказал Молодой.

– Так то – туда, – как бы объяснил Фил, но Игорь не понял этого объяснения, Молодой взъелся на Фила одним только нечленораздельным возгласом, когда их особенно тряхануло, и внутри аппарата, что-то зазвенело, как на пружинах.

Возле шлагбаума их уже поджидал Ринат Иосифович.

– И давно ты тут сторожа изображаешь? – сунув голову к Филу, метясь в видимо приоткрытое водительское окошко, крикнул Игорь Васильевич. Игорь не услышал, что ответил Ринат Иосифович, потому что мерзлая земля как-то особенно загрохотала под холодной резиной колес, когда Фил сбавил скорость, а Игорь Васильевич, видимо, расслышал, потому что понимающе сказал:

– А-а, – и добавил, скорее всего, отвечая на вопрос: – Да нормально. Гладко, в принципе.

Они приехали, Игорь спрыгнул на бетонный пол гаража, и по тому, как тяжело толкнулся бетон в подошвы, понял, как устал, как незаметно затекли ноги во время поездки.

– Одну таблетку я тебе сэкономил, – сказал Игорь Васильевич подошедшему к ним Ринату Иосифовичу и потряс бутыльком, вынутым из кармана.

Ринат Иосифович недовольно поморщился и потер висок, Игорь Васильевич толкнул локтем стоявшего рядом, потягивавшегося, как после сна, Фила, и они оба – Игорь Васильевич и Фил – заулыбались. Игорь не удержался и тоже улыбнулся. В свете гаражных лампочек, похожих на лампочки в какой-нибудь подсобке или за кулисами (ребенком Игорь играл новогодние спектакли в местном клубе и знал, какой свет бывает за кулисами), все произошедшее казалось глупой мистерией, а усталость, накладываясь на декорации гаража, где началась поездка, создавала впечатление, что вообще ничего не было. Казалось, они пришли в гараж, простояли несколько часов и теперь должны были повторить все свои действия – выдачу табельного оружия, погрузку агрегата в «Газели» – в обратном порядке.

Все они, гуськом, как утята, двинулись за Ринатом Иосифовичем в его подсобку и повторили спектакль – Ринат Иосифович придирчиво изучал оружие и считал патроны, а они расписывались. За потраченную пилюлю Игорю Васильевичу пришлось заполнять объяснительную, все остальные стояли полукругом возле столика, где он это делал. Игорь готов был молиться, чтобы Игорь Васильевич заполнил бумагу с первого раза.

– Диктофон не потеряли? – спросил Ринат Иосифович, и у Игоря екнуло сердце, но Игорь Васильевич сунул руку в карман штанов и хлопнул диктофоном о столик, как доминошкой, и хитро оглянувшись, полюбовался бледностью Игоря.

– Осторожнее, пожалуйста, – попросил Ринат Иосифович. – Передайте Игорю Петровичу и распишитесь.

– Ринат, блин, – сказал Игорь Васильевич, – ну, сколько просить, давай по-человечески, можно же утром или послезавтра.

– Послезавтра уже концов видно не будет, – резонно заметил Ринат Иосифович.

Пока загрузили обратно в каморку Молодого его бандуру, пока Фил убирал машину, а все стояли и смотрели, как он это делает, пока Игорь принимал диктофон на свой баланс, наступило раннее утро. По трамвайной линии, проходившей где-то за забором, пошли один за другим первые трамваи. Игорь не знал уже, хочет он спать или уже не уснет, настолько усталость его перешагнула уже через сонливость. Когда Игорь, Фил, Молодой и Игорь Васильевич собрались в курилке, Игорь чувствовал себя так, словно выпил десять чашек кофе подряд. За окном курилки начинал синеть осенне-зимний рассвет.

– Ох, и зрачки у тебя, Петрович, – заметил Игорь Васильевич. – Руки вон подрагивают. Ты меня как подбрасывать до дома будешь?

– Когда тебе уже твою таратайку починят? – возмутился Молодой. – Хватит тебя, может, уже катать.

– Да все обещают, обещают, – уклончиво сказал Игорь Васильевич.

– Довезу уж как-нибудь, – обнадежил Игорь.

– Нет, ну серьезно, нашел таксиста, – опять встрял Молодой.

– Я тебе говорю, возьми мою, – предложил Фил. – Мне-то тут все равно сидеть.

– Ага, спасибо, – воодушевленно начал Игорь Васильевич, – а если мне ее кто царапнет или еще что? С ДВУМЯ машинами потом трахаться?

– Так страховка же, – сказал Фил.

– А если не все покроет? А мало ли что еще?

– Ну ты и пессимист, – сказал Фил, – как моя тетка.

– Мне все равно по пути, – влез Игорь, чтобы их примирить.

– Так на него же бензина уходит, как на троих меня, подвеска потом, кресло это туда-сюда, оно у меня уже не закрепляется, по-моему, после этих поездок, – снова встрял Молодой, чтобы снова начать свару.

– У меня вроде все нормально, – сказал Игорь.

– Это пока, – утешил Молодой.

Стало уже совсем светло, то есть утренние сумерки сменились какими-то полусумерками, походившими уже на свет дня, которому осталось до полной дневной яркости совсем немного, когда они, зачем-то несколько раз попив чая и кофе у Фила в каморке, отправились по домам.

– Ре́нат, сука, еще затемно свинтил, – ругнулся Игорь Васильевич на свежий автомобильный след по свежему немногочисленному снежку.

Игорь покосился на него со своего водительского места. За время работы в этой конторе он так привык, что Игорь Васильевич ездит с ним, что ему показалось бы странным, что, когда он отправляется домой, рядом никто не гундит. Игоря интересовало, как Игорь Васильевич добирается до работы, но он почему-то стеснялся об этом спрашивать. Еще его интересовало, чья машина будет стоять на улице, когда машина Игоря Васильевича вернется из ремонта, но и об этом Игорь не решался спрашивать, потому что подозревал, что на улице окажется его, Игоря, машина.

– Хорошо вот так с утреца ехать, – сказал Игорь Васильевич. – Мы с тобой первый раз, считай, едем вот так вот спокойно. Все по работе разъехались, доедем, как при Союзе. Не знаю, помнишь ты, нет, но раньше в городе каждому засранцу похоронную процессию устраивали, перлись посреди улицы, елочки разбрасывали, сейчас так попробуй. Линчуют нахер.

Игорь Васильевич ходил все в том же костюме, только с наступлением холодов накидывал на пиджак дубленку, в которой позвякивали амбарные, судя по звуку, ключи от дома. Игорь Васильевич всегда бросал дубленку на заднее сиденье, а Игорь опасался, что ключи выпадут во время поездки и придется возвращаться от дома обратно к дому Игоря Васильевича. Игорь так отчетливо и детально видел, как он подъезжает к подпрыгивающему от холода Игорю Васильевичу, синеющему на крыльце подъезда, что на самом деле у ключей не было не малейшего шанса быть забытыми на полу или сиденье Игоревой машины.

Замечание Игоря Васильевича о допотопных похоронах Игорь почти пропустил мимо ушей, но да, он помнил эти времена, когда по дорогам ходили почти одни только троллейбусы и автобусы, просто не хотел говорить об этом.

– Я жене позвоню, – сказал Игорь.

– Давай, звони, – разрешил Игорь Васильевич.

– Оль, привет, – сказал Игорь, когда жена взяла трубку, – у меня сегодня выходной образовался после ночи, я Мишку из садика заберу.

– О, зашибись, – сказала жена. – Я сегодня как раз задержусь немного.

– Блин, Оля, – слегка возмутился Игорь. – Ты просишь же, чтобы побольше побыть вместе. А то выходит, то я задерживаюсь, то ты.

– Да мы тут закрываем отчетность, – сказала жена. – Нужно застрять немного, хорошо, что ты сегодня свободен.

– Ну, на дом возьми, – предложил Игорь. – Иногда же берешь на дом.

– Перед Новым годом не хочется как-то еще и дома возиться, а так приду – и все.

– Да ну тебя, – сказал Игорь.

– Ну, Игорек, ну не обижайся, – протянула жена.

– Тогда ты потом тоже не обижайся, – сказал Игорь, но знал, что жена будет обижаться, если будет такой же повод, – она почему-то имела право капать ему на нервы, если он задерживался, а он почему-то нет.

– Ладно, не буду, пока, – сказала жена и бросила трубку. Игорь не успел даже договорить свое: «Что значит пока?», как она оставила его с гудящей трубкой.

– Елки-палки, – шепотом сказал Игорь в лицо телефону, а именно в лицо сына, чья фотография была у него на рабочем столе телефона.

Игорь Васильевич, судя по всему, решил тактично промолчать, но надолго его не хватило.

– Она тебе не изменяет, нет? – спросил Игорь Васильевич, чем поставил Игоря в тупик, потому что он как-то над этим не задумывался.

– Да нет, наверно, – сказал Игорь. – Знаешь, не подливай масла в огонь. Мы и так только в отпусках видимся, нам еще, знаешь, ревности не хватает в наших терках. Еще, может, следить за ней предложишь.

– А ты? – спросил Игорь Васильевич.

– С кем, с Эсэсом, что ли, мне ей изменять? – возмутился Игорь.

– Ну да, – согласился Игорь Васильевич, – Молодому бы в самый раз по девкам бегать, а даже он как-то не успевает.

– Кстати, – вспомнил Игорь вопрос, который вечно забывал задать, – он-то к нам за что?

– Да он рецепты бомб в интернете вывешивал, подстрекал, там, чурок резать от лица скинхедов, а русских от лица кавказцев, веселья ему, видишь ли, в жизни не хватало. Еще он страничку прокурора ломанул «вконтакте» и всякой экстремистской херотенью ее забил, перессорил его с кучей друзей. Некоторые до сих пор прокурора после этого случая лимоновцем считают. Молодому сколько-то там светило, но его папашка отмазал, он же генерал, хоть и бросил семью, но о сыне позаботился. Хотя, если рассудить, нахер такую заботу, он бы уже откинулся, а сколько он у нас будет, бедолага, зависать, хрен знает.

Игорь Васильевич подумал и добавил:

– Хотя, если разобраться, он сам ведь не уходит. Значит, что-то его устраивает у нас.

– Его устраивает, что он, типа, на ФСБ работает, при том что делать в основном нихрена не нужно.

– Это ты после выходных посмотришь, как делать нихрена не нужно, – отвечал на это Игорь Васильевич. – Ты вот сейчас отойдешь от того, что увидел этой ночью, а там и новое дело подоспеет, ты даже не заметишь, как время пролетит.

Игорь покивал, понимая правоту Игоря Васильевича.

– Как вообще, мандраж прошел? – спросил Игорь Васильевич.

– Пока не знаю, – честно ответил Игорь. – Сейчас мне вообще кажется, что ничего не было.

– Главное, ты новости на выходных не смотри криминальные, – посоветовал Игорь Васильевич. – Давление может подскочить. И кинцо всякое тоже с зарубами не советую, так накатит с непривычки, что можешь в запой уйти. Смотри, типа, «Виасат», диснеевское что-нибудь, у меня канал есть с советскими детскими фильмами, у тебя, наверно, тоже есть. Вот его и смотри. Можно, кстати, побухать сейчас, сбросить стресс на время.

Это Игорь Васильевич говорил к тому, что они уже подъехали к его дому.

– Да нет пока никакого стресса. Не дошло еще полностью, – признался Игорь, желая показать, что разбирается в себе лучше, чем думает Игорь Васильевич.

– Ну, ладно, хорошо. Если что – звони, делись, нельзя такие вещи в себе держать, – уже забравший дубленку с заднего сиденья и вышедший из машины Игорь Васильевич похлопал машину по крыше, как бы желая Игорю удачи, и пошел к дому, звякнув ключами. Игорь все равно, на всякий случай, глянул на заднее сиденье и пол возле заднего сиденья и только потом тронулся с места, медленно, чтобы увидеть, что Игорь Васильевич зашел в подъезд.

Конечно, все произошедшее казалось сном. Мозг отбрасывал всякую возможность того, что убийство ночью произошло на самом деле, но все равно, даже когда Игорь добрался до дома и уснул, и потом, когда пошел за сыном в детский сад и когда вел его обратно, казалось, что изгоняемое воспоминание следует за ним, как какой-то черный небоскреб на колесиках с одним курящим человеком на освещенной лестничной клетке.

Вечером он поймал себя на том, что смотрит на сына, играющего в гостиной на полу с коллекцией «Тачек», и не видит его, что уже пару часов разговаривает с ним и как-то шутит, но не помнит ничего из разговора и шуток. Телевизор, включенный по совету Игоря Васильевича, крутил детский канал, но Игорь совершенно не отразил, что по нему показывали. «Эк меня расколбасило», – недовольно подумал про себя Игорь, он всегда считал, что расшатать его нервную систему труднее, а теперь сам себе казался медузой на берегу.

Игорь показался себе совсем уже тряпкой, когда вздрогнул от щелчков ключа в дверном замке.

– Мама! – крикнул сын и помчался к двери, Игоря кольнула ревность – сын никогда не встречал его с такой радостью. Игорь вяло удивился тому, что его еще волнуют такие вещи, а потом удивился своему удивлению, почему, собственно, его не должно волновать, любит его сын или нет. Эта мысль зациклилась, затерялась, а ступор вернулся.

Игорь тоже пошел встретить жену, и пока вешал снятое с нее пальто, она, видимо, заметила всю его вялость, туповатость в глазах, поэтому спросила:

– Что ты такой пришибленный сегодня, вчера еще светился. Тебя что, опять выгоняют?

Игорю хотелось сказать ей прямо с порога, чтобы она брала ноги в руки и переезжала вместе с сыном куда-нибудь подальше, в какую-нибудь глубинку, но сдержался.

– Прекрасного ты мнения, – Игорь сделал вид, что делает вид, что оскорбляется, но сыграл как-то вяло.

– Устал после ночи? – попыталась угадать жена, Игорь же согласно кивнул, потому что она была отчасти права.

Ей некогда было разбираться с Игоревыми проблемами, и она переключилась на сына, всячески его тиская, а сын принялся виснуть на ней, они о чем-то заговорили, но Игоря опять накрыло мрачностью и усталостью, и он только смотрел на милующихся сына и жену, словно глядя на экран приглушенного телевизора.

– Что было-то? – спросила жена. Игорь только махнул рукой.

Как робот, Игорь сопроводил жену в ванную, периодически выгоняя пытающегося помыться с матерью сына, потом на кухню, слушал, как она читала сыну, сидя в ногах на сыновей кровати, так что сын в итоге перебрался к нему на колени. Так же автоматически он занялся сексом с женой и лежал, глядя в потолок, пока она не уснула. Чтобы не беспокоить ее своими поворотами с бока на бок, Игорь ушел на кухню, встал у окна, закурил и не успокоился, пока не опустошил всю пачку.

Жена, разбуженная пустотой возле себя, пришла, бесшумная, как призрак в своей ночной рубашке. Игорь увидел, как мелькнуло белое отражение, снова подпрыгнул на месте и опять возненавидел себя за это. Жена положила руки ему на плечи и спросила, все ли нормально. Игорю не хотелось отвечать, далеко внизу компания молодых людей играла ногами в хоккей на старом катке возле школы, шайбой им служила пластиковая бутылка из-под пива. Игорь, глядя на них, подбирал слова, чтобы ответить жене и не напугать или как-то неосторожно не обидеть ее.

– Просто сон что-то перебил, – наконец сказал Игорь как можно более непринужденным голосом, но ему самому не понравилось, как фальшиво звучит его непринужденный голос. – А так-то да, все нормально.

– Надеюсь, вы там не по саунам зависали с особым заданием, – с легкой усмешкой заметила жена, обнимая его поперек живота. – Пойдем спать.

– Я бы предпочел контрафактом заниматься, – сказал Игорь, и ему понравилось, как вернулась его обычная шутливая интонация, которую даже не нужно было играть. – Бытовой техникой. Сейчас еще выкурю пару окурков из пепельницы – и пойду. Все нормально, правда.

– Мои возьми, они уже вон лет шесть лежат в столе, – предложила жена и протянула пачку, вытянутую из вытянутого ящика. – Я пойду, ты с собой точно ничего не сделаешь? Выглядишь, как бассет-хаунд.

Игорь честно рассмеялся от ее такой заботы о нем и ущипнул ее, когда она уходила. На миг черный небоскреб исчез у Игоря из-за спины, но когда жена ушла, все накатило с новой силой.

– Все нормально, – сказал он шепотом молодым людям, гоняющим бутылку по катку. – Все нормально, правда.

Глава третья

На следующее утро, когда Игорь сел уже в машину и проехал половину пути до работы, позвонил Игорь Васильевич и сказал, что главный дал еще один выходной, так что Игорь может спокойно спать.

– Какое «спать», ты позже не мог позвонить? – возмутился Игорь. – Я уже почти доехал. Так можно обратно разворачиваться? Ничего не изменится?

– Можно, можно, – успокоил Игорь Васильевич. – Кстати, ты как?

– Да не очень что-то. Вчера весь день дергался, когда проснулся. Это нормально?

– Конечно, нормально, – сказал Игорь Васильевич, – и нормально будет, если ты будешь дергаться еще с годик, это значит, что ты не совсем социопат. Вообще, нормально было бы, если бы ты, допустим, в запой ушел после такого и больше бы не вернулся к нам. Так бы нормальный человек поступил. Но ведь нас поэтому и понабрали, что мы не совсем в своем уме.

– Понятно, – сказал Игорь, при том что ничего не понял.

– Понятно, что ничего не понятно, – сбанальничал Игорь Васильевич. – Может, ко мне подъедешь? Побухаем. Я уже и Фила позвал. Правда, он отказался.

– Ты с утра уже собрался пить? – Игорь разворачивал машину в сторону дома, и досада на движение других автомобилей, которое мешало ему это сделать, передалась и голосу Игоря.

– А ты что такой злой? – спросил Игорь Васильевич. – Нет, конечно, не с утра, кем бы мы были, если бы еще с утра? Нет, я думал, мы ко мне на дачку съездим, шашлык забабахаем. Ты ведь не был у меня на даче.

– А кто бы нас обратно повез? – поинтересовался Игорь. – Наши недофээсбэшные корочки?

– Если бы Фил согласился, он бы повез, он ведь не пьет. Он, видно, решил вечно жить.

– Но он же не согласился.

– Я хотел Молодого подключить попозже, но Молодой что-то на звонки не отвечает.

– Не, тухловатый план, – подытожил Игорь. – Вдвоем как-то хреново шашлыки жарить и напиваться, а третьего хрен найдешь.

– Ну да, что-то не судьба. Молодой вроде не противник алкоголя, зависли бы там, глупо бы получилось, – признал Игорь Васильевич, и они попрощались.

Игорь позавтракал перед выходом на работу, но когда выяснилось, что никуда идти и ехать не нужно, он почувствовал как бы второе пробуждение и тут же ощутил некую пустоту в желудке, тем более, движение на дороге прибило его к какой-то круглосуточной тошниловке, вроде бы пиццерии, в больших окнах которой были видны полусонные сотрудники, вытирающие столы. Парковка возле пиццерии была свободна, поэтому Игорь свернул туда, надеясь, что когда он позавтракает по второму разу, машин на дорогах поубавится.

Изнутри, чувствуя себя уже пешеходом, Игорь с удовольствием посмотрел на машины, почти стоявшие в полумраке, морозной пыли, бензиновых и газовых выхлопах, с удовольствием смотрел на троллейбус, сквозь морозные стекла которого была видна одна сплошная многоголовая тень пассажиров. У кассира был сиплый утренний голос и утренний несколько помятый вид, при том что корпоративная форма на нем была чиста и выглажена. Это тоже как-то доставило Игорю удовольствие, сам он уже был бодр и весел, разговор с Игорем Васильевичем стряхнул с него остатки сонливости. И вот когда он совсем уже несколько даже развеселился, заказав кофе, пиццу, – а пока он все это заказывал, за ним образовалась небольшая очередь из студентов и офисных работников, желающих перекуса (это также прибавило Игорю настроения, потому что он редко оказывался сразу впереди очереди), – и вот, когда он, взяв поднос, пошел к столику в уголке, который сразу приглядел себе, еще войдя, ему и позвонили.

Сначала Игорь решил проигнорировать звонок, потому что звонили с незнакомого городского номера, но звонки настойчиво повторялись.

– Здравствуйте, извините, что так рано, – сказал голос на том конце провода. – Меня Олег зовут, я из вашего ведомства.

– Ага, ага, – сказал Игорь, жуя и не чувствуя подвоха.

– Ну, вы, наверно, знаете, что вас немного контролируют, – сказал загадочный Олег.

– Есть такое, а в чем дело?

– Ну, вы копались немного по поводу сотрудников, с которыми вы работаете. В интернете копались.

– А, ну да, копался, я просто не хотел из служебной сети лезть. Там такой хмырь работает малолетний, – сказал Игорь, чувствуя, как настроение почему-то стремительно портится. И сразу же понял, почему оно портится. Только что он был, вроде как, свободным человеком, оторванным от семьи и работы, и тут же его взяли на поводок. – А в чем дело?

– Просто если кто-то заинтересуется, сможет с легкостью связать ваше нынешнее место работы, людей, с которыми вы работаете, и результаты ваших поисков. Просто странно, что вы об этом не подумали, – Олег был предельно вежлив, но какой-то цепляющий за душу снобизм цеплял за нервы.

– Это совсем уже паранойя, – сказал Игорь.

– Если бы вы сознавали масштаб происходящего, вы бы так не говорили, но, я так понимаю, вы в тот момент еще не совсем были введены в курс дела.

– Не совсем, – сказал Игорь.

– Это можно списать на случайность, – как бы попытался утешить Олег, – но уверяю вас, если вы продолжите в том же ключе, например, попытаетесь накопать что-нибудь про операции, прохо-

дившие в прошлом, этим вы поставите под угрозу не только жизнь нынешних сотрудников отдела и свою, но и жизнь вашей жены и вашего сына.

– Это угроза, что ли? – спросил окаменевший Игорь.

Олег вздохнул, как будто даже пропыхтел что-то, надув щеки, и сказал:

– Нет, это не угроза, по крайней мере, не от нас, это внешняя угроза, и с ней приходится считаться. Пожалуйста, не делайте так больше. Найдите левую симкарту, я не знаю, что-нибудь, что не связано непосредственно с вами, но копайте где-нибудь в местах, не связанных с вашим постоянным местопребыванием. Вот, например, в этой пиццерии, где вы сейчас сидите, есть бесплатный вайфай, это прекрасная возможность, если не использовать ее многократно. Но опять же, что вы найдете? Бытовые убийства, не более. Влезать в это и подвергать опасности чужие жизни, по меньшей мере, безответственно.

– Хорошо, я понял вашу мысль, – сказал Игорь.

– Тогда до свидания, – произнес Олег и положил трубку.

Компания молодых людей, сидевшая через столик от Игоря и что-то обсуждавшая, грохнула от смеха, Игорь посмотрел на них, думая, что они смеются над его отупелым видом, но они даже не смотрели в его сторону.

– Вы бы так не говорили, – громко сказал молодой человек, сидевший спиной к Игорю, и компания опять рассмеялась чему-то своему.

Игорю захотелось закурить прямо в пиццерии. Разумеется, копать что-то на людей, с которыми работаешь, со своего телефона – было верхом глупости, если не сказать больше. Игорю было стыдно за свою глупость, вместе с тем он испытывал и облегчение, что все не повернулось еще серьезнее, что его хотя бы сначала предупредили, чтобы он не лез, куда его не просят, как в прошлый раз. «Хотя в прошлый раз, кажется, тоже предупреждали», – вспомнил Игорь, поедая остывший и потому картонный на вкус кусок пиццы. Ехать домой одному и нагнетать паранойю в одиночестве ему не хотелось. Игорь подумал, что не поздно еще позвонить Игорю Васильевичу и согласиться на его шашлыки. С другой стороны, он знал, что на шашлыки он категорически не хочет, что на Игоря Васильевича он еще насмотрится на работе. Чтобы развеять тоску, Игорь позвонил жене, но она долго не отвечала, а когда все-таки подняла трубку, то злобно прошипела:

– Ты с ума сошел, у нас совещание, – и прервалась, как будто начальник в гневе отрубил ей голову.

«Ну, совещание – так совещание», – с мрачной веселостью подумал Игорь. Словно подчеркивая его, Игореву, ненужность, худой маленький официант уже равнодушно убрал из-под Игорева носа пластмассовый поднос и бумажную посуду, а затем стал протирать стол. Игорь, стесняясь, встал и пошел к выходу.

Как он и ожидал, количество машин на дороге уменьшилось, они уже уехали куда-то к другим перекресткам и скопились там. Сев в машину и не зная, куда поехать и чем себя занять, он вдруг увидел, как семья, похожая на его семью, – то есть муж, жена и ребенок, – продолжительно шедшие по тротуару от троллейбусной остановки в сторону Игоря, повернули в заведение, которое он только что покинул. Глядя на ребенка, Игорь вспомнил, что очень любил, когда его забирали из садика пораньше, он не мог оживить самого этого чувства, он помнил его как некий факт, будто прочитал про самого себя в детстве в досье, загруженном в его память. Оттуда же, из глубин головы, всплыл тот факт, что он сильно завидовал мальчику, у которого был стеклянный глаз вместо одного настоящего. Следом за этим фактом всплыло воспоминание, что в их группе был сын участкового и дочь прокурора, – и вся группа завидовала именно сыну участкового за то, что у его отца был пистолет. Казалось, что милиционер – это такая величина, сравнимая с неизвестным тогда Игорю Джеймсом Бондом. Слово же «прокурор» вообще тогда Игорю ничего не говорило, оно осталось в памяти только из-за своей необычности.

Игорь подумал, что шестилетние дети того времени и нынешнего мало чем отличаются, мозгов и у тех и у других в принципе не было и нет, поэтому решил, что сын обрадуется его внезапному извлечению из лап воспитательницы и няни, как обрадовался бы в свое время и он сам.

Подъезжая к решетчатой ограде детского сада, он кинул привычный взгляд на площадку сына и увидел там его группу, выведенную на прогулку. В свете и резких тенях освещавших территорию сада

фонарей Игорь не сразу различил сына среди хаотически двигавшихся и колупающихся в снегу детей, хорошо видна и определяема была только нехуденькая воспитательница, имя-отчество которой Игорь никак не мог запомнить.

– Егоров, слезь! – орала она в тот момент, когда Игорь вылез из машины.

– Мужчина, куда, – проорала она, когда Игорь прошел в ворота, на территорию садика. Игорю не понравился ее тон, но понравилась ее бдительность.

– Да я сына забрать, – объяснил Игорь, подойдя.

– Что-то случилось? – почему-то встревожилась воспитательница.

– Да нет, слава богу, ничего не случилось, – заотмахивался Игорь, – отгул внезапно выпал, вот и решил, как-нибудь...

Его всегда поражала деятельность детей на детской площадке. В деятельности этой не было смысла, делать среди этих деревянных домиков горок и наклоненной временем шведской стенки было нечего, но дети находили, что делать, – и потому казались компанией сумасшедших, видящих то, чего нет, или кататонически застопоренных каким-либо занятием, вроде сосредоточенного копания лопаткой, бе́гом по кругу и однообразных пинков в веранду. Когда выяснилось, что Игорь забирает сына пораньше, все дети замолчали и стали смотреть на Игоря и его сына, как зомби, прервавшие свои разброд и шатание в ответ на подозрительный звук человеческого кашля.

– Тебе ничего не надо забрать? – спросила воспитательница у Игорева сына таким приторным голосом, словно сама верила, что Игорь поверит в то, что она всегда разговаривает с воспитанниками именно в таком тоне. Сын отрицательно помотал головой, из-под шапки его торчали прядки, прилипшие к мокрому от пота лбу, и волна нежности к этим прядкам подкатила под самое сердце Игоря.

– До свидания! – крикнули дети в спины Игоря и сына, Игорь обернулся и тоже попрощался, а сын помахал рукой, будто отплывая на последнем пароходе в сторону Турции в то время, когда садик уже занимают красные.

– Ты чего меня забрал? – негромко спросил сын.

– У меня сегодня выходной, вот и забрал, – ответил Игорь и улыбнулся ему вниз, вдоль правой своей руки, за которую сын держался красной рукавичкой.

– А мама дома? – спросил сын, Игоря опять кольнула ревность.

– Нет, – сказал он весело, – не может же быть сразу все – и я, и мама, и пораньше уйти.

Сын рассмеялся быстрым, диким, радостным смехом, прикрывая рот второй рукавичкой (мать часто ругала его за этот смех).

– Может, в кино сходим? – спросил Игорь, потому что домой ему пока не хотелось, хотя с таким тасканием ребенка по кино или зоопарку или развлекательному центру он сам себе напомнил всех знакомых ему отцов в разводе.

– Давай лучше в кино большое ведро попкорна купим и пойдем домой, – предложил сын, ему, в отличие от Игоря, домой почему-то хотелось. Игорь хотел сказать, что большое ведро попкорна сын растрясет по машине, пока они едут, однако он сдержался.

– Ох и любишь ты пожрать, – сказал Игорь сыну, тот опять рассмеялся своим диким, быстрым смехом и снова прикрыл рот рукавичкой.

– Мне его на целый день хватит, – сказал сын.

– А со мной ты не поделишься? – спросил Игорь.

– Немного, – ответил сын.

– Тогда поехали.

Сын с готовностью полез в свое детское кресло и принялся пристегиваться.

В итоге день прошел настолько хорошо, что Игорь стал надеяться на еще один телефонный звонок, который обеспечит ему еще один выходной. Никто, конечно, не позвонил, однако настроения Игорю это не испортило.

Небо было ясным и лунным. Путь до работы оказался легким, как будто чем-то смазанным, Игорь добрался до места в два раза быстрее обычного; когда он заглянул к главному, того еще даже не было в кабинете.

Чтобы развеять утреннюю скуку, Игорь зашел к Филу, тот смотрел новостную передачу, и вид у него был довольный и загадочный. Игорь грешным делом подумал, не трахнул ли кого Фил, пока

никого не было, и не прикопал ли он этого кого-то на территории конторы, но спрашивать о таком было бы странно, тем более что на все вопросы Фил отвечал рассеянно и разговора с ним не получалось.

Игорь махнул рукой и пошел к Игорю Васильевичу. Тот был в обратном Филу расположении духа, видно, что говорить он хотел, однако ясно было, что ни о чем хорошем он говорить не собирается, без своих обычных подколок он опросил Игоря о том, каково ему было на дополнительном отгуле. Видя такое настроение, Игорь отвечал вяло, да и не мог он объяснить человеку, незнакомому с его семьей, что хорошего в отдыхе с этой семьей.

– Ох, пойдем лучше покурим, – сказал Игорь Васильевич, когда увидел, как Игорь плавает в своих объяснениях, – пока Ре́нат не пришел и Эсэс. А то набегут, и хер мы увидимся до вечера.

По пути они постучали в кабинет Молодого, не особо надеясь, что он на месте, – Молодой обычно опаздывал под разными предлогами, но всегда было видно, что он просыпает. Молодой вышел с большой кружкой кофе в руке, а Игорь Васильевич сразу же выразил желание, чтобы Молодой поделился с ним этим кофе. Игорь тоже подумал, что не прочь выкурить сигарету и выпить кофе, глядя в забеленное окно и дыша свежим воздухом из щелей лестничной площадки, и выразил эту идею вслух. Молодой сказал, что все кружки, кроме его, у Фила.

– Ой, да не трынди, ты их столько из дома перетаскал, – сказал Игорь Васильевич, и Молодой сдался.

– Давайте только я сам вам налью, а то вы перетопчете тут все или уроните, – сказал Молодой и отдал кружку, что держал в руках, Игорю Васильевичу. – Подержи пока.

Игорь Васильевич тут же шумно отхлебнул из кружки и вздохнул:

– Ох, хорошо. Хотя бы что-то хорошо.

– А что плохо? – спросил Молодой из темных глубин своего кабинета, где не было живого места от висящих тут и там проводов и технического мусора.

– Сейчас придем, расскажу, – сказал Игорь Васильевич тяжелым голосом. – Новость номер один просто.

Пока Молодой ковырялся с кружками и кофе, шумно зашел на второй этаж Сергей Сергеевич и поприветствовал их:

– О, работнички, Рината еще нету?

– Да хрен его знает, – мрачно ответил Игорь Васильевич. – По мне, так хоть и вовсе бы не приходил.

– Че злой с утра? – спросил Сергей Сергеевич, отпыхиваясь возле двери в свой кабинет.

– Сначала парням расскажу, потом тебе.

– С машиной что-то?

– С машиной, с машиной, – сказал Игорь Васильевич.

На лестничной площадке мелькнула тень, Игорь сначала почему-то решил, что это Ринат Иосифович, однако по тому, что тень не полезла к ним в коридорчик, а сквозанула на этаж выше, Игорь понял, что это Фил пошел поджидать их в курилке. Изнутри кабинета Молодого раздался смех.

– Так ты из-за машины, что ли? – спросил Молодой. – Я думал, ты по пьяни что-нибудь наворотил.

– Я вчера вообще не пил, – сказал Игорь Васильевич. – Выпьешь с вами, ага. Как девочки, бля. Один совсем не пьет, другой подкаблучник, третьего, наверно, еще от мамкиной груди не отлучили.

– Пей с Ринатом, хрена ли, – сказал Молодой. – Не нравится ему.

– Ты, кстати, меня почему меня не зовешь к себе на шашлыки? – спросил Сергей Сергеевич. – У тебя же все уже на даче перебывали, кроме меня.

– Я просто подозреваю, что ты все шашлыки один захаваешь, – правдивый в своей злости сказал Игорь Васильевич.

Сергей Сергеевич довольно похлопал себя по животу, но при этом ничего не сказал и скрылся у себя.

– Он Рината, кстати, знаешь, почему на дачу больше не зовет? – выходя с кружками и отдавая одну Игорю, спросил Молодой. – Он тебе не рассказывал?

При том что одна рука у него освободилась, Молодой шумно захлопнул дверь кабинета ногой и, видя интерес в глазах Игоря, продолжил, двигаясь в сторону курилки, Игорь и Игорь Васильевич пошли за ним. Игорь Васильевич смиренно притих.

– Васильевич не знал, что тот долбанутый на всю башку, когда хоть каплю выпьет. Ты не смотри, что Ринат такой прилизанный. Он дома вроде бухает, но там его жена сдерживает, потому что она сама отмороженная, инструктор по рукопашному бою вроде бы.

– Да никакой не инструктор, – встрял Игорь Васильевич.

– А мы тогда все там были, еще один был, ты его не знаешь, а так вообще все, кроме Эсэса. Ну, короче, и вырвался Ринат на волю и упал в синюю яму, дня три не давал нам с дачи уехать. Навел каких-то шмар местных, как из фильма «У холмов есть глаза», растрепал, что Фил по пацанам угорает, так одна своего пацана привела, Фил чуть не через чердак свалил от этого пацана в ужасе. Пацан это водяру хлестал и курил, как Васильич, попятил у него что-то из машины, вроде магнитолу и мобилу. Я закрылся в комнатке наверху и не высовывался, пока у них там оргия была.

– Заблевал там все, – вставил словечко Игорь Васильевич.

– Я и астры твои обоссал сверху, – продолжил Молодой. – Потому что страшно было, и вниз спуститься страшно, потому что там какая-то тетка лет шестидесяти все пыталась у меня отсосать, со словами «какой молоденький», и прыгать со второго этажа как-то стремно, у тебя все высокое, у тебя второй этаж на высоте четвертого.

– На нормальной он высоте.

Рассказ свой Молодой заканчивал куря и прихлебывая кофе, потому что они поднялись уже в курилку, Фил ожидал их на своем обычном месте – на подоконнике, слушая Молодого, Фил улыбался от удовольствия, то ли его радовал рассказ, то ли он был в том своем утреннем настроении.

– Не надо про нормальную высоту, – сказал Молодой, – у тебя потолки как будто пятиметровые, я сперва думал, мне показалось, а когда приехал в следующий раз – убедился. Так вот. Хотя и позвал Ринат шмар, а сил у него на них уже не хватило, его хватило только чтобы раздеться, и так бродить по дому и участку, и так бухать. А Васильевича они, конечно, чуть не изнасиловали, благо появилась тут жена Рината и давай всех колотить без разбору – правых и виноватых. Она у Эсэса узнала адрес дачи и появилась в самый последний момент. Клочья летели во все стороны даже от Васильича. А блядей она гоняла лопатой по участку. Ринату башку цветочным горшком разбила, когда он попытался ей ксиву свою предъявить, а оказалось, что доставать ее неизкуда.

– Ты-то откуда знаешь? – спросил Игорь Васильевич. – Ты же на втором этаже был, тебе же видно ничего не было.

– Я зато видел, как она твоих садовых гномов чем-то железным на куски ломала, сначала головы им поотбивала, потом вдребезги их перебила.

– Ре́нату повезло, что она на гномов переключилась, – сказал Игорь Васильевич. – У нее ни на что больше сил не хватило.

– Не только Ринату повезло, – возразил Молодой, – всем повезло, включая меня.

– Самое интересное...– начал было Игорь Васильевич.

– Самое интересное, – перебил Молодой, – что когда мы в гостях были у Рината на его день рождения, тоже на даче, ее и не узнать было. Такая русская хозяюшка с пятым размером.

– Я вот о том же хотел сказать, – сказал Игорь Васильевич.

– И наливала, – продолжил Молодой, – всех по имени-отчеству, даже меня. Дети их к нам не лезли. И закуску подавала, я обожрался как не знаю кто. И Ринат только до веселого состояния допился и тут же перестал пить, как отрезало. И погода, как по заказу, я вроде не большой любитель вашего отдыха, но даже мне понравилось.

– И как женщина ничего, – шепотом сказал Игорь Васильевич, осторожно косясь в лестничный пролет.

– Ой, ты-то откуда знаешь? – спросил Молодой.

Игорь Васильевич указал большим пальцем на Фила, Фил виновато улыбнулся.

– Я их как-то у него застукал, – тихо пояснил Игорь Васильевич.

– Зашибись, – в сердцах сказал Молодой. – Ты, Фил, прямо машина любви. Готов всем ее раздавать. Я вроде тоже готов, но что-то никто не берет.

– Ну, шмара-то с дачи готова была взять тебя целиком и полностью, тут уж ты сам момент похерил, – сказал Игорь Васильевич чуть более веселым голосом, чем был у него с утра.

– Я себе первый раз представлял иначе, – манерно сказал Молодой, и все засмеялись.

Игорь заметил, что его пустая кружка остыла в руке, и спросил Игоря Васильевича:

– Так что ты мрачный такой с утра?

– Я мрачный? – спросил Игорь Васильевич. – Я не мрачный, я злой, бля. Мы знаешь кого завалили? Мы моего автослесаря завалили, прикинь, поворот.

Глядя на лицо Игоря Васильевича, хотелось рассмеяться, сама же смерть автослесаря, еще стоявшая в голове Игоря во всех деталях, заставила Игоря сдержать смех. Однако же комичный элемент в этой ситуации все-таки присутствовал, этого Игорь не мог отрицать.

– Как узнал? – коротко спросил Фил.

– Как, как, жопой об косяк, – совершенно по-детски, озлобленно ответил Игорь Васильевич. – Я прихожу к ним в очередной раз, узнать, как там, что. Долго же они трахают мою ласточку. Несколько недель уже. Уже можно было новую машину из каких-нибудь помоев собрать. Прихожу, а они – в стекло. Ни о какой работе речи не идет, как у нас сейчас. Я им: «Вы что, суки, делаете? Я когда уже на колеса встану?» А они: «Не до тебя, у нас человека убили». Сидят, короче, горюют, объясняют, что собрался он с друзьями пивка попить, а какой-то отморозок всех порешал и ноги сделал, обещают найти, но вряд ли найдут. Тут у меня, понятно, смутные сомнения появляются и всякие предчувствия нехорошие. Что, говорю, за человек, я вроде не вижу, чтобы у вас убыл кто-то. Мне суют телефон под нос и начинают фотки листать с рыданиями. И – точно. Он, бля. Прикинь?

– А как вы не узнали друг друга? – удивился Молодой.

– Так, видно, когда я приходил, он в яме сидел. Он только мои ноги видел, а я его вообще не замечал. Немного, конечно, и мне поплохело. Немного хлебнул за помин его души. Считай, жил человек незаметно, и как умер – точно никто из близких не узнает.

– Так мы же вроде тоже, если что произойдет, без вести пропадем, – сказал Фил.

– Так я и дам тебе без вести пропасть, – ответил на это Игорь Васильевич так, что даже Игорь не успел испугаться за свое безвестное тело и незнание близких об его судьбе. – Уж как бы они там сверху не хотели, а такой хрени я не допущу.

– А я бы хотел пропасть, – сказал Молодой, – и мать и отец бы надеялись, что я еще живой, им бы не так было, как если бы точно знали.

– Дать бы тебе по башке, – сказал Игорь Васильевич, и все замолчали.

Фил ерзал на месте, Игорь подумал, что он хочет попросить закурить после такого разговора.

– А я все для туалета купил, – сказал Фил, когда все мрачно погрузились в задумчивое курение; все встрепенулись.

– Ты нас впрячь, что ли, хочешь? – спросил Игорь Васильевич.

– Должно быть свободное время, – сказал Фил. – Вот когда будет, тогда и начнем.

– Ты на свои, или Ре́ната подключил через Эсэса? – спросил Игорь Васильевич, хотя уже знал ответ, как знали ответ Игорь и Молодой. Фил широко улыбнулся.

– Где-то в десятку встало, я вроде экономил, а все равно, – сказал Фил, – но это все фигня, я с вас просить не буду, мне только помощь посильная, мне на эту плитку нервов не хватает, мне ду́ша хватило.

– Зря ты нас предупредил, – попытался порушить надежды Фила Игорь Васильевич, – мы теперь запремся каждый у себя, и хер ты нас выкорчуешь.

– И там вонища, я вон в кусты бегать стараюсь, – сказал Молодой.

– А вот это ты зря, – сказал Игорь Васильевич. – Будешь потом по весне сам убирать.

– Там и без меня срач был, – возразил Молодой.

– Без тебя – не без тебя, – сказал Игорь Васильевич, – а никто тебя признаваться не просил. Спалился – твоя забота.

– У нас, если что, костюмы химзащиты есть новые, удобные, – сказал Фил, – и противогазы для особо нежных.

– Так тебе их Ре́нат и выдаст, – сказал Игорь Васильевич.

– Выдаст, если его не спрашивать, – сказал Фил.

Игорь Васильевич и Молодой с уважением и трепетом посмотрели на Фила.

– Ну а что? – зарделся под их взглядами Фил. – Вы думаете, вы кофе из моих запасов хлещете? Думаете, я вам его ПОКУПАЮ, что ли? С какой радости? Вы не мальчики, чтобы я вам что-нибудь покупал. Ему замки нужно получше на склад вешать, а не эту рванину. Ладно, хоть оружие в нормальное место прячет. Я, считай, спецуху быстро изнашиваю, мне что, его на коленях умолять? Так он все равно не даст.

– Фил, ты – святой, – сказал Игорь Васильевич.

– А что у него еще там есть, про что мы не знаем? – жадно спросил Молодой.

– Там камеры лежат, вроде регистраторов, помнишь, была идея видеоотчеты сдавать, а не эту хрень, что мы сейчас по пятьдесят страниц пишем. Чтобы по их показаниям сверялись наверху. Так вот, он их зажопил, – сказал Фил.

– Он один себе на машину поставил, – сказал Молодой, – зуб даю.

– Плохо ты Рината знаешь, – сказал Фил. – Он, скорее всего, один загнал и купил себе новый.

– Вы охренели? – раздался снизу натужный, задыхающийся крик Сергея Сергеевича. – Мне в рельсу, что ли, стучать? На время посмотрите! Может, хватит лясы точить? Может, пора уже и работать начать?

Они спустились на этаж ниже. В конце коридора была большая комната, где раньше, возможно, проводилась политинформация и партсобрания. В комнате в четыре ряда стояли сиденья, как в кинотеатре, от двери между стульями был проход к небольшой трибуне, в углу стояла высокая деревянная подставка из ДСП, накрытая чем-то вроде красной скатерти с желтой бахромой. На скатерть был поставлен бюст Ленина. От движений Сергея Сергеевича за трибуной половицы пошатывались, движение пола было заметно даже Игорю с заднего ряда. Он смотрел на опасно покачивающуюся в свете неоновых ламп подставку и все ждал, когда бюст навернется со скатерти. Ринат Иосифович косился на задние ряды со своего ближайшего к трибуне места в первом ряду, что тоже не добавляло покоя половицам. Очки Рината Иосифовича поблескивали, как поблескивал металлический уголок кожаного портфеля, который он держал на коленях.

– Говорить особо нечего, – сказал Сергей Сергеевич, – сработали нормально. Теперь дело за бумажками. Все это оформить нужно, как следует. Я как бы понимаю, что очевидное говорю, но каждый раз косяки какие-то всплывают. Есть строгие нормы, их нужно придерживаться. Я понимаю, что недели бездействия иногда расслабляют и Новый год на носу, у кого-то все из рук валится по причине житейской неустроенности. И дело кажется неблагодарным – своих собственных граждан в сортирах мочить. Но каждый раз вам, что ли, напоминать? Все спецслужбы этим занимаются, так или иначе, валят собственных граждан ради безопасности государства и ради безопасности остальных граждан. Если вам конкретно не известно, ради чего все это, не стоит подрывную деятельность вести в рядах сотрудников.

– Так, может, все-таки стоит сказать из-за чего, а не муть разводить? – спросил Игорь Васильевич. – Из-за этого текучка кадров нездоровая намечается каждый раз.

– Наверху считают, что пока вас целесообразнее использовать втемную, – сказал Сергей Сергеевич. – Я сам каждый раз добиваюсь того, чтобы все сказать, но говорят, что чисто психологически будет тяжелее. Как будто ты не знаешь, не первый раз уже состав полностью обновлялся, а мы и так пробовали и сяк. Так что, ребята, давайте, аккуратнее заполняйте все и не треплите нервы ни мне, ни себе.

Ленин смотрел в зал уверенными гипсовыми глазами, словно желая сказать сидящим то же самое.

– Не нужно никакой клоунады, – продолжил Сергей Сергеевич. – Каждый раз об этом говорю, и все равно каждый раз кто-нибудь пытается выделиться то литературным стилем, то циничными шуточками. Понятно, что вы пытаетесь развеять кажущийся идиотизм, и наверху это понимают. Но слишком усердствовать не стоит. Я бы даже сказал, что совсем не стоит, если бы не был уверен, что кто-нибудь в очередной раз в петросянство ударится.

Игорь не мог представить, что смешного он может написать о допросе. Он читал старые протоколы, чтобы научиться писать свои: там, кроме подробного описания предметов интерьера и телодвижений субъекта и напарников, не было ничего.

– Да, еще. Михаил. Я тебе при всех говорю, чтобы они тебе напомнили, если что, – сказал Сергей Сергеевич; Игорь понял, что Эсэс обращается к Филу, и неприятно удивился тому, что Фил – тезка его сына. – Прекрати эти штучки при устранении, прекрати людям головы сворачивать. Почерк поменяй. Это уже не на бытовуху становится похоже, а на невесть что. Менты отставного или действующего спецназовца ищут, который к алкашам и наркоманам в доверие втирается, а потом им шеи ломает. Там же кухня была, насколько я знаю. Ножа, что ли, не нашел?

Во время всего этого монолога Сергея Сергеевича Игорь ощутил, что душа его как бы покинула тело, как бы не вынеся дикости таких слов, и наблюдает с высоты потолка на убранство и сидящих, и слушает речь Сергея Сергеевича, его глуховатый от добродушного увещевания голос, несколько контрастирующий со смыслом слов, которые он произносил.

– Игорь просто первый раз был, – ответил Фил. – Его Васильич от себя не отпускал. Не думаю, чтобы Игорю понравилось, если бы я у него на глазах начал мужика ножом тыкать. Его и так потом развезло, сам знаешь, как бывает.

Сергей Сергеевич внимательно посмотрел на Игоря, тот спустился с небес на землю и кивнул:

– Может, у меня правда нервы ни к черту, но я до сих пор еще в таком состоянии. А если бы Фил еще и за нож взялся, я не знаю, что бы со мной сейчас было. Это для меня непривычно, мягко говоря.

– Ну, понятно, – сказал Сергей Сергеевич, и по его голосу было понятно, что он не отмахивается, а правда понял всю тогдашнюю обстановку. Игорь прочел в его поросячьих глазках даже что-то вроде сочувствия.

– Ладно, – сказал Сергей Сергеевич, – давайте по норам. И затягивать не нужно. Поменьше перекуров, быстрее сделаете – быстрее освободитесь.

– Ой, а то непонятно, – сказал Игорь Васильевич и стал подниматься с кресла, и все остальные, включая Игоря, тоже завставали.

– Тебя-то это как раз и касается, – сказал Игорю Васильевичу Сергей Сергеевич.

У себя в кабинете Игорь включил компьютер и задумчиво откинулся на спинку стула. Еще до задания он купил новый монитор и клавиатуру (мышь его устроила), и на монитор и на клавиатуру Ринат тут же налепил инвентарные номера. Не получив еще первую зарплату, Игорь потерял на работе нервы и часть денег, это его как человека с высшим экономическим образованием и просто здравомыслящего человека несколько угнетало. Теперь он должен был первым делом описать квартиру типа, которого он не знал. В этом тоже вроде бы не было никакого смысла.

Компьютер, кряхтя и постанывая, как старая немецкая порноактриса, с трудом разродился «Windows XP». Глядя на компьютерные потуги, Игорь с трудом сдержался, чтобы не закурить и чтобы не заварить себе еще кофе, который стал теперь как бы вкуснее от того, что был уведен из-под носа Рината. Игорь сдержал себя и открыл «Блокнот», чья иконка нежного голубого цвета какими-то дальними ассоциативными путями напоминала Игорю ориентацию Фила.

Инструкции он прочитал и перечитал несколько раз еще на прошлой неделе, во время вынужденного бездействия, до того как пристрастился к болтовне в курилке. Из типовых бланков в столе он выбрал схему квартиры, которую они посетили, и заштриховал те места, где был сам, то есть прихожую и кухню. Чтобы не забыть потом, в пылу писания отчета, Игорь заверил схему прямоугольной печатью, расписался на печати и поставил дату.

Пустая страница открытого «Блокнота» навевала скуку, но эта была милая сердцу Игоря тихая скука без внезапного проникновения в чужой дом и сворачивания шей.

Сначала полагалось описать то, что находилось в прихожей по левую руку от него, когда он вошел; проблема была в том, что налево он особо не смотрел, свет в прихожей не горел, там, кажется, был встроенный в стену шкаф. Игорь пометил на схеме квартиры стену прихожей цифрой «один» и написал в «Блокноте»: «Под цифрой один стенной шкаф, покрашенный в белый цвет». На одну описываемую поверхность, если верить инструкции, нужно было потратить не менее десяти строчек десятым шрифтом. Игорь добавил: «Задвижки шкафа служат и крючками для одежды, на них висит несколько пальто». Теперь строчек стало две, а нужно было еще восемь. Игорь почувствовал, как его мозг напрягается, словно мышца, при том что сам он ощутил бессилие. Игорь, как в школе, захотел подглядеть, что пишут в это время его соседи, он не мог представить, чтобы Игорь Васильевич с его

простыми мыслями был способен выдавить на бумагу больше текста, чем выдавил сейчас сам Игорь. Игорю хотелось побыстрее добраться до описания кухни, где было полно всяких предметов, и одно их тупое перечисление заняло бы две страницы. Самое обидное в этом всем было то, что в старых отчетах он видел, как играючи проходил взглядом по стенам его предшественник, но сам не удосужился оглядеть квартиру внимательнее. После получаса переглядываний с монитором на Игоря накатило вдруг что-то вроде озарения, и он написал следующее: «На крайней к двери задвижке висит что-то вроде овчинного тулупа коричневого цвета, далее – куртка-пуховик с олимпийской символикой «Сочи-2014» ярко-красного цвета, под ней, видимо, висит клетчатое пальто. Обувь возле шкафа – валенки, армейские ботинки, несколько пар старых женских сапог, старые тапочки (один из них с дыркой там, где большой палец), зимние ботинки и резиновые сапоги, все это стоит безо всякого порядка и навалено друг на друга как попало. Верхний левый отдел шкафа приоткрыт, видна стопка газет и стеклянная трехлитровая банка, и банка и стопка газет покрыты пылью. Шкаф выкрашен неаккуратно, видны подтеки как сверху шкафа, так и снизу, покрашен он только снаружи, торцы приоткрытой дверцы верхнего отдела не покрашены. На одну из дверей шкафа наклеена скотчем икона-календарь (какой год, не могу вспомнить)». Он не был уверен в точности своих воспоминаний, зато десять строчек были готовы. Таким же образом, потея от мысленных усилий, он описал правую сторону, причем уделил дверному косяку такое внимание, будто это был шедевр архитектуры и изобразительного искусства.

Спустя несколько часов, когда на улице уже совсем посветлело, а низкое зимнее солнце стало так бить в окно, что пришлось прикрыть шторы, Игорь добрался до кухни и решил передохнуть, тем более что выпитый утром кофе влек его вниз к неотремонтированному туалету. Стоило ему скрипнуть дверью кабинета, как Фил и Игорь Васильевич тоже, потягиваясь, охая и хрустя суставами, полезли наружу.

– У тебя глаза красные, как у Молодого, – сказал Игорь Васильевич Игорю.

– Это я плакал от бессилия, не зная, что написать, – сказал Игорь.

– Докуда добрался? – почему-то с завистью спросил Фил.

– До кухни, – сказал Игорь.

Окрыленные короткой свободой, они втроем шумно сбегали по лестнице.

– Дашь потом посмотреть? – спросил Фил, – а я тебе. Не допрос, а всю эту лабуду.

Игорь на ходу посмотрел на Игоря Васильевича, как бы спрашивая у него разрешения на такое.

– Да все нормально, – сказал Игорь Васильевич, – мы все время так делаем, иначе можно крышей двинуться. Вы еще молодые, а у меня память девичья уже становится. Эсэс крысит, конечно, но тут ведь еще детали вспоминаются, которые сразу не заметил, а у другого посмотрел и вспомнил.

Добравшись до туалета, они пропустили вперед Игоря Васильевича как самого старшего. Игорь Васильевич, громко матерясь, зашлепал по влажному полу.

– Коврик бы тут постелить на выходе, – проорал Игорь Васильевич через собственное журчание. – С другой стороны, он провоняет весь, стирать негде.

Вторым пошел Фил, как сотрудник, прослуживший на этом месте больше, чем Игорь.

– Так-то ты правильное дело замутил, – крикнул Игорь Васильевич Филу через дверь. – Будем, как люди, до первых морозов, пока опять трубы не разорвет.

– Тогда здесь никого не было, – пробубнил Фил изнутри туалета, – сейчас здесь тепло есть и вода циркулирует, хрен их разорвет.

– Главное сделать, что потом, потом и думать будем, – сказал Фил, выходя, и сделал Игорю приглашающий жест.

Игорь пробрался до унитаза по специально расставленным кирпичам. За время работы в отделе он уже как-то приноровился и привык к этому фаянсовому, потрескавшемуся желтоватому сооружению, стоящему на возвышении из нескольких ступенек, словно трон, и непредсказуемому, как женщина. Дергая за веревочку смыва, Игорь был уже морально готов, что вода или совсем не польется, или хлынет потоком, как из брандспойта, также он был готов, что вода или ухнет куда-то в жерло унитаза, не оставив в самом унитазе ни капли жидкости, а жидкость будет клокотать где-то в глубинах слива, будто унося за собой дома, машины, деревья, или попрет обратно, был готов, что

она может остановиться вровень с краями унитаза или может попереть наружу, и тогда нужно будет спасаться бегством по кирпичам.

Пока Игорь делал свои дела, Игорь Васильевич и Фил, как на грех, молчали, словно прислушивались к его туалетным звукам, Игорю было очень неловко от этого.

– Мыло, кстати, тоже Ринатовское, – поделился Фил, когда они мыли руки в душевой.

Два следующих дня Игорь только и занимался тем, что вспоминал и записывал подробности операции, сверялся с Филом и Игорем Васильевичем, дополнял свои записи, но так, чтобы это не было похоже на списывание. Еще три дня, когда все уже освободились и то и дело стучались в кабинет и звали покурить, он занимался расшифровкой интервью с мужичком, добавляя в расшифровку записи о поведении мужичка. Игоря радовало то, что диктофон, несмотря на свою невзрачность, хорошо отрезал фоновые шумы и хорошо записал всякие покашливания в кухне, потому что реакция сотрудников на вопросы тоже требовала конспектирования, как и реакция самого Игоря на эти вопросы и ответы на них. Поскольку Сергей Сергеевич торопил с отчетом, Игорь прозависал на работе два выходных дня, и это предсказуемо не встретило понимания у жены Игоря, оба вечера, и в субботу и в воскресенье вечером, его ждало продольное и поперечное попиливание. Жене совсем не понравилось, что два воскресенья подряд Игорь пропадает неизвестно где. Он отвечал ей, что когда у него был последний отгул, она что-то не проявляла такой радости, что он дома, она даже наорала по поводу крошек попкорна в сыновей комнате, так что досталось и сыну, и самому Игорю. «Я уставшая была как собака. Это ты можешь понять?» – говорила жена тихим оскорбленным голосом, потому что понимала, что была неправа.

В понедельник вечером он сдал стенограмму уже собравшемуся уходить Сергею Сергеевичу и почувствовал необыкновенную легкость, Игорю было уже все равно, правильно ли он все сделал, нет ли в тексте опечаток, как следил в самом начале работы. Еще легче ему было, когда он узнал, что Игорь Васильевич уже уехал домой с кем-то другим. Сергей Сергеевич пролистал кипу листов и, запечатав ее в коричневый конверт, похожий на тот, в котором был лист с вопросами, заставил поставить на него круглую печать и расписаться.

– Все, – сказал Сергей Сергеевич, – завтра присоединишься к туалету, Миха всех запряг, включая Рината Иосифовича, так что у тебя шансов нет.

– Они его еще не сделали? – удивился Игорь. – Там дел на пару дней и было всего.

– Миша растягивает удовольствие, – сказал Сергей Сергеевич. – Тантрический ремонт.

– У меня у сына в садике карантин, – ответил Игорь, он не врал, утром позвонила жена и сказала о карантине, особенно давя на то, что раньше это не было проблемой, а теперь из-за Игоря на работе сын просидит дома один до вечера и неизвестно, что из этого получится. – У жены запарка там очередная какая-то.

– Так сюда его приводи, да и все, – сказал Сергей Сергеевич обыденным голосом, но явно опережая речь Игоря о внеочередных отгулах.

– А можно? – спросил Игорь.

– А что нельзя? – удивился Сергей Сергеевич. – Люди иногда детей на режимные объекты приводят, а тут все равно пока затишье, почти что дома. Пускай Молодой с ним нянчится, все равно ему делать пока нехрен. Это даже такой воспитательный момент будет.

Игорь добрался до дома и после ужина, когда они уже смотрели что-то по телевизору в постели, рассказал о предложении Сергея Сергеевича. Жена, узнав о предложении Сергея Сергеевича совсем не обрадовалась.

– Ты его по сквознякам будешь таскать, он там и простудится, раз пока еще не заболел, – вскинулась наполовину уже дремавшая жена; Игорь надеялся, что в таком дремотном состоянии ее реакция окажется не такой резкой, и ошибся.

– Да что же это такое, – тихо возмутился Игорь, – у тебя на все, что я скажу, всегда «нет». Это ненормально, не находишь?

– Но тащить ребенка на работу – это ненормально, ты сам-то не находишь?

– Ненормально, если у тебя начальник детей не любит и против того, чтобы ты его на работу таскала, – сказал Игорь. – У вас ведь чисто и тепло, вот и взяла бы его к себе на пару дней.

– Лучше он дома посидит, чем среди ваших тереться, – сказала жена в ответ. – Телефон ему оставим – и все.

– Да, а если он отвечать не будет, как ты свалишь? Или мне срываться и ехать, и бояться, вдруг с ним что-нибудь случилось.

– Ну, хорошо, – сказала жена, – будет он у тебя. Что он будет есть? Где он будет спать?

– Там полно всяких забегаловок, мне Молодой покажет, он лучше там все знает, – сказал Игорь, – а где спать – найдем. Господи, я с матерью на стройку ходил, когда карантин был, и выжил как-то, ничего, не накрыло меня кирпичом.

Приводя этот довод, Игорь вспомнил, что чуть не провалился в вентиляционную шахту строящегося дома и проколол руку гвоздем, но решил, что благоразумнее будет об этом умолчать, тем более что жене довод показался убедительным.

– Черт с тобой, тащи его куда хочешь, только если что случится, сам будешь по больничкам ездить, – сказала жена.

– Ничего не случится, – уверенно сказал Игорь, хотя и не чувствовал той уверенности, которую вложил в голос.

Сына, правда, удалось сплавить на руки Молодого, который оказался на удивление заботливой нянькой. Пока все взрослые меняли канализационные трубы, трубы подачи воды, проводили в туалет отопление, из-за чего ждали сварщиков, а сварщики то не ехали, то не знали, куда прицепить сварочный аппарат, то знали, куда прицепить, но наварили что-то не то и не так, – Молодой исправно возил сына Игоря позавтракать, пообедать, пополдничать (а ужинать вез Игорь сына уже домой), занимал его чем-то целый день, так что у Игоря сложилось впечатление, что он возит сына не к себе на работу, а, как и прежде, в детский сад. Недостатком же воспитания Молодым Игорева сына оказалось то, что в те моменты, когда сын пересекался со взрослыми, то называл их, как они называли друг друга иногда за глаза, то есть «дядя Васильич», «дядя Фил», «дядя Эсэс» (от этого «Эсэс» у Сергея Сергеевича то ли гневно, то ли от сдерживаемого смеха играли желваки).

Игорь Васильевич не смог сдержать радостного ржания, когда сын назвал Рината Иосифовича «дядя Ре́нат»; к чести Рината Иосифовича, он не стал проявлять недовольства, поправлять Игорева сына, а только поблестел очками в сторону Молодого.

– Ну и что вы там делаете? – спросил Игорь сына на третий вечер по дороге домой после пребывания сына на работе.

Глаза сына радостно заблестели в зеркале заднего вида.

– Мы на сервак Тээф заходим или еще чего-нибудь с голосовым чатом, я спрашиваю в микрофон, есть ли русские, а дядя Саша играет. Или мы за одну команду играем. Он мне аккаунт стимовский подарил, там «Лефт фо дед» есть и вторая часть. И Тээф тоже есть, там расширенный инвентарь, если купленная версия, и нерасширенный, если бесплатно скачал. У меня расширенный. Самый крутой там Хеви. У него пулемет, и он может лечиться бутербродами.

Игорь подумал, что воспитательница снова будет спрашивать или его, или жену, не много ли времени сын проводит за компьютером, а они будут что-то блеять в ответ, потом жена в педагогическом припадке попытается ограничить время сына за монитором, но не сможет придумать, чем бы его занять, а Игорь почувствует себя, как чувствует себя сын, когда скандалят Игорь и жена. Затем все снова вернется на круги своя, лаяться продолжат уже Игорь с женой, а сын будет сидеть за компьютером, причем, судя по его захлебывающемуся от радости голоску, сидение за компьютером обретет какие-то более интенсивные масштабы.

– Папа, ты знаешь, какие игры бывают? – спрашивал сын и продолжал, оправдывая Игоревы опасения: – Можно пытаться стать правителем Японии, а еще есть, где дом нужно строить и прокапывать подземелья и исследовать вокруг все.

Жена тоже высказала эти же опасения, когда сын, добравшись до дома и торопливо перекусив, полез за компьютер и стал говорить:

– Сейчас я буду ставить все игры, – с маниакальной интонацией, явно кому-то подражая.

– Ну что ты, – попытался успокоить жену расслабленный после ужина Игорь, – все ведь гораздо хуже могло быть. Молодой его не мату научил, в конце концов.

Жена не вняла его отчаянному шепоту, шепот этот, в котором сквозила паника от того, что сейчас начнется нудный, предсказуемый спор, даже как-то раззадорил жену.

– Да лучше бы мату он его научил, – тоже зашептала она, мертвенно поблескивая кремом на лице. – Его в садике давно уже этому мату научили, может, он как-то выделился бы из коллектива своими знаниями необычных слов.

Ее логика всегда сводила Игоря с ума, он не понимал, каким образом он всегда остается виноватым.

– Оля, – шепотом вскричал Игорь, – это уже ни в какие рамки. Человек старался, хотя я ему вообще – никто, и сын ему наш – никто. Он же нашел даже столовку нормальную, где нормальной едой кормят, а не суррогатами и не мучными изделиями, он хороводился там с ним, как со своим, а ты такие вещи говоришь.

Жена зацепилась за похвалу Игоря Молодому, Игорь уже понял, в какое место она будет метить, и пожалел, что вообще решил не отмалчиваться, а подать голос.

– Вот именно, – прошептала жена, не контролируя себя и переходя из шепота на разговор вполголоса, что могло перейти и в крик, – вот именно, чужой человек. У тебя сын рядом был, ты все время меня тычешь, что я плохая мать...

– Да когда я такое...

– А сам сразу же отдал сына в чужие руки и даже не почесался. Там вообще все что угодно могло быть. Этот придурок мог ему и порнуху показать, ты бы только потом об этом узнал. Он все что угодно мог сделать, ты же его совсем не контролировал.

Игорь подумал, что лучший способ разбудить в Молодом именно такого персонажа, какого описала жена, это забегать каждые пять минут в его кабинет и спрашивать игривым голосом, что они делают. Игорю хотелось привести этот аргумент, но жена сразу бы сказала, вот с какими непредсказуемыми придурками он, Игорь, работает, и неизвестно куда бы повернула потом, но жена нашлась сама.

– Ты бы еще педофилу этому вашему его бы отдал, – сказала она вполголоса, – лишь бы самому не возиться. Хотя кто тебя знает, может, отдавал, я ведь ничего не узнаю.

– Но ты-то его совсем не хотела брать, – шепотом заорал Игорь, потому что ему отчего-то стало обидно за свое место работы. – Легко говорить, когда карантин кончается, вот возьми его завтра сама, к своим нормальным людям. Я-то хотя бы знаю, что у меня есть педофил на работе, а вот твои ребята еще неизвестно какие нормальные и кто из них кто.

– Ты сам знаешь, что я не могу взять, потому что сама сотрудникам запрещала детей на работу приводить, потому что у нас не детский сад. У нас коллектив женский почти полностью, это как сразу сорок ФСБ в одном помещении.

То, что она пыталась шутить и перешла обратно на нормальный шепот, понравилось Игорю, он внезапно вспомнил, чем может отвлечь жену от спора в сторону обычной семейной беседы, но тут в комнату ворвался сын и потащил их к себе в комнату:

– Смотрите, что я построил.

Жена стала выговаривать сыну, что нельзя кричать так громко, потом сама заинтересовалась, села за монитор и довела сына до рыданий тем, что ее нельзя было согнать с места около двух с половиной часов. Она все время говорила: «Еще минуточку». «Еще минуточку», – со слезливым сарказмом повторял за ней сын и с разбега падал лицом в подушку, пока не уснул после одного из таких падений, потому что время было уже позднее. Игорю, наконец, как-то удалось выковырнуть жену обратно в их комнату.

Игорь не стал ждать, пока она вспомнит, что ссорилась с ним, и сам завел разговор, который должен был ее заинтересовать:

– Вот ты про Фила говорила, он, между прочим, не такой уж упертый, знаешь, оказывается. Он ведь с женой нашего завхоза переспал.

Игорь увидел заинтересованность в глазах жены и продолжил:

– Я, считай, неделю назад узнал, даже больше, сам удивился.

– То есть он и так и так может? – спросила жена таким голосом, будто ей нравилась в мужчинах такая многопрофильность, где-то внутри своей головы она сняла крест с Фила, которым когда-то его

перечеркнула. Словно рассчитывала, что в какой-то перспективе она может пересечься с Филом и проверить его способности.

– Да, – сказал Игорь, – прикинь.

– А завхоз что? Это который Ринат Иосифович? – спросила жена.

– А завхоз ничего не знает, – сказал Игорь.

– Ничего у вас там, – с одобрением заметила жена, – страсти кипят.

– Это прямо случай, когда удар в спину наносит тот, от кого меньше всего ожидаешь, – сказал Игорь.

Жена радостно рассмеялась.

– Вот уж точно, – сказала она, – никогда бы не подумала, если бы была мужиком, я бы, наверно, спокойно бы отправляла жену с ним куда угодно.

– А я бы все равно сомневался, – сказал Игорь. – Слишком уж он хорош.

– Даже так? – спросила жена. – Я думала, он вроде таких, ну, знаешь, роли в американских фильмах всяких устроителей свадеб, и модельеров, и дизайнеров.

У Игоря всплыла в памяти кухня, которую он подробно, без выходных, описывал, опять вспомнил, как стоял, облокотившись на подоконник, Фил, и сказал:

– Нет, он совсем не такой, поверь. Нужно как-нибудь собраться на Новый год, сама посмотришь, только не растай и по пьяни Ринату не выболтай.

Жена стукнула его маленьким плотным кулаком в плечо.

– Ему, кстати, совсем не до Мишки было, – сказал Игорь, наполовину смеясь. – Он ведь весь этот ремонт туалета и замутил. Его жена из дома выгнала, когда скандал был. Он теперь на работе и живет.

– Даже квартиру не снимает? – удивилась жена.

– Даже, – сказал Игорь.

На этом разговор почему-то заглох, поскольку жена задумалась над чем-то своим и перестала задавать вопросы о Филе. Они стали смотреть телевизор, хотя это трудно было назвать смотрением – жена, в чьих руках был пульт, просто неторопливо переключала каналы, пока не наткнулась на фильм про вампиров с юной Кирстен Данст и Брэдом Питтом, но вскоре фильм прервался рекламой и жена снова запереключала каналы. Игорь отвлекся от экрана, он смотрел на руки жены поверх одеяла, даже при том что освещение было слабым – телевизор и ночник, – Игорь заметил, что кожа на руках у жены изменилась. Когда родился сын, кожа у нее еще была, как у сына сейчас, в едва заметную нежную сеточку, и кисти у нее были такие же чуть пухловатые. Теперь же кожа на ее кистях стала как будто тоньше, нежная сеточка исчезла совсем, и руки из-за этого казались гладкими, почти полиэтиленовыми перчатками, суставы на ее руках как будто стали крупнее. Игорь подумал, что она вообще очень сильно похудела в последнее время. Ночная рубашка, которую они купили с год назад, немного висела теперь на ней. Игорю захотелось спросить, не болеет ли жена чем-нибудь, но слегка опасался ответной ее какой-нибудь злости. Кроме того, если бы жена болела, она бы не стала ничего скрывать.

Пролистав все каналы по кругу и натыкаясь то на рекламу, то на спортивные соревнования, то на кулинарные шоу, жена снова вернулась к фильму про вампиров, через какое-то время Игорь решил, что она задремала, и посмотрел на нее, но она, почувствовав его шевеление, тоже повернула голову и зачем-то похлопала его по руке.

– Может, кофе? – спросил Игорь.

– Какой кофе на ночь глядя, – сказала жена. – Давай чай, раз уж собрался.

– Не знаю, – крякнул Игорь, откидывая одеяло и сваливая почти затекшие ноги с постели, – я в любое время суток могу по кофе ударить – и ничего.

Игорь сполз на кухню, а когда вернулся с двумя кружками, жена разговаривала по телефону. Принимая кружку, она благодарно кивнула.

– Я пульт возьму? – спросил Игорь шепотом.

Она помахала рукой, дескать, бери и не отвлекай. Игорь тоже пошел по кругу, от вампиров, через рекламу и кулинарные шоу, наткнулся на триллер, но сразу же в триллере кому-то свернули шею, и хотя это было не так жутко, как в реальности, Игорь поторопился переключиться на другое. Игорь

вспомнил, что обычно шоу на «ТиЭлСи», где кондитеры делают торты, его очень успокаивает, и переключил на «ТиЭлСи», однако там не было ничего успокаивающего, на «ТиЭлСи» какие-то спортивные тренера гоняли в хвост и в гриву детскую команду по чирлидингу, а выглядело это похлеще, чем разоблачительные видео из стройбата перестроечных времен. Игорь полез переключать дальше и внезапно нашел то, что его ненадолго умиротворило, – шоу про ремонт, оно было интересно Игорю именно тем, что в шоу ремонтировали именно туалет. Один полноватый мужчинка в светло-голубой кепочке, неизвестно как державшейся на его большой голове, и плотно обтягивавшем пузо джинсовом комбинезоне с легкостью фокусника расправился со старой плиткой, старым унитазом и старыми трубами и так же легко заменил все новыми трубами, новой плиткой и новым унитазом. Осколки откалываемой плитки не попадали мужичку в глаза, хотя он не был даже в защитных очках, а Игорь Васильевич был, а ему все равно прилетело, плиточный клей не застывал в самый неподходящий момент. Когда мужчинка боролся со старыми трубами, ни одна из них не встала намертво, не оказалась насмерть заржавевшей или приваренной. Игорь подумал, что здание отдела проклято за все дела, что они делают, и снова стал листать каналы.

Жена тем временем не бросала трубку и не требовала пульт обратно, своему телефонному собеседнику она отвечала односложно, однако было заметно, что разговор ей интересен, что она, скорее, притворяется равнодушной, нежели равнодушна на самом деле. Игорю не понравилось, когда она, после того как разговор прервали из-за его длительности, перезвонила и стала спрашивать: «Ну и что там дальше?» Игорь успел переключиться на канал, где английские историки рассказывали про чудесного немецкого командира танка, подбившего во время курской дуги восемьдесят советских танков за один день, и это коробило Игоря почему-то так же, как разговор жены по телефону.

Игорь утащил кружки на кухню, чай в кружке жены совсем остыл, она к нему даже не притронулась, Игорь меланхолично вылил чай в раковину, предвкушая, как она попросит его, а он скажет, что чая уже нет, после чего увидел свою мелочную озлобленность как бы со стороны и от разочарования в себе закурил. Покуда он курил, разговор жены продолжался, Игорь, продолжая разочаровываться в себе, с таким же злобным мелким чувством закурил вторую сигарету и поперся с пепельницей в спальню, надеясь, что жена обратит на это внимание, но она только покосилась на Игоря, не кладя трубку, встала с постели и приоткрыла окно, а Игорь выключил ночник и стал смотреть на сменивших немцев французских историков, которые рассказывали о войне двенадцатого года со своей, французской, точки зрения. Во всех этих рассказах про войны девятнадцатого века Игоря со времен школы интересовало, как люди умудрялись ходить таким плотным построением на пушки со шрапнелью и стоять под огнем противника во весь рост, он так увлекся, слушая французов, что не заметил, как жена прекратила разговор. Она думала, что Игорь злится на нее, и не сразу решилась забрать пульт, а когда решилась, Игорь отдернул руку.

– Погоди немного, – сказал он рассеянно.

– Ты обиделся, что ли? – спросила жена, и непонятно было, обиделась ли она сама на его обиду или польщена тем, что он обиделся и ревнует.

– Кто это был хоть? – спросил Игорь как бы невзначай, но невзначай у него не получилось.

– Да Ирка это звонила, у нее там со старшей дочерью проблемы, – сказал жена. – Ну, отдай.

Она с вредным нытьем потянула пульт к себе.

– Ну, скучно же, – сказала она, – ну, отдай.

Игорь покрепче ухватился за пульт:

– Сейчас досмотрю и отдам, там вроде уже недолго осталось.

– Где недолго-то, они вон еще про Бородино рассказывают, – слегка заныла жена и потянула, Игорь со вздохом разжал пальцы.

– Вон, книжку почитай, – звенящим от веселья голосом сказала жена.

Игорь покладисто взял электронную книгу с тумбочки возле кровати и тут же вспомнил, что давно хотел поставить книгу на зарядку, но так и не поставил. Электронная книга, понятно, даже не реагировала на кнопку включения. Игорь стал искать зарядник в тумбочке и около, пока не нашел его воткнутым в пилот возле кровати, среди воткнутых в тот же пилот телефонных зарядников. Для включения книга должна была напитаться электричеством в течение хотя бы нескольких минут,

Игорь снова завалился на кровать поверх одеяла, закинул руки за голову и спросил, потому что делать ему было нечего, а смотреть фильм про вампиров ему не хотелось:

– И что там у Ирки со старшей дочерью? Я сколько помню, у Ирки всегда проблемы со старшей дочерью, даже когда той было лет восемь. Почему она на младшую не гонит?

– Она хочет какого-то дагестанца домой привести, – пояснила жена, – жить у них, он студент, ему дорого жилье снимать, а у них, кроме того, любовь.

– Так, погоди, – удивился Игорь. – Она же хотела уже кого-то домой приводить еще летом.

– Это русский парень был из провинции, из театрального, а этот с параллельного потока, тоже с иностранных языков.

Игорь молча подивился такой любвеобильности Иркиной дочери и крепости нервов ее родителей.

– У них там от бабки квартира осталась, – сказала жена, – из-за нее весь сыр-бор. Дочь чувствует, что способна к самостоятельной жизни, а родители молятся, чтобы она не залетела до окончания института. Ирка в свое время тоже родителей на уши ставила, родила на четвертом курсе.

– Сейчас-то у нее все нормально, – заметил Игорь, – и карьера и все дела с семьей.

– Так это ее третий брак, вообще-то, – сказала жена. – Сначала она с тем развелась, с которым в студенчестве познакомилась, потом еще с одним, а от третьего вторая дочь.

– Весело люди живут, – одобрил Игорь, – не то что мы.

Жена почему-то глупо рассмеялась, Игорь с удивлением посмотрел на нее.

– У нас Мишка еще в садике, – сказала жена. – Вот погоди, пойдет он в школу, мы там в любом случае горя хапнем, даже если он отличник будет, там всякого хватает. Знал бы ты, чего только не рассказывают. То учительнице не по душе ребенок пришелся, то характером со сверстниками не сошелся, то одно, то другое. А Ирку еще бесит, что ее бабушкой будут называть, если что случится. И жениха она старшей присмотрела, но сейчас не средневековье, насильно их не сведешь.

– Ну, это все равно лучше, чем когда дочка к кришнаитам подалась в тринадцать лет, – вспомнил Игорь.

– Лучше-то лучше, но все равно, как задумаюсь, что Мишка начнет такие же фокусы выкидывать, когда подрастет, немного не по себе становится, – сказала жена.

Игорь не представлял сына большим. От матери, отца и старших знакомых он знал, что многие родители воспринимают своих детей все такими же маленькими, даже когда дети в два раза их выше.

– Я пока даже представить не могу, как это он станет большим, – сказал Игорь. – Он пока на кошку похож, которая вроде выросла и больше расти не будет. И дома все как надо. Прямо-таки гармония какая-то.

– Ох, – сказала жена и ушла из спальни.

Не успел Игорь подогадываться, куда это она так сорвалась, как в умывальнике ванной зашумела вода. Игорь не решился переключать вампиров на какую-нибудь другую передачу. Он взял книгу, не снимая ее с зарядника, для чего ему пришлось переместиться к самому краю постели и лечь на бок. Он давно хотел почитать Вудхауса, потому что ему нравился английский сериал про Дживса и Вустера, смотренный еще в детстве. На электронную книгу было скинуто издание с предисловием; вместо того чтобы пролистать предисловие, как он всегда и делал, Игорь стал читать его. В предисловии было сказано, что Вудхаус сотрудничал с нацистами. Игорь попробовал припомнить хотя бы одного русского писателя, который сначала сотрудничал бы с нацистами, а потом был бы читаем, но в голову так ни один и не пришел. Вспомнился не к месту почему-то Гюнтер Грасс, которого Игорь не мог вспомнить, когда на работе хотел посоветовать, что почитать Филу, но тогда вылетели из головы не только имя и фамилия автора, но даже словосочетание «жестяной барабан», а теперь появилось и оно, как некая игральная карта, выложенная на стол Мнемозиной. Игорь подумал, что к завтрашнему дню опять забудет и автора, и название, Игорь повторил про себя «барабан, барабан, барабан», чтобы завтрашней памяти было за что зацепится, он даже представил этот барабан со всей его шнуровкой и рисунком из белых и красных зубцов на боку, но, хорошо зная себя, смиренно знал, что завтра будет помнить только слово «зубцы» или «шнуровка». «Господи, знали бы они, кого взяли на работу», – подумал Игорь.

Вернулась жена с тюбиком крема и снова стала мазать им лицо, сидя на краю кровати, спиной к Игорю, Игорь заметил это, хотя ему пришлось самому вывернуть голову, потому что он сам лежал спиной к жене.

– Ты чего? – спросил Игорь.

– Да я уже все постирала с лица за вечер, – объяснила жена, не оборачиваясь, – нужно ведь перед сном наносить, а я что-то поторопилась сегодня.

– Это мы что-то засиделись, – сказал Игорь.

– Скорее, залежались, – сказала жена, все так же не оборачиваясь, затем подтолкнула пульт под Игорев зад и легла, так и не обернувшись.

– Может, поцелуемся? – заметил Игорь.

– Ну, давай, – сказала жена с какой-то странной, незнакомой Игорю интонацией.

Глаза ее Игорю показались подозрительно покрасневшими, как будто она плакала в ванной, но Игорь не стал ничего говорить, еще не хватало, если бы она не плакала, а ему показалось из-за того, что ночной крем сделал ее лицо бледнее, а она бы обиделась на это замечание. Игорь отложил книгу и, делая вид, что ничего не происходит, стал переключать каналы. Когда он дошел до исторического канала, там показывали что-то про римлян, которые Игорю были менее интересны из-за их большего временного отдаления.

– Кончились твои французы, – покладисто констатировала факт жена.

Игорь совсем не огорчился отсутствию французов на телеэкране, ему вдруг совершенно все равно стало, что там вообще происходит в телевизоре, телевизор стал вдруг для него как Луна, такой же светящийся в темноте бледным светом, и такая сладкая тоска взяла его за сердце, что Игорю захотелось взвыть неизвестно по какой причине.

Глава четвертая

Как-то незаметно для Игоря ноябрь перешел в декабрь. Кончился сыновий карантин; туалет, над которым все так трудились, стал производить впечатление обыденной вещи, которая всегда была такой, уже на второй день, хотя, конечно, заходить по делу в аккуратную, оклеенную голубеньким кафелем комнату-коридорчик стало гораздо приятнее. Еще в конце ноября в городе стали появляться новогодние гирлянды; бутылки с «колой» и «пепси», по воле маркетологов, украсились новыми наклейками с рекламой очередной новогодней акции типа «поменяй десять крышек на семью плюшевых медведей» и «проведи праздники на лыжном курорте», но город, несмотря на приближавшийся праздник, стал как будто тише от навалившегося со всех сторон снега. Снега было столько, что Ринат Иосифович, словно расщедрившись, заказал снегоуборщик со стороны, иначе до гаража было бы не доехать, а в случае чего, например, в случае операции, невозможно было бы и выехать.

– Формально мы вообще законсервированная котельная, которую нужно охранять на всякий случай, – сказал Ринат Иосифович, подсчитав, видно, расходы на ежедневную уборку территории. – Мало нам того, что мы единственная котельная в городе, которую отапливает другая котельная. Так что не палили бы вы свои машины, ездили бы на общественном транспорте.

– А ты покажи пример, – ответил ему на это Игорь Васильевич, машину которого, здоровенный черный внедорожник, все-таки выпустили из ремонта. После этого предложения конспиративный дух Рината Иосифовича сразу же угас.

Выпавший снег подействовал на всех, кто работал с Игорем, как успокоительное и снотворное. Все меньше собирались в курилке, а больше сидели по кабинетам. При том что Ринат Васильевич запретил в свое время уносить к себе электронику, Игорь рассудил, что мобильные телефоны-то они все равно притаскивают на работу и держат при себе, и стал таскать на работу электронную книгу.

На очередное утреннее совещание Игорь приплелся, как и остальные, в полусонном состоянии, умиротворенный, словно прошлое убийство осталось под снежными завалами и не должно было оттаять до весны, а значит, беспокоиться было как бы не о чем. Игорь сидел, вытянув ноги под переднее к нему сиденье, и то смотрел в окно, где все было бело и серо от туч, то равнодушно пялился на Ленина, который отвечал ему таким же равнодушным взглядом. Сергей Сергеевич, как обычно, колыхая

пол под собой каждым своим движением, говорил о каких-то бытовых вопросах и дисциплине, что неплохо было бы задействовать и третий этаж подо что-нибудь, раз уж разобрались с туалетом.

– Я вот тут о всякой всячине говорю, – сказал Сергей Сергеевич, – а тут ведь опять намечается ерундовина. Просят опять Голливуд тестировать.

Игорь навострил уши, потому что Игорь Васильевич в ответ на эти слова недовольно промычал, Фил зашевелился так, что под ним захрустело сиденье, а Ринат Иосифович завертел головой, глядя на реакцию окружающих.

– Так ты бы сразу с этого и начинал, – проворчал Игорь Васильевич. – Это же надо так по-иезуитски, все уже, знаешь, расслабились, думали, раз ты эту шарманку завел, то значит, все тихо будет.

– Ну, знаешь, – слегка возмутился Сергей Сергеевич, и в результате усилия, затраченного на возмущение, у него началось что-то вроде одышки, – ты в курсе, где работаешь, тут тебе спокойствия никто не гарантировал.

– По мне, так фигня эта местная система, ее, считай, Молодой собирал по схемам, что он там мог насобирать? – сказал Игорь Васильевич.

Молодой возмущенно вякнул, но обмяк под взглядом Игоря Васильевича.

– Фигня не фигня, а приказ поступил, – отвечал на это Сергей Сергеевич.

Все почему-то стали смотреть на Игоря.

– Да, – сказал Сергей Сергеевич после некоторой паузы, – пришло, видимо, время рассказать нашему новенькому, что он не все знает еще о своей работе.

– Давай не будем, как в прошлый раз, до последнего тянуть, – предложил Игорь Васильевич.

– Давай не будем, – согласился Сергей Сергеевич. – В общем, Игорь...

– В общем, Игорь, – перебил его Игорь Васильевич, обернувшись к Игорю в своем кресле, обращался он к Игорю через голову Фила, поэтому тот слегка пригнулся, тоже глядя на Игоря внимательными, почти черными глазами, – бывают операции двух видов. Объясню вкратце, чтобы лишним голову не дурить. Первую операцию ты уже видел, она с выездом и таблеткой тому, кого допрашиваешь. Второй вид операции – это когда мы с Филом кого-нибудь привозим с улицы, а ты допрашиваешь, таблеток никаких не даем, так что покладисто объект отвечать не будет, будет барагозить всячески и будет просить отпустить его домой, потому что он никому ничего не расскажет. Это тяжелее, чем первое, потому что он реально будет паниковать и заливаться слезами, никакой эйфории от него ожидать не приходится. Это очень хреново, потому что ты знаешь, что с ним в конце будет.

«Ну вот, опять», – подумал Игорь не без тоски, а сам в свою очередь спросил:

– То есть нужно будет ему эти идиотские вопросы задавать и чтобы он на них ответил?

– Да, – сказал Игорь Васильевич, – я бы тебе предложил самому этими таблетками, что мы обычно даем, обожраться, но Ре́нат не позволит, у него там какая-то квота. Это даже мне тяжело.

– Кстати, – встрял Сергей Сергеевич, – наверху говорят, что ожидается МЕСЯЦ тестирования, так что это не единственное дело в декабре. Сначала вот студент обещается, а кто дальше – не сообщили еще.

– Охренеть, – по слогам произнес Игорь Васильевич, адресуясь к Сергею Сергеевичу. – Они там озверели походу. У нас человек только прибыл.

– Я сразу просто предупредил, чтобы ты потом не плакался, – съязвил Сергей Сергеевич. – Говорят, первый тест он хорошо прошел и вообще себя зарекомендовал с нормальной стороны.

Игорю эта похвала почему-то польстила, ему было стыдно, что чьи-то похвалы ему еще льстят, но это, видно, было то служебное рвение, над которым всегда смеялись гражданские.

– Но ты понимаешь, что нельзя человеку давать допросы на месте в течение месяца? Это же никогда хорошо не заканчивалось, – сказал Игорь Васильевич.

Сергей Сергеевич побагровел.

– А ты понимаешь, что по-другому никак? – сказал он. – У тебя какие-то другие предложения имеются, может быть?

– Может быть, есть, – сказал Игорь Васильевич, – может, людям стоит рассказать, чем они тут занимаются? Может, стоит рискнуть? Их жизнями мы все-таки рискуем.

– Я знал, что ты опять на это же выведешь, – ответил Сергей Сергеевич. – Может, хватит про одно и то же спорить?

– Ладно, Петрович, пошли, что ли, – сказал Игорь Васильевич, демонстративно игнорируя Сергея Сергеевича.

Игорь решил не нарушать субординацию и глянул-таки на Сергея Сергеевича вопросительно, тот разрешающе кивнул, ответный взгляд Игоря Васильевича выражал легкое отвращение.

– Ре́нат, ключики выдай, – попросил Игорь Васильевич, но тот даже не дернулся, пока не получил все тот же подтверждающий кивок Сергея Сергеевича. Только тогда он медленно поднялся со своего места со своим постоянным портфелем в руках и провел Игоря и Игоря Васильевича в свой кабинет, где выдал Игорю под расписку связку ключей, лицо у него при этом было скучнее обычного.

– У тебя такая рожа, как будто мы сейчас там цех по пошиву кроссовок найдем и триста вьетнамцев, – заметил на это Игорь Васильевич.

– Я надеялся, что до Голливуда подольше не дойдет, – пояснил свою скуку на лице Ринат Иосифович.

– Как видишь – дошло, – сказал Игорь Васильевич и повел Игоря за собой на первый этаж, то и дело приманивая его рукой, будто молчаливый призрак, показывающий путь к сокровищам. Таким образом Игорь проволокся с ним до двери с надписью «Электрощитовая», куда никогда не ходил, потому что делать ему там – неэлектрику – было абсолютно нечего. За дверью оказалось достаточно просторное, светлое, сухое помещение, обложенное желтоватой кафельной плиткой и обставленное высокими, покрашенными в серебристый цвет металлическими шкафами. По всей комнате стоял едва слышимый электрический гул. Игорь Васильевич завел Игоря в самый дальний от входа угол, к одному из шкафов, и стал вертеть ключом в его замке. «Тайная база ЦРУ», – подумал Игорь, невольно вспомнив сериал «Чак».

– Тут сначала был кодовый замок, – пояснил Игорь Васильевич, – но потом сломался, хотели сделать типа сканера отпечатков пальцев, но это пафосно как-то и смета не позволяла, и кого бы мы ремонтировать позвали, если что.

Дна у шкафа не оказалось, вместо него была довольно-таки широкая металлическая лестница, ведущая почти вертикально вниз в полную темноту.

– Я первый спущусь, – сказал Игорь Васильевич, – а то ты там с непривычки или ноги переломаешь, или голову разобьешь.

Позвякивая связкой ключей, Игорь Васильевич стал осторожно наступать на ступеньки и постепенно скрылся во мраке. Из темноты стали доноситься его шаги, и эхо его шагов, сужающееся на конце, как будто Игорь Васильевич топал внутри большой металлической трубы. Бесшумно к ногам Игоря припрыгала желтоватая крыса, но увидев Игоревы ноги, упрыгала обратно, это было так неожиданно и быстро, что у Игоря даже не успело екнуть сердце. Из темноты шел теплый воздух с запахом пыли, металла и машинного масла.

Игорь Васильевич пробубнил что-то с облегчением, внутри темноты хлопнуло, как будто прибили газетой муху, свет в электрощитовой слегка мигнул, и темноты на том конце лестницы сразу же не стало. Игорь увидел цементный пол, в который лестница упиралась, и решил не ждать гулких призывов Игоря Васильевича, и сам полез вниз по ступеням, уже по дороге ища, за что бы ухватиться, однако никаких перил у лестницы не было.

– Давай быстрее, – не выдержав, прикрикнул Игорь Васильевич.

«Быстрее тебе. Вниз головой прыгнуть, что ли?»– язвительно подумал Игорь.

На том конце лестницы был коридор, покрашенный в зеленый цвет. В белом немигающем свете неоновых ламп, выстроенных в линию, делящую потолок на две равные половины, видны были все неровности покраски и все неровности пола. В нескольких шагах от Игоря в пол навеки впечатались следы собаки, которая когда-то перебежала поперек только что залитую цементную дорожку.

– Это Шарик тут бегал, – угадал взгляд Игоря Игорь Васильевич, трущийся возле выпирающего из стены электрощитка, – впечатал себя в аллею славы, мы его потом переименовали в Монро. Иди сюда.

С того места, где стоял Игорь Васильевич, стало видно, что коридор не оканчивается металлической дверью, как казалось до этого Игорю. Дверь находилась как раз на разветвлении одного коридора на два – один уходил вправо по широкой дуге и вел, по расчетам Игоря, в сторону гаража; тот,

что вел влево, был такой же длинный и такой же прямой, как тот, которым Игорь дошел до Игоря Васильевича. В стенах этого коридора было несколько дверей, проходя мимо, Игорь Васильевич открывал каждую из них своими ключами, включал свет за каждой из них, словно проверяя, работают ли там лампочки.

– Тут, короче, сортир, – сказал Игорь Васильевич, открывая первую дверь, самую невзрачную из всех – скрипучую и деревянную. – Раньше больная тема была, как понимаешь.

Игорь покладисто заглянул внутрь, зачем-то как бы оценивая помещение, одетое белым блестящим кафелем, в углу туалета, за желтоватым умывальником и под желтоватой сушилкой для рук стояли ведро и вонзенная в него швабра.

– Вот тут комната отдыха, – сказал Игорь Васильевич, открывая очередную дверь, на этот раз тяжелую, почти сейфовую. – Больная тема до сих пор. Тут, считай, диваны вдоль всех стен, на каждый кабинет бы хватило. Ре́нат уцепился и не отдает.

Игорь покладисто заглянул и туда, но отметил про себя, что отдыхать в душноватой комнате, обитой деревянными панелями и пахнущей, как сауна, сомнительное дело.

– Здесь ты нас будешь дожидаться, наверно, – предположил Игорь Васильевич. – Прочитаешь все книжки, что с советских времен остались, проникнешься соцреализмом и диалектикой.

И он указал на книжный шкаф и журнальный столик.

– Пятьдесят томов Ленина, журнал «Юный техник» за несколько лет, романисты тогдашние, лучше, короче, с собой что-нибудь принеси.

– В «Юном технике» вроде бы фантастику печатали, – Игорь вступился за журнал, который ему выписывали в детстве.

– Ну, а вот тут неинтересно, – поморщился Игорь Васильевич и приоткрыл дверь в тускло освещенную комнатку. – Тут Молодой что-то химичит по своим делам, поскольку ты знаешь, что из себя Молодой представляет, то можешь представить, что у него тут за дела. Это он «дешифратором» называет, его какой-то профессор настропалил по этой штуке, он теперь считает, что на нем все держится. А сам вон даже свои бумажки не убрал. И генеральную уборку его надо заставить тут сделать.

Внутри комнатки стоял очередной металлический шкаф с прорезью, как у почтового ящика, из прорези торчала широкая длинная бумажная лента. Лента настолько вылезла из шкафа, что несколько складок ее, покрытых пылью и паутиной (где пыль, а где паутина, было уже не разобрать), лежали на полу. Игорь Васильевич оторвал ленту и, ругнувшись, встряхнул ее.

– Ад астматика, – сказал он и двумя руками скрутил оторванную бумагу в рулон, на манер древних свитков. – Отнесу, пусть полюбуется.

– А вот твоя комната, – сказал Игорь Васильевич у следующей двери, – проходи, осваивайся.

Игорь Васильевич щелкнул ключом и отстранился, пропуская Игоря вперед. Игорь Васильевич стоял прямо под лампой, и тени его надбровных дуг и носа падали прямо вниз, на глаза и верхнюю губу, его лицо походило на кадр из комикса. Игорю не так уж и хотелось заходить внутрь, он знал, что проведет в этой комнате достаточно времени, однако все же зашел.

Это была комната, похожая на киношную комнату для допросов. Посреди комнаты стоял столик, какие стоят в заводских столовых, такой, с пластмассовой окантовкой столешницы и трубочными ножками. Рядом, со стороны входа, был табурет с красным пластмассовым сиденьем. По другую сторону стола было кресло со спинкой и подлокотниками. Толстый кабель, растянувшийся по полу от стены, смежной с соседней пыльной комнатой, уходил куда-то за спину кресла, обвешанного фиксирующими ремешками, из-за этого кресло напоминало электрический стул. В другую боковую стену было встроено обширное зеркало. Игорь помахал рукой своему отражению, и тут же оно озарилось внутренним светом, потому что незаметно отошедший Игорь Васильевич включил свет в зазеркальной комнате; Игорь Васильевич по ту сторону стекла помахал Игорю в ответ, лицо у Игоря Васильевича было невеселое и опять как бы нарисованное для комикса, он зачем-то качнул лампу в коническом жестяном абажуре, свисавшую с потолка на длинном шнуре, шагнул вбок и выключил ее, так что Игорь опять уткнулся взглядом в свое отражение.

Игорь посмотрел наверх, у него в комнате была такая же лампа в таком же абажуре.

– Ладно, я пошел, – заглянул в комнату Игорь Васильевич. – Ты здесь пока побудь.

– Именно здесь? – спросил Игорь, потому что ему не хотелось сидеть на табурете на углу стола, может быть, несколько часов.

– Да нет, весь Голливуд твой, только не отлучайся, – сказал Игорь Васильевич и пропал.

Игорь вышел из комнаты, намереваясь направиться в комнату с диванами и книгами, и увидел, как Игорь Васильевич, не торопясь и не оглядываясь, удаляется по дугообразному коридору своей нешаркающей, твердой походкой. Игорь подождал, пока тот скроется за поворотом, и прошел в комнату отдыха. «При том что совсем не устал», – подумал Игорь.

Возле книжного шкафа к сосновому запаху сауны примешивался отчетливый запах распаренной влагой бумаги и бумажной пыли. Чтобы особо не внюхиваться, Игорь вытащил первый попавшийся томик из плотно стоящих друг к другу книжек и осторожно, как в гостях, присел на край ближайшего к нему кожаного дивана.

«А что я, собственно...» – тут же поймал себя на робости Игорь и откинулся на спинку.

Впрочем, долго ждать не пришлось, не успел Игорь и десяти раз поменять положение тела с заваливанием то на один, то на другой подлокотник, в зависимости от того, какая нога у него затекала, не успел как следует вникнуть в послевоенные судьбы комбайнеров, описываемые в книге, не успел как следует проникнуться духом борьбы за победу в соцсоревновании, как в коридоре загромыхали шаги.

Игорь торопливо вскочил, решая, засовывать книгу обратно на полку или просто бросить на журнальный столик посредине комнаты, где уже валялось несколько книг. Шаги приближались слишком быстро, поэтому Игорь бросил книгу на столик, и она упала точно на обложку, отчего громкий хлопок разнесся по всему коридору так, что на мгновение заглушил шаги, а эхо его вернулось к Игорю. Опережая приближавшийся грохот, в комнату заскочил отчего-то несколько бледный Ринат Иосифович с коричневым конвертом и инвентарной книгой под мышкой. Увидев Игоря с его недоуменным взглядом, Ринат Иосифович выдохнул, как после бега, и тоже бросил на стол и конверт и книгу, затем достал из-за пазухи ручку и молча протянул ее Игорю в щепоти, держа за кончик со стороны завинчивающегося колпачка.

Звук шагов сначала приблизился, потом миновал дверь, за которой находились Игорь и Ринат Иосифович. Ринат Иосифович посмотрел на обеспокоенного бездействием Игоря и пояснил:

– Пока некуда спешить, да и вообще...

Ринат Иосифович нашел нужную страницу и дал расписаться Игорю.

– Я диктофон наверху забыл, – сказал Игорь, – мне самому сходить, или вы принесете?

– Диктофон не нужен, – захлопнул книгу Ринат Иосифович и самоустранился, как бы проскользнув в щель не до конца закрытой двери. Игорь пожал плечами, взял конверт и пошел в допросную. В шаге от допросной Игорь заметил, что руки у него мелко дрожат, и ему это не понравилось, он вернулся назад по коридору, зашел в туалет, долго пил воду из умывальника, долго держал голову под струей воды, а потом долго стоял под включенной сушилкой.

Придя в допросную, Игорь застал уже окончание возни с тем, кого ему предстояло допрашивать. Фил держал шею человека в локтевом сгибе, а Игорь Васильевич поругиваясь на неловкость своих пальцев, пристегивал человека многочисленными ремешками. Голова пойманного Игорем Васильевичем и Филом была накрыта чем-то вроде черного колпака, пойманный не издавал никаких звуков.

– Садись, че ты, – сказал Фил Игорю.

Игорю было неловко сидеть в то время, пока Игорь Васильевич был занят делом, но Игорь Васильевич почти сразу же после фразы Фила распрямился и торопливо вышел, походя похлопав Игоря по плечу. Фил устремился за ним.

– Что капюшон? – придержал его за локоть Игорь.

– Снимешь, когда начнешь, – сказал Фил. – Не парься, мы тут рядом будем.

Как бы поясняя слова, где они будут рядом, Фил кивнул головой в сторону зеркала и скрылся.

Игорь положил конверт на стол, подошел к человеку в кресле и нерешительно вознес руку над его головой, неприятно было бы, если под колпаком оказался кто-нибудь из знакомых. Такой вероятности исключать было нельзя, но Игорь понятия не имел, что бы стал делать в таком случае. Он осторожно потянул верхушку колпака на себя.

Освобожденный из-под колпака зажмурился и замотал головой.

– Извините, – зачем-то сказал Игорь, скомкал колпак и поместил его на угол стола, затем сел на табурет и стал аккуратно вскрывать конверт, то и дело поглядывая в сторону пойманного Филом и Игорем Васильевичем.

Это был молодой человек лет двадцати без усов, но с этакой бородкой, а точнее, зачатками светлой бородки, изображавшей капитанскую бородку или бородку профессора семидесятых. Выбритая наголо, мокрая от пота голова молодого человека поблескивала под лампой, как хрустальный шар. Заметив, что пот застилает глаза пристегнутого, Игорь поднялся, вытер ему лицо колпаком, снова сел на табурет и зачем-то посмотрел в сторону зеркала, как будто мог различить через амальгаму одобрение или неодобрение на лицах коллег.

– Как вас зовут? – неожиданно громко для себя спросил Игорь.

Пристегнутый, по-прежнему щурясь от света, смотрел на Игоря и, похоже, не мог определиться с ответом.

– Можно просто имя или имя-отчество, – помог ему Игорь, – как вам удобнее.

– Зачем я здесь? – спросил пристегнутый, оглядывая ремешки, которыми его руки были пристегнуты к подлокотникам.

«Ну вот, началось», – испуганно подумал Игорь, сам же опять глянул на зеркало, словно оттуда мог прийти какой-нибудь ответ.

– Отвечайте, пожалуйста, на вопрос, – пытаясь сделать голос тверже и строже, сказал Игорь. – Ваше имя или имя и отчество.

– Дмитрий Юрьевич, – сказал пристегнутый, пытаясь, видно, казаться старше, чем он был на самом деле. Игорь невольно усмехнулся.

– Вот что, Дмитрий Юрьевич, – сказал Игорь, доставая листок с вопросами из конверта, – это тест. Вы ответите на некоторые вопросы, подпишитесь о неразглашении, и мы отправим вас на все четыре стороны.

Пристегнутый облегченно выдохнул и осел в кресле.

– Я думал, меня в заложники взяли, – сказал он. – Думал, если вы лицо свое показали, то все.

– Да нет, не все, – пробормотал Игорь, старательно пряча глаза от пристегнутого. – Да и заложник из вас никакой, честно говоря, я так понимаю, олигархов у вас в роду нету.

– Хорошо бы, конечно, – сказал Дмитрий, веселея, – но чего нет, того нет. Меня тетка растила, в прошлом году умерла, трешку оставила, я ее на однушку и двушку сменял, в двушке сам живу, а однушку сдаю и учусь.

– На кого? – спросил Игорь, ловя себя на том, что сознательно затягивает допрос.

– На программера, – сказал Дмитрий. – Специальность длинно звучит, так что на программера.

– Ну, хоть не на юриста, – пошутил Игорь.

Дмитрий с готовностью рассмеялся и спросил:

– А кресло это зачем? – и пошатался в привязи.

– Это для теста, – сказал Игорь. – Оно с тебя какие-то показания снимает, я не в курсе какие. Мое дело вопросы задавать. Начнем?

– Давайте, – согласился Дмитрий.

Игорь услышал, как звенит вольфрамовая нитка в лампочке и как ходит по коридору туда и обратно Фил или Игорь Васильевич, и торопливо предупредил, опять же понимая, что просто тянет время:

– Только не удивляйся, вопросы совершенно идиотские.

– Да я нормально, – сказал Дмитрий.

– Вопрос номер один, – с расстановкой сказал Игорь, щурясь в листок и поглядывая на пристегнутого. – Выращиваете ли вы комнатные растения?

– Это вы травку имеете в виду? – засмеялся Дмитрий. – Нет, я не выращиваю. Мне от тетки герань осталась, я ее не выращиваю, я ее просто поливаю.

– Вопрос номер два, – опять же с расстановкой прочитал Игорь. – Подписаны ли вы на какой-либо канал ютьюба?

– Да, – как о само собой разумеющемся, сказал Дмитрий. – Я на много каналов подписан. У меня вообще свой канал есть. Я там летсплеи выкладываю, думал, раскручусь, может, партнерку получу, но они что-то урезали финансирование, теперь сложнее и раскрутиться, и деньги достойные получить со всего этого.

– Вопрос номер три, – прочитал Игорь. – Как, по шкале одного до десяти, вы бы оценили свою общительность?

Дмитрий почему-то задумался, Игорь в это время прислушивался то к удаляющимся, то к приближающимся, то снова удаляющимся шагам в коридоре.

– Пять или шесть, – наконец сказал Дмитрий, опять задумался и добавил: – Скорее, шесть.

– Вопрос номер четыре, – произнес Игорь. – Какие сны у вас преобладают, рациональные, сюрреалистические или кошмары?

Этот вопрос опять погрузил Дмитрия в продолжительную задумчивость, которая только порадовала Игоря.

– Сложно так сразу сказать, – сказал Дмитрий, – они же смешиваются. Сюрреализм с кошмаром, кошмар с рациональным, сюрреальный с рациональным. Но сны я не запоминаю, честно говоря.

Игорь кивнул, давая понять, что ответ его устроил, и продолжил:

– Вопрос номер пять. Как вы считаете, способна ли материя мыслить?

– Нет, конечно, – уверенно сказал Дмитрий. – Камни, что ли, думают. Или песок.

Игорь почему-то обиделся за материю.

– Вопрос номер шесть, – сказал Игорь. – Коллекционируете ли вы что-нибудь?

Игорь вспомнил, что раньше все что-нибудь собирали, каждый пятый собирал марки, кто-то собирал спичечные этикетки, кто-то сигаретные пачки, а сейчас коллекционированием занимаются в основном дети по наводке маркетинговых компаний крупных производителей какой-нибудь детской ерунды.

– Нет, не коллекционирую, – сказал Дмитрий. – Я уже из этого возраста вышел, хотя у меня друг есть, он по всякой нацистской ерунде угорает безо всякого экстремизма, просто значки их всякие собирает, монеты.

– Вопрос номер семь, – прочитал Игорь, но Дмитрий его перебил.

– Можно воды? – спросил он.

– Конечно, можно, – сказал Игорь, – сейчас схожу.

Сходив в туалет и вернувшись оттуда со стаканом воды, Игорь застал Дмитрия за тем, что тот старательно дул в сторону стола.

– Я пытался листок сдуть, – оправдался Дмитрий, видя вопросительный взгляд Игоря.

– Ну и как успехи? – спросил Игорь, хотя видел, что листок с вопросами так и лежит на том же самом месте.

– Сами же видите, что никак, – сказал Дмитрий. – Слишком далеко.

Игорь напоил гостя, отнес стакан обратно, а когда вернулся, то увидел, что Дмитрий снова занимается тренировкой своих легких. Как только они продолжили допрос, в коридоре снова затопали то приближающиеся, то удаляющиеся, то снова продолжающиеся шаги, на шестидесятом вопросе Игорю надоело прислушиваться к этим шагам, он раздраженно отложил листок и вышел в коридор. В коридоре на него недоумевающим взглядом смотрел Фил.

– Прекрати ходить, пожалуйста, – полушепотом попросил его Игорь.

– Не один ты волнуешься, – сказал Фил, но все-таки убрался за дверь соседнего зазеркального кабинета.

Игорь вернулся к столу.

– Можно немного ремни расслабить? – спросил Дмитрий, – а то что-то левая нога затекла.

– Устал? – Игорь спросил это, раздумывая, сесть на табурет или продолжить допрос стоя. Садиться на табурет ему не хотелось, потому что он был низковат для него, или это стол был высокий, словом, как бы то ни было, сидеть за столом на этом табурете было неудобно. Опять же, Игорь не знал, можно ли допрашивать стоя, но подумал, что если нельзя, вмешается Игорь Васильевич, а вопрос и ответ можно будет перезаписать.

– А долго еще? – поморщившись, спросил Дмитрий.

Игорь помахал в воздухе листочком:

– Видишь же. Один листок всего.

– Смотря какой шрифт, – возразил Дмитрий.

Игорь пробежался глазами по листку, проверяя, какие вопросы он уже задал, а какие еще остались, произвел вычитание в уме и сказал:

– Сто восемь вопросов еще осталось, выдержишь?

– Я так понимаю, выбора у меня все равно нет, – сказал Дмитрий.

Они продолжили. На этот раз вопросов, которые бы удивили Игоря, не осталось, ему уже хватило одного раза, чтобы смириться с безумной фантазией сочинителя допросного листка. Удивил Игоря, скорее, не сочинитель вопросов, а пристегнутый Дмитрий, который на вопрос, какие герои анимэ ему известны, не только не спросил в ответ, что это такое (сам Игорь не знал, что это), а минуты четыре перечислял английские и японские имена.

– Я бы и по манге прошелся, – передохнув, сказал Дмитрий находящемуся в легкой прострации Игорю. – Но там много совпадений будет. Нужно?

Игорь зачем-то взглянул на зеркало и, как будто получив оттуда ответ, отрицательно покачал головой.

– Думаю, нет, – сказал Игорь, – давай дальше пойдем, быстрее закончим.

Вопрос про анимэ был сто седьмым. На сто тридцать втором (в каком возрасте вы научились завязывать шнурки?), на Игоря накатило желание порвать листок пополам, отвязать Дмитрия, пробиться наверх и отпустить его на все четыре стороны. На сто пятьдесят восьмом вопросе (сколько километров, вы думаете, вы могли бы преодолеть пешком за сутки?) это желание стало почти непреодолимым. Игоря останавливало только то, что он знал, что даже будь у него под рукой хотя бы какое-нибудь оружие, вряд ли он смог бы защитить себя, Дмитрия, а затем, возможно, сына и жену от цепких лап Фила и Игоря Васильевича. Вполуха слушая ответы Дмитрия, Игорь задавал вопросы, а сам мысленно прикидывал план побега, где так и эдак фигурировал оглушительный низкий табуретик. Игорь то и дело косился на него как на действительно что-то спасительное, но все даже в мыслях заканчивалось тем, что Игорь Васильевич брал Игоря одной рукой за шиворот, как кота, с легкостью поднимал и отшвыривал со своего пути.

Когда прозвучал последний, как всегда сто шестьдесят восьмой вопрос, Игорь вздохнул и потер переносицу, как бы устав, а на самом деле ожидая, что сейчас зайдет спокойный Фил и в своей обычной манере переломит шею очередной своей жертве, а Игорю на это смотреть больше не хотелось. Около минуты он стоял так и все потирал лоб, но не слышал ни шума шагов, ни звука открываемой двери, а слышал только, как звенит в лампе над головой вольфрамовая нить. Понимая, что драматичная пауза несколько затянулась, Игорь обратил свой взор зеркалу, оттуда, как обычно, на него смотрело его сутулое отражение с беспомощным лицом. Еще несколько минут Игорь смотрел на это отражение.

– Что-то не так? – спросил Дмитрий, тоже почуявший что-то неладное.

– Да тебя отстегнуть должны те ребята, что тебя сюда привезли, – сказал Игорь своему отражению, – зависли что-то.

– А вы не можете? – спросил Дмитрий.

– В том то и дело, что не могу, – пояснил Игорь отражению. – Полномочий таких не имею. Сейчас схожу, узнаю, что это они...

– Воды еще, пожалуйста, принесите, – попросил Дмитрий вслед выходящему Игорю, и тот согласно махнул рукой.

В коридоре было пусто, Игорь понял, что Фил так и не высунулся из своей норы и унимал волнение каким-нибудь лишенным подвижности и шума способом. Игорь сунул голову в комнату за зеркалом, там, после освещенной комнаты, казалось, была кромешная темень.

– Эй, – сказал Игорь, – вы что там?

– Игорь, – отозвался из темноты голос Игоря Васильевича, – ты не обижайся, пожалуйста, просто порядок такой. Покажи обе руки, чтобы я их видел.

Игорь пожал плечами, отворил дверь пошире и приподнял обе ладони. Появившийся откуда-то сбоку Фил стал обхлопывать Игоревы штанины, рукава и туловище.

– А сразу нельзя было еще на входе проверить? – уязвлено спросил Игорь, чувствуя почему-то облегчение от того, что не решился на план с побегом, но раздосадованный тем, что ему по-прежнему не верят.

– Мы даже друг друга с Филом каждый раз проверяем, – оправдываясь, тихо признался Игорь Васильевич.

– Вы-то понятно, – попытался с кривой улыбочкой пошутить Игорь, – но я приглашения в ваш сугубо мужской клуб не получал.

– Да ну тебя, – сказал Игорь Васильевич, – просто тут до Фила и Молодого парень работал, так он во время допроса чуть весь отдел не порешал ножом для бумаг.

– Чисто, – видимо, имея в виду чистоту помыслов Игоря, сказал Фил.

– Ты пойди пока в комнату отдыха, – посоветовал Игорю Игорь Васильевич. – Нечего на это смотреть. А лучше иди уже сразу наверх. Мы тут без тебя, как ты понимаешь, управимся.

Игорь поплелся обратно на поверхность земли. Фил вышел из комнаты и дождался, пока Игорь скроется за поворотом коридора. Игорь знал, что Фил все свои дела обделывает тихо, однако все равно ждал какого-то шума, который бы как-то обозначил окончание жизни Дмитрия.

Шум последовал, когда Игорь поставил ногу на первую ступеньку, ведшую наверх, но это был не предсмертный крик, это кашлял Игорь Васильевич. Поток воздуха из коридора донес до Игоря запах табачного дыма.

Еще поднимаясь, Игорь услышал, что котельная, тихая до этого все время, что он здесь работал, излучает незнакомый его слуху гул. Игорь вышел из электрощитовой и застал стоящих возле одного из четырех котлов Рината Иосифовича и Молодого, оба они зачем-то внимательно смотрели на экраны своих телефонов. Игорь подошел к ним и, перекрикивая шум и гул, спросил, что они делают.

– Котел продуваем, – сказал Молодой, – его минут двадцать надо продувать.

– А смысл? – спросил Игорь.

– Считается, что за то время, что котел стоял без дела, туда могло газа насочиться, а если не продуть, газ взорваться может, – сказал Молодой.

– Так вы его разжигать собираетесь? – удивился Игорь. – Нахера?

– Труп будем сжигать, – пояснил Молодой, не дрогнув лицом, в то время как лицо Игоря как раз таки слегка перекосило, так что он сам это почувствовал.

– И что, даже костей не останется? – пересилив себя, спросил Игорь.

– Останутся, конечно, – бодро отвечал Молодой, – но у нас в Голливуде дробилка есть специальная, а остатки в канализацию.

Игорь поразился тому, как все вдруг заговорили про Голливуд, при том что до этого не заикались о нем ни полслова.

– Допрыгаемся мы когда-нибудь, – предрек Игорь. – Нагрянет милиция, найдет этот подвал, и придется все висяки в городе на себя брать.

Игорь перехватил быстрый взгляд Рината Иосифовича, который (взгляд) как бы говорил, что на коллектив, включая Эсэса, может, что и повесят, а с Ринатом Иосифовичем у милиции ничего не получится. «Посмотрим», – опуская глаза, почему-то мстительно подумал Игорь.

– У нас так-то крыша неплохая, – беззаботно отозвался Молодой на опасения Игоря.

– Крышу могут в любой момент переставлять начать, – пояснил свои слова Игорь. – Может, уже в данный момент кого-нибудь вяжут или с позором выгоняют, пока мы тут развлекаемся.

Но и эти пояснения не поколебали спокойствия Молодого, Молодой просто снова начал смотреть в экран телефона, как будто Игорь был этаким призраком, который напророчил всякую мрачную хрень посреди пира и пропал. Ринат Иосифович повел себя точно так же, как Молодой, поэтому Игорь и правда решил исчезнуть и пошел к себе наверх. Игорь рассудил, что если он еще нужен или понадобится в будущем, его все равно окликнут или придут и позовут, а на душе было так тяжело, что тяжесть эта давила на ноги, так что хотелось тут же присесть где-нибудь в темном уголке и сидеть не двигаясь. Он не знал, как чувствуют себя остальные, но было странно, что они не чувствуют себя так, как он.

Игорь дошел до своего кабинета, однако, уже взявшись за дверную ручку, передумал и поднялся в курилку, чтобы спустя двадцать минут обнаружить себя уже курящим в конференц-зале и стряхивающим пепел прямо на пол. Вроде бы все началось рано утром и прошло не так уж много времени, а между тем за окнами уже стемнело, Игорь решил не включать свет, чтобы не обнаружить себя. Ноги затекли, Игорь вспомнил затекшую ногу Дмитрия, которая, похоже, затекла навсегда. Игорю стало еще тошнее. Чтобы расслабиться, Игорь протянул ноги под кресло спереди, а когда, спустя какое-то время, ногам не стало легче, он закинул их на спинку кресла спереди. Причем сразу же вспомнил, как в начальной школе их повели на сеанс «Белого солнца пустыни», и какой-то старшеклассник, вот так вот точно устав, тоже закинул ноги на спинку Игорева сиденья и сидел так, болтая ботинками возле головы Игоря, пока все это не увидел какой-то педагог, кажется, военрук, и тут же, прямо в зале, вкатил старшекласснику люлей. Казалось, что быть хуже уже не может, но после этого воспоминания Игорю стало именно что хуже. В том унизительном случае и в этом была какая-то абсолютная безвыходность, только в детстве это была кажущаяся безвыходность, а теперь это была безвыходность настоящая, и никакой спасительный военрук появиться не мог в принципе. Не зная, куда девать окурок, Игорь потушил его о подошву ботинка и сунул в широкий карманище комбинезона на груди. Затем, нашарив в кармане штанов пачку, закурил и предался самоуничижительным мыслям о том, что это всего лишь второе его дело, а он уже расклеился, что это, может, правда имеет смысл, потому что не верить словам Сергея Сергеевича, произнесенным с отчаянным лицом при пикировках с Игорем Васильевичем, не было никакого резона. Именно это отчаяние в лице главного придавало его словам больший вес.

И совершенно отчетливый вывод вдруг всплыл из аналитического отдела Игорева мозга прямо в какую-то его очередную черную упадническую мысль. Игорь вдруг вспомнил про женские сапоги в коридоре убитого мужичка и женское имя, которое он произнес, и понял, что это не может быть черное риэлторство, потому что убитый мужичок не являлся единственным владельцем квартиры, не являлся одиноким стариком, все равно право на его квартиру легко оспаривалось родственниками, а убивать всех родственников, тем более ради хрущевки на окраине, – это было слишком даже для их сумасшедшей котельной. Эта мысль так взбодрила Игоря, что, всячески обдумывая ее, он выкурил, наверно, с половину пачки и все так же гасил и прятал окурки в карман, пока в конференц-зал не заглянул Молодой и не крикнул в коридор:

– Да нету тут никого!

А ему ответили из коридора голосом Игоря Васильевича:

– А где он тогда?

– Вы меня, что ли, ищете? – всячески извернувшись, крикнул в уже закрывшуюся дверь Игорь.

Молодой заглянул снова и включил свет.

– А, ты здесь? – сказал Молодой с облегчением.

Прежде чем в зал заглянул Игорь Васильевич, Игорь успел убрать ноги с кресла. Все, видимо, решили, что Игорь сбежал или что-нибудь с собой сделал. Игорь Васильевич смерил Игоря оценивающим взглядом, затем переключил взгляд на Молодого и, словно приуныв от его убогости, сутулости, прыщавости, спросил:

– Господи, как ты в туалет-то ходишь? Как ты в ширинке-то ничего не теряешь?

– Тут темнотища такая, – сказал Молодой, – после коридора ничего не видно.

– А свет было не судьба включить? – ввязался опять взявшийся ниоткуда и одновременно откуда-то сбоку Фил.

– Меня после того раза не тянет как-то свет везде включать, я уже дома иногда опасаюсь, – сказал Молодой. Игорь подумал, что ему, возможно, опять чего-то недоговаривают, решил запомнить эту фразу Молодого, чтобы потом спросить его, но эта мысль тут же вылетела у него из головы, вытесненная мыслью, что они все-таки не черные риэлторы.

– Так сразу бы и сказал, я бы тебя и посылать не стал, – сказал Игорь Васильевич Молодому. – Я что, на зверя похож. Я что, не понимаю?

Молодой сказал, что в данный момент Игорь Васильевич как раз таки похож на зверя.

Все трое: Молодой, Фил, Игорь Васильевич – стояли в дверях и, переругиваясь, поглядывали на Игоря, как Игорю показалось, оценивающе.

– Что за шум? – спросил Игорь, вставая. – Меня потеряли, что ли?

– Ну, блин, – признался Игорь Васильевич с интонациями медвежонка из «Ежика в тумане». – Сначала подумали – ты уехал раньше времени. Косяк, конечно, но понятно было бы, в принципе. Потом смотрим, нет, твоя машина в гараже. И давай, короче, искать.

Вид у всех троих был несколько испуганный и как будто виноватый. Игорь невольно оскалился одной стороной рта и заметил:

– А сразу не нужно было говорить про Голливуд, про убийства. Или еще что-то, может, нужно сделать, а я еще не знаю.

Троица глядела на Игоря озадаченно, не понимая, чего он от них хочет.

– Ну, не знаю, – подтолкнул их Игорь, – может, вы тут еще кого-нибудь на органы пускаете, или нужно съесть сердце допрошенного врага, или под Голливудом есть еще один Голливуд, или есть подземная вертолетная площадка, и мы послезавтра вылетаем на карательную операцию в какую-нибудь деревеньку и выжигаем ее дотла.

– А, – понял Игорь Васильевич, – ты об этом. Ты обиделся, что ли, что тебе не все сразу рассказали?

– Я не обиделся, что мне не все сразу рассказали, – сказал Игорь. – Я боюсь, что я еще чего-то не знаю. Нельзя ли сразу как-нибудь рассказать обо всех аспектах моей работы.

– Нашелся гуляка? – донесся из коридора голос Сергея Сергеевича.

– Нашелся-нашелся, – ответили ему все дружным хором, даже Игорь зачем-то вставил свой голос, причем вложил в него ту же интонацию снисходительности и облегчения, что и остальные.

– Я же говорил, что он тут где-нибудь, – сказал Сергей Сергеевич и, судя по хлопнувшей двери, опять закрылся у себя в кабинете.

– Честно говоря, – сказал Игорь вполголоса, – кажется, я хочу нажраться. Мне даже странно, что я это произношу. Я понимаю, ребята, что вы это уже все очень долго делаете, и все самое тяжелое на вас лежит, но я не понимаю, как вы так долго выдерживаете. Мне кажется, что мне и двух раз хватило, и только алкоголь спасет меня от...

Игорь не мог подобрать слова, чтобы выразить, как едет у него в данный момент крыша, но судя по тому, что лица Игоря Васильевича, Молодого и даже Фила озарились светом понимания, сочувствия и готовности к выпивке, они поняли, что имеет в виду Игорь. Игорь Васильевич только глянул на Молодого, а тот уже кивнул:

– Я сейчас котел остановлю и схожу за чем-нибудь.

– А я кости, когда котел остынет, уберу, – сказал Фил, когда Игорь Васильевич взглянул и на него. – Вас развезу и посмотрю, как там и что.

– Только давай, чтобы они не лежали месяц там, – сказал Игорь Васильевич. – А то придет за тобой среди ночи призрак.

– Да ну тебя, – сказал Фил, – после того, что мы тут делаем, ты еще пугать меня будешь?

– Буду, – честно сказал Игорь Васильевич таким голосом, словно уже наподдал.

Через сорок минут они уже сидели в комнатенке Фила и пили водку. Игорь Васильевич предлагал что-нибудь полегче, вроде красного сухого вина, но Игорь сказал, что не любит блевать кислятиной. К ним пытался примазаться Ринат Иосифович, но он не складывался, да и опыт прошлых пьянок давал знать, что Рината Иосифовича нужно гнать в шею, поэтому так и сделали. Ринат Иосифович тут же сбегал и стуканул Эсэсу, что его работники пьют на рабочем месте, Эсэс позвонил Игорю Васильевичу, но, видимо, приводил какие-то неубедительные аргументы, потому что Игорь Васильевич быстро отлаялся от него. Игорь Васильевич ошибся, когда клал трубку и нажал кнопку громкой связи, так что до всех ушей в комнате донеслась его фраза «разгоню всех нахер к херовой маме», очень всех развеселившая, потому что все уже поддали, а Фил проникся общим хмелем.

После первой же пары рюмок Игорю стало легче на душе. Разум говорил, что так недолго и спиться, а чувства говорили, что дома один он пить не будет все равно, потому что не может пить один, а на этой работе он пьет впервые и еще не замечал, чтобы все тут все время квасили.

Непьющий Фил стоял в уголке, поближе к дверям, будто на тот случай, если придется быстро покидать помещение. Игорь Васильевич и Игорь продавливали разные стороны диванчика и стряхива-

ли пепел своих сигарет в пепельницу, стоявшую между ними. Когда Игорь Васильевич промахнулся мимо пепельницы, Фил заметил: «Вы мне постель не сожгите». Молодой расположился за столиком, исполняя роль виночерпия, при том что и сам пил.

– Как только начну все ронять и разливать, значит, хватит, – со знанием дела предупредил Молодой в самом начале распития, все только отмахнулись от него, дескать, знаем, уже видели, даже Игорь отмахнулся, хотя ему было неловко от того, что он вот так вот поддался всеобщему чувству снисходительности к Молодому. Пепельницей молодому служила пустая банка из-под кофе, украденного из Ринатовых запасов. Возле Молодого же, на столике, стояла простецкая закуска, следующим утром Игорь не мог вспомнить, чем они закусывали.

– Ничего, что мы тут курим? – то и дело спрашивал Игорь Васильевич Фила сквозь пласты дыма, которому некуда было выходить, кроме узенькой форточки.

– Когда мне станет неприятно, я сам скажу, – каждый раз отвечал на это Фил.

После четвертой рюмки Игорь поделился мыслью, которая пришла ему в голову в конференц-зале.

– Да это и так понятно, – отмахнулись от него все чуть ли не вперебой, то есть Игорь Васильевич и правда отмахнулся, а Молодой и Фил просто поморщились. – Нужно полным дебилом быть, чтобы зариться на какую-нибудь однушку в какой-нибудь срани и привлекать при этом ФСБ.

Фил и Молодой сопровождали кивками чуть ли не каждое слово Игоря Васильевича.

– Ну а что это тогда? – растерянно спросил Игорь. – Трупы мы с собой не берем, если привозим кого, то сжигаем, допросы эти, по-моему, чистая профанация. Мы с Молодым занимаемся какой-то ахинеей.

– У меня не ахинея, у меня чистая наука, – самодовольно сказал Молодой уже несколько заплетающимся языком.

– Ой, да ладно, «наука», – осадил его Игорь Васильевич. – Ты к результатам месяцами не притрагиваешься, то в «ВоВ» гоняешь, то в дотку, то лысого.

Несмотря на такую очевидную подколку, никто не засмеялся, даже сам Игорь Васильевич произнес шутку с каким-то автоматическим остервенением, словно Молодой просто заслуживал такой шутки, как какой-нибудь курящий подросток, застигнутый врасплох, заслуживает подзатыльник от отца.

Молодой и Игорь Васильевич горячо заспорили. Это, впрочем, не мешало Молодому наливать в протягиваемые рюмки, разливать и протягивать рюмки обратно. Игорь ощутил приятное внутреннее тепло, какое бывает не от водки, а от мартини, но эту мысль он решил не озвучивать, поскольку чувствовал, что Молодой и Игорь Васильевич с удовольствием перекинутся со своего спора на всяческие насмешки над таким сравнением. Фил, как будто почуяв стеснение Игоря, широко улыбнулся ему из своего угла. Фил, похоже, тоже не слушал, о чем спорят эти двое, он как-то незаметно включил телевизор и стал смотреть какой-то дикий сериал на втором канале. Игорь зачем-то тоже стал смотреть в экран, не особо понимая, что там, на экране, происходит, и не понимая, зачем Фил это смотрит, пока не заметил среди актеров мальчика. «Зашибись», – подумал Игорь, надеясь, что ошибся, и понимая при этом, что другого объяснения найти просто не может. Не очень яркая лампочка под потолком и непроницаемость окон создавала ощущение, что они до сих пор находятся в своем подземном бункере. «Как Гитлер», – подумал Игорь, вспомнил о людях, которых они убили, и ватная тоска опять навалилась на него.

– Ты же сам меня на мысль навел, что мы, возможно, с пришельцами боремся, потому что другого объяснения не найти и никак это не оправдать, при этом ты говоришь, что знаешь, что на самом деле происходит, и не говоришь, – услышал Игорь отчаянный голос Молодого и отвлекся теперь уже на него, точнее, стал поглядывать то на Молодого, то на Игоря Васильевича.

– Я? – сказал Игорь Васильевич. – Да я что, псих? Никогда я такого не говорил. Я говорил, что мы людей убиваем, которых никто не хватится, вот что я говорил.

– Я точно помню, что это ты мне сказал, только не помню когда и где, – возражал Молодой. – Я еще помню, что все версии от тебя исходят, с этим-то ты уж спорить не будешь, наверно.

– Это не от меня версии, а от Эсэса, – сказал Игорь Васильевич. – А еще он говорит, что знает правду, но вам ее говорить не желает. Она вам, типа, жизнь перевернет.

Фил радостно засмеялся то ли телевизору, то ли словам Игоря Васильевича.

– Ну тебе, Миша, хер уже, что перевернешь, – угадал его мысль Игорь Васильевич.

– Вот и я о том же, – сказал Фил.

– Фил, – сказал ему Молодой, – ты вроде не пьешь, а кажешься теперь пьянее всех.

– Это всегда так кажется, – ответил на это замечание Игорь Васильевич. – На семейных пьянках всяких даже дети кажутся пьяными.

– Люди, – выскочил вдруг Игорь со внезапно возникшей мыслью, которую он боялся забыть, – а что это вы со мной носитесь, как с писаной торбой? Я еще в актовом зале спрашивал, да вы что-то замяли. Сейчас скажите.

– Да кто с тобой носится? – возмутился Молодой и некрасиво искривил свое и без того некрасивое лицо, ставшее еще некрасивее под воздействием алкоголя – бледнее в тех местах, где прыщей не было и краснее в тех местах, где прыщи были.

Игорь не нашелся, что ответить, но Игорь Васильевич вступился за Игоря:

– Да нет, все правильно, носимся, – сказал он, – у нас просто ротация большая среди тех, кто допрашивает, какая-то херь вечно с теми, кто допрашивает, что уж скрывать. Бегут люди только так. Один реально сбежал, найти не можем.

– Есть подозрение, что в дауншифтинг ушел, – сказал Молодой, – через каких-нибудь случайных знакомых.

– Видимо, не всем это дано, людей допрашивать и знать, что их через сто с лишним вопросов в живых не будет, – сказал Игорь Васильевич. – Чего тут только не было. И пострелушки пытались устраивать. Один в дурку залег, возможно, что навсегда. Видимо, как-то разговор влияет на восприятие. Одно дело, когда тебе говорят, что это враги народа там, не знаю, кто еще, а совсем другое, когда вообще не знаешь, за что.

– Да ладно тебе, нашли тоже проблему, – возразил Молодой. – Взяли бы какого-нибудь палача из милиции, который на пытках попался, или там, мало ли, в органах работает. Каждую третью воспиталку детсада возьми, они будут домой приходить и спокойно засыпать.

– Так брали ведь уже, – сказал из угла Фил.

– Ага, – поддакнул ему Игорь Васильевич, – и чем это закончилось?

Самое интересное, что Игорь Васильевич не стал говорить, чем это закончилось, а продолжил:

– Почему-то всегда находится кто-нибудь, на ком допросчик ломается. Ломал человек ребра невинным людям, ради палочек в отчетах, а тут – херак, не выдержал, что у него бомжа грохнули, от которого он сам нос воротил.

– А сами-то вы как? – спросил Игорь и посмотрел на Фила и на Игоря Васильевича, они переглянулись. Игорь ощутил, что между ними пробежал такой взгляд, какого ему никогда не понять.

– Я ведь уже объяснял неоднократно, – сказал Игорь Васильевич, – людей масса гибнет и без нашей помощи. Но чтобы их еще больше не погибло, нужно убирать тех, кто представляет угрозу. Если государство сказало, что они представляют угрозу, значит, там знают что-то, чего мы не знаем. Может, они спящие агенты какие, как в фантастических фильмах, может, в них зомби-вирус, может, они связаны как-то с теми, кто может причинить вред.

– Это фашизм какой-то, – сказал Молодой. – Я тут полностью замешан, своего участия не отрицаю, не говорю, что я весь в белом, но это что-то фашистское в твоих взглядах. Так всякие, знаешь, коменданты концлагерей говорили на всяких судах.

– Фашизм – это когда пачками людей уничтожаешь, – возразил Игорь Васильевич, – по этническому или какому другому принципу. А мы, как видишь, так далеко не заходим.

– Нет, я имею в виду, что вы так спокойно приказы выполняете оба, – сказал Молодой.

– Ну так ведь кто-то должен их выполнять, – сказал Игорь Васильевич. – Причем, как ты сказал, «спокойно». Иногда через это «спокойно» приходится их выполнять. Но это вопрос веры. Вот ты, например, в бога не веришь, и я не верю, я верю в государство и что оно необходимо. Ты во что-то тоже веришь. Любая вера во что-то так или иначе убивает. Любая идеология жертв требует, без этого никак. Тот же капитализм много жизней уносит, но ты деньгам это в упрек не ставишь.

– Вообще-то анархизм не требует ничего, – сказал Молодой, – он вообще отрицает всякую власть человека над человеком.

– Это он на словах отрицает, – сказал Игорь Васильевич. – У муравьев это, может, и прокатило бы или у пчел, но мы-то обезьяны, просто высокоорганизованные, мы в любом случае будем иерархию выстраивать, хотим мы этого или нет. Уже в самой идеологии анархизма спрятано это насилие над человеческой природой, потому что он заставляет быть человека не тем, кем он является. Или быть тем, кем он не является. Или как я раньше сказал?

– Да ты уже и так и так сказал, – откликнулся Фил на адресованный Молодому вопрос.

– Похоже, тебе уже хватит, – заметил Молодой Игорю Васильевичу.

– Тебе еще несколько раз придется сказать, что мне хватит, когда правда будет хватит, – сказал Игорь Васильевич со знанием дела, но хриплым от опьянения голосом. – И как бы ты раньше в аут не ушел. Тут так-то и пить нечего.

– Ты же сам поймешь, когда ему будет хватит, – сказал Фил Молодому, – ты этот момент не пропустишь.

– Это когда он на мне всякие захваты начнет показывать? – слегка возмутился Молодой. – Надеюсь, до этого мы разъедемся уже.

– Это от меня зависит, разъедетесь вы или нет, – усмехнулся Фил. – Вы так-то уже хороши.

Тем не менее, просидели они еще достаточно долго. Постепенно теплота и покой в теле Игоря сменились на какое-то речевое оживление, потому что все стали почему-то рассказывать про книги и сериалы, а Игорю непременно нужно было вставить свое мнение в общий хор. При том что Игорь сознавал себя каждую секунду и контролировал себя, наступил момент, когда осталось для него только это настоящее, на котором нужно было балансировать, как циркачу на проволоке. Затем наступил предсказанный Филом момент, когда на любую фразу Молодого Игорь Васильевич начинал предлагать обучить Молодого всяким болезненным захватам, чтобы у Молодого в жизни все было хорошо и за него не нужно было бояться. К тому моменту Игорю отшибло алкоголем все эмоции, кроме веселья, поэтому Игорю казалось смешным болезненное верещание Молодого, ему даже показалась смешной мысль, что Игорь Васильевич может случайно свернуть шею Молодого. С каждым болезненным воплем Молодого Игорь смеялся, представляя растерянную морду Игоря Васильевича, стоящего над бездыханным телом.

Затем была не менее смешная сценка про то, как Фил пытался забрать у Игоря Васильевича ключи от машины, но тот не давался, утверждал, что еще в силах развезти всех сам и пытался захватить Фила, но тот не давался. Игорь тоже чувствовал себя способным доехать до дома самостоятельно, но все никак не мог найти ключи от машины, потому что они остались в повседневной его одежде (об этом он догадался, когда протрезвел).

Затем в памяти Игоря наступил окончательный провал, потому что они пили за отъезд с рабочего места, сидели на дорожку и несколько раз пили «по последней». Следующее, что помнил Игорь утром, – это как они – Игорь, Молодой и Игорь Васильевич – стояли возле гаража и смотрели на то, как Фил выруливает наружу в обширном автомобиле Игоря Васильевича, пока сильный ветер с мелким острым снегом дул прямо в их лица.

Последовал очередной провал в памяти и в событиях. Очнулся Игорь только после долгого телефонного звонка, который сначала весьма долго наигрывал веселую мелодию прямо у него во сне, где продолжалась пьянка, работал включенный телевизор, горела желтая лампа под потолком, только были они там в полном составе, включая Рината, Сергея Сергеевича и убиенного Дмитрия, еще была там большая черная собака, ходившая меж людьми и дававшая Игорю тяжелую лапу. Игорь поднял трубку, выслушал ругань жены, и только в процессе ругани, оглядевшись по сторонам, догадался, что он еще не дома, а все еще находится в машине Игоря Васильевича, пристегнутый к переднему пассажирскому сиденью, в то время как так же пристегнутый к водительскому месту Фил держится за руль двумя руками и поглядывает на Игоря не без упрека.

– Да мы тут с ребятами напились, – честно сказал Игорь жене, помахивая рукой Филу, пытаясь объяснить, что сейчас он, Игорь, объяснится с женой и дойдет очередь и до объяснений с Филом. – День тяжелый был просто, вот и все.

– И много таких тяжелых дней намечается? – спросила жена. – Ты знаешь, который час?

– Честно говоря, нет, – сказал Игорь.

– Ты с пьянки этой позвонить не мог? – спросила жена.

– Честно говоря, нет, – Игорь решил особо не фантазировать и по возможности придерживаться этой фразы, потому что она сама лезла наружу в ответ на любой вопросительный знак в речи жены.

– Совесть у тебя, дебила, есть? – спросила жена.

Игорь ответил ей в том же духе, что и прежде, и жена в сердцах бросила трубку.

Игорь с готовностью повернулся к Филу, приготовившись выслушать теперь и его претензии. Игорь был в таком состоянии, когда похмелье еще не наступило, тяжелая фаза опьянения уже схлынула, а все окружающее Игоря было полно необычайной отчетливостью, бодростью и энергией, после этой бодрой фазы наступали «вертолеты» и совсем уже непреодолимая сонливость.

– Проснулся? – поинтересовался Фил с непонятным Игорю сарказмом.

– И что? Мы уже приехали? Ты меня выгрузить не можешь? – спросил Игорь.

– Ты адрес назвал, а теперь вылезать не желаешь, – объяснил Фил. – Говоришь, что это не твой дом.

– А какой адрес я назвал? – спросил Игорь.

Фил сказал адрес.

– Неудивительно, что я не хочу вылезать, – сказал Игорь. – Мы по старому адресу приехали. Мы раньше тут жили, а пару лет назад переехали. Не знаю, зачем я такое нагородил, но теперь нужно как-то домой все-таки попадать, ты хоть не выбросишь меня, надеюсь?

Фил смерил Игоря таким тяжелым взглядом, что будь у Игоря весы, он смог бы измерить тяжесть этого взгляда.

– Ну вы и фокусники сегодня, – вздохнул Фил, заводя и трогаясь. – Я уж думал, мы тут с тобой до утра просидим, даже смирился как-то с этим.

– Че фокусники-то? – спросил Игорь виновато от того, что Филу теперь придется пилить на другой конец города, а потом опять возвращаться в котельную.

– Адрес говори, – рыкнул Фил, но рыкнул без злобы, скорее устало.

Игорь назвал адрес, на что Фил шепотом выругался.

– Ну, хочешь, я такси поймаю, – сказал Игорь. – Я же понимаю все.

– Еще не хватало, – сказал Фил, и глаза у него стали сосредоточенные и на дороге, и на чем-то, что происходило у него в голове, он, видимо, представил, каким бы он был козлом, если бы высадил Игоря, и ему это совсем не понравилось.

– Так что было-то? – спросил Игорь, когда лицо Фила слегка смягчилось.

Фил только цыкнул на это, вздохнул и покачал головой:

– Это одиссея была. Три дурных, один дурнее другого. Ты и Молодой несколько раз двери на ходу открывали, чтобы поблевать, причем, кажется, так и не поблевали, но, короче, каким-то горцам показалось, что Молодой таки добрался до их колеса, они давай нас тормозить, Васильич вышел, стал рассказывать им, что он делал с их мамами и папами, они отвязались, но он до самого своего дома рассказывал, что он делал с их мамами и папами, он им, вроде, стрелу забил на завтра.

– А я еще что-нибудь делал? – спросил Игорь.

– Да куда уж еще больше? – удивился Фил. – Блевать пытался на ходу – это раз. Не туда приехали – это два. Сейчас, считай, едем, когда еще приедем – неясно. Ты точно адрес назвал?

– Да точно-точно, – обнадежил Игорь.

– Смотри у меня, – сказал Фил.

– Вот странные все-таки люди, – начал Фил после некоторой паузы, – я этих ребят имею в виду, что с Васильичем спорить начали, да и сам Васильич, да все мы, наверно. Оскорбляемся тем, на что и обращать внимания не стоит, и не оскорбляемся, когда до дела доходит до реального, когда нужно было бы обидеться. Вот сказал им Васильич про мам и про пап, ежу ведь понятно, что он с ними ничего не делал, что это пустой треп, из-за которого в бутылку лезть бессмысленно. Но сколько людей за неосторожный мат перо получали в бочину – не перечесть. Взять того же дядьку моего, он на дне рождения своего друга что-то ляпнул, что потом и вспомнить не могли, так ему друг ножом в артерию легочную попал с первого раза. Один – в могиле, другой, считай – на пятнашку загремел. А как денежную реформу провели, никто и не думал перо в этих людей совать, хотя они много жизней поломали этой штукой. Никто того же Грачева не пытался подрезать, хотя он этого и заслужил. Тех же болель-

щиков взять. Одни орут, что чужой клуб говно, их противники – что говно как раз таки не их клуб, а клуб их соперников, мощные все эти замесы. Я вот, по сути дела, пидор. Но если меня кто-нибудь так в кабаке назовет, я ведь ему все руки и ноги переломаю, хотя он, может, и не знает обо мне нихера, просто так сказал, а если бы и знал, то ведь он прав, а все равно целым бы не ушел. Загадка.

Игорь во время бесстрастного спича Фила смотрел на приборную панель, потому что, как оказалось, оглядывать подвижные предметы окрестностей просто не мог из-за того, что это движение порождало мутное чувство в том месте, где он предполагал желудок. Указатель уровня топлива показывал, что бензина осталось всего ничего, но Фил как будто не обращал на это внимания. Игорь забеспокоился, что им придется встать где-нибудь посреди всей этой зимы, но он смолчал насчет бензина и выразил беспокойство совсем другими словами.

– А Молодому ты когда-нибудь голову не отвинтишь на этой почве? – спросил Игорь.

Фил только хмыкнул, однако, как будто поняв настоящую озабоченность Игоря, свернул с их основного пути и прибился к светящейся автомобильной заправке.

Покуда Фил резво двигался туда-сюда – к окошечку кассы, к колонке, опять к окошечку кассы, Игорь успел открыть пассажирское окошко, бардачок, успел найти в бардачке початую пачку сигарет Игоря Васильевича и, несмотря на предостерегающую от курения надпись прямо у себя перед глазами и несмотря на перечеркнутую красным сигарету прямо над этой надписью, – закурил. Несколько противоречивых ощущений растеклись по телу Игоря с первой же затяжкой. Желудок сразу же отозвался особенно глубокой тошнотой, как будто дым разом высушил все содержимое желудка и наполнил желудок собой, как будто Игорь курил сигарету с гелием и этот гелий, как гелий в воздушных шариках, потянул желудок Игоря вверх, и только сухой пищевод не давал желудку вырваться из Игоря наружу. С другой стороны, мозг, удовлетворенный дозой никотина, послал по мышцам волну расслабления и покоя, а сам стал слегка пульсировать от похмельной боли в лобной своей части. То есть получалось, что оставил Фил в машине одного человека, слегка пьяного, слегка ироничного, а вернулся к мизантропу со снобистским лицом заядлого ездока на ночной мигрени.

– Ты только обивку Васильичу не пожги, – предостерег Игоря Фил, когда Игорь бросил окурок вслед удаляющейся автозаправке и взялся за вторую сигарету. Игорь почему-то надеялся, что вторая сигарета вернет ему былую форму, хотя по опыту знал, что этого не случится.

– Возьми лучше вот это, – сказал Фил и достал откуда-то из кармана высокую зеленую пивную банку и пояснил: – Успел купить, пока там возился.

– Круто, – сказал Игорь, потому что именно этого ему и не хватало к сигарете, схватил банку, тут же хищно открыл ее и залил себе пеной половину лица и штаны. Только теперь он обнаружил, что одет в свою обычную одежду, при том что пили они в комбинезонах, а момента переодевания Игорь не помнил. Этот факт Игоря не смутил, потому что уже одно только прикосновение холодной пены к губам и зерновой запах этой пены наполнили его тихой эйфорией, похожей на просветление буддистского монаха.

Фил стал пояснять насчет Молодого, что тот не виноват, что дурак, что он рад, что Молодой не пошел в армию со своим сколиозом, плоскостопием и папой, но не рад, что Молодой так и не нашел себя, а шарашится у них, вместо того чтобы продолжать учебу в институте и найти себе нормальную работу и устроить нормальную жизнь. Фил говорил, что без Молодого можно было совсем поехать крышей среди всех этих серьезных людей, думающих, что они делают какое-то важное дело.

– То есть, конечно, мы делаем важное дело, – сказал Фил, как бы оправдываясь, – но ведь это не значит, что его нужно делать, портя друг другу настроение. И так все это не очень весело, чтобы еще и мраку поддавать.

– А как ты, вообще, сам к этому относишься? – спросил Игорь, чувствуя, как пиво смешивается у него в желудке с водкой, и все это неторопливо поднимается на лифте обмена веществ прямо ему в голову, чтобы он не запомнил ответа. Фил стал что-то отвечать, но Игорь вспомнил потом только, что Фил говорил, дескать, каждый отдельный человек не враг другому человеку, за редким исключением, но раз уж он солдат, то должен что-то делать с людьми, которых назначили врагами, потом все было как в тумане, Игорь тоже что-то отвечал и даже вроде бы слегка издевался над таким солдафонством Фила.

Затем наступил момент просветления. Игорь находился на холоде в незастегнутом пальто и, пошатываясь, отливал в кусты под окнами своего дома, в то время как Фил предлагал проводить Игоря прямо до квартиры, на что несколько молодых людей, стоявших возле подъезда, отвечали смехом. Игорь, в свою очередь, предлагал Филу никуда не ездить, а переночевать у него дома, на что молодые люди опять же реагировали приступами смеха. Фил не уезжал, пока Игорь не завалился, наконец, в свой подъезд.

Игорь долго звонил в дверь, потому что не нашел ключей у себя в кармане. Ему открыла жена в накинутом поверх ночнушки халатике и тапках. Ничего не говоря, она погасила свет в прихожей, так что Игорю пришлось включать его снова, и скрылась в темноте квартиры.

Глава пятая

Игорь не ожидал, что втянется в работу настолько, что слепит отчет всего за один день, да еще и болея похмельем. Оказывается, описание самого допроса не стоило труда, если не нужно было описывать обстановку, в которой допрос происходил. Несколько удивляла Игоря та отстраненность, с какой он писал о реакциях молодого человека, которого допрашивал. Алкоголь поработал с Игоревой головой настолько хорошо, что все произошедшее казалось ему сценой из фильма, которую ему нужно было дословно пересказать. Уже ближе к вечеру Игорь свободно шарашился по котельной, пытаясь различить в помещениях запах сожженного трупа, в то время как остальные усердно корпели над своими бумажками и даже почти не выходили покурить.

Не зная, чем себя занять, Игорь, мучимый совестью перед Филом, который почему-то по умолчанию был ответственным за порядок во всех помещениях, Игорь вымыл пол в конференц-зале. Если быть точным, Игорь сначала хотел затереть только табачные пеплы, насыпанные под одним из кресел днем ранее, а потом как-то увлекся и прикончил весь зал. Впрочем, когда в общем коридоре началось шевеление, Игорь затиховался у себя в кабинете, опасаясь, как бы уборку эту не поставили в обязанность и ему самому.

Не успел Игорь потихоньку сбегать вниз и незаметно вылить воду из ведра, вернуться в свой кабинет, чтобы делать вид, что он работает, в то время как работают и остальные, как Сергей Сергеевич протрубил общий сбор.

Его голос был и правда похож на трубу и тревожный звук слоновьего хобота одновременно.

Все с покорным видом поплелись на внеочередное собрание, не скрывая недовольства на лицах, и, сверля Сергея Сергеевича скептическими взглядами, стали ждать, чего же он такого расскажет. Игорь тоже изобразил и недовольство на лице, и скепсис, чтобы не особо выделяться из коллектива. Никто, кроме Фила, не обратил внимания на свежевымытый пол, поэтому Игорь тоже сделал вид, что ему все равно, насколько чисто в конференц-зале.

Пыхтящий от волнения и ярости Сергей Сергеевич не стал, как делал обычно, заходить издалека, а сразу же злобно поведал аудитории, что вот только что звонил Олег и сообщил, что какая-то крыса из вышестоящего отдела примазалась к их славе со шкурнической стороны и втихую барыжила квартирами убиенных ими граждан, переписывая недвижимость в собственность себя и своих родственников. Молодой откликнулся одобрительным возгласом на такую ловкость вышестоящего работника, за что был едва ли не съеден Эсэсом аудиовизуально (то есть взглядом и ругательными словами), поэтому придержал язык, но на лице его все равно было удовольствие от чужой хитрости. В данный момент предательский вышестоящий работник находился в одной из бывших братских прибалтийских республик и обещал слить всю информацию о ФСБ, кровавой наследнице КГБ, куда только можно, если его самого, его семью или его активы кто-либо тронет. Сергей Сергеевич сокрушался, что речь идет не о таких уж больших деньгах, но существовала опасность, что предатель начнет шантажировать ведомство, когда кончатся деньги, а это было уже не очень хорошо.

Игорь Васильевич стал тут же возмущаться, что это вообще-то не проблема отдела, а проблема тех, кто не умеет следить за собственными кадрами, поэтому пускай они сами там наверху и разбираются, в ответ Сергей Сергеевич сказал, что часть информации злодей успел слить в местную прокуратуру и назавтра назначена проверка их котельной на предмет, что она, эта котельная, из себя

вообще представляет. После этих слов Игорь ощутил тревогу. Ему стало несколько обидно, что в каком бы виде он не представал перед государством, то в роли Павлика Морозова, то в роли верного клерка, все равно интересует он государство только как какой-то вечно подсудный предмет. Горечь от того, что он старательно и быстро выполнил свою бумажную работу, разлилась по организму Игоря подобно желчи.

«И что, на этот случай у нас протокола нет?» – спросил Фил с язвой, потому что, видимо, бумажки и отчетность и одиночество ему порядком поднадоели и он желал какой-то предусмотрительности и планирования от людей, управляющих им через бюрократические ниточки, он хотел, чтобы была и обратная бумажная связь с инструкциями и подстраховкой в случае чего.

Сергей Сергеевич сказал, что выкручиваться придется им самим, сбежавший выставил отдел бандой черных риэлторов (Игорь Васильевич одобрительно рассмеялся и захлопал в ладоши) и, в принципе, если собрать достаточную базу улик, то таковыми они все на суде и предстанут. Когда все достаточно напряглись и нагрелись, но еще не начали словесно выражать свое отношение к начальству, Сергей Сергеевич сказал, что у Олега есть идея, как переквалифицировать это дело в дело федерального масштаба, в дело о терроризме или разжигании межнациональной розни, а потом забыть о нем навсегда или до следующего бегунка. Дело за малым, нужно девать куда-нибудь нынешнего убежавшего и пережить эту проверку как-нибудь без потерь среди личного состава.

– Это участкового можно убедить, что здесь законсервированная котельная, – сказал Сергей Сергеевич, – а если прокуратура начнет копать, да пройдется по нашим именам, то все. Бывшие сотрудники спецслужб, собранные по всей России, и сын генерала охраняют котельную. Так и вижу морду этой шлюхи в капитанском звании, которая пресс-релизы озвучивает для четвертого канала. Это бомба будет.

Игорь Васильевич предложил нанять задним числом каких-нибудь синяков, чтобы они изображали местную охрану, можно их напоить, чтобы они лыка не вязали и не могли ответить ни на один вопрос, а начальником оставить Рината Иосифовича, он как-нибудь отбрыкается один раз. «Главное, Филом не светить, он для всех как красная тряпка», – сказал Игорь Васильевич. «Скорее, голубая», – заметил Молодой, не чувствовавший никакой угрозы над своей лохматой головушкой.

– Ты такой умный, так скажи, куда мы все твои железки девать будем? – спросил Сергей Сергеевич матерным тоном. – Из них половину вообще трогать нельзя. А стоят они больше, чем все дачи твоего папашки.

– Можно сказать, что это территория под супермаркет охраняется, – сказал быстрый на коварные идеи Ринат Иосифович.

– Вопрос о железках и отремонтированном туалете это не снимает, – тут же парировал Сергей Сергеевич. – Нахрена туалет ремонтировать, если все равно под снос?

– Может, музей? – осторожно заметил Игорь, на него посмотрели, как на идиота, но вместо того чтобы обсуждать, за что выдать их брошенную котельную, почему-то зацепились за вопрос Молодого, почему, собственно, нельзя было изначально нанять каких-нибудь ярых исламистов, каких-нибудь террористов пойманных, которым было бы в охотку резать, как он выразился, «рюзке свиней», а потом, в таком случае как этот, завалить их в ходе контртеррористической операции или переселить в другой город.

Сергей Сергеевич стал внезапно с охотой рассказывать Молодому, а заодно Игорю тоже, как все налаживалось в отделе. Скорее всего, мысли о сбежавшем сотруднике были Сергею Сергеевичу столь невыносимы, что он решил хоть как-то отвлечься. Начал он с того, что все и так знали: что это вовсе не первый состав отдела, до него были и другие, но все их пришлось расформировать по тем или иным причинам. Сергей Сергеевич сказал, что первый состав вообще набрали из, как он сам выразился, «деклассированного элемента», еще в советское время. Конечно, людям этим ничего не объясняли (Можно подумать, сейчас объясняют, сказал Молодой), все проходило как грабежи с убийствами, но в то время нельзя было просто так выносить квартиру за квартирой и не попасть в поле зрения милиции, хотя, с другой стороны, было даже проще, потому что люди иногда даже двери в дом на ночь не закрывали. Уголовников в итоге просто накрыли однажды в ресторане и все. Потом Сергей Сергеевич рассказал про команду с Северного Кавказа, в которую набрали таких людей, которым и на Кавказе ничего не светило, если бы они даже туда сбежали.

– Так ведь нет, – сетовал Сергей Сергеевич, – вот человек. Его свои ищут, чтобы покарать, федералы, то есть мы, ищем, чтобы тоже покарать, сиди ты, не высовывайся. Нет, бля. Один взял тачку в кредит, стал шарахаться по ночным клубам, выдавать себя за торговца недвижимостью, мы уж его увещевали, по-человечески пытались, через разум там к нему подойти, потому что кадр, в своем роде, ценный. Хороводились, хороводились. В итоге его баба какая-то русская подрезала, когда он ее вывез куда-то в лес и попытался изнасиловать. Еще один стал стучать на нас в ФСБ, пытался таким вот образом себе не знаю что выслужить. Он думал, что мы какая-то исламистская группировка радикальная. Третий таксовал в свободное от работы время и со столбом не разминулся. Короче, невезуха. И вот, значит, вы. Не без некоторых эксцессов, но, вот, вроде, работаете. Обидно, если закроют.

Игорь совсем не был против того, чтобы их закрыли. Сергей Сергеевич, словно угадав мысль Игоря, обменялся с ним пристальным взглядом и спросил:

– О чем думаешь, Игорь Петрович?

– Музей, – опять сказал Игорь.

– Да что ты опять со своим музеем, – вскипел Сергей Сергеевич, – чего музей? Музей котлов, что ли? Или этого, как его там, соцреализма?

Упомянув соцреализм, Сергей Сергеевич зачем-то покосился на бюстик Ленина и как будто с трудом сдержался, чтобы на него не перекреститься.

– Да нет, – вякнул Игорь, которому уже самому казалась глупой собственная идея, – например, современный музей, ну, современных художников.

– Музей современного искусства, – подсказал Молодой.

– И что? – спросил Сергей Сергеевич тяжелым голосом.

– Можно молодого оставить тут, – пояснил Игорь. – Вот, генеральский сынок, решил заделаться галеристом. Железки его можно выдать за арт-объекты. Сеть по всему зданию объясняется сама собой. Сейчас же во все современное принято сетку лепить. Можно алкашей нанять и оформить их задним числом, как будто сторожа. Можно даже прессу позвать и интервью дать, Молодой сможет, мне кажется, отлаяться.

– Так-то смогу, – сказал повеселевший Молодой, – пару раз Уорхола упомяну, им хватит.

Сергей Сергеевич смотрел на Игоря в упор, кажется, без энтузиазма, Игорь совсем оробел под его взглядом.

– А потом, если что, можно сказать, что мэрия разрешения не дала и министерство культуры не одобрило или жители взбунтовались и захотели детский сад на этом месте, – совсем уже вяло закончил Игорь.

– Ага, детский сад в промзоне, – сказал Сергей Сергеевич, все так же продолжая внимательно смотреть на Игоря.

– Ну, это для примера, – пояснил Игорь и заметил, что Ринат Иосифович смотрит на него со своего места, и в глазах Рината Иосифовича мелькает что-то вроде зависти и уважения.

– Охренеть, – сказал Сергей Сергеевич после долгой паузы, во время которой в конференц-зале стояла тишина (когда Эсэс заговорил, все зашевелились, будто по команде «вольно»).

– Как ты себя выгнать-то дал? – с сочувствием спросил Игоря Сергей Сергеевич. – Конечно, хорошо, что ты у нас оказался в эту минуту, но, вообще, как?

– Дал, да и все, – сказал Игорь, которому не хотелось ничего объяснять.

Игорева идея настолько пришлась по вкусу Сергею Сергеевичу, что он приказал никому не расходиться, а сам вышел, видимо, отправился звонить Олегу. Как только колыхание шагов Эсэса затихло, Игорь Васильевич наклонился в сторону Игоря и спросил игриво:

– Игорь, а ты точно Игорь ПЕТРОВИЧ?

– Да ну тебя, – только и смог ответить Игорь под довольные смешки остальных, не улыбался только Ринат Иосифович, что-то вроде печати профессиональной зависти было на его лице. «Вор у вора шапку украл», – невольно подумал Игорь и послал Ринату Иосифовичу вежливый кивок, тот отвернулся. «Ну и хрен с тобой», – подумал Игорь.

Игорь почему-то понял, что Ринат Иосифович боится за свое место, что, возможно, бытие Рината Иосифовича как бухгалтера и кладовщика несколько зыбко, более зыбко, чем кажется на первый

взгляд. Игорь представил себя на должности Рината Иосифовича, и ему почему-то стало слегка тошно, потом вспомнил, что Фил спал с Ринатовой женой, и ему стало тошно вдвойне. Игорь подумал, что надо бы поймать Рината и как-то нормально объяснить, что никто не собирается подсиживать его на этой должности или должностях, сколько бы Ринат там их не занимал.

Пока Игорь маялся совестью перед Ринатом, в левой части зала Игорь Васильевич, Фил и Молодой развели свое шушуканье, как какие-то школьники, Игорь покосился на них, принимая это шушуканье на свой счет, но оказалось, что он тут ни при чем.

– Да что же это такое, – говорил вполголоса Молодой, – десять лет назад он был для меня опасен как этакий сексуальный хищник. Сейчас он мне опасен, потому что он мне бошку может на бок завернуть, эта его опасность когда-нибудь кончится? Фил, ты когда на пенсию уже выйдешь?

Сам Фил не мог ответить на эти вопросы, потому что не он был зачинщиком разговора, а только маялся в ответ, за него отвечал Игорь Васильевич, перекинувший локоть через спинку сиденья, как таксист, берущий деньги или отдающий сдачу, он обращался к Молодому за своей спиной:

– Это не смешно уже нихрена, все твои подколки, – было странно, что он так говорит, поскольку до сего дня он как-то не особо останавливал Молодого, когда тот шутил в сторону Фила, скорее всего, последние новости тоже как-то выбили его из колеи.

– Его бы еще не так подкалывали в тюрьме, – попытался защититься Молодой, удивленный такой переменой в настроении Игоря Васильевича.

– Ты бы не выеживался, – сказал Игорь Васильевич. – У него бы все было нормально и там, он бы как-нибудь не слился, а вот если бы тебя посадили за твои шуточки, ты бы так легко не отделался. Сам ведь понимаешь.

– Да ладно вам, – продолжил маяться Фил, видно было, что ему неловко.

Молодой стал давить на чувства Игоря Васильевича, напоминая тому, что у него, Молодого, есть младший брат, и ему, Молодому, каждый раз плохеет, когда он видит Фила. Игорь отметил про себя, что сегодня все как-то на взводе и дело даже не в новостях, Молодому вообще было в основном все равно, что происходит на работе. Оставалось ждать только, что взорвется Ринат Иосифович, и этого Игорь ждал с напряжением. Прислушиваясь к грызне Молодого и Игоря Васильевича, Игорь то и дело видел, что Ринат то и дело поглядывает на него, и взгляд этот походил на взгляд собаки, которая хочет подраться с другой собакой, но еще не совсем уверена в своих силах. «Нужно, правда, с ним поскорее объясниться, пока он мне мину в машину не подложил», – подумал Игорь.

– Я твоего младшего брата не видел, – сказал Игорь Васильевич, – но если вы похожи, то можешь за него не беспокоиться.

Так же как вышел, так же и стремительно вернулся Сергей Сергеевич, то есть не было его довольно долго, и он, видимо, успел отдышаться, сидя на стуле за телефоном в своем кабинете, и теперь походка его опять была стремительна, а в дыхании не было одышки. Своим появлением Сергей Сергеевич прервал Молодого и Игоря Васильевича, чья полушутливая перепалка не переросла в драку только по причине разной физической формы спорщиков. Как только дверь перед Сергеем Сергеевичем раскрылась, Фил с облегчением расползся по сиденью, скорее всего, до этого он как-то опасался, что или Игорь Васильевич влепит Молодому подзатыльник, или Молодой начнет махать кулачишками. Как ни в чем не бывало Молодой и Игорь Васильевич расположились на своих сиденьях, изображая прежнее внимание и озабоченность сложившейся на работе ситуацией.

Сергей Сергеевич подождал, пока перестанет колыхаться бюст Ленина на узком постаменте, и снова изложил суть дела, но теперь уже с теми изменениями, которые внесли в это дело они сами и Олег или еще какое вышестоящее начальство.

Фил и Игорь Васильевич отправлялись в командировку на несколько дней, Молодой на эти несколько дней становился новоявленным хозяином недостроенного музея современного искусства, в чью обязанность вменялось дать несколько интервью следователям, если таковые будут, и журналистам, которые позвонят и появятся обязательно. Остальные, включая Сергея Сергеевича, должны были отправиться по домам и отсыхать до звонка с последующими инструкциями.

– Работу новую искать хоть не нужно, Сергей Сергеевич? – спросил со своего места в первом ряду Ринат Иосифович, спросил шутливо, но в голосе его слышалось некоторое напряжение.

– Думаю, если все пойдет как надо, то не надо будет, – ответил Сергей Сергеевич не слишком уверенно. – Еще вопросы есть?

Молодой, как в школе, поднял руку. Несмотря на некую вальяжность в колыхании поднятой руки, было видно, что Молодой беспокоится.

– Да, Саша, что? – подыгрывая ему, учительским усталым, глуховатым голосом спросил Сергей Сергеевич.

– А можно как-нибудь без интервью? Без шумихи.

– А в чем дело?

Молодой сглотнул и пояснил. Оказалось, что от него залетела какая-то местная районная зараза, и не факт, что от него, но он покамест выдает себя за сисадмина, каковым и является, поэтому в приоритетных женихах этой заразы не ходит. Она думает, что он компьютерщик, которого до сих пор воспитывает мать-одиночка, поэтому обрабатывает какого-то местного торговца овощами и владельца нескольких киосков, но если выяснится, что папа у него генерал ФСБ, а сам он собирается открыть музей, вряд ли она с него так просто слезет, так она может и до телевидения дойти, тряся сначала животом, а потом младенцем.

– Да что ж все в один день-то? – посетовал на судьбу Сергей Сергеевич. – Ни у кого больше проблем нет? Другого времени ты выбрать не мог?

– Вы у нее спросите, почему она не могла другого времени выбрать, – огрызнулся Молодой.

– А больше ничего ты от нее, кроме возможных алиментов, не поймал? – практично поинтересовался Эсэс.

Под общий смех Молодой признался, что да, поймал не только возможные алименты. Игорь Васильевич стал ругаться, что надо предупреждать, что он вроде бы пил из кружки Молодого, Фил прервал его ругань, аргументируя тем, что эта штука все-таки не сифилис, так просто через кружку не передается, Игорь Васильевич пошел в ответ с аргументами, что хрен знает, что сейчас и куда передается.

– Ну, поздравляю, – Сергей Сергеевич вставил свой голос в общий хор, – ты теперь точно можешь владеть галереей. Богема, беспорядочные связи, трава, алкоголь. Это, кстати идея, если они найдут немного травы или таблеток, будет достаточно правдоподобно, надо только уточнить количество, чтобы Сашу реально не закрыли.

– Нужно еще что-то вроде бара, – подал идею Ринат Иосифович, – чтобы не просто как наркопритон смотрелось все это. Несколько неполных бутылок дорогого алкоголя, чтобы создать видимость. Заодно немного их подпоить.

Все с радостью набросились на эту идею, Ринат Иосифович был розов и польщен таким одобрением ровно до того момента, пока Эсэс не предложил профинансировать покупку из запасных фондов. Ринат Иосифович старался не подать вида, но Игорю было заметно, как он поскучнел.

– Если алкоголь будет, то я остаюсь, – начал всячески глумиться над ситуацией Игорь Васильевич. – Запишите меня сторожем, сделайте документы. Если бы я знал, где травы достать, я бы Саньку устроил подарочек, чтобы он других людей тюрьмой не стращал.

Сергей Сергеевич заинтересовался последней фразой Игоря Васильевича, ему коротко объяснили, что к чему, на это он только развел руками:

– Ну, Сашу можно понять, я так понимаю, у него последнее время трудности были.

– Это не повод, – отрезал Игорь Васильевич. – Не повод другим людям настроение портить. Он все-таки не баба, у него месячных нет, и пауз в месячных тоже не предвидится. У нас тут у всех трудности.

– Господи, да у тебя-то какие? – спросил Молодой с отвращением.

– У меня ты – одна сплошная трудность, – ответил Игорь Васильевич, – думал бы, куда свой хер совать, и не было бы причин для такой драмы. Ты бы его, не знаю, фольгой бы лучше обернул и в микроволновку засунул, или продолжал бы в прежнем духе. Что тебя не устраивало в мастурбации? Вымыл партнершу мылом – и вперед. Ты что, не видел, кого брал?

– Нет, не видел, – раскрылся Молодой, пытаясь сдерживаться, он, тем не менее, в сдерживаемом волнении побрызгивал слюной. – Она такая в узких очочках, с фотоаппаратом на шее с вечным, с зеркалкой этой гребаной. Глаза тупила. Кто же знал, что она с половиной района переспала?

– Да хорош ты психовать, – остановил его Игорь Васильевич. – Я бы тебе все-таки советовал жениться, предложи ей. Ты все равно дома не бываешь почти. А то и вовсе переезжай к Филу. Мы вам двухкомнатную пристройку сделаем.

Молодой фыркнул, сделал такое движение на месте, будто хочет встать и выйти, громко хлопнув дверью, как делал, наверно, дома, но что-то удержало его на месте.

– Васильич, хорош парня травить, – сказал Сергей Сергеевич с трибуны, – как будто сам в такие истории не попадал.

– Попадал, конечно, – без смущения признался Игорь Васильевич, – но мне вот так же старшие товарищи по ушам ездили.

– Какие, нахрен, старшие товарищи, – протянул Сергей Сергеевич с недоверием. – Мы, по-моему, с тобой такие старые, что нас еще сватали. А в приданое за невесту мамонта давали.

– Тебе, может, и дали мамонта, – сказал Игорь Васильевич, – а моя-то потом сама в мамонтиху превратилась.

Игорь Васильевич и Эсэс дружелюбно погрызлись по теме семейных отношений. Стало видно, как всех отпустило от недавнего стресса и форс-мажора, лишь колени, упиравшиеся в спинку переднего кресла, не давали Игорю Васильевичу расслабленно стечь на пол со своего места; Сергей Сергеевич расположился за трибуной, похожий на отъевшегося голубя, сидящего на балконном бортике, разве что не курлыкал и не дремал.

Игорь поддался этому настроению, от тепла и нашедшегося выхода его потянуло в сон. Все еще что-то бубнили, потом вроде бы жарко спорили, а Игорь молчал и воспринимал все это через призму сонного отупения, как бессмысленное уханье обезьян в зоопарке, то восклицательное, словно при виде леопарда, то умиротворяющее, а то и вовсе бессмысленное. В итоге Игорь Васильевич растолкал Игоря за плечо и сказал, чтобы Игорь перестал похрапывать, отправлялся домой и ждал указаний по телефону.

Видимо, вопли, казавшиеся Игорю в дреме предостерегающими воплями приматов, принадлежали Молодому, потому что неторопливо вышедший из конференц-зала потягивающийся, зевающий Игорь обнаружил, что тот в одиночку перетаскивает бумаги и оргтехнику изо всех кабинетов в подвал. Когда Игорь неохотно предложил помощь, Молодой только злобно позыркал на него из-за стопки папок в своих руках и потопал по лестнице вниз.

– А остальные-то где? – крикнул Игорь в лестничный пролет, но ответом ему был только малоразличимый раздраженный вопль. Игоря позабавил этот вопль, поэтому он крикнул еще раз, как бы переспрашивая, где, где, но вопль не повторился, а донеслось только какое-то ворчание.

Новость о нескольких выходных огорошила жену настолько, что Игорь даже обиделся на нее: кажется, она не радовалась, а злилась и не скрывала этого.

– Что это у тебя за работа такая? Ты точно работаешь, или вас уже разогнали? – спросила она.

Тут неожиданно напряжение дня, видно, копившееся где-то в глубинах Игоря, дало о себе знать. Игорь сразу же высказал жене, что это неизвестно, работает ли она вообще сама и всегда ли у нее совещание или она так занята, когда ей нельзя звонить. Жена стала говорить, что он сам против ее звонкам на его работу. Слово за слово, и оказалось, что уже поздняя ночь, Игорь лежит на диване в гостиной, в крови его еще кипит адреналин семейного спора, а сам Игорь злобно переключает каналы, но вместо того чтобы смотреть на экран, смотрит на картину над телевизором, еще в юности подаренную жене каким-то ее зафрендзоненым ухажером, студентом худграфа местного пединститута. Картина эта постоянно оказывалась крайней в их семейных спорах, Игорь пытался забыть ее на старой квартире. Испытывая отвращение к себе, Игорь поднял себя с дивана, снял картину со стены и выставил ее на балкон, надеясь, что жена не заметит пропажи, а еще больше надеясь, что жена пропажу заметит.

Игоря бесило это полотно, узко вытянутое по горизонтали, на картине фиолетовые мельницы чередовались с зелеными подсолнухами. В добром расположении духа такие цвета даже радовали Игоря, но во время скандалов Игорь вспоминал, что дружок-художник таскал жену, тогда еще просто невесту, на сеансы Тарковского. Художник, наверно, думал злобный Игорь, думал, что прямо из худграфа попадет во ВГИК, или неизвестно, что он там думал, этот художник. Художник вроде бы

никуда не попал, по слухам даже просто бухал, поражая собутыльников своей эрудицией в сфере живописи, графики и кинематографа, но все равно, каждый раз натыкаясь на современный российский фильм, Игорь с ревностью вглядывался в имя режиссера, и за это не любил ни современный российский кинематограф, ни свое глупое опасение, что художник внезапно окажется лучше него.

Каждый раз, ссорясь с женой, Игорь мечтал переломить картину об колено. Посредством воображения, подпитываемого яростью, Игорь явственно представлял, как треснет тонкая рамка, и как места слома будут топорщиться щепками. Еще Игорь представлял, как выбросит искалеченную картину в окно или с балкона, а картина медленно полетит в снег или в опавшие листья, или в крону тополя, смотря в какое время года происходила ссора. «Значит в снег», – подумал Игорь. В этот момент нервы, слегка пошатнувшиеся на работе, как бы подтолкнули его решимость, Игорь быстро поднялся с дивана (отбросив в сторону одеяло, будто это был плащ и была дуэль), выскочил на балкон и с силой шарахнул рамой об колено. Рамка слегка спружинила, но не поддалась. Игорь ударил рамкой об поднятое колено еще несколько раз и все с тем же печальным результатом, то есть вовсе без результата. Вернувшись в тепло, Игорь принялся так и эдак ломать рамку об оббитое колено и голень.

– Ты с ума сошел? – услышал Игорь от порога двери в гостиную – это жена бесшумно подошла, видимо, отозвавшись на его натужные хрипы и ворчания.

«Так даже лучше, пусть видит», – подумал Игорь и утроил усилия, отчего холст полез из картины наружу. Жена кинулась отбирать, но тут рама наконец затрещала и медленно, как резиновая, поддалась. Игорь, отпыхиваясь, встал с видом победителя и упер руки в бока. Жена бросилась к картине на полу, как будто это была не мазня непонятного студентика, а сдохший домашний любимец.

– Ты придурок, – сказала жена, подняв на Игоря чужое от злобы лицо, Игорь тоже ответил ей чужим жестоким взглядом, вырвал у нее из рук холст, почему-то долго ворочал ручку балконной двери, чтобы она открылась должным образом, а потом злобно скомкал холст, точнее, попытался скомкать холст, но у него почти ничего не получилось, по ощущениям это было точно так же, как попытаться скомкать старый советский посылочный картон. Даже запах у обратной стороны холста был как у старого посылочного картона. «Да уж, краски ты не пожалел», – подумал Игорь про художника.

– Не смей, – сказала жена уже от балконного порога.

– Уйди, простудишься, – сказал ей Игорь со всей возможной обидной жестокостью, а сам ежился на студеном зимнем ветру и почему-то не решался бросить холст вниз; Игорь почему-то ждал, что жена все-таки полезет за картиной к нему на балкон. Жена, в свою очередь, не очень торопилась. Может, ее здоровье было дороже ей памяти о бывшем дружке или ей казалось, что если она шагнет к мужу, то это лишь подстегнет Игоря, и он в последний момент швырнет холст в сугроб под окнами. Это было очень глупо. Игорю было холодно, стоять так до бесконечности на морозе в трусах и майке Игорь не мог, моржевание, да и вообще здоровый образ жизни не были его стихией, с другой стороны, возвращаться обратно в дом с понуро опущенной головой и холстом в руках ему мешала какая-то его гордость, та, что еще в нем оставалась. Видно было, что жена поняла, что Игорь выбросит холст, еще за несколько секунд до того, как Игорь это сделал. Она, может быть, поняла, что Игорь выбросит холст еще до того, как Игорь сам решил сделать это. Осознание подобной догадливости в жене пришло к Игорю, когда он не без удовольствия прослеживал путь холста до грешной земли (или безгрешного снега). Путь этот оказался не таким, каким его ждал увидеть Игорь. Холст просто шмякнулся вниз как-то банально, как кусок мебели, как мусорный пакет, который выбрасывали пьющие соседи снизу в том доме, откуда они переехали.

Игорь ожидал какой-то бурной реакции от жены, и эта реакция вознаградила бы его за то представление, что он сейчас провел перед женой, и доказало бы ему, что это было именно представление, а не истерика. Но посмотреть в лицо жены у Игоря не получилось, потому что жена захлопнула балконную дверь и закрыла задвижку, оставив Игоря куковать на балконе до того момента, пока она сама не смилостивится. Как погулявший кот, прильнув к оконному стеклу, Игорь стал смотреть внутрь квартиры, как-то особенно остро ощущая, насколько на улице холодно. Ему почему-то вспомнился эпизод бондианы, где одна из подруг Бонда перлась по сугробам в сорокаградусный мороз в одном коротком платьице. Непосредственно переживаемый им сейчас опыт подсказывал ему, насколько была фальшива эта киношная сцена с начала и до конца. Игорь попробовал посмотреть на

градусник, прикрепленный к оконной раме, чтобы как-то уточнить обстоятельства, в которых он оказался, но градусник смотрел внутрь квартиры, а сбоку, да еще и в полумраке было трудно различить деления шкалы и уровень подкрашенного спирта среди этих делений.

Судя по тому, что видел Игорь сквозь оконные стекла, точнее, то, что он видел сквозь балконное окно, потому что окна были занавешены, все сводилось к тому, что жена стала неторопливо собираться на улицу – вернуть утерянный предмет интерьера. Об этом говорили и свет, включенный в прихожей и шевеление ее тени на стене комнаты, по нервным движениям этим Игорь догадался, что пока скрестись и стучаться, чтобы попасть внутрь, – себе дороже. Впервые в жизни сцена с голым инженером из Ильфа и Петрова не показалась Игорю забавной, рассказ Остапа про похожую ситуацию тоже не вызвал у Игоря улыбки, хотя именно эти истории почему-то всплыли в его памяти одна за другой. Как только шевеления тени прекратились, Игорь перешмыгнул от окна к балконному ограждению, чтобы, когда появится жена, сделать в ее адрес какие-нибудь язвительные замечания. Пока Игорю не приходило в голову, что он скажет, но какое-то чувство подсказывало ему, что такие слова появятся, как только жена окажется в поле его зрения. Игорь хотел встать как можно непринужденнее, может быть, даже этак облокотиться на бетонную оградку, однако первое же прикосновение к бетону и металлу, окантовывавшему бетон по верхнему краю бетонной оградки, остудило пыл Игоря, поэтому Игорь стал ждать жену, несколько независимо сложив руки на груди и грея пальцы рук у себя в подмышках. Налетевший порыв ветра вырвал у Игоря из груди что-то вроде короткого кошачьего вопля отчаяния.

Появление жены внизу Игорь воспринял не без облегчения, но, пробираясь по сугробу в сторону воткнувшегося в снег холста, она даже не подняла головы. Это Игоря слегка покоробило (странно, что его заботило еще что-либо, кроме сквозившего через организм холода, но так оно и было).

Когда жена поднялась обратно в квартиру и вроде как милостиво открыла дверь, Игорь молча вошел внутрь, закрылся в ванной комнате и полез под душ, который показался ему теплым, пока Игорь не обнаружил, что не включил горячую воду и стоит под струями одной только холодной воды, Игорь пробовал добавить кипяточку, но такая вода казалась слишком уж обжигающей. Постепенно Игорь оттаял и решил согреть себя еще и изнутри, зачем поперся в кухню, взалкав горячего чаю или кофе и чего-нибудь алкогольного. На кухне сидела жена. Оценив, что с Игорем все в порядке, жена протолкалась мимо него в спальню и закрылась там. «И хрен с тобой», – подумалось Игорю. После такой вот процедуры закаливания и последующего обогрева он чувствовал себя на удивление бодро, а накатив полстакана водки, Игорь понял, что ему совсем уже хорошо и без кофе и без чая.

Так же хорошо ему было и весь следующий день, хотя утром жена ушла, даже не попрощавшись, а вечером держалась на расстоянии, словно Игорь мог отомстить, схватить ее внезапно, вытащить на балкон в домашнем и оставить на морозе. Однако, она, видимо, все-таки чувствовала за собой какую-то вину, потому что когда Игорь стал громко смеяться при просмотре местных новостей, она приплелась к нему в гостиную и тоже стала не без вопроса во взгляде смотреть на экран телевизора. Игорь не стал ей ничего объяснять, да и вообще сделал вид, что не заметил ее появления, и жена как бы растворилась в воздухе, оставив после себя только наэлектризованное ощущение очередной своей обиды.

А смеялся Игорь над тем, какие изменения претерпел Молодой для того, чтобы дать убедительное интервью. Это была бессмысленная актерская игра, бессмысленная хотя бы потому, что Молодому как сыну генерала вряд ли что грозило в уголовном плане, но он почему-то проникся ролью хозяина галереи, даже как-то чересчур проникся, и всячески куражась над блеющим интервьюером, изображал какого-то москвича, способного купить с десяток таких интервьюеров. Журналист почему-то верил и робел, хотя переигрывание Молодого было видно за версту, Молодой, поленившись изменить свой обычный рабочий гардероб, выперся на камеру в своем обычном комбинезоне, облезлом свитерке и синей рабочей куртке, накинутой на плечи, но всячески светил наручными часами, от которых журналист почему-то никак не мог отвести взгляд. Восхищенный таким уверенным посылом Молодого, Игорь пропустил начало интервью мимо ушей, а когда слух Игоря включился обратно, Молодого уже несло.

– Это такой тренд, – говорил Молодой, глядя на сорокалетнего журналиста снизу вверх, но таким взглядом, словно журналист был на две головы ниже него. – Вам знакомо такое слово – «тренд»? Конечно, не вызывает сомнений, что вся эта страна – это такое дикое поле, где художники плетутся

в хвосте мирового современного искусства, отставая на пару поколений. Но именно в силу этой дикости наши местные рисовальщики могут быть поняты местным населением и оценены западными критиками. Первые только-только дорастают, чтобы понять то, что давно уже понял, оценил и позабыл ценитель западного искусства, вторым оно интересно, как бывают интересны туристам всякие этнические сувениры с их дикостью, самобытностью и грубой формой. Представьте только, как должен быть интересен Энди Уорхол, родившийся и творивший в таких дырах, как Челябинск, Пермь, Екатеринбург, что у него должно было произойти в голове, как должны наслоиться в его голове друг на друга пионерское детство, комсомольская юность. Вы меня понимаете? А помните время перестройки, когда казалось, что все, что приходит с запада, – чистая правда. Я-то уже не помню, меня тогда еще в помине не было, но я в курсе всех этих толп людей, голосовавших за перестройку и гласность. У людей была такая иллюзия, что если себя вести как в кино, то и жизнь будет как в кино. Это смешно, конечно, сейчас. Но и теперь ведь никуда не делось. Такой культ карго. Уже планируется несколько выставок наших местных молодых людей, которые фотографией увлекаются, такие, знаете, ребята, которые думают, что если у них камера, как у людей, и одеваются они, как люди или как художники, и ведут себя соответствующе, то они как бы художники и есть. Социалистический реализм тоже очень интересен, уже планируется совместная выставка Зимонова Сергея Сергеевича и какого-то северокорейского художника, чье имя я, хотя оно и короткое, вспомнить не могу. Эти художники одного возраста, но наш местный успел несколько партийных чисток пройти, успел сдать партбилет, вступить в «Единую Россию», а тот как-то ровно продержался и у Ким Чен Ира и при Ким Чен Ыне пока живой, очень интересно их параллельные взгляды на реальность представить, так что если все не сорвется, то должна получиться очень интересная выставка.

– То есть вы хотите внести некоторое оживление в культурную жизнь нашего города? – влез журналист, пока Молодой отдыхивался, чтобы разродиться очередным пассажем.

Молодой оскорбительно рассмеялся, когда журналист сказал слово «культурную», затем Молодой долго прикуривал, выдохнул дым журналисту в очки и продолжил:

– Ну, если вы имеете в виду культуру как понятие биологическое – то нет, не собираюсь, у вас тут и так все цветет и пахнет.

«Вот ведь сука», – чуть ли не с восхищением подумал Игорь, почему-то надеясь, что журналист не выдержит и начнет мутузить Молодого прямо в кадре, но тот только стал всячески, едва ли не игриво хихикая, уворачиваться от дыма, который Молодой принялся пускать в его сторону.

– Каких слов вы от меня ждете? – спросил Молодой. – Искусство – это всегда провокация, ну, может, и не всегда, но почти всегда, современное – провокация в девяноста девяти процентах случаев. Конечно, в городе станет чуть шумнее. Но я бы на вашем месте не особо надеялся. Во-первых, для культурного шока нужна все-таки достаточно умная аудитория, которая покупается не только на пляски в церкви, а таковой не набрать в этой стране и восьми человек, я лично знаю пятерых, да и то это я с собой вместе посчитал.

Журналист, похоже, не совсем слышал, что говорит Молодой, у журналиста, похоже, были заранее заготовленные вопросы, и речи Молодого несколько сбивали съемочную группу с намеченного сценария, а сам журналист продолжал не сводить глаз с часов Молодого, пока тот нес свою ахинею, подавая себя как загулявшего купца или смертника, которому уже совсем нечего терять.

– Это глубокое заблуждение, что мы отстаем от современных западных художников на поколение или два поколения. С учетом того, что искусство в этой стране сначала было сугубо церковным, учитывая, что какое-то время прошло под гнетом крепостного права и жесточайшей цензуры, сперва царской, потом советской, количество лет и поколений несвободы просто не поддается нормальному исчислению. Лет пятьсот, по грубым подсчетам. Представляете разницу в пятьсот лет? Это даже не разница между Японией и Голландией во времена начала их отношений.

– Вам не кажется, что вы все-таки перегибаете палку, – не выдержал журналист и в приступе патриотизма нарушил какой-то сценарий у себя в голове. – Все же страна, победившая фашизм, запустившая человека в космос...

Молодой отвратительно рассмеялся в микрофон, журналист даже потянул микрофон на себя, шокированный таким смехом, похожим на смех гиены. Молодой удержал микрофон возле себя и отсмеялся вволю.

– Вы путаете техническую развитость и культурную, – сказал Молодой. – У китайцев были фарфор, компас и порох, так и у нас сейчас есть космос, позиции в котором мы стремительно теряем. Если цепляться только за космос и за победу в войне, которая была совершена вовсе не Россией, а страной со все же немного другим названием, к которой мы имеем уже довольно-таки опосредованное отношение, то ничего хорошего из этого не выйдет. Не нужно спрашивать, что мы уже дали миру, нужно спрашивать, что мы даем миру сейчас, кроме нефти, газа и диких туристов. А в данный момент мы не даем миру ничего. Может быть, техника еще как-то радует глаз в каких-нибудь аспектах, которые мне неизвестны. Но в культуре, по-моему, царит абсолютно черная дыра. Есть несколько художников, картины которых покупают на западе, но выглядят они как просто более успешные продавцы сувениров среди других торговцев сувенирами на африканском рынке всех этих масок и наконечников. Даже русский кинематограф, который все ругают, выглядит выигрышнее на фоне нашей живописи и графики, но и он, мягко говоря, не очень сенсационен.

– Если все так плохо, то к чему все это? – снова не выдержал журналист.

– Это же очевидно, – Молодой ответил журналисту взглядом, похожим на взгляд микробиолога в микроскоп. – Нужно готовить не только соответствующих художников, но и соответствующего зрителя. Причем взращивать их нужно одновременно. С этой целью планируется множество перфомансов как в самом музее, так и на территории города. Планируется организация стипендий молодым художникам для обучения их за рубежом. Планируется несколько премий в области графики, живописи и скульптуры, достаточно крупных, чтобы заинтересовать не только областную молодежь, как это делается сейчас, а с привлечением жюри со всего мира и художников со всего мира.

Молодой долго еще втирал про местную всероссийскую отсталость и кормил обещаниями как журналиста, так и жителей города и области, но если это и была речь, похожая на обещания Новых Васюков, то все обещания сводились к тому, что жители получат картины и скульптуры, журналисты получат информационные поводы, а деньги, скорее всего, пойдут на премии иностранным художникам, потому что кому как не им выигрывать в конкурсах, уровень которых будет слишком высок для местного населения.

Именно за эти авансы Молодому через несколько дней и влетело, когда звонок Эсэса снова собрал весь отдел в конференц-зале. Собрание было веселым, Игорь оценил это совершенно объективно, хотя самому ему весело не было, потому что мир с женой так и не наступал, квартира была слишком мала, чтобы совсем не пересекаться со второй своей половиной, ребенку было плохо от того, что Игорь и жена игнорировали друг друга. Игорь не знал, как из всего этого выпутаться, мелькала уже у него мысль как-то починить и повесить картину обратно, но это была бы уже совсем полная капитуляция, какое-то совсем уже ползание на коленях и вымаливание прощения.

– Ты нахрена про деньги заговорил? – ругался Сергей Сергеевич на Молодого, вжавшегося в кресло. – Нормально ведь начал. Я перед экраном стоял и аплодировал вначале. Ты ведь все сперва по инструкции делал. Галерея, чтобы в нее никто не пошел, такой ведь был план. Чтобы она у всех заранее отвращение вызвала одним своим посылом. Молодец ведь, справился. Про китайцев, которые превзошли нас в соцреализме, вообще огонь. Не удивлюсь, если нескольких старперов после твоих слов увезли в ближайшую сердечку.

– А когда это было, я что-то не припомню, – отвлекся от своих мыслей Игорь.

– Да он почти с этого начал, – сказал Сергей Сергеевич. – Короче, блеск, пламя. Но тебе же русским, бля, языком сказали, про деньги не заикайся. Даже не говори «деньги». Говорили же тебе.

– Так я же вроде говорил, что из местных их вряд ли кто получит, – пробовал как-то оправдать себя Молодой.

– Саша, ты дурак! – загрохотал Сергей Сергеевич. – Если люди услышали «деньги», они уже не слышат «не получат». Ты в курсе, что у нас в городе одних только союзов художников штук шесть, если тебя милиция не достанет после всего этого, если это все не вскроется, то тебя эти художники с говном съедят. У них рубилово каждый год происходит за какую-то переходящую бесплатную жестянку, «Галатея» она называется, что ли, сейчас точно не скажу, так вот, за эту жестянку и за приз в двадцать тысяч рублей они готовы друг друга сожрать, а ты у них перед носом несколькими миллионами вертишь. Окажешься ты на дне городского пруда ногами в бетонном постаменте, будешь знать.

И это еще не все, Саша. Ты вот отмазался от своей пассии, если у нее ума не хватило местные новости смотреть, а ведь есть еще молодые художницы с соответствующими папами, которые тебе не только телефон оборвут, если их чадо захочет подзаработать своим талантом. Или папа решит, что откатами он недостаточно зарабатывает, или захочет мотивировать свою дочурку, чтобы она себя самостоятельной почувствовать смогла. И это ты еще забыл о старых всяких карьеристах, которые в бытность свою молодыми и не таких как ты пережевывали, а сейчас и подавно пережуют и не подавятся ради того, чтобы еще одну галочку в свой список премий записать, кроме какой-нибудь сталинской или бог знает еще какой. Нам мало милиции, что ли? Ты хочешь, чтобы сюда каждый день толпы паломников ходили и подачки выпрашивали? Ты хочешь, чтобы тебя возле подъезда пенсионеры поджидали со своими холстами и брякали у тебя орденами под носом. Тебе еще «вконтакт» твой не обрушили? Не засыпали предложениями подружиться?

– Меня нет во «вконтакте», – мрачно отбрехнулся Молодой, и тут бы ему смолчать, но он добавил: – У меня только «фейсбук» и «твиттер».

С полминуты Сергей Сергеевич не находил слов, чтобы выразить свое возмущение.

– Ох-ре-неть, – сказал он наконец, – и как ты?

– В каком смысле? – осторожно поинтересовался несколько надутый под градом обвинений Молодой.

– Ну что ты там пишешь в «твиттере»? «Поехали на дело, пожелайте удачи». «Сижу в фургончике, жду, пока мои старшие товарищи завалят гражданского». «Лол. Их нет уже час, что-то долго сегодня». И тебе в ответ такие смайлики. Так, что ли?

По лицу Молодого было видно, что все совсем не так, как предположил Сергей Сергеевич, но Молодой не находил слов, чтобы объясниться. Игоря подмывало спросить, откуда сам немолодой Сергей Сергеевич осведомлен о стилистических особенностях сетевого общения; чтобы не сделать этого, он поднялся и сделал вид, что направляется, например, в туалет, то есть мало ли куда он мог пойти с совещания, скорее всего именно в туалет и можно было направиться, не особо спрашивая разрешения.

– Ну нихрена у нас порядки, – Сергей Сергеевич, заскучавший, видно, от того, что ему приходится вымещать свое недовольство на одном только Молодом с удовольствием переключился на Игоря. – У нас уже с летучек бойцы просто так уходят, без объяснения причин.

– А че, руку надо поднимать? – не без скуки спросил Игорь.

– Вообще, Сергеич, ты зря лютуешь тут, – вступился за Игоря Игорь Васильевич. – Ты Молодому мог и у себя в кабинете разнос устроить, какого хрена мы тут все сидим и паримся, как не знаю кто. Может, еще и нас будешь тут обсуждать?

– Вообще-то для вас двоих все и затевалось, – пояснил Сергей Сергеевич. – Вас обоих не было, а это цирк был тот еще.

Чтобы не слышать пересказа того, что он и так видел, Игорь спустился до туалета, постоял там перед умывальником, с грустью глядя на свое туповатое лицо, отражавшееся в зеркале, собрался было позвонить жене и передумал, когда уже вытащил телефон. Возвращаясь обратно, он услышал, что громкий голос Сергея Сергеевича продолжает громко вещать. «Закрыться у себя, что ли», – подумал Игорь, ему хотелось надеяться, что никто его не будет искать. Переборов себя, что я, в самом деле, как черепаха, Игорь вернулся в зал, но не сел на свое прежнее место, а занял кресло в заднем ряду, подальше от остальных. Сергей Сергеевич показал глазами, что заметил его возвращение и продолжил:

– А вообще, можно было видеть в лице Александра хорошо сыгранного идеологического врага. Такого анархиста, каких по всему миру дубинками и газом гоняют. Меня самого от некоторых его речей то в жар, то в холод бросало.

Игорь Васильевич не без развязности, вызванной любопытством, попросил уточнить.

– А что тут уточнять? – развел руками Сергей Сергеевич. – Может, Саша сам нам что-нибудь процитирует из своей речи?

– Это импровизация была, – сказал Молодой в пол. – Мне уже отец звонил, спрашивал, что я за цирк устроил. Говорил, что второй раз он меня от тюрьмы отмазывать не собирается.

Игорь Васильевич восхищенно рассмеялся:

– А это где-то в записи можно посмотреть? Неужели никто не вывесил у себя или на ютьюбе?

– Да кто вывесит? – спросил Сергей Сергеевич. – Наш местный канал только пенсионеры и смотрят, да и то только, что новости перед прогнозом погоды идут. На сайте канала я пытался видео выщепить, но они, не будь дураками, даже размещать его у себя не стали. Но речь там, конечно, минимум на двушечку тянет. «Родина – понятие абстрактное». «Запад всегда нес нам просвещение, неизменно воспринимаемое как угроза государственности и этносу». Боннэр в гробу вертелась, что не успела такого мужа себе завести. Если бы, Саша, ты успел еще что-нибудь во славу русского национализма высказать, носить бы нам тебе передачки, а так как-то удержался на краю, можно сказать.

– Я хотел для колорита, – признался Молодой, – но это уж как-то не вязалось бы с образом.

– Так у тебя еще и образ был? Так ты еще и с умыслом? – восхитился Сергей Сергеевич. – Это лет до семи. Образ у него не вязался. У всех вяжется – у него не вяжется. Пацан ты все-таки, слава богу. Я, короче, блог журналиста этого прочитал, он, короче, либеральный блог ведет. Тебя там фашиком называют только так, и он тебя почему-то зажравшимся москвичом посчитал, скинхедом, хер знает почему. Наверно, ты оказался еще бóльшим либералом, чем он, и это такая внутривидовая конкуренция.

– Да я видел, – сказал Молодой. – Я тоже поудивлялся там у него, хотел что-нибудь возразить, но меня забанили только в путь.

– Это он из-за часов, – вставил Игорь свои пять копеек. – Его часы завели.

– Точно, – вспомнил Сергей Сергеевич. – Как он на них пялился. А? А?

– Да вы задолбали, сами все видели, – возмутился Игорь Васильевич, – как-то объясняйте уж более детально. Что за часы. Дорогие, что ли?

– Ну и так понятно было, что дорогие, можно было сообразить, – немного раздраженно заметил Сергей Сергеевич. – Олег подогнал, чтобы Саня посветил ими у него под носом. Мы еще спорткар под шлагбаум приволокли трактором. Красный. Так что в журналисте классовая ненависть разжигалась только так.

– Ага, – вступил Игорь, – только курить надо было не «Бонд» и зажигать его не зажигалкой «Федор».

– С этим как раз все нормально, – тут же успокоил Серегей Сергеевич.

– Да, – встрял Молодой, – Олег сказал, что я все же не бандюган какой, я как бы бунтующий молодой человек. Хотели трубку мне дать, но это такой мощный уж уклон в хипстоту. Трубка, очки в толстой оправе, шарфик, айфон – и все в кредит. Это как бы с образом не вязалось.

Игорь согласно покивал, изображая понимание, понимания при этом у него не возникло ни на йоту, видимо, семейная дрязга целиком захватила его внимание или он был уже не совсем юн или не совсем умен, чтобы мыслить в таких вещах, как стиль придуманного персонажа.

– Вот это ты запомнил, – Сергей Сергеевич снова вернулся на старую дорожку, – про хипстоту ты запомнил, а как он тебе прямым текстом говорил, чтобы ты денег не упоминал ни в каком виде, – это у тебя из памяти вылетело. Он же тебе сказал: деньги, гранты, премии, конкурсы, призы – не трогать, иначе тут не только художники в округе заведутся, но еще литераторы всяких местных мастей, местные кинематографисты.

Молодой скептически усмехнулся.

– А ты думал, если у нас тут надписи «Голливуд» нет на склоне какой-нибудь горы, то и кинематографистов нет? У нас тут союз документалистов есть, если хочешь знать, и союз молодых кинематографистов, который захочет поучаствовать в демонстрации своей альтернативной одаренности. И союз графиков и союз живописцев, причем это четыре союза, если ты хочешь знать. Союз графиков России и союз российских графиков, по той же схеме живописцы организованы. И если эта кодла попрет сюда, а она попрет, то мало не покажется. У меня одноклассник – директор металлургического комбината или хрен знает, кто он там у меня, не суть важно, важно, что решили они спонсировать местную литературную премию. А у них там на комбинате не как у нас – заходи кто хочет, нет у них там КПП чуть ли не в каждом здании, чуть ли не на каждом этаже, даже завидно. Я человек старых времен – и чем больше КПП, тем я спокойнее себя чувствую, как-то тылам спокой-

нее, так вот, как только какой-то местный хрен из писателей узнал, кто спонсирует премию, он к ним и полез, чтобы себе выбить какую-нибудь номинацию. Ну, первый раз прошел – бывает, прикинулся дурачком, родственником, троюродным братом, который тетю родную свою давно не видел, – пропустили. Одноклассник мой охрану вздрючил, типа, че за херня, почему вы без согласования со мной всех пропускаете, вы так, ребята, и киллера пропустите, не дай боже. Те, типа, больше не повторится. Но еще пару раз повторилось, один раз этот хрен охрану с помощью писательских корочек заборол, второй раз с помощью удостоверения почетного жителя города и угрозами, что он до мэра дойдет, потому что он мэра лично знает. Когда оказалось, что мэра он не знает, но так-то да, почетный житель, в приемах ему было отказано. Так эта падла сначала телефон рабочий одноклассника выщепила где-то, потом домашний, а потом и сотовый. В итоге получил этот писатель специальный приз жюри. Так что вот такое тебя будущее ждет, Сашенька. Как потом оказалось, этот писатель и почетного жителя себе таким же образом выцыганил, мэру просто всю кровь выпил, пока тот не согласился ему и его жене дать почетных жителей. (Они оба, бля, литераторы, и сын у них тоже литератор, и собака их литератор, наверно.) Но и это еще не все, что он про писателя этого узнал. Оказывается, за год до премии японское посольство конкурс объявило, вроде как японские мотивы в творчестве горожан. Ну и понятно, что этого гражданина привлек приз японского посольства, не знаю, что уж они там дарили. Но он им устроил русский ответ Перл-Харбору. И это я единичный пример рассказываю, таких сумасшедших людей у нас сотни в городе.

– Да я уж понял, – сказал Молодой. – Я уже имел длинный разговор по телефону с одной тетенькой, не знаю, насколько она адекватная.

– Че за разговор-то? – спросил Сергей Сергеевич.

– Ну, она представилась председателем союза детей ветеранов Великой Отечественной войны и полчаса ездила по ушам, как ей пришлось страдать, только я не понял, по какой причине, ну, вроде как отец был на войне, только она родилась уже после войны, году в пятидесятом, но, короче, она все равно страдала. И через это добивалась, чтобы первая выставка была посвящена детям ветеранов Великой Отечественной войны, а еще она хотела творческий вечер ей отдельно, как председателю этого союза. Она хотела свои стихи почитать.

Сергей Сергеевич некоторое время переваривал эту информацию, а потом внезапно обратил свой гнев Игорю.

– Вот не мог ты что-нибудь другое придумать.

– А что тут придумывать, – спокойно сказал злой Игорь, у которого схема того, как будет действовать замануха с музеем, давно уже, еще с момента возникновения, сразу оформилась в голове. – Будут приходить, будем говорить, чтобы через год приходили, когда все будет готово.

– А если и через год придут? – спросил Сергей Сергеевич.

– Скажем, чтобы приходили еще через год, что все очень сложно, что не можем согласовать по земельным документам с мэрией и администрацией. Эта херня всегда отпугивает творческих людей, наверно. Они, наверно, потому художники, а не строители, что им в такие вопросы не нравится вникать.

– Да? Ты умный у нас? – Сергей Сергеевич попытался изобразить своим толстым лицом что-то оскорбительное, но мышцы под слоями жира не очень хорошо справились с этой задачей, поэтому сарказм выразился только через голос, через повышение его на пару октав. – А что ты скажешь, если узнаешь, что и землю дали, как крестьянам, и денег выделили, как... не знаю кому. У нас Саша теперь как бы собственник земли, на которой отдел находится. И молодой куратор проекта.

Даже с заднего ряда, даже при том что Ринат Иосифович сидел затылком к Игорю, стало видно, как Ринат Иосифович побледнел.

– У меня, когда отец об этом узнал, только за это и простил, – сознался Молодой, тоже бледный от волнения. – Он сначала думал, вы меня тут плохому учите и под статью подводите, а тут увидел, что я в гору пошел.

Слышно было, что слова «в гору» и удовольствие от них он цитирует из речи отца.

– Нахрен такие горы, – высказал свое мнение Игорь Васильевич, в свою очередь как бы цитируя Высоцкого, – на таких лучше не бывать.

– Вот и я о том же, – сказал Сергей Сергеевич. – Итак, подводим итоги. На время на какое-то от милиции, и прокуратуры, и следственного комитета, и от того, что еще, может, придумает наше родное правительство, мы отгрызлись. Миша с Васильичем съездили удачно. Игорь с Ринатом отдохнули.

– Да уж, – не выдержал Игорь.

– Ну уж извини, – разведя руками, сказал ему на это Сергей Сергеевич. – Кто как смог, тот так и отдохнул. А вообще готовься к моральным трудностям, тут нам под Новый год подкинули работку – зашатаешься.

Все, включая Сергея Сергеевича поползли в курилку, обсуждая что-то на ходу; что они обсуждали, Игорь не слышал, потому что отвлекся на свои мрачные мысли. Только Ринат Иосифович отстал от народа и подался в свою норку. Игорь обнаружил, что стоит в коридоре один. Сунувшись было к себе в кабинет, он через какое-то время обнаружил, что выкурил полпачки возле открытого окна. «Закалился», – с очень горькой иронией подумал Игорь, вспомнив эпизод с балконом, и ему стало еще горше. «Это, наверно, из-за темноты, потому что она большую часть дня», – подумал Игорь про свою ссору с женой и вспомнил, что летучка началась сразу же утром, когда он отлучался в туалет, восходящее солнце било в большие окна котельной, и окна буквально слепили одно за другим, пока он мимо них проходил. Теперь были сумерки, от которых истоптанный вокруг котельной снег приобрел успокаивающий синеватый цвет, как под светом кварцевой лампы. По этому снегу, как будто не зависимый ни от чего, шел сероватый кот с поднятым хвостом, он долго пробирался со стороны, где был шлагбаум, к кустам у забора.

– Кс-кс, – сказал ему Игорь, кот сделал вид, что не услышал Игоря, хотя при этом на всякий случай ускорил свои передвижения.

Чтобы не свихнуться от раздражения на неразличимые где, чей голоса и смех, раздававшиеся со стороны курилки, Игорь решился пойти и попортить настроение Ринату Иосифовичу, справедливо полагая, что, возможно, можно найти какое-то понимание у этого загадочного бухгалтера, хотя бы по родству их профессий и по тому, что то настроение, в котором находился Игорь эти несколько дней, преследует Рината Иосифовича постоянно, и сейчас, находясь с ним на общей волне, можно было найти хоть какую-то поддержку, а не только усмешки и утешающие похлопывания тяжелой рукой между лопаток.

Ринат Иосифович в обыкновенной своей манере долго не откликался на стук, и от этого создавалось впечатление, что Игорь пришел с обыском, а Ринат жжет компрометирующие документы, закапывает печати и прячет флаг местной коммунистической ячейки на своем теле, обертывая его вокруг туловища, а сверху трясущимися пальцами застегивая рубашку. Так и не дождавшись какой-то реакции на свои все более уверенные поскребывания, Игорь решился открыть дверь. Рината Игорь нашел сидящим за столом, скрытым стеллажами. Ощущая себя школьником, записывающимся в библиотеку, он сказал вопросительно поднятым диоптриям Рината Иосифовича: «Можно тут с вами посидеть?» Ринат Иосифович без слов ушел за стеллажи и принес оттуда стул. Потом молча включил свет в кабинете (до этого горела одна только настольная лампа). Потом поставил закипать электрический чайник и сунул под нос севшего Игоря чистую малахитовую пепельницу.

«Вот это сервис», – подумал Игорь, и ему большого труда стоило не улыбнуться.

Невольно слыша взрывы смеха из курилки, Ринат и Игорь стали пить кофе и ожесточенно, как будто наперегонки – курить. Первым не выдержал Ринат Иосифович.

– Давай на ты, – сказал он.

– Давай, – нисколько не удивляясь, сказал Игорь.

– В семье что-то? – спросил Ринат.

Игорь покивал.

– Да и вообще что-то тошно как-то, – сказал Игорь стеллажам сбоку от Рината.

– Витаминов попей, – посоветовал Ринат, – сейчас зима. Иногда люди без витаминов до ручки доходят.

Игорь не удивился бы, если бы Ринат тут же стал бы впаривать ему какие-нибудь чудо-витамины и косметику для жены, но это оказалась не реклама, а просто совет. Не зная, чему удивляться, совету этому или тому, что Ринат не оказался еще и сетевым торговцем, Игорь с некоторым удивлением посмотрел в лицо бухгалтера и наткнулся на два отчетливых своих отражения в его близких очках.

– Я серьезно говорю, – сказал Ринат, – ты ведь астенический тип. Я тут уже несколько лет работаю, всегда почему-то астенических людей набирают, а вы потом с катушек съезжаете через несколько месяцев. Ты вот здраво насколько хорошо сейчас свое состояние оцениваешь?

– Нет, ну не фонтан, конечно, – признался Игорь. – И с катушек я как бы съезжаю, но не из-за работы, а мы с женой цапаемся. Если бы не работа, я даже не знаю, куда бы и податься.

– Фигня, – категорично отрезал Ринат и откинулся на своем офисном кресле, видя слегка дрогнувшее лицо Игоря, он повторил: – Нет, правда, фигня. Помиритесь еще десять раз.

– Да я понимаю, что помиримся, не первый раз уже, но просто бесит эта вот тягомотина, эта игра в дочки-матери какие-то.

– Ты проще смотри на это дело, ты женщин все равно не поймешь, – сказал Ринат. – Моя вон с Мишей переспала, и что мне ему теперь, стрихнин в суп подсыпать?

Игорь попытался прикинуться удивленным изменой жены Рината.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Ринат, – весь отдел знает, а ты не знаешь.

Игорь тоже в ответ махнул рукой, но этак покаянно.

– Но мы ведь не бразильский сериал, – сказал Ринат серьезно. – Она меня из синей ямы вытащила, мы двадцать лет вместе, даже двадцать два, у нас три дочери. Сдается мне, правда, что средняя не от меня. И что теперь. Бегать с топором за ней? Она устраивает сцены, но на то она и баба. Я ей сказал, что она дура, что она бы еще с Александром переспала, – вот и вся сцена.

Игорь сдержался, чтобы не сказать, что он бы так не смог.

– Так-то, Ринат, я извиниться зашел, – сказал Игорь.

– За что? – спросил Ринат.

– Ну, во-первых, я хуже о тебе думал, как сейчас оказалось.

– Ты тоже парень хороший, – перебил его Ринат, – но я перед тобой и всеми вами тоже должен, наверно, извиниться.

– А ты-то за что?

«Это мы тебя тогда на пьянку не взяли», – чуть не добавил Игорь.

– Ты вот обо мне плохо подумал, – сказал Ринат, – а ведь я вообще о вас не думаю. На работе еще, может, услышу кого в коридоре, какая-то мысль промелькнет. Или когда на дело уезжаете, хочется, чтобы все нормально прошло, но только я сажусь в машину до дома – все. Вы у меня из головы исчезаете до следующего дня. Так, наверно, нельзя. Да? Человеком-канцелярией быть – это западло, наверно. Но я, когда бросил пить, таким стал, ничего с собой поделать не могу.

– И еще одна вещь, – нерешительно встрял Игорь в исповедь Рината, от которой Игорю почему-то стало неловко.

– Да? – заинтересованно спросил Ринат, хотя в лице его не появилось ни капли заинтересованности.

– Ну, я на летучке тогда посоветовал насчет музея, мне показалось, что тебе неприятно было, что это я предложил, – выдохнул Игорь.

– Ничего подобного, – улыбнулся Ринат. – Я сразу понял, кому придется впрягаться, если твою идею примут. Идейка, правда, хороша. Тут уж на себя нужно обижаться, что она в голову не пришла. Но за то, что ты Молодого заставил жопу от кресла оторвать, – честь тебе и хвала. Я ведь раньше в военкомате работал, поэтому мне его морда призывного возраста чисто органически покоя не дает. Мы с ним как кошка с собакой по чисто биологическим причинам.

Через несколько дней Сергей Сергеевич, нервно смеясь, сообщил, что вся эта срочная придумка с музеем прошла впустую – прокурорскую проверку по каким-то причинам отложили чуть ли не на июль будущего года.

Глава шестая

Игорь зашел в допросную, поднял глаза от конверта с вопросами, и у него чуть не подкосились ноги, потому что в первый момент ему показалось, что к креслу пристегнута его жена. Это был очень неприятный момент. За короткий промежуток времени, пока длилось узнавание, Игорь успел продумать план побега и бегства из города.

«Удивительно, как похожа», – подумал Игорь, сидя на табурете и чувствуя, как дрожат ноги.

Это была правда женщина примерно тех же лет, что и его жена, а значит и его ровесница тоже. Игорь подумал, что будь здесь Ольга, она бы прикончила дамочку своими руками, потому что женщина была одета совершенно так же, как иногда одевалась и его жена, – в какой-то брендовый итальянский брючный костюм зеленоватого цвета, и даже сапоги вроде бы (тут Игорь не был полностью уверен) были такие же. По крайней мере, такого же оттенка. Даже очки и прическа, как виделось Игорю, были совершенно те же. «Интересно, это у нее натуральный цвет или она специально красит», – подумал Игорь и чуть не спросил это вслух, потому что жена краской не пользовалась.

Кроме того положения, в котором женщина оказалась, ее пугало, видимо, и пристальное разглядывание со стороны Игоря. Когда Игорь понял, что похож на маньяка таким вот пристальным своим взглядом, ему от смущения, переходившего в стыд, и от ужаса того, что будет потом, захотелось выйти из комнаты и больше никогда туда не возвращаться.

– Не бойтесь, – сказал ей Игорь со второй попытки, потому что голос его не слушался. Попытка успокоить женщину явно не удалась, Игорю показалось, что по телу женщины прошел спазм, и спазм этот передался креслу, в котором она сидела. Игорь подумал, что ему еще хуже, чем этой женщине, потому что она, конечно, находится в неведении, хотя и в ужасном, а он прекрасно знает, что будет дальше, и он знает, что она похожа на его жену, она же не в курсе этого. «Так, наверно, некоторые офицеры в концлагерях себя оправдывали», – подумалось Игорю, и отвращение к самому себе как будто излилось из какого-то органа внутри его организма. Игорь увидел себя ее глазами и понял, что действительно похож на маньяка в своей синей робе со своими поблескивающими узенькими очками, бритой до гладкости физиономией и короткой стрижкой. Единственной причиной, по какой женщина еще не забилась в истерике, было то, что допросная выглядела слишком официально с этим знакомым всем по фильмам зеркалом, что на руках Игоря не было окровавленных резиновых перчаток, а сама комната не была залита кровью предыдущих жертв.

– Не бойтесь, – повторил Игорь, сцепив руки вместе, чтобы не было видно, как они трясутся, чтобы женщина не подумала, что трясутся они от возбуждения, – это просто...

«Что просто? Что просто? Нихрена себе просто», – крутилось у него в голове.

– Просто заявка поступила. Ваш бывший муж оказался с террористами связан. И нам вам нужно несколько вопросов задать – и все, – произнес Игорь, совсем не думая, что может не оказаться никакого бывшего мужа.

– Я замужем не была, – сказала женщина, и в голосе ее появилась нотка уверенности. – Вы с ума сошли.

– Я не так выразился, – нашелся Игорь, – я имел в виду вашего бывшего... М-м-м.

Он потянул, чтобы она сама договорила его мысль.

– Виктор? Это гражданский брак был, – сказала женщина, Игорь с готовностью закивал.

– Я к нему никакого отношения не имею, – сказала женщина дрожащим от пережитого стресса голосом. – Отстегните меня, я все объясню.

– Нет, вы сначала на вопросы ответите, а потом вас отстегнут, вы только успокойтесь ради бога. Такова процедура.

– Да как можно успокоиться, когда человек сделал мне ребенка, сбежал неизвестно куда, а спустя несколько лет он террористом оказывается, – сказала женщина с возмущением. – И нас с ребенком хватают, запихивают в машину и везут неизвестно куда, вы с ума сошли. Вы понимаете, что это явно ошибка. Вы понимаете, что я сразу же в прокуратуру пойду.

Она замолкла, переживая обиду и возмущение, а Игорь замер от ужаса, понятного в этой комнате ему одному.

Сутки назад он в это же самое время сидел рядом с сыном, тот выбирал игры, выставленные на рождественской распродаже в «Стиме», проверял, есть ли в играх русский язык, чтобы сын понимал, во что он там играет, они тут же оплачивали эти игры с кредитки к бешеному восторгу сына. Чуть ранее они ходили с женой по магазинам и выбирали, что бы купить сыну из вещей и игрушек под елку, – и тут Игорь узнает, что буквально в соседней комнате сидит ребенок, который, нахрен, вообще не доживет до Нового года, причем при его деятельном попустительстве. А в этой комнате сидит ни в чем не повинная женщина, которая до Нового года тоже не доживет.

– Вы извините, я выйду на секунду, – сказал Игорь.

– Вы извините, но нельзя ли меня все-таки меня отвязать, в конце концов, я что, такую угрозу национальной безопасности представляю?

– Извините, но нет, – сказал ей Игорь от двери.

– И долго мне так сидеть? – спросила она, когда Игорь уже захлопывал дверь за собой, полный решимости прекратить этот ужас.

В коридоре его уже поджидал Игорь Васильевич, преграждая дорогу в комнатку за зеркалом.

– Пойдем-ка, – сказал Игорь Васильевич Игорю, беря Игоря за шиворот и волоча его за собой в комнату отдыха. Там Игорь Васильевич бросил Игоря на диван, а сам встал над ним, скрестив руки на груди.

– Вы с ума сошли, – сказал Игорь, откашливаясь от влажноватой пыли.

– Не сошли, – сказал Игорь Васильевич, – Эсэс просто не уполномочен говорить, в чем дело.

– Да что же это за надобность-то, людей убивать? Что, их нельзя потом отпускать на все четыре стороны? Этих-то зачем убивать? Ну ладно, те два случая, в которых я участвовал, там еще можно было объяснить какой-то террористической угрозой, но тут-то что? Васильич, ну сам подумай своей головой, какая от них угроза?

Игорь попытался подняться, но Игорь Васильевич остановил его жестом.

– Сядь.

Игорь решил проявить покладистость и остаться на диване.

– Хватит истерить, – сказал Игорь Васильевич, – ты не понимаешь. Тут дело не в том, чтобы за безопасностью государства следить.

– А в чем, бля, дело-то тогда, чем мы тут занимаемся, чем эту херотень можно оправдать? Этот цирк.

– Тут дело не в том, чтобы беречь, типа, от врагов изнутри и снаружи. Тут речь идет об остатках государственных институтов, что еще существуют. Тут уже об остатках государства идет речь.

Игорь рассмеялся.

– Какого государства? Советского Союза, что ли? Да вы с ума сошли. Васильич, ты понимаешь, что это безумие, что вы с Эсэсом и Филом психи чистой воды. Ты понимаешь, что мы женщину и ребенка убьем? Неужели нельзя было хотя бы ребенка в это не впутывать, оставить его там на месте, где вы женщину эту бедную забрали. В детдом его сдать потом, я не знаю...

В выражении лица Игоря Васильевича ничего не изменилось, когда он сказал:

– Игорь, нет уже никакого ребенка.

Эта новость настолько оглушила Игоря, что ему показалось, что он успокоился.

– И как на это Фил посмотрел? – спросил Игорь, помолчав, и посмотрел Игорю Васильевичу в глаза, потому что ему стало интересно, что происходит с лицом этого человека, когда тот несет совершенно бесчеловечные вещи.

– Фила я выгнал от греха, потому что он тоже уже на взводе, он таких историй не любит. А мне тут двух истеричек только не хватало, – лицо Игоря Васильевича оставалось спокойным и деловитым.

– Ну, вот у тебя одна истеричка, – сказал на это Игорь. – А если я не пойду? Я не собираюсь в этой дикости участвовать.

– Ну, значит, я буду тут стоять, пока ты не согласишься, и мы отсюда не уйдем, пока ты не будешь готов, – опять же спокойно и уверенно ответил Игорь Васильевич. – Только учти. Если мы тут несколько часов просидим, от бабы уже в смысле допроса толку уже не будет, еще немного, и у нее там паническая атака начнется, потом она будет какое-то время биться, переживет приступ удушья, а потом ее можно будет спокойно в дурку отправлять на какое-то время. И, значит, ребенок зря умер. Вот и все.

– Ну вот пойду я туда к ней, – сказал Игорь, – я ведь даже конверт открыть не смогу при виде нее, она на мою жену похожа. А если я буду знать, что труп ее ребенка в соседней комнате лежит, меня вообще расколбасит, если она в ответ вопрос какой-нибудь задаст, у меня у самого паника начнется. Потому что это не нормально так себя вести с людьми.

Игорь Васильевич переступил с ноги на ногу и в лице его, кажется, мелькнуло что-то кривой ухмылки.

– Вот это уже деловой разговор, – сказал он.

Игорю вдруг пришло в голову, что весь отдел – это, может, один большой психологический эксперимент, а он сам – подопытный в этом эксперименте, что не он допрашивает фальшивых подозреваемых, а его самого все время снимают на камеру, может быть, целая группа каких-нибудь гиков прослеживают его жизнь от работы до дома и записывают его реакции на все более и более безумные испытания. По сути дела, он ведь не видел ни одной убедительной смерти, кроме самого первого убийства, которое могло оказаться инсценировкой от начала до конца. Остальные как бы убийства происходили где-то за кулисами зрения Игоря. Такая организация, как отдел, не могла существовать в принципе. Игорь никогда про нее не слышал даже в городских легендах. А ведь каких только историй Игорь не наслушался за всю свою жизнь от своих коллег, и знакомых, и ветеранов чеченских и афганских войн. Видимо, на лице Игоря как-то отразилось это открытие и это внезапное понимание, имевшее не совсем здоровый вид, потому что Игорь Васильевич поспешил вмешаться прямой речью прямо в Игорев мыслительный процесс.

– О-о, – сказал Игорь Васильевич, – я смотрю, у тебя тоже крыша запротекала.

– То есть? – встрепенулся обиженный Игорь.

– Настает такой момент, – сказал Игорь Васильевич, – когда кто-то решает, что все это спектакль, что его разыгрывают. Что весь отдел – сплошной спектакль для него одного. Кто-то думает, что сейчас скрытая камера появится, кто-то поумнее думает, что это психологический эксперимент. О, вот ты, кстати, так и думаешь, что это психологический эксперимент в духе, как его, бля, Мил..., какого-то хера, короче.

Игорь уныло понурился.

– Это легко опровергается, – сказал Игорь Васильевич. – Можешь сходить в соседнюю комнату и пощупать пульс у трупа, а потом, после допроса, я тебя приглашу и ты еще у бабы пульс пощупаешь и оценишь цвет ее лица. Можем даже оставить ее так в подвале на несколько дней, чтобы ты убедился, что разложение началось. Хочешь?

Игорю Васильевичу не нужно было ответа, но Игорь все равно, на всякий случай помотал головой. Он опасался, что если Игорь Васильевич решит, что Игорь не верит ему, то протащит его, Игоря, в кабинет за зеркалом и предъявит ему труп ребенка, и заставит щупать пульс, а Игорь не хотел знать, девочка это или мальчик и как ребенок выглядит, чтобы думать о нем только как об абстрактном мертвом ребенке, вроде тех, число жертв которых озвучивают иногда в новостях.

– Ты сколько с женой прожил? – спросил Игорь Васильевич.

Игорь принялся подсчитывать, и вроде бы это должно было быть просто, но у него что-то не получалось, мысль соскальзывала на другое, что так или иначе, а все равно придется вернуться в допросную. Что если бы сейчас Игорь Васильевич стал угрожать ему убийством или говорить что-то вроде «спасибо, ты на нас поработал, а теперь я тебя убью, не хочешь ли покурить перед смертью», Игорь и то воспринял это легче.

– Не знаю, – сказал Игорь, – лет пятнадцать, наверно.

– Вот, – сказал Игорь Васильевич, – другой бы на твоем месте, поставь ему после пятнадцати лет брака копию его жены, – собственными руками бы попытался ее задушить, даже до допроса бы дело не дошло. А если бы в соседней комнате еще копию его тещи держали, а лучше саму тещу – это было бы вообще зрелище не для слабонервных.

– Охренеть как смешно, – поднял на него лицо Игорь.

Они стали смотреть друг на друга, Игорь с желанием, чтобы Игорь Васильевич как-нибудь самоаннигилировался, а Игорь Васильевич на Игоря в каком-то колеблющемся раздумье, как Иван Павлов на собаку. Раздумье это выразилось в том, что Игорь Васильевич переместил руки с груди в карманы комбинезонных штанин и стал слабо раскачиваться вперед и назад.

– Вот что, – сказал Игорь Васильевич наконец. – Я знал, что кто-нибудь из вас двоих сегодня что-нибудь подобное начнет выкидывать, поэтому выковырял из горла Рената одну таблетку. Трепать тебя перестанет, но и спать ты потом, может быть, пару суток не будешь. Это как бы спецсредство,

его на каждое задание должны всем выдавать, но Ре́нат их зажопил по своему обыкновению и, может быть, налево сплавляет, ну, ты его знаешь. Он здраво рассуждает, что у вас от него привыкание может выработаться, но суть не в этом. Если ты уже сопли вытер, то можно и без него обойтись. Или можно мандраж снять медикаментозно, но тогда тебе нельзя будет машину вести и вообще на улицу лучше будет не соваться, потому что это как бы для боевых действий средство, его в условиях мирного города...

– Мирного...– саркастически скривился Игорь, имея в виду, что в условиях мирного города вообще-то не крадут женщин с детьми и не сворачивают им головы в подвалах, называемых «Голливудами».

Игорь Васильевич понял этот сарказм по-своему.

– Ясненько, – сказал Игорь Васильевич и полез в карман. – Без таблеточек, значит, не обойтись.

– Что это изменит? – спросил Игорь исподлобья. – Мне эта вот ситуевина будет видна в другом свете?

– Нет, ты просто успокоишься, – пояснил Игорь Васильевич. – Ну как просто, ты так спокоен никогда в жизни не был, как будешь минут через десять.

Игорь достал из кармана стеклянную капсулу, зачем-то потряс ее, проверяя, звенит ли внутри таблетка, – так курильщики почти каждый раз трясут пачку с сигаретами, проверяя, осталось ли что-нибудь, даже если пачка почти полная (Игорь и сам так делал). После этого Игорь Васильевич зубами убрал крышку капсулы и сплюнул ее в сторону, так что она резиново ускакала под журнальный столик. В капсуле оставалась ватка – ее Игорь Васильевич достал двумя пальцами и зачем-то сунул в карман на животе. В подставленную под капсулу ладонь скользнула очень маленькая таблетка. Игорь Васильевич приценился к Игорю, посмотрел на таблетку в своей руке, опять на Игоря, после чего убрал капсулу опять же в карман на животе и стал аккуратно пытаться разломать таблетку напополам своими большими пальцами. Несколько белых крошек упало на бетонный пол.

– Подержи пока, – Игорь Васильевич сунул в руку Игоря непонятный крохотный обломочек, остатки же таблетки бросил на пол и растер подошвой ботинка, как будто гася окурок. – Я пока за водой схожу.

– Да какая тут вода? – Игорь сомневался, что вообще почувствует таблетку во рту, что она растает, прежде чем провалится в пищевод.

– Тогда глотай, – приказал Игорь Васильевич.

Игорь забросил кусок таблетки в рот и проглотил, Игорь Васильевич подтянул к себе журнальный столик и присел на него, как на табурет, прямо напротив Игоря. На манжете куртки Игоря Васильевича Игорь увидел короткий, тонкий светлый волос, блеснувший в свете лампы. Видимо, таблетка еще не подействовала, потому что внутри Игоря что-то екнуло.

– Никогда ничего не меняется, – сказал Игорь Васильевич прямо в лицо Игорю.

– Ты меня что, гипнотизировать собрался? – спросил Игорь, пытаясь уловить момент, когда начнет действовать чудо-препарат.

– Нет, – сказал Игорь Васильевич, – хочу просто прояснить некоторые моменты недопонимания.

– Охренеть, – сказал Игорь. – Это не недопонимание называется, это называется полным неприятием. Меня коробит, что мы людей убиваем, ладно людей, мы женщин и детей убиваем, это не недопонимание.

– А что тебя смущает? – спросил Игорь Васильевич. – Ты каждый день своим бездействием убиваешь кучу людей, в том числе и детей. Ты когда новость слышишь о том, что какому-то ребенку нужна операция, ты же не бросаешься продавать квартиру, чтобы оплатить ему какое-нибудь многомиллионное лечение. Ты же не везешь сюда партию африканских детей, чтобы спасти их от голода и жажды. Ты даже ни одну семью беженцев не приютил. Если бомжа видишь на улице, ты отворачиваешься и радуешься, что это не ты. Когда где-нибудь на Кавказе громят квартиру и говорят в новостях, что уничтожено еще сколько-то террористов, ты просто веришь, что уничтожены именно террористы, а когда расстояние между тобой и реальной угрозой сокращается чуть ближе, чем лента новостей в интернете, ты вдруг начинаешь о морали говорить и о душевных терзаниях.

– И в чем, интересно, заключается угроза национальной безопасности от женщины и ребенка?

– А тебе Сергей Сергеевич, твой непосредственный начальник, запретил об этом знать, для твоего же собственного блага, – сказал Игорь Васильевич. – Я еще с советских времен на отдел иногда работал. Я сам сторонник того, чтобы люди с самого начала знали, во что они ввязываются. Эсэс всегда против. И каждый раз у какого-нибудь оперативника наступает этот момент, когда он без правды как бы уже не дееспособен. И каждый раз Сергей Сергеевич раскрывает карты, а потом от команды не остается и следа, потому что кто-то устраивает стрельбу, кто-то душит свою семью подушкой и рубит топором, а сам выбрасывается в окно, кто-то просто сбегает в какую-нибудь деревню, так что хер его найдешь. Радуйся своему неведению и муками совести, потому что это очень хорошо, мучиться угрызениями и ничего не знать. Но, вообще, да, нужно сообщать людям с самого начала, и если с тобой не получится, и опять вся команда накроется медным тазом, а мы с Эсэсом в живых останемся, то, я думаю, стоит открываться людям сразу, чтобы они или сразу думали, что мы сумасшедшие, и уходили – или уж оставались, но знали зачем.

– У тебя детский волос на рукаве, – сказал Игорь и показал пальцем на манжет Игоря Васильевича.

– И что? – Игорь Васильевич равнодушно сдул волос, как будто это был волос после обычной стрижки. – Я разрыдаться должен? Набрать в колбочку от таблетки слез невинного ребенка и носить на шее как вечное напоминание неизвестно чего?

Игорь Васильевич наклонился к Игорю и сказал:

– Если хочешь знать, будь твой сын на месте этого ребенка, я бы ему совершенно так же голову бы на бок свернул, а потом бы его труп отодвинул ногой от двери, чтобы он не мешался.

Игорь прислушался к себе, оценивая такое заявление, но ничего не почувствовал, ни ярости, ни страха – ничего. Как и обещал Игорь Васильевич, Игорь был так спокоен, как не был спокоен никогда в жизни, даже в раннем детстве все его существование сводилось к боязни быть плохим в глазах родителей, дискомфорте от поведения каких-то более живых одноклассников, причем его не задевали, нет, но ему было неловко от того, что он не может заступиться за кого-нибудь, кого задевают. Удивляясь такой внутренней гармонии, недоступной ему настолько, что самого Игоря как бы вытеснило из тела этой гармонией и он увидел себя как бы со стороны, Игорь воткнул в ногу Игоря Васильевича непонятно откуда взявшийся в кармане карандаш и выбил журнальный столик из-под зада Игоря Васильевича. Следующим движением Игорь потянулся к книжной полке, чтобы взять том Большой советской энциклопедии и, видимо, забить Игоря Васильевича насмерть, но тот оказался не промах, несмотря на то что как-то не очень быстро среагировал на действия Игоря в самом начале действия таблетки, и, не вставая с пола, огромной своей ножищей подсек Игоря, можно сказать, на взлете, затем тут же поймал Игоря за горло одной рукой, а второй приставил к его нижнему веку измаранный в собственной крови карандаш.

Игорь Васильевич тяжело дышал, по его глазам было видно, насколько его переполняет адреналин. Игорь смотрел на него, как на зверя в зоопарке, и счел благоразумным не двигаться, чтобы не лишиться глаза, и слегка сожалея о том, что воткнул карандаш Игорю Васильевичу в бедро, а не в глаз или не в пах, и тут же понимая, что если бы потянулся к лицу или ширинке Игоря Васильевича, тот заломал бы его гораздо быстрее.

– Что теперь, – спросил Игорь, косясь на карандаш, – второй раунд?

Игорь Васильевич медленно отпустил Игоря и, кряхтя и шипя от боли, сел на диван, Игорь поднялся на локте, вставать и куда-то идти ему не хотелось, он всячески прощупал места, которыми ударился об пол, особенно голову, но все было цело, голова даже не разбита.

– Силен ты, брат, – сказал Игорь Васильевич с упреком, прищурившись, он отмерил большим пальцем какое-то расстояние на карандаше и прикинул карандаш к раненой ноге. – Вот откуда в вас, ботаниках, такая жестокость? Годами, что ли, копится? Прямо какая-то затаенная ненависть, честное слово, хуже, чем у маньяков. Я думал, их Ре́нат сам пьет втихую, эти таблетки, а сейчас думаю, нет, если бы он выпил, он бы жену на мороз выхернул или просто звездюлей бы ей вставил, так что она бы у него по струнке ходила.

Он обратился от своих размышлений вслух к Игорю:

– Что, можешь теперь допрашивать? Коленки не трясутся?

Игорь, зачем-то опустив глаза к носкам ботинок, прислушался к себе.

– Да, – честно сказал Игорь, подняв взгляд на Игоря Васильевича, – думаю, хватит моральных сил и на женщину, и на вас еще останется всех вместе взятых. Советую спрятать Эсэса, потому что у меня желание появилось прийти к нему с паяльником и узнать, кем он был до семнадцатого года.

– Как-то сейчас я даже не понимаю, почему я не угадал, что в тебе Берия проснется, – сказал Игорь Васильевич.

Игорь встал и начал отряхивать от пыли штаны и рукав куртки. Игорь Васильевич, поморщившись, поднялся и стал помогать Игорю, отряхивая его со спины, потом развернул его за плечи лицом к себе и поправил Игорю прическу, в лице Игоря Васильевича промелькнуло сомнение, когда они пересеклись взглядами.

– Ну и видок у тебя, – честно высказал Игорь Васильевич. – Если бы я сейчас был к креслу пристегнут, и ты бы зашел, я бы родил со страху. У тебя Чикатило в родственниках не числится в каких-нибудь дальних?

– Это ТЫ меня спрашиваешь? – осведомился Игорь и пошел в допросную.

– Долго вас не было, – сказала ему женщина от порога, – с вами все в порядке?

Игорь молча прошел на свое место и вскрыл конверт, даже препарат не избавил его от неловкости при взгляде на пленницу, поэтому Игорь решил сделать вид, что он просто читает вопросы, а кто-то абстрактный на них отвечает. Почему-то именно эта тактика подействовала на женщину успокаивающе. В отличие от прежнего узника «Голливуда» ее не насмешил ни один вопрос, она даже не спросила, где ее ребенок, такой, видимо, у Игоря был деловитый чиновничий вид, исключавший возможность какого-либо насилия со стороны организации, которую он представлял.

Единственное, что ее заинтересовало – это почему Игорь не записывает ответы, Игорь и сам не знал, почему ему не дают диктофона в подвал, но сказал, что допрос записывается через камеру за зеркалом. Этот ответ женщину полностью устроил.

Отстраненный от своего обычного волнения, граничащего с паникой, он продолжал видеть себя со стороны, причем как бы со стороны женщины, он видел, что руки у него сложены на столе, так, как будто он хотел скрестить их на груди, а вместо этого облокотился на столешницу и сунулся носом в листок бумаги, видел, как лампа делает его лицо бледнее и отбрасывает такие тени от его носа и надбровных дуг, что его лицо становится похожим на череп. Тому Игорю со стороны стало даже интересно, сколько Игорь получает, раз носит не строгий костюм, в котором любят шарахаться ребята из спецслужб, а обычный строительный комбинезон.

Закончив допрос, Игорь не удержался и последний раз взглянул на женщину. Его спокойствие полностью передалось ей, она с любопытством присматривалась к окружающей обстановке, к листочкам и конверту на столе, к зеркалу, за которым, она знала это, кто-то был.

– Это все, – отвлек ее Игорь, – сейчас вас освободят. Спасибо за сотрудничество.

– Пожалуйста, – сказала она ему в спину, потому что Игорь уже уходил, оставив на столе свои бумажки.

За порогом его поджидал Игорь Васильевич, Игорь покосился на его раненую ногу и увидел свежий белый бинт, просвечивавший в дырке из-под карандаша, обрамленной пятном еще не совсем высохшей крови. Игорь попытался зачем-то с силой толкнуть Игоря Васильевича плечом, но тот, видно, уже был готов к подобным фокусам Игоря, и Игорь почувствовал только, что толкнулся не об живого человека, а как будто об угол дома. При этом Игорь Васильевич не остался безответным, а взял Игоря за шиворот и толкнул дальше по коридору.

– Не смей в ту комнату заходить, – сказал Игорь Васильевич, имея в виду, скорее всего, не комнату отдыха, а комнату за зеркалом. – Сейчас посмотришь, а потом отпустит – будешь потом по ночам изнывать.

– По себе судишь? – спросил другой, спокойный Игорь, но не стал заглядывать в комнатку за зеркалом, а пошел наверх.

У выхода из «Голливуда» Игоря поджидал Фил с сигаретой и тревожными глазами.

– Привет душегубам от душегубов, – поприветствовал его Игорь, а на удивление, которым сменилась тревога в глазах Фила, сказал так: – Мне Васильич таблетку дал.

Удивление в глазах Фила никуда не делось, а сменилось еще большим удивлением.

– Половину таблетки, – уточнил Игорь.

Только тогда на лице Фила появилось понимание.

– Он хоть живой там? – спросил Фил.

Игорь подумал, оценивая состояние Игоря Васильевича.

– В принципе, да, но пару недель поприхрамывает. Скажи, чтобы Молодой костер ваш жертвенный разжигал, – сказал Игорь. – Пришла пора.

– Тебе домой нельзя, – сразу же со всей серьезностью сказал Фил, – тебя поперло.

– А я сейчас пойду и у Рината Иосифовича антидот попрошу, – придумал Игорь. – И прибавку к зарплате. Нет, сначала прибавку к зарплате, а потом антидот. Я сейчас в таком состоянии, что он мне их даст, даже если их у него нет.

Фил рассмеялся, как будто по принуждению, держась поближе к Игорю, он проводил его до самого кабинета.

– Может, еще на ключ меня закроешь? – поинтересовался Игорь.

– Тебе бы не помешало, – отвечал Фил с уверенностью. – Ты бы мне потом сам спасибо сказал.

– Да я как бы в норме, – сказал Игорь.

Оставшись один, Игорь покурил у окна, хотя и не чувствовал никакой потребности к курению. Когда тление сигареты дошло до фильтра, Игорь услышал, что началась продувка котла – запустили электродвигатели, и в самом начале пуска этот звук напоминал звук вызванного лифта, а уже потом зарос звуками движимого вентиляторами воздуха. «Стены у меня, как в хрущевке», – подумал Игорь и решил позвонить жене.

Сначала телефон жены отвечал длинными гудками и обрывами после двадцати секунд дозвона, а потом и вовсе стал абонентом, выключившим телефон или находящимся вне зоны действия сети. «Интересно», – подумал Игорь и поглядел на часы – шести еще не было. Несмотря на все свое благодушное равнодушие, Игорь почувствовал, что левая сторона его туловища, обращенная к приоткрытому окну, и шея слева, и левое ухо – очень холодны, а справа было очень жарко. Игорь подумал, что завтра голове будет трудно вертеться на простуженной шее, закрыл окно и позвонил на рабочий телефон жены, но и там никто не отвечал. Тогда Игорь снова открыл окно, закурил, хотя опять не чувствовал в этом никакой нужды, и позвонил в справочную, чтобы узнать хоть какой-то другой номер предприятия, на котором она работала. Так он несколько раз открывал и закрывал окно, сам себе напоминая кондиционер, и, наконец, дозвонился до секретаря. Девушка на том конце провода сначала говорила, что у жены совещание и ее нельзя беспокоить, что она не может зайти и попросить Ольгу Витальевну к трубке, но когда Игорь сказал, что это муж, что он ничего не будет передавать своей жене, если секретарь ее выдаст, девушка шепотом призналась, что никакого совещания нет, а жена отпросилась уйти пораньше по каким-то семейным обстоятельствам. Неизвестно, что бы произошло с Игорем, если бы он узнал о таком поступке жены на трезвую голову, может, он бы стал искать ей оправдание и подумал бы, что она ушла выбрать ему новогодний подарок. Теперешнему же Игорю, как бы более трезвому, чем он был всегда, все стало ясно, и он спросил у секретаря, с кем мутит его жена на рабочем месте. Самое глупое в этом всем было то, что жена мутила с сисадмином, и непонятно было, что она в нем нашла, в любом случае не брутальность и не мужественность, потому что сисадмину даже прежний, не принявший таблетки Игорь с легкостью мог переломить хребет в пяти местах. Игорь решил, что жене просто не хватало второго ребенка, она таким образом компенсировала это.

Узнав номер сотового телефона сисадмина и сказав вежливое «спасибо» секретарше, от которой через трубку исходили уже буквально волны живого электричества – так она желала поделиться с кем-нибудь переменами в семейной жизни их главного бухгалтера, – Игорь позвонил любовнику жены. На тот момент Игорь уже переместился к компьютеру, пытаясь, видимо находиться в одной парадигме с человеком-вычислительной машиной. Пока шли гудки, Игорь бессознательно выстукивал по клавише «Пробел» расслабленным указательным пальцем похоронный марш Шопена.

Сисадмин не стал отпираться, когда Игорь попросил Ольгу к телефону и безвольно передал трубку супруге Игоря, скорее всего, радуясь, что это телефонный звонок, а не звонок в дверь.

– Ну и нахрена? – спросил жену Игорь. – Нахрена ты это сделала? Просто интересно. Это временное увлечение или навсегда?

Пока жена делилась с Игорем жаркой отповедью, которую она, судя по всему, готовила уже давно, Игорь смотрел в поросшее морозными узорами окно, подперев щеку ладонью. Умиротворенный Игорь понимал, что жена, конечно, права, что да – он черств, что таким он был с момента их знакомства, и рождение ребенка его нисколько не изменило, что ему всегда важна была какая-то абстрактная справедливость, и тяга к этой справедливости граничит с глупостью. Он оценил, что жена не бросила его, пока у него не было работы, потому что без этой работы на это государство он сам вернулся в родительский дом и со стороны выглядел бы даже более жалко, чем сисадмин. Думая, что она совсем размазывает Игоря по стенке, жена сказала, что квартира остается Игорю, а себе они уже купили свое жилье, что сына они забирают себе, потому что он все равно не от Игоря, который даже в этом плане полный ноль.

– Ну, раз ты уж все высказала, включи свой телефон, – предложил Игорь, – а то вдруг я захочу тебе позвонить, когда ты будешь одна, а ты вне доступа.

Жена, как показалось Игорю, в бешенстве бросила трубку.

Все так же разглядывая узор на стекле, Игорь попробовал представить, что с ним будет, когда действие препарата закончится, – и не смог. «Самое обидное в этом всем то, что я не пью до такой степени, чтобы в запой уйти, а ведь это было бы самое подходящее сейчас», – подумал Игорь. При этом Игорь почему-то понимал, что жена вернется, и понимал, что он ее примет обратно, потому что менять одну тряпку на еще большую тряпку – это совсем уж как-то неестественно, Игорь уже видел, насколько будет жалок, если примет ее снова, однако препарат как-то сглаживал Игорево отвращение к себе.

– Надо будет выцыганить у Рината еще таблеток на случай ее возвращения, – придумал Игорь вслух.

В дверь осторожно постучали, Игорь откликнулся, и на пороге, словно откликнувшись на мысли Игоря, появился осторожный Ринат Иосифович, причем он не переступал порога, а оценивал состояние Игоря с благоразумно безопасного расстояния.

– Все нормально? – осведомился Ринат Иосифович.

– Нормально, – ответил Игорь голосом, который ему самому показался мечтательным и скучным, в данный момент ему не хотелось делиться семейными разборками в бухгалтерском кругу.

– Олег Сергею Сергеевичу звонил, – пояснил Ринат Иосифович, – сказал, что ты до хахаля своей жены добрался по телефону.

– Я когда-нибудь и до Олега доберусь, – сказал Игорь. – Он моей семье угрожал. Хотя, судя по всему, у меня теперь семьи нету.

– Даже так? – осторожно удивился Ринат Иосифович.

– Даже очень так, – сказал Игорь. – Она сказала, что сын не от меня.

– Да ну, она гонит. Тебе назло, – убежденно сказал Ринат Иосифович.

Всячески прикинув, Игорь согласился с Ринатом Иосифовичем, все-таки сын на него очень походил, как ни крути, так что вероятность того, что жена лжет, чтобы позлить Игоря, была очень высока. Но сильнее его заботило не отцовство даже, а та необъяснимая озлобленность жены, с которой она произносила все свои претензии в его адрес. По словам жены можно было решить, что она сбежала от семейного тирана, который по меньшей мере колотил ее едва ли не каждый вечер. Игорь поделился своей гипотетической печалью (которой не ощущал, но как бы должен был ощущать) с все еще решившимся переступить порог Ринатом Иосифовичем. Говорить об этом было глупо, хотя бы потому, что он и сам знал, что в минуты ссор высказываются всякие вещи, о которых потом даже как-то неловко вспоминать, но злоба жены походила на срыв, при том что это совсем не Игорь затеял интрижку на стороне.

– Ну, должна была она хоть что-то придумать, чтобы объяснить свою дурь. Может, она сама не верит в то, что говорит, – попробовал объяснить Ринат Иосифович.

– А если не верит, то почему уходит, – опять, таким же скучным даже ему самому голосом, спросил Игорь.

– Ты, главное, сейчас Игоря Васильевича не слушай, – посоветовал Ринат Иосифович. – Он тебе скажет, что за бабу надо бороться, а ты натворишь дикостей в таком состоянии. Она, может, сама хо-

чет, чтобы ты за нее поборолся, проявил характер, у меня сестра такая была – стравливала мужиков друг с другом почем зря, ради спортивного интереса. Если хочешь в этом поучаствовать – ради бога, только в себя сначала приди. А то ты так поборешься, что потом сам жалеть будешь. От таблетки сначала отойди, мой тебе совет.

– А долго меня переть будет? – спросил Игорь.

– А тебе что, Игорь Васильевич не сказал? – удивился Ринат Иосифович, и тут Игорь вспомнил, что ему говорили, когда пройдет действие таблетки, но Ринат Иосифович уже говорил, перебивать не хотелось: – Он же тебе не целую дал. Поколбасит еще сегодня, завтра, а потом отрубишься.

– Так вроде бы с послезавтра на послепослезавтра – Новый год, – вспомнил Игорь.

– Странно, что тебя это еще заботит, но да, именно так, праздник ты проспишь, скорее всего, – согласился Ринат Иосифович, – за это скажи спасибо начальству.

Даже в таком состоянии Игорю не хотелось возвращаться в пустой дом, да и вообще пока не хотелось домой.

– Как думаешь, я Фила не очень стесню, если здесь останусь на все это время, пока таблетка действует? – спросил Игорь, и ему показалось, что в лице Рината Иосифовича мелькнуло что-то вроде облегчения, скорее всего, поговорить именно об этом его и послали.

– Ему только веселее будет, – сказал Ринат Иосифович, – но, вообще, ему и без тебя было бы весело, потому что тут Игорь Васильевич собираются зависать и Саша тоже, они собираются Новый год на работе встречать. Заодно Игорь Васильевич проследит, чтобы ты алкоголь не принял, пока не проспишься, хотя меня тут не будет, так что можешь и хряпнуть.

Он помолчал и добавил вполголоса, проникновенно приложив руку к груди:

– Ты мне, кстати, новогодний подарок уже сделал, поцарапал этого бугая, все, конечно, сочувственные лица делают, но, по-моему, даже Сергей Сергеевич как-то доволен, что ему кто-то урон смог нанести хоть какой-то.

– Это было не совсем честно, – сказал Игорь. – Если бы мне не надо было на допрос идти, где я мог помятой мордой женщину испугать, я бы сейчас лежал в бинтах в четвертой городской, а может, меня бы уже вскрывали в прозекторской. «Удивительный случай, перелом всех костей, кость таза сломана в нескольких местах».

Он как бы цитировал предполагаемого патологоанатома, Ринат Иосифович понял шутку и хмыкнул, не то чтобы одобрительно, скорее, в знак того, что он понял, что Игорь шутит, а потом осторожно поинтересовался:

– Ты точно никуда не свинтишь? А то тут все на ушах, не знают, то ли тела жечь, то ли тебя караулить.

– Передай отбой тревоги, – сказал Игорь. – Я сейчас только жене позвоню, скажу, что меня не будет, пускай у нас встречают, у нас все-таки елка наряженная, чтобы сыну не было такой встряски.

Ринат самоустранился, предусмотрительно оставив дверь полуоткрытой. Игорь полез в телефон и понял, что вовсе не таблетка помогла ему более-менее сносно перенести уход жены. Он понял, что после сегодняшнего раза он и сам не против, чтобы они ушли, потому что он не заслуживает, чтобы у него кто-то был, если он творит такие вещи на работе. Не нужно будет врать насчет того, как дела на работе, про то, чем они там занимаются, пускай жена и сын так и думают, что все, чем они занимаются на работе, – это чинят туалет и валяют дурака. Игорю самому, похоже, стало легче от новости, что они уходят к человеку в футболке с цветными конями.

В голосе жены было легкое раздражение, когда она ответила на звонок.

– Ну, что еще? – спросила она. – С сыном сможешь видеться, когда захочешь, только сам приезжай.

Видно было, что она уже прикинула все возможные способы, какими Игорь мог влезть в их с новым другом как бы семейную жизнь. Игорь вспомнил, как они однажды сидели всей семьей в каком-то кафе, сыну тогда было года три, а за столиком позади Игоря сидела пара – бабушка и внук, и бабушка расспрашивала о новом папе и рассказывала о том, как тяжело без него родному папе, и все ее расспросы сводились к тому, что внуку нужно переехать к папе, а у мамы пускай будет все новое. Она пыталась выяснить, не бьет ли внука отчим, точнее, она расспрашивала так, что казалось, что ей

хочется, чтобы отчим бил этого внука. Внук же всячески дипломатично мычал в мороженое, так что непонятно было, когда он отвечает «да» или «нет» на все эти глупые вопросы.

Игорь и жена вместе тогда следили за их замечательным диалогом, хотя больше всего их приводила в восторг роль бабушки, похожая на роль какого-то серого кардинала. Особенно часто они вспоминали потом, как бабушка оживила внука рассказом о том, что она ходила в его школу с предложением организовать какой-нибудь кружок, что ей, к сожалению, ответили отказом. Пока бабушка не сказала, что ей отказали от места, внук так напрягся, что даже перестал есть, кажется, перед глазами его вставали картины одна ужаснее другой: как бабушка забегает к нему на каждой перемене и смотрит, чтобы никто его не обижал, как следит за ним в столовой, чтобы он все съел, как он ходит на бабушкин кружок, а вид у мальчика был такой, будто сами врата ада грозятся открыться перед ним. В конце ребенок не смог скрыть облегченного вздоха, но бабушка решила, что это вздох сожаления. Еще бабушка призналась, что ходила к классной руководительнице и предлагала возглавить родительский комитет, но и тут ей было отказано.

Жена не скрывала теперь, что ждет от Игоря такого же примерно поведения, как у этой бабушки.

– Да ну тебя, – сказал Игорь со всем возможным миролюбием, данным ему химией. – Я хотел сказать, что вы можете у нас Новый год встречать, чтобы Мишку раньше времени не шокировать, я тут все равно на работе эти дни прозависаю, так что, поссорились бы мы или нет, новогодние праздники вместе встретить не судьба, видимо.

В этих словах жена заподозрила какую-то Игореву хитрость, у нее вызывала опасения возможность внезапного появления Игоря в разгар праздника с последующей чисткой рыла системного администратора. Хотела жена того или нет, но она не сомневалась почему-то в Игоревой победе.

– Я, правда, не появлюсь, – успокоил ее Игорь. – Если уж на то пошло, если бы я захотел, я бы и сейчас выяснил его адрес и появился без предварительного звонка, может быть, даже и не один.

– А как ты вообще узнал? – спросила жена.

Она всегда здраво оценивала силу женской дружбы, особенно в том коллективе, где работала сама, и сразу же стала копать в нужном направлении, в каждом из этих как бы безразличных слов так и сквозило «какая сука меня сдала, интересно знать». Секретаршу она бы размолотила в порошок и любую из своих подчиненных тоже. Да и подругам, имена которых Игорь знал, могло достаться ни за что.

– Не знаю, само как-то накатило, – сказал Игорь. – Тут пауза нервная на работе выдалась, а когда все утихло, я встал покурить, на меня что-то и накатило. Я проверить решил. Ты, главное, раньше часто компьютерщика вашего упоминала в плане того, какой он придурок. Кстати. Включи громкую связь, я хочу это повторить, чтобы он слышал.

– Обойдешься, – сказала жена.

– Так вот, а тут что-то не слыхать про него. Главное, и про гендира ты говоришь, и про подружек, и про новенького, кого на место сына главного взяли, а про него – ни слова. Тут и неумный человек что-нибудь стал думать. Вот, собственно. Я к вам позвонил, сказал, что ищу такого-то, мне его телефончик подкинули. Я позвонил наугад, вообще, если бы твой друг нынешний умел блефовать, то он бы мог на дурака отъехать и сказать, что с ним никого нет и все такое, но тут уж что выросло – то выросло. Выбрала бы любовника поумнее, до сих пор бы мне голову дурила, если бы хотела. Только одного не понимаю, вы ведь меньше месяца встречаетесь, как вы так быстро сойтись успели?

– Ну, это уж не твое дело, – рассудила жена.

– Ладно, – сказал Игорь, – не мое – так не мое, что тут скажешь. Если захочешь вернуться – буду ждать какое-то время. Смотри только, не опоздай. А то вернешься, а я уже и замки сменил, и ориентацию.

– Да ну тебя, – сказала жена и бросила трубку.

Игорь подумал, что его нынешняя жизнь без семьи будет, и правда, напоминать этакий гей-кружок с уклоном в убийства. «Как будто ты уже свою ориентацию не сменил», – придумал Игорь шутку, которую могла сказать жена перед тем, как закончить разговор. «Не думаю, что тебе это поможет, от тебя даже геи уходить будут», – тут же придумал он еще одну. Поскольку Игорь находился, в принципе, в благостном настроении, то дальше его юмор как-то не задался и не перешел в окончательное самоуничижение, кроме того, ход его мыслей прервало то, что в щели не до конца закрытой

двери он увидел чье-то бледное лицо, покрытое черной бородой, и поблескивающие глаза. Что-то внутри Игоря, конечно, вздрогнуло, но где-то совсем далеко внутри. Человек по ту сторону порога, увидев, что его заметили, запоздало потюкал в дверной косяк костяшками пальцев, испачканных то ли зеленкой, то ли краской.

– Нужно что-то? – спросил Игорь строгим официальным голосом, потому что понял, что это художники, похоже, начали протаптывать дорогу в неоткрытую галерею.

Человек с готовностью ввалился в кабинет Игоря, волоча за собой какое-то невообразимых размеров полотно, чуть ли не метр на два, и долго не мог развернуть его к Игорю лицевой стороной, а когда развернул, то Игорь смог разглядеть, что на полотне изображены желтые треугольники, вершинами стоящие на толстых ножках в виде буквы «икс», в промежутках между треугольниками располагались зеленые солнца. Усталый, но довольный художник сопел, наслаждаясь Игоревым недоумением.

– И-и? – протянул Игорь, намекая на то, что художественный эффект почему-то до сих пор не дошел ни до его сердца, ни до его ума.

Художник посмотрел на полотно, сказал «пардон» и перевернул.

«Это просто праздник какой-то», – подумал Игорь, потому что картина оказалась увеличенной копией той картины, которую он сбрасывал с балкона. «Это, видимо, судьба сегодня с Ольгиными мужиками всячески пересекаться», – решил Игорь, но его обрадовало состояние, в каком находился потрепанный художник.

– Я хочу сделать у вас выставку своих картин, – своими словами художник слегка колыхнул воздух в кабинете, и до Игоря донесся запах перегара.

– Да? – иронично спросил Игорь. – А вы в курсе, что галерея только через год открывается?

Игорю пришлось по нраву, что художник его не узнал, хотя поменяйся они местами, Игорь бы тоже не узнал художника, оба они пополнели, лицо Игоря стало бледнее, а лицо и руки художника за те пятнадцать лет, что они не виделись, приобрели какой-то малиновый оттенок.

Художник знал, что галерея открывается через год, о своем этом знании он поведал, обдавая Игоря новыми волнами спиртового духа, но художник, чье имя Игорь даже и не пытался вспомнить, он помнил только фамилию, надеялся, что выставку можно будет начать еще до официального открытия, по крайней мере, он надеялся, что застолбит за собой право на эту выставку, если появится намного раньше открытия.

– А у вас все работы в этом же ключе выдержаны? – спросил Игорь, глядя на красные руки художника и думая, что тот наверно много стоит на холоде, торгуя своими мельницами и подсолнухами, или пешком пер по морозу картину от того места, где живет, или то и другое вместе.

Игорь подумал, что если бы они сегодня убили не ребенка и женщину, а художника, то это был бы не бесчеловечный поступок, как во всех остальных случаях, где присутствовал Игорь, а, наоборот, – акт милосердия. Правда, несколько пораскинув мозгами, Игорь пришел к выводу, что если бы и его сегодня кто-нибудь пришил, то это бы тоже пошло всем только на пользу.

От вопроса Игоря о жанре остальных картин художник замялся, скорее всего, это была очень больная для него тема. Застиранный пуховик художника с графитовым блеском городской грязи в районе обшлагов и карманов был измаран зеленой и желтой краской, так же были видны пятна зеленой и желтой краски на джинсах художника и его зимних ботинках, чью стоптанность Игорь видел, не вставая с места и не вдаваясь во внимательный осмотр. Очевидно, что художник был не только однообразен в жанре, но не отличался и многообразием колорита, и очень этого стеснялся. Художник стал объяснять, что с образами его картин связана очень эмоциональная веха его жизни, о чем Игорь знал и без его слов и не только с его слов.

– Но ведь от художника и не требуется разнообразия, – начал отчего-то оправдываться художник. – Это путь, который нужно пройти от начала и до конца. Кто, как не вы, должны это понимать.

Химия, гулявшая по крови Игоря, позволяла видеть художника едва ли не насквозь. И чем больше разгорался словесный пафос художника, тем яснее было Игорю, что художник вовсе не желает долгой и мучительной жизни с посмертным признанием коллегами его заслуг, а желает, наоборот, молниеносного признания, а еще больше не признания он желает, а того, чтобы Игорь купил его

картину. Художнику не хотелось тащиться с картиной на руках обратно, он, кажется, согласился бы оставить картину в котельной просто так, но если бы ему еще за это и заплатили, было бы совсем замечательно. Легкая симпатия к художнику за то, что жена ушла все-таки не к нему, а к молодому и частично здоровому во всех отношениях человеку, заставила Игоря по-деловому сложить пальцы куполом, прижать этот купол к губам и сказать следующее.

– Вот что, давайте сделаем так... – художник увидел это деловитое выражение Игорева лица и приободрился.

– Давайте сделаем так, – повторил Игорь, пытаясь вспомнить, сколько наличных находится у него в данный момент в кармане пальто, – давайте я запишу ваши координаты и мы вам обязательно позвоним, когда здесь начнется все веселье. А пока я хочу купить картину для себя лично. Вы не возражаете? Тысяч за десять.

По лицу художника было видно, что он рассчитывал или только тысяч на пять, или сразу на полмиллиона. Этакий или пан, или пропал.

– Если мне удастся продать ее куда-нибудь, я вам выдам еще процентов десять-пятнадцать с продажи, – зачем-то добавил Игорь. – Вы согласны?

Художник засуетился, это было тем более удивительно, что он не двигался с места, но производил человека засуетившегося, как кот, пойманный над колбасой; у художника как-то по-особенному забегали глаза, и пальцы, сжимавшие верхний край картины, стали напоминать пальцы не художника, но пианиста, готовящегося заиграть что-нибудь шустрое из Моцарта. Без слов стало понятно, что художник согласен.

– Вот и хорошо, – одобрительно отозвался Игорь, он бодро поднялся и тут вспомнил, что пальто находится в их раздевалке со шкафчиками, и если художник пойдет туда вместе с ним и увидит эти шкафчики, то ни за что потом не поверит, что котельная – это будущая галерея, а они все – богатые галеристы. Игорь замер в некотором затруднении, но тут завибрировал телефон, а Игорь с облегчением поднял трубку, заранее представляя, что если это жена, то ситуация, в какой он окажется, будет вспоминаться потом как крайне забавная. На том конце провода оказался Олег.

– Какой еще, нахрен, Олег? – спросил Игорь, хотя среди его знакомых было не так уж много Олегов, на данный момент был всего один знакомый Олег, да и того Игорь никогда не видел.

– Тот самый Олег, – сказали на том конце провода. – У вас там все в порядке? Это у вас посторонний человек в кабинете?

Игорь повертел головой в поисках видеокамеры, через которую Олег за ним наблюдал, не столько удивляясь тому, что за ним наблюдают, сколько досадуя на себя за то, что, догадываясь о прослушке, почему-то не подумал еще и о том, что за ним могли еще и присматривать.

– Не трудитесь, не найдете, – сказал Олег, угадав намерения Игоря.

– Ну, хоть знать, куда рукой помахать, – пояснил Игорь.

– Вот только не нужно сарказма, – сказал Олег. – Это для вашей же собственной безопасности сделано. Тут бывали всякие неприятные инциденты, вот я и хочу узнать, не один ли это из инцидентов.

– Погодите-погодите, – прервал его Игорь, – а дома у меня ничего для моей собственной безопасности не стоит, случайно?

– Давайте будем считать, что нет, – миролюбиво предложил Олег. – Вообще, вы должны быть мне хоть немного благодарны. Я все-таки мог заблокировать ваш вызов другу вашей жены, чтобы ваш эмоциональный настрой оставался таким же более или менее положительным, чтобы вы ничего не знали. Но я этого не сделал.

– Ну, спасибо, – Игорь сделал жест рукой, изображая низкий поклон.

– Пожалуйста. Так все в порядке? – спросил Олег.

– Да. Все нормально, – сказал Игорь. – Это по делам галереи пришли. Я картину покупаю.

– Погодите, погодите, – сказал Олег, – вы ее специально заказали, чтобы перед женой извиниться? Насколько мне не изменяет память, у вас точно такая же висела на стене, только поменьше.

– Вы бы хоть скрывали, что не смотрите хотя бы дома, – сказал Игорь. – Тут и так царит не совсем здоровая атмосфера, а вы еще ее паранойей разбавляете. Вас кто учил с персоналом работать? Явно вы курсы повышения квалификации лет тридцать не посещали.

Олег никак не отреагировал на такое нахальство Игоря, однако некоторое время дышал в трубку, как доброжелательный ретривер, обдумывая что-то.

– Это на новость с Александром художники поперли? – наконец догадался Олег.

– Видимо, да, – сказал Игорь.

– Постойте, постойте, – удивился Олег, – но как же тогда получается, что художник притащил картину, копию той самой?

– Сами соображайте, – предложил Игорь, – у меня сегодня и так голова кругом.

– Ну ладно, – сказал Олег, словесно откланялся и прервал разговор.

Игорю невольно пришлось вернуться к разговору с художником – тот мялся и с неловкостью поглядывал на мокрые следы растаявшего снега, который дотащил до второго этажа в протекторах своих завалящих ботинок. «Что же мне с тобой делать?» – с досадой подумал Игорь про художника.

– Вы подождите пять минут, – сказал Игорь, – я за деньгами пока схожу. Присаживайтесь пока, а картину...

Художник сам решил, куда лучше всего пристроить картину, и не успел Игорь закончить мысль, как художник стал пристраивать полотно в ближайший пустой угол кабинета. Это было жалкое и настолько душераздирающее зрелище, что Игорь предпочел торопливо выйти.

В помещении котельной стоял недвусмысленный для Игоря запах горящей плоти, которому Игорь ужаснулся даже в обдолбанном своем состоянии. В проходе между окнами и котлами стоял Молодой и глядел куда-то на верх котла, не проявляя ни малейших признаков дискомфорта. Белые лампы освещали Молодого сверху. В окружении труб и вентилей Молодой походил на какого-то юного инженера из стимпанк-фантастики, судя по его рукам, упертым в бока, он, может быть, и представлял, что он такой инженер и есть.

– Чем занимаешься? – бодренько спросил Игорь, подойдя.

Молодой почувствовал, что такая бодрость неспроста, но, бегая глазами в попытке угадать, в чем заключается загадка Игоревой бодрости, ответил, что смотрит уровень воды в котле.

– А запах тебя не беспокоит? – спросил Игорь.

– А что, еще есть запах? – спросил Молодой. – Сначала был основательный запах, а сейчас я бы не сказал, что чем-то пахнет.

– Да нет, еще есть немного, – сказал Игорь, – но я вообще по другому поводу к тебе пришел.

Молодой изобразил внимательное выражение лица.

– Твои посевы всходы дали, – сказал Игорь.

Лицо Молодого стало еще внимательнее – это он силился понять, что имеет в виду Игорь.

– Ко мне художник пришел, – сказал Игорь осторожно, чтобы не расплескать сарказм следующих слов. – Пробрался, понимаешь, через всю нашу систему охраны, прямо ко мне в кабинет. Я вынужден у него картину купить, чтобы он глаза закрыл на то, что здесь происходит. Сильный тут запах стоит или уже ослаб, какие мы тут все ходим. Может, стоит двери хотя бы входные закрывать, когда у нас такое тут творится?

– Вообще, конечно, стоит, – сказал Молодой, подсчитывая долю своей вины в том, что Игорю приходиться покупать картину, он опустил глаза влево вниз, подсчитывая предполагаемые убытки. – А сколько он запросил за свои труды?

– Десятку, – сказал Игорь, опечалив Молодого. – Да ты не грейся, просто на будущее, давайте как-нибудь закрываться от внешнего мира, а то придется еще свидетелей валить к тому, что у нас уже есть.

– Ну да, я понимаю, – ответил Молодой без обычного своего зубоскальства, Игорю непонятно было, отчего он так себя повел: или его впечатлила раненая нога Игоря Васильевича, или его обрадовало равнодушие Игоря к своему кошельку.

– Давай, когда я с ним уже рассчитаюсь, ты его до выхода проводишь? – предложил Игорь, на что Молодой согласно покивал. – Заодно посмотришь на этого хрена. Там такая ходячая прививка от желания становиться свободным художником.

Молодой поблестел на Игоря желтыми своими зубами.

– Жаль, мы тут не силиконовую долину открываем, – сказал Молодой. – Я бы тебе показал прививки от желания стать свободным программистом.

Игорь одобрительно рассмеялся, хотя и не понял, в чем заключается шутка Молодого, на момент шутки Игорю было совсем не смешно, а от шуток про компьютерщиков тем более.

– Об чем смеетесь, молодые люди? – похлопал Игоря по плечу Игорь Васильевич, бесшумно подкравшийся к ним в гуле котла. – Гостя нашего обсуждаете?

Игорь покосился на ногу Игоря Васильевича, но не увидел бинта сквозь дырку в штанине комбинезона, Игорь Васильевич сменил комбинезон на какой-то новый, еще нестиранный, от чистоты и новизны своей похожий на джинсовый, с еще белыми строчками швов на окантовке карманов и подтяжек.

– Да я уже сменил штанишки, – объяснил Игорь Васильевич то, что Игорь и так уже понял.

– Что же вы людей пускаете? – сказал Игорь. – Он меня на десятку раскрутил.

– Гнал бы его в шею, всего-то делов, – сказал Игорь Васильевич.

– Как я его погоню, если у нас тут галерея, а пахнет, как оказывается, крематорием.

– Да ничем не пахнет, – возразил Игорь Васильевич, потягивая воздух носом, – Сначала, конечно, пахло, дай бог каждому, только не крематорием, а, скорее, шашлыками.

– Вот давай только без этих нездоровых сравнений, – предложил Игорь, – а то я на свежую голову в веганы подамся. Если ты его увидел, что же не завернул от порога?

– Да хрен его знает, – честно пожал плечами Игорь Васильевич. – Смотрю, прется бородач, тащит картину, зачем мне его останавливать? Подозреваю, что это не последний художник, который сюда приползет. Это первая ласточка, это у него здоровья хватило по промзоне и по морозу тащиться. А прикинь, что начнется, когда весна будет и когда подсохнет, они сюда повалят, как зомби, так что надо как-то обкатать их прием и заворачивание.

– Раз уж ты такой мастер заворачиваний – сам бы и заворачивал, – сказал Игорь. – Ладно, он хоть до «Голливуда» не добрался.

– Это да, было бы одним художником меньше, – согласился Игорь Васильевич.

– Может, хоть какой-то КПП поставить? – предложил Игорь. – Какую-нибудь вертушку тут, вахту, не знаю, я Молодому уже предлагал изнутри запираться, но он что-то с темы съезжает.

– Да что ты гонишь, ничего я не съезжаю, – сказал Молодой.

– Он не съезжает, – сказал Игорь Васильевич. – Это у Фила какая-то избирательная боязнь замкнутых пространств. Потом сам у него спроси, как у него что устроено в голове и какие у него там фобии после контузии образовались. Не знаю, короче, как там у нормальных людей, а у нашего Фила, кроме тех заморочек, о которых тебе уже известно, есть еще боязнь замкнутых пространств и боязнь открытых пространств. И обе эти боязни у него сочетаются. В лифте он может застрять безболезненно, но он должен знать, что в помещении или форточка открыта или дверь, в чистом поле он тоже себя нормально чувствует, если там трава высокая или есть куда заныкаться, но если где-нибудь рядом с этим полем несколько зданий, то у него паническая атака может начаться. Так же и с замкнутыми пространствами, там целая куча факторов, когда он может запаниковать, а когда не может.

– Хорошо, что ты мне это сейчас говоришь, – сказал Игорь, – Когда мне пофигу, в принципе, но вот что мне завтра с этим делать?

– Тебя и завтра не отпустит, не переживай, – успокоил Игорь Васильевич. – А вот когда очухаешься, сам будешь разбираться. Кстати, тебе деньгами не помочь, меценат хренов?

– Я уже предлагал, – вякнул Молодой. – Он что-то гордо отказывается.

– Нет, я не отказываюсь, – возразил Игорь. – Я от тебя помощи не хочу, потому что ты здесь все же больше интеллектуальные задачи решаешь, не твоя вина, что человек к нам пробрался, да и тебе на Новый год матери там нужно что-нибудь подарить, девушке.

Молодой скептически хмыкнул, дав этим понять, что матери он сделать подарок не догадался, а девушки у него пока нет.

– Все равно, – сказал Игорь Молодому. – Тебе деньги нужны, а вот Васильича я бы с удовольствием напряг на пару тысяч.

– Ну, пошли тогда, – кивнул Игорь Васильевич в сторону раздевалки, – расположиним Васнецова.

К художнику они пришли уже втроем. Художник заробел под взглядом Молодого, считая его почему-то самым главным в будущей галерее. Игорь Васильевич стал всячески подыгрывать худож-

нику, чтобы укоренить в нем эту уверенность: стал называть Молодого «Александром Сергеевичем», предлагал обмыть сделку или хотя бы принести водички. Молодой то краснел, то еще больше краснел от слов Игоря Васильевича, и только когда тот, прихрамывая, ушел проводить художника до выхода – облегченно вздохнул и рухнул на стул, вытирая несуществующий пот со лба.

– Вот что за человек? – спросил Молодой в сердцах. – Вроде взрослый мужик, а в какую-нибудь клоунаду ударится, даже неловко за него.

– Может, он так стресс снимает, – предположил Игорь. – День сегодня не из легких выдался, особенно для него.

– Может, напьемся? – сказал Молодой в пустоту, которая образовалась после того, как шаги Игоря Васильевича и художника совсем стихли на лестнице, а после последних произнесенных слов прошло минуты четыре.

– Я не знаю еще, как препарат на меня подействует, если я выпью, – скучно ответил Игорь, вызвав спазм некоторого разочарования на лице Молодого. – Ринат Иосифович предупреждал, что могут быть какие-то последствия, но не сказал, какие. Я хочу с Игорем Васильевичем проконсультироваться на этот счет.

– Васильич, если его припрет самого выпить, все равно скажет, что ничего не будет. Он сейчас в таком настроении, что он в любом случае скажет, что ничего не будет, чтобы потом посмотреть, что произойдет, а потом будет вспоминать это, как приключение.

– Думаешь? – спросил Игорь. – А при тебе кто-нибудь пил под этими таблетками?

– Пили тут под таблетками, – сказал Молодой, – только вот я не знаю, под этими ли, или под другими, мне, знаешь, рецептов не показывают.

Игорь покладисто покивал. Они оба навострили уши, когда послышались приближающиеся тяжелые шаги Игоря Васильевича. Молодой внутренне подобрался, уже чувствуя, что его пошлют за бутылкой.

– Хорошо, что в «Голливуде» не часто дела, а то спились бы мы тут, – произнес Игорь, на что Молодой промычал в утвердительной форме и как-то нервозно.

Игорь Васильевич замер у порога, по ту сторону двери, а потом рывком распахнул ее, изображая появление фокусника из зеркального шкафа.

– Та-дам! – пропел Игорь Васильевич. – Предлагаю отметить приближение новогодних праздников и последнее печальное для некоторых дело в этом году.

Игорь промолчал, хотя это «для некоторых» относилось к нему. Сам Игорь считал, что все их дела в той или иной степени печальны, а последнее – совсем мрак, но пока эта мысль оформилась в его голове, пахнущий морозом Игорь Васильевич успел уже стремительным шагом Петра Первого пересечь кабинет и тюкнуть на подоконник бутылку с содержимым чайного цвета и звездочками на золотистой этикетке.

– Это ты с прошлого года берег? – спросил Молодой через так повернутую к подоконнику шею, что голос его слегка изменился.

– Да, – сказал Игорь Васильевич. – Давайте всех позовем. А тебя, Саня, по доброй традиции, отправим в магазин.

Всех созвать не удалось. Ринат Иосифович, как и обещал, успел удрать, прежде чем начались возлияния, даже халявная выпивка, к который он в прошлый раз стремился, не пересилила страха от побочных эффектов Игоревой таблетки.

Когда Игорь после того, как все уже напились, тоже вспомнил про побочные эффекты, которых он ждал, но эффекты все не наступали, – кроме того, что Игоря развезло так же, как всех, а он ожидал хотя бы какого-то просветления или же, на худой конец, эпилептического припадка, – Игорь Васильевич беззаботно сказал:

– Да какие побочные эффекты, ты же во Вьетнаме не воевал. Ну, выстегнет тебя резко. Такое бывает, когда препарат со спиртным мешаешь. Так что будь все время на глазах, даже когда покурить захочешь выйти, а то вылезешь куда-нибудь на мороз или с лестницы покатишься, еще не хватало.

Закончив речь, Игорь Васильевич оглядел пьяную компанию: поскрипывающего стулом Сергея Сергеевича, курящего возле шторки Молодого, слегка поддатого Фила, опершегося на стеллажи, по-

том посмотрел на дверь, точнее, на дверную ручку и, видимо, пары алкоголя заставили его произнести вопрос, который он до этого произносить не решался.

– А чего ты до сих пор этот шнурок не снял? – спросил Игорь Васильевич, покачиваясь. – Это такое почтение к сотруднику, который до тебя работал что ли?

– В смысле, – не понял Игорь. – Я уже этот шнурок видеть уже перестал, настолько он примелькался.

– На нем, вообще-то, Серега повесился, – пояснил Игорь Васильевич. – Такое же дело, как сегодня было, так пару дней прошло – и привет, Серега. Знаешь, как в песне: «Уходишь – счастливо, приходишь – привет».

Со словом «привет», усиленным звуком «р», Игорь Васильевич послал рукой приветствие дверной ручке.

– Если бы мне сразу сказали, откуда это, я бы сразу снял, – признался Игорь. – Я так-то мнительный человек.

– Я его нашел, – сказал Молодой. – Я тоже мнительный, поэтому меня мороз по коже каждый раз пробирает, когда я к тебе в кабинет захожу.

– Тебя хоть после праздников не начнет в сторону суицида волочить? – обратился к Игорю Игорь Васильевич.

– Мне, кажется, нет, – прислушался Игорь к себе, однако новость о повешенном его не особо взволновала. – У меня такое чувство, что я дзэн постиг, что я навсегда успокоился.

– Ну, дай-то бог, – заметил Сергей Сергеевич, и от того, что он поднял голову с полупустой рюмки на Игоря, стул под ним затрещал как-то особенно сильно, буквально как подпиленная сосна, готовящаяся упасть.

Глава седьмая

– Уровень пролактина у тебя скоро упадет, и ты успокоишься, – уверенно сказала жена, вызвав тем самым у Игоря новый приступ совершенно неконтролируемого бешенства.

– Ты что несешь вообще? – заорал он в телефонную трубку. – Ты сама себя слышишь? Ты там головой совсем поехала от перемен в жизни?

Со стороны Игорь видел себя этаким трехлетним ребенком, который топает ногами и закатывает истерику в магазине, и хотя Игорь не топал ногами, а просто сидел у себя в кабинете, отвлекшись от отчета, который никак не мог сдать после новогодних праздников, чувства, которые Игоря обуревали, были похожи именно на такую вот истерику. У него отобрали сына, отобрали жену и не хотели возвращать. Игорь пытался сдержать себя от перехода на высокие ноты, хотел так же иронично и шутя издеваться над женой и ее временной любовью, но когда магия таблетки испарилась, Игорю не казалось уже, что жена ушла на время, и не казалось, что на время она забрала сына, поэтому он то и дело срывался на нездоровые крики. Даже Молодой уже несколько раз заглядывал и просил вести себя потише, но каждый раз был посылаем в однозначно грубой форме.

– Слушай, – сказала жена, – ты мне перед праздниками как-то больше понравился. Я тебя даже в пример приводила.

Возможность того, что их разрыв жена обсуждала еще с кем-то, то есть зашла совсем уже на сторону, кроме того, что она натворила до этого, вызвала у Игоря новый приступ ярости.

– Так ты еще и разнесла это повсюду? – заорал Игорь.

– Да успокойся ты, – сказала жена, – я тебе говорю. От того, что мужчина, как и женщина, воспитывает ребенка, у него повышена концентрация гормона пролактина. Когда этот уровень упадет, ты тоже успокоишься. Может, стоит пока вообще не встречаться с сыном?

– Ты у нас в эндокринологи записалась? – разъярился Игорь. – С каких это пор? Ты бы лучше подумала, какая ТЕБЕ вожжа под хвост попала, когда ты со своим задротом компьютерным начала кувыркаться. Дура ты, блин, вот и все.

Ярости Игорю добавляло и то еще, что он знал, что их разговор прослушивается, Игорю хотелось прервать звонок, позвонить Олегу и саркастически спросить, каково ему слушать все это и не давят ли ему на уши Игоревы децибелы.

– Ты мне решила совсем сына не давать, что ли? – продолжил Игорь, порываясь встать, для того, чтобы начать ходить по кабинету, потому что не в силах был сидя переживать этот разговор, но сдержал себя, только немного двинул стул с места, так что ножки стула проскребли по линолеуму.

– Говорю тебе, ты успокоишься или нет? – терпеливо продолжала жена. – Во-первых, сын все равно не твой, можешь даже генетическую экспертизу провести. Во-вторых, если хочешь его пока видеть – никто тебе не запрещает. Только давай как-нибудь сам его забирай и привози, желательно заранее предупреждай, когда хочешь его забрать, чтобы суеты лишней не было. В-третьих, ты его по часу в день видел, что вдруг в тебе родительские чувства-то взыграли внезапно?

Каждое из трех предложений жены застилали все большей яростью разум Игоря. Ярость усиливалась еще и тем, что Игорь чувствовал совершеннейшее бессилие перед женой, он знал, что суд отдаст ребенка ей в любом случае, и вероятность того, что суд отдаст жене сына, увеличивалась, если жена не врала насчет отцовства Игоря.

– Ну, ладно, – сказал Игорь, тяжело дыша, – если не я отец, то кто? Просто хоть скажи, потому что тут все на работе утверждают, что сын на меня похож, а я что-то не припомню никого из твоих или моих друзей, которые бы на меня походили настолько, чтобы и сын был похож на меня.

Игорь ужаснулся тому, что сказал, поскольку жена могла вцепиться в эти слова, у нее появился повод разодрать Игоря на кусочки за то, что он в свою очередь тоже растрепал кому-то на работе о своих семейных неурядицах. Тут правота была на ее стороне, потому что она была все-таки женщиной, а он как бы мужчиной и должен был переносить все стоически, или хотя бы не так, как переносил сейчас, а с меньшим драматизмом. Но жена пошла по другому пути.

– Вот так я тебе и открылась, чтобы потом у человека неприятности были, – резонно заметила жена. – Я вообще-то помню, где ты работаешь. Я только удивляюсь, это тебе честь делает, кстати, что у нас до сих пор какие-нибудь неприятности не начались.

Самое интересное, что даже эта незамысловатая похвала отдалась теплом в сердце Игоря. Был бы у Игоря хвост, Игорь бы им повилял. Жена сразу же как-то почувствовала изменившееся настроение Игоря и полезла в образовавшуюся брешь всеми силами своего обаяния.

– Слушай, давай разойдемся по-человечески, – предложила жена. – Сколько видела разводов, у всех какие-то склоки, распиливание имущества напополам, детей делят чуть ли не по килограммам. Давай нормально это сделаем. Мы же все-таки хорошо прожили, давай ничего не портить в отношениях, давай разойдемся так, чтобы все завидовали. Как завидовали, когда мы вместе жили. А? Я ведь даже квартиру тебе оставила, обычно у людей не из-за детей, а из-за жилья все стычки происходят. Ну, полюбила я другого, не потому что ты хуже, просто он мне больше подходит, ты, может, найдешь того, кто тебе больше подходит, безо всяких художников в прошлом, без годовых отчетов, без совещаний и начальства сумасшедшего.

В голосе ее была почти мольба, только Игорь не знал, настоящая ли это почти мольба или хорошо сыгранная.

– Ну, хорошо, – устало сказал Игорь, стычка совсем его подкосила, он уже не опирался локтем руки с телефоном в столешницу, а упер ее в колено и весь сгорбился. – Давай попробуем мирно разойтись, только я не знаю как. И ты поменьше книжек медицинских читай – это явно не твое.

– Но вообще, – не сдержалась жена, – у нас тут как по учебнику, знаешь, стадии горя.

– Оля, завязывай, а? – попросил Игорь. – Как вы там поживаете-то?

– Мы прекрасно поживаем, – сказала жена.

– Да я не о вас двоих спрашиваю, а про Мишку, вообще-то, если ты не поняла, – сказал Игорь, сдерживая гнев на ее беззаботную интонацию.

– Так я про него и говорю, – сказала жена. – Ты думаешь, я про нас стала бы рассказывать?

– Да кто тебя знает, – с честным скепсисом заметил Игорь. – В свете последних событий ты сама понимаешь, от тебя всего можно ожидать. Можно мне с ним хотя бы по телефону поговорить?

Игорь знал, что жена не откажет Игорю в этом, но он очень редко, если не сказать никогда, не разговаривал с сыном по телефону, все получалось общаться как-то вживую. Игорь надеялся, что сына не окажется поблизости, потому что Игорь не знал, что он будет ему говорить.

Голосом, вдвойне далеким от того, что это был телефонный разговор, и от того, что телефон был убран в сторону, жена окликнула сына в загадочной пустоте (эту пустоту Игорь никак не мог офор-

мить в своем воображении, поскольку ни разу не приходил еще в то место, где жили теперь жена с сыном, поэтому представлял что-то неопределенное, вроде какого-то бетонного лабиринта с обоями неопределенного цвета).

– Не хочу! – донесся жизнерадостный голос сына.

Услышав такое, Игорь испытал совершенно противоположные чувства: с одной стороны, ему было несколько обидно, что сын не хотел с ним разговаривать, с другой стороны, он и сам не знал, что скажет сыну, при этом к горлу Игоря подкатило что-то вроде слезного кома от звука детского голоса, а еще Игорь был рад, что сыну настолько хорошо, что отец ему не особенно-то и нужен.

– Миша! – прикрикнула жена. – Ты с ума сошел, что ли? Быстро иди сюда!

Игорь услышал этакое громкое горловое бульканье, что-то среднее между звуком рвоты и звуком «о-о», которым сын обозначал крайнюю степень своего недовольства, и одновременно легкий и тяжеловатый топот, с каким тот подходил, после чего в трубке послышалось характерное шуршание, сопровождавшее переход трубки из рук в руки.

– Але, – требовательно сказал сын, – папа, это ты?

Игорю показалось, что сын дышит одновременно ртом и носом, такое исходило из трубки сопение.

– Ты простыл, что ли? – спросил Игорь.

Сын как-то угадал мысль Игоря и сказал, что не простыл, а просто очень быстро пришел. Не в силах придумать, о чем бы поговорить еще, Игорь спросил, есть ли у сына теперь компьютер, сын отвечал и рассказал, во что он сейчас играет, но не очень оживленно. Игорю показалось, что сын говорит, как бы стесняясь самого себя за то, что не остался с ним, с Игорем. Игорь не стал мучить сына разговором и отпустил со скучным напутствием насчет хорошего поведения. Трубку снова взяла жена, но только для того, чтобы попрощаться. Игорь с облегчением сбросил вызов. От разговора он устал так, будто не говорил, а копал землю или пер пианино на пятый этаж.

Попытка вернуться к своим непосредственным обязанностям, то есть к заполнению отчета, не удалась, вместо того чтобы хотя бы смотреть в монитор, положив руки на клавиатуру, Игорь то смотрел в монитор, то на опустевшую дверную ручку. Что касаемо рук, то в левой он держал пепельницу, а в правой сигареты одну за другой. И так он держал сигареты четыре, пока Молодой не постучал в кабинет и не позвал «к главному».

– В зал или в кабинет? – громко спросил Игорь закрывшуюся дверь, поскольку Молодой как появился стремительно со своим приглашением, так и стремительно исчез.

Молодой глянул в щель приоткрытой двери, сообщил, что в кабинет, и пропал снова.

С непроницаемым лицом Сергей Сергеевич пронаблюдал, как Игорь проплелся по кабинету и без приглашения бухнулся на стул.

– Че-то не вижу огня в глазах, – сказал Сергей Сергеевич, – и копыт, роющих землю, тоже что-то не наблюдаю.

– Зато посмотрите на эти ветвистые рога, – вяло сказал Игорь. – Они все искупают – и глаза и копыта.

– Это ты брось, – остановил Игоря Сергей Сергеевич. – Хорош зацикливаться на одном и том же. Так себя и до дверной ручки недолго довести. Хочешь, скажу, что с тобой происходит?

«А то я сам не знаю», – подумал Игорь. Еще он хотел кивнуть, но в свете того, что конца отчету еще и близко не предвиделось, Игорь решил как-то скрасить свои ошибки на работе и ответил по-военному: «Так точно». Самое интересное, что это сработало. Сергей Сергеевич как-то сразу выпрямился на своем стуле, и военная выправка высветилась в нем, как в рентгеновском излучении ядерного взрыва, сквозь спортивный костюм и жировые складки. Даже лицо Сергея Сергеевича будто бы скинуло пару килограмм и стало чем-то походить на лицо Ланового.

– Я смотрю, ты еще не совсем бодрость духа растерял, – сказал Сергей Сергеевич. – Похвально. Попробую тебя еще немного приободрить.

Игорь попытался придумать еще какой-нибудь армейский ответ на такие слова Сергея Сергеевича, но в Игоревом словарном запасе иссякли уставные выражения, так что ничего, кроме троекратного «ура», в голову не приходило, а это было бы не совсем к месту. Пытаясь удержаться в рамках созданного им образа провинившегося офицера, Игорь виновато потупился.

– Ну, во-первых, – начал Сергей Сергеевич, – Это у тебя синдром отмены. К этому препарату быстро привыкают, вообще стремительно. Просто ломки нету, а уныние накатывает. Еще бы оно не накатывало, пару дней ходил уверенный в себе, не знающий сомнений, спокойный, как танк, а потом раз – и опять все проблемы наваливаются, которые никуда не делись. А куда они, спрашивается, денутся, если под таблетками в город не отпускают. Ты потерпи еще с недельку, будет полегче. Радуйся, что не пошел и морду никому не набил, кроме Васильича, но, я так понял, он тебя первый терроризировать начал, так что ему поделом.

– Под таблетками проще было с женой спорить, – ухмыльнулся Игорь. – Так она спором вертит куда хочет, а там небывалое что-то было.

– Это иллюзия, – уверенно отрезал Сергей Сергеевич. – Я тебя уверяю, ей тоже нелегко. Представь, что вы друг друга по башкам сковородками били, а ты просто, ну не знаю, морфием укололся, и вы продолжили колотить друг друга сковородками. А сейчас у тебя башка трещит, тебе кажется, что дело в морфии, что он, вроде как, спасение, а на самом деле нужно перестать головы под сковородки подставлять. Ну, да, ты мог ее своим уверенным голосом и вообще собой в тогдашнем состоянии обратно ее переманить к себе, но это и для сына твоего перебор, когда его туда-сюда таскают. Одно, знаешь, дело, когда его раз утащили, вот твой новый папа, а другое дело, когда утащили, вот твой новый папа, потом, опа, вот опять старый, а потом она поглядела бы на тебя, жена твоя, ты бы еще злее был во время отходняка, – и опять к этому бы свинтила. И сыну опять привыкать. Он, кстати, как? Не очень переживает?

– Да хрен его знает, – сказал Игорь. – Ему, по-моему, даже разговаривать со мной было некогда, так ему пока там интересно.

– Тогда тебе остается только успокоиться как-нибудь своими силами, – сказал Сергей Сергеевич. – Жена у тебя ведь не дура полная. Она же вроде к нормальному парню ушла. Я, кстати, проверил на всякий случай.

– Ну, спасибо, – ответил Игорь.

– И вообще, – как бы не услышал его Сергей Сергеевич. – Ну, что это была за жизнь. Нет, я понимаю, конечно, что до того, как ты к нам пришел, может, что и шевелилось, что-то тлело, а местами горело, может быть. Но с теперешней твоей работой ничего хорошего их бы все равно не ждало. Ты не смотри на Рината Иосифовича, что он человек семейный, он зато к коллективу особняком по той простой причине, что в наших делах совсем не участвует.

Игорь тоже себя чувствовал особняком в коллективе. Ему тоже казалось, что он не участвует в делах отдела, но или это было не так, или ему повезло быть чужим сразу и на работе и дома.

– А ты как-то вписался в коллектив, ты на Сашу, вон, благотворно повлиял, хотя ты этого не замечаешь.

– Каким же это образом, интересно знать? – вяло спросил Игорь, не особо веря, что на Молодого хоть что-то, как выразился Эсэс, может «положительно повлиять», кроме, разумеется, какой-нибудь операции на мозге, вроде фронтальной лоботомии.

– А вот таким вот образом, – сказал Сергей Сергеевич. – Я сам не знаю, но как-то он стал поспокойнее с твоим появлением. До этого у нас было несколько человек, таких, знаешь, бравых вояк, которые видели отдел как такую ступеньку к восстановлению себя в прежней должности. И что с ними стало?

Сергей Сергеевич задал явно риторический вопрос, и так было ясно, что ничего хорошего с бравыми вояками не стало, но сам Сергей Сергеевич не торопился с ответом, поэтому Игорь спросил: «И что с ними стало?»

Сергей Сергеевич похрустел стулом. «Надо сброситься было и кресло ему купить на Новый год», – подумал Игорь, потому что Игоря нервировал этот деревянный хруст, Игорь стал подсчитывать дни до двадцать третьего февраля.

– Шнурок на двери ты сам видел, – сказал Сергей Сергеевич. – Скосило парня только в путь. Причем, он на жену не орал, семьянин такой основательный был. Вроде как стальные нервы. После первого дела не пытался, в отличие от некоторых, машину заблевать. И тут – на тебе. До него был еще. Тоже, хоть при нем шеи ломай, казалось, он и сам готов допрашивать и шеи ломать, на две

ставки, так сказать. Ан нет. С такой же спокойной харей, с какой допрашивал, пытается перестрелять весь персонал. Мало приятного, я тебе доложу. Тогда еще с Фи... с Мишей и Игорем Васильевичем третий работал, вот. Теперь у нас двое головорезов в отделе осталось. Фил, наверно, тоже скоро с катушек съедет. Это, наверно, не очень хороший знак, когда человек на работе живет. А еще, короче, один, до этого стрелка, работал-работал, а потом херакс – и пропал. Оказалось, сбежал в деревню к дальним родственникам. Еле нашли. Трогать не стали. Если разобраться, что его трогать? Что он там расскажет? Там такой контингент, что он на фоне деревенских теряется. Один рассказывает, что с Фиделем Кастро за ручку здоровался, другой – что он бывший футболист советской сборной, третий – что у него домовой живет. Так что, если ты намылишься деру давать, убегай в деревню. Только не надо этих драматичных самоубийств, мук совести и попыток решить все одним махом тем или иным способом. Тебе, может быть, покажется, что я шучу, но у нас и без этого реально опасная для жизни работа. Мы тут на волоске висим на таком тонком, что все бы обосрались, если бы узнали, насколько этот волосок тонкий.

Игорь недоверчиво поднял глаза на Сергея Сергеевича, тот, как бы добавляя веса своим словам, внушительно покивал.

– Я к чему все это говорю, – продолжил Эсэс, – я к тому, что ты, вроде, рохля такой. Но если трудно тебе будет, ты попсихуешь, как-то порефлексируешь дома и на работе, настроение всем попортишь своей кислой миной и нытьем, но при этом ты дело делаешь. Ты, хотя это сомнительный комплимент, даже на допрашиваемых действуешь успокаивающе одним своим видом.

– Это, правда, сомнительный комплимент, – вякнул Игорь, на что Сергей Сергеевич ухмыльнулся.

– Воооот, – Сергей Сергеевич собирался с мыслями, пока тянул свою «оооо». – А, вот. Про Сашу. Про Александра нашего, Сергеевича. Про наше все. У него тут друг наконец-то появился. Это глупо, конечно, звучит, что меня такое заботит. Но, знаешь, парень молодой, вся жизнь впереди, а окружают его, в принципе, психи. А тут ты. Он же как раньше к людям относился? Мне все похеру, у меня папа – большая шишка. Или мы к нему так относились, сейчас уже не разобраться. Мы, в конце концов, не психоаналитики, чтобы во всем этом копаться. Язвы как-то в нем меньше стало. Еще так совпало, что ты сына своего привел и ему на попечение отдал. Ему, знаешь, мать с младшим братом не доверяет оставаться, все ей кажется, что он его или на наркотики подсадит, или плохим словам научит. А тут еще все офицеры, а ты все же больше из финансовой сферы. Иногда самих-то военных начинает от самих себя плющить, а человека, такого штатского, как Саша, вообще плющило. Он себя, наверно, этаким хиппи представлял в логове хищной военщины. Ты же – переходная стадия от нормального человека до госслужащего в погонах.

Игорь знал, что он числится неким воякой, но его всегда интересовал вопрос, в каком он все-таки звании. В удостоверении было написано «оперативный работник», однако звания не было указано, и его как человека, выбравшего в свое время определенную карьеру, не могло не интересовать количество виртуальных засекреченных лычек, как у него, так и у тех, кто с ним работал.

– В погонах-то в погонах, но мешает, что неизвестно, кто в каком звании, – признался Игорь.

– О, – воскликнул Сергей Сергеевич, – я на тебе, значит, зря крест поставил. Ты, значит, не на все сто процентов бухгалтер. Один процент милитаристского яда у тебя по крови гуляет?

– Я понимаю, – смешался Игорь, – что это все секретно, раз не говорят, но просто хотелось бы знать, кто тут главный, кто менее главный.

– Ну, понятно, – прервал его Сергей Сергеевич. – Сейчас я распишу всех по масти. Ты удивишься, но Миша и Игорь Васильевич тут в самых высоких званиях ходят. Но они пришельцы из другого ведомства и поэтому, путем всяких сдержек и противовесов, главный здесь я. После меня идешь ты. Ты как бы младше по званию Миши и Игоря Васильевича, но если меня пришьют, или я вареником, там, подавлюсь, то мое место займешь ты и никто иной, а Миша и Игорь Васильевич будут также тебя слушать, как слушают сейчас меня.

«То есть никак», – подумал про себя Игорь.

– То есть никак, – угадал его мысль Сергей Сергеевич. – В самом младшем звании здесь находится Ринат Иосифович, его с прежнего места поперли за излишнее усердие, с понижением. Но

он, как видишь, не жалуется. Его, по-моему, вполне устраивает, он потерял в звании, зато приобрел в зарплате. И тебя, и меня, и всех здесь он может купить и продать, купить и продать. Тоже как бы такое равновесие соблюдено. Так что ты перед ним нос особо не задирай.

Как несколько дней до этого Игорь ходил под впечатлением от обезлюдевшей квартиры, – что после новогодних праздников, которые он плохо запомнил по причине постоянного опьянения, было особенно тяжело, – так и разговор с Сергеем Сергеевичем оставил у Игоря ощущение легкой контузии. Его представление о работе отдела было гораздо проще: Игорь думал, что он находится не в роли заместителя главного, а где-то вровень с Молодым, по той простой причине, что отработал в отделе чуть больше двух месяцев. Игорь вообще думал, что его испытательный срок все еще не закончен и когда-нибудь его попросят из отдела по причине профнепригодности и общей вялости всего организма. В свете такой уверенности в себе Игорю оставалось надеяться, что Сергей Сергеевич будет эксплуатировать свою поношенную телесную оболочку лет до девяноста, а то и дольше.

Если на работе Игорь еще изображал, что разговор с Сергеем Сергеевичем подействовал на него благотворно, и даже домучил отчет о том, как допрашивал несчастную женщину и как она реагировала на каждый вопрос, то дома знание о том, какая на него может навалиться внезапная ответственность, все время присутствовало у него в голове и не давало Игорю покоя, заслонив собой даже семейные неприятности.

Дошло до того, что жена, привыкшая к его периодическим звонкам, не выдержала радиомолчания и позвонила сама, выясняя, все ли с Игорем в порядке.

Игорь, понятно, не был в порядке. Не будучи в силах пить с той же силой, с какой он пил в праздники, Игорь начал убираться в квартире чуть ли не по два раза за вечер, когда были рабочие дни, и раз шесть пылесосил и мыл полы, когда был на выходных. Сгоряча он перестирал все свои вещи, потом вещи жены, потом вещи сына. На телевизор в гостиной Игорь потратил несколько часов – он протирал его, потом Игорю казалось, что на экране есть какие-то разводы, и повторял процедуру, пока наконец ему не удалось взять себя в руки. Примерно то же самое он вытворял с кухонной, почему-то именно с кухонной, раковиной. Когда раковина была чиста, как в день ее установки, а может, даже чище, чем была на заводе-изготовителе, Игорь принюхался к сливу раковины и ужаснулся запаху. Игорь посветил зажигалкой в слив и ужаснулся виду этого слива, пошел в магазин чистящих средств и купил сразу несколько, чтобы уж наверняка, и не успокоился, пока сливная труба не была вычищена изнутри и снаружи.

Руки Игоря слегка порозовели за эти дни от воды, щелочи и мыла. «Ты обморозился или ошпарился?» – спросил Игорь Васильевич.

В общем, в порядке Игорь не был и вполне осознавал это, но распространяться об этом не желал, он зачем-то сказал жене, что просто пьет по вечерам, а днем ему звонить некогда.

Когда квартира была вылизана сверху донизу, и даже «пилот» в спальной был полностью протерт влажными салфетками до нездоровой белизны, и даже шнур «пилота» протерт до нездоровой белизны и уложен каким-то замечательным образом, подсмотренным в интернете, – в квартире завелась мышь.

Она появилась ночью и стала громыхать полупустыми банками «Доместоса», «Белизны», «Крота», «Лотоса» и еще чего-то, как бы протестуя против отсутствия пищи. Игорь проснулся среди ночи, разбуженный шумом, но, скорее всего, слишком шумно пошевелился при пробуждении, отчего осторожная мышь затихла. Не успел Игорь уснуть снова, как мышь опять начала шуметь, поэтому Игорь решил, что переусердствовал с чистящими средствами и нанюхался чего-то не того, что какая-нибудь из присадок к средствам начала действовать психоделически, но стоило ему двинуться с места, как шум снова затих. Проверяя, не сошел ли он с ума, Игорь пошел в ванную, оперся задом на раковину и стал ждать, повторится ли шум еще раз.

Мышь долго не показывалась, наверно, ее пугал включенный свет, Игорь даже задремал стоя, и ему приснился короткий сон про то, что отражение в зеркале, к которому он стоял затылком, смотрит на него с пугающе серьезным видом. Игорь встрепенулся, открыл глаза и заметил, что прямо возле его ног, мордочкой к нему, сидит мышь, держит что-то в лапках и ест. «Да не может быть», – подумал Игорь, потому что есть мыши в его квартире было совершенно нечего. Игорь попробовал осторожно

нагнуться и проверить, что же такое держит мышь, но та, заметив движение, сразу же скользнула под плинтус с бесшумностью и стремительностью иллюзии на краю зрения.

Игорь слышал, что мыши являются разносчиками опасных инфекций, и тут его приступ чистоты должен был вроде бы разгореться с утроенной силой и разродиться капитальным ремонтом или хотя бы повсеместной установкой мышеловок, однако же случилось ровно наоборот – появление мыши почему-то успокоило Игоря. Ему почему-то стало гораздо легче от осознания того, что он дома не совсем один. Игорь даже стал оставлять в ванной сухарик на ночь и умиротворенно просыпался и снова засыпал под характерный хруст, с каким мышь точила этот сухарик, – было удивительно, что зверушка величиной едва ли с фалангу большого пальца способна грызть что-нибудь настолько громко, чуть ли не как собака.

«Если еще и мышь пропадет – мне хана», – иногда думал Игорь. Он обратил внимание, что отдел выезжал в основном к тем людям или похищал в основном тех людей, у которых не было семьи, которая кинулась бы их искать. Игорь сам теперь почти стал таким человеком. Он даже представлял иногда себя со стороны. Представлял, как люди из отдела звонят в его квартиру, как он им открывает, как они заходят, внимательно глядя по сторонам и запоминая детали, отмечая про себя, что тут живет человек аккуратный и непьющий, как садят его, Игоря, на стул и надевают на голову ведро, допрашивают и убивают. Подсознательно Игорь так поддался этой идее, что не спал в трусах, а надевал тренировочный костюм на ночь, и чтобы не было жарко спать – открывал форточку пошире. Брился он теперь даже перед сном. Укоротил и без того короткую стрижку, чтобы, если за ним придут, не быть жалким и всклокоченным.

Все эти замечательные перемены и приключения Игоря уложились буквально в пару недель. Буквально так: вот, в среду, произошел разговор с Сергеем Сергеевичем, когда Игорь уже начинал наводить блеск на свое жилище, на следующей неделе, правда, в четверг, появилась мышь, а в следующую среду Игорь уже спал выбритый, причесанный и одетый. Наступил февраль, до времени весенних обострений оставалось еще довольно много времени, но психику Игоря это не останавливало, ибо она, похоже, как взорванный железнодорожный состав, катилась под откос, вопреки заверениям Сергея Сергеевича, что Игорь устойчивее прежних людей, занимавших его должность.

С Филом тоже творилось что-то неладное. Где-то с середины января Фил начал подыскивать съемное жилье, а именно: принялся скупать гроздья местных газет с объявлениями, звонить по этим объявлениям и начал ездить в рабочее время смотреть квартиры. Из-за этого Игорь боялся, что однажды Фил задержится каким-нибудь необыкновенным образом и придется ехать на вызов с Игорем Васильевичем и Молодым. Эти мелькание и суета Фила добавляли нервозности и без того нервному Игорю.

Несмотря на все свое желание поселиться в нормальной квартире, с квартирами Филу почему-то не везло. То была слишком высокая оплата, то какие-то жуткие хозяева (Фил объяснял, что они очень похожи на тех, кого они в свое время допрашивали, а это его очень смущало). Игорь удивлялся, что с той широкой целевой аудиторией, которую охватывали допросы, Фил вообще может без содрогания передвигаться по улицам и не видеть вокруг себя покойников. Еще были квартиры, которые Фила не устраивали по качеству жилья, хотя странно, что он мог еще как-то привередничать, учитывая то, что он несколько лет прожил в слесарке бывшей котельной.

Однажды Фил пришел по адресу, указанному в газете, и несказанно удивился, когда из квартиры вынесли гроб со старушкой и поволокли по узкому лестничному пролету, а следом вышла заплаканная барышня и попыталась тут же заключить с Филом договор на проживание.

Была прекрасная квартирка в полуподвале, но здравомыслия Фила хватило понять, что будет с этой квартиркой весной, когда начнется звонкая весенняя капель и звонкие весенние ручьи.

Надежду Филу неожиданно дал Молодой. Он сказал, что новый муж матери сам сдает жилье и как раз жилец выехал. Тут почему-то вмешался родной отец Молодого, сделал один предупредительный звонок, и Филу отказали в жилье, сославшись на то, что квартира уже сдана. Молодой прятался от Фила, не решаясь обосновать решение родителей, но Фил и так все понял и только махнул рукой. Он поймал Молодого в коридоре, по пути в курилку и сказал, что понимает отвращение к себе и по-

нимает, за что он оказался в отделе, что не держит никакой обиды ни на Молодого, ни на его родных. Молодой кивал, но это было какое-то смущенное кивание, совсем не похожее на Молодого, который, как правило, нес все, что думал, и не особо боялся последствий.

– Ты, надеюсь, им скандал не закатил? – спросил Фил в курилке.

В ответ Молодой скорчил такую смущенную рожицу, что стало понятно, что от скандала он не удержался.

– Ты, давай, не гони на родственников, – сказал ему Фил. – Их тоже можно понять. Ты меня видишь каждый день и уже пообвыкся, а люди за детей боятся. Это нормально, так-то.

– Да ненормально это, – воскликнул Молодой. – Мне отчим все уши прожужжал по пьяни, какие нормальные бабы бывают, как он в институте обрюхатил двадцатилетнюю студентку, а она на него даже на алименты не подала. Его папашка, как мой меня, из всякого говна по жизни вытаскивал, давал ему два высших образования, давал местечки теплые и до сих пор что-то там мутит, помогает с его карьерой там какой-то, хер знает какой. И он считает, что он лучше тебя. Это ненормально, бля.

– Спасибо, конечно, за добрые слова – сказал Фил, – но он правда лучше меня. Я, Саша, и правда отморозок, каких поискать. И дело даже не в мальчиках, поверь мне. Если бы твой папа все им рассказал про меня и Васильича, они бы, нахер, из города в ужасе съехали. И тебя бы запаковали в чемодан, как Электроника, и увезли силой.

«Господи, куда я попал», – тоскуя, думал в этот момент Игорь, и эта тоска всячески отразилась как в его вздохе, так и в его выражении лица, потому что Игорь Васильевич ободряюще похлопал Игоря по плечу и игриво подмигнул.

С такими настроениями Игорь вряд ли дотянул бы в здравом уме до весны, а весной с ним совсем было бы плохо, но как-то, стирая на выходных постельное белье, Игорь спохватился, что забыл про постельное белье сына. На Игоря накатило такое отчаяние, словно запасного белья у сына не было, и как будто сын должен был приехать с минуты на минуту, так что спать ему было не на чем. Игорь слил воду из стиральной машины, скинул свое белье в ванну, пошел в комнату сына и стал извлекать одеяло из пододеяльника, яркого, как сумасшествие Игоря, и расписанного настолько веселыми и цветными зверями, что спокойно смотреть на этих зверей было невозможно. В выражениях морд зверей читался маниакальный синдром. Игорь смутно представлял себе, что это такое, но не сомневался, что это именно он. Наволочка и простыня были из того же набора, поэтому весь этот цвет и оптимизм так тяжело ударили по голове Игоря, что он бросил пододеяльник на пол, разоблачил подушку и бросил под ноги наволочку, а потом сорвал с кровати простыню. Под простыней, раскинув рукава, лежала совершенно плоская водолазка сына светло-голубого цвета с синими манжетами. Такой непорядок сбил Игоря с толку.

Он зачем-то взял водолазку, не зная, что с ней делать, кидать ли в стирку или это считается цветной вещью, потом вспомнил, что сами простыня, наволочка, пододеяльник тоже цветные, так что можно стирать их вместе с водолазкой. Через минуту Игорь обнаружил, что стоит, прижимая скомканную водолазку к лицу, и пытается почувствовать запах сына, но не чувствует ничего, кроме запаха слежавшейся ткани, и при этом единственное его желание – сигануть из окна.

Не выпуская водолазки из руки, как будто только она и держала его на этом свете, Игорь прошел в комнату и набрал номер Фила.

– Ты еще квартиру не нашел? – спросил Игорь вместо приветствия.

– Да хрен его знает, – с экзистенциальной тоской в голосе сказал Фил.

– Если хочешь, можешь у меня пока поселиться, – осторожно предложил Игорь.

– А ты от меня умом не тронешься? – Игорю показалось, что Фил хотел добавить в конце предложения слово «окончательно». – Мы, считай, на работе видимся. А тут еще у тебя будем глаза друг другу мозолить.

– Я же не предлагаю тебе навсегда к себе переехать, – сказал Игорь, – найдешь квартиру – съедешь, а может, поживешь в нормальной квартире и снова захочешь в слесарку перебраться.

– У тебя что с голосом? – поинтересовался Фил. – Простыл, что ли?

– Да нет. Просто тут убираюсь, страдаю, короче, херней, – ответил Игорь, убирая от лица водолазку сына, которую не удосужился убрать до этого.

Фил задумчиво заскрипел диваном у себя в комнатке, Игорь услышал, как Фил чешет щетину на нижней челюсти и зачем-то проверил свою челюсть, насколько хорошо выбрита она по сравнению с бритьем Фила. В контексте их стеснительного разговора это был жест не голубой даже, а ультрафиолетовый.

– Но ты точно не против? – спросил наконец Фил. – Если будешь против – сразу говори. Чтобы потом не было обид всяких, чтобы потом это на работе какой-нибудь ерундой не всплыло. Чтобы потом не скандалить, как семейная пара.

Игорь смущенно захихикал, представив такой скандал, и как на него отреагировали бы Игорь Васильевич и Молодой.

– Нет, я серьезно, – слегка возмутился Фил, – у меня были просто терки в юности с соседом по общаге, потом мы с парнягой одним квартиру снимали, тоже как-то не ахти получилось. Я, короче, как ни сниму квартиру, все какая-то неприятность получается. Как ни переменю место жительства, вечно косяк. Даже вот с женой мы только-только квартиру свою купили, а тут этот скандал, короче.

Фил смущенно засмеялся, как будто этот смущенный смех мог дополнить каким-нибудь смыслом то, что он рассказал, и опять почесал подбородок.

– Нет, ну конечно живи, только из дома у меня не надо свидания мальчикам назначать, – сказал Игорь на всякий случай, как бы шутя, но в то же время полусерьезно, потому что неизвестно, что на самом деле творилось в голове у Фила. – И водить их ко мне не надо, само собой. Ни мальчиков, ни баб, мне будет неприятно, если у меня в соседней комнате будет кровать скрипеть. Шкурный такой интерес.

– Да ну тебя, – сказал Фил.

– Тем более, ты же все равно квартиру ищешь. Ты же ее когда-нибудь найдешь. Просто тебе из дома будет спокойнее искать, чем из нашей шарашки. С окраины ездить мало приятного.

Фил снова задумался. Было слышно, как тихо работает телевизор в его каморке и как Фил прихлебывает чай или ворованный у Рината Иосифовича кофе.

– Спасибо, конечно, – искренне сказал через какое-то время Фил, Игорь почему-то в этот момент забеспокоился, что Фил откажется. – А когда приехать-то можно?

– Да хоть сейчас, – ответил Игорь как можно более непринужденно, пряча за непринужденностью желание, чтобы Фил немедленно начал паковать вещи, а на самом деле еле сдерживаясь, чтобы не заорать в отчаянии.

– Так-то я всегда готов, как пионер, – признался Фил. – Годы работы, все такое.

– Ну так сейчас и приезжай, – торопливо сказал Игорь, отчего Фил невольно насторожился.

– У тебя вообще все нормально? – осторожно осведомился Фил после некоторой паузы. – Ты точно дома один? Тебя никто там не принуждал мне звонить? Меня там сюрприз никакой не ждет?

Игорь выпустил водолазку сына из руки на пол, сел на сыновью кровать и вздохнул.

– Миша, хорош паранойю источать. Ты прямо анчар какой-то. Неужели трудно понять, что от меня все ушли. Я готов к тебе переехать, но это уже перебор какой-то будет. Это что-то нездоровое, если мы отдел в общежитие будем превращать. Вот в котельной мы друг друга как раз жрать начнем на второй же день. А тут все-таки дом. Какое-то культурное существование.

– Тут, видишь, еще какая проблема, – признался Фил. – Кто-то должен здание охранять, чтобы его по винтикам не растащили. Я же, типа, за сторожа вечного. Куда я так сразу же денусь? Надо посоветоваться хоть с Сергеичем.

– Миша, ну, ты я прямо не знаю, как кто, – взорвался Игорь. – Ты же понимаешь, что эта должность твоя сторожевая – совершенно номинальная. Как будто ты сам не знаешь, что там на каждом углу камеры понатыканы и микрофоны. Если туда кто сунется – там уже через десять минут кавалерия прискачет с Олегом во главе. Закрывай все на клюшку и дуй сюда, пока мы оба окончательно не свихнулись. Ты – от своей боязни квартир, я от дури своей. Будто ты сам не знаешь, что нас сейчас Олег слушает, и если бы он был против, давно бы уже вмешался. Мне, кстати, и эта мысль покоя не дает, что на меня круглосуточно кто-то смотрит. Мне как-то надо, чтобы кто-то отвлек меня от этой мысли.

– Ладно, убедил, – покладисто проворчал Фил.

– Значит, едешь? Ящики под твою одежду освобождать?

Тот как бы махнул рукой.

– Освобождай.

Но когда Фил положил трубку, Игорь не стал спешить с выгрузкой лишних вещей из ящиков комода в спальной, не стал собирать белье и одежду в стирку, а положил телефон рядом с собой и начал ждать звонка Олега. Игорь почему-то был уверен, что Олег позвонит. Ждать пришлось недолго. Может, какой-нибудь жучок был нацелен прямо на постель сына, и ожидание Игоря было заметно по тому, как тот косился на лежащий возле его бедра мобильник, и по тому, как дергались нога и лицо Игоря.

– Напрасно вы так, Игорь Петрович, – Олег сразу же начал с вежливого упрека. – Ну что это, право слово, за агрессия в голосе?

– Да? – тоже вкрадчиво начал Игорь, он уже как-то попривык к Олегу, что, как он считал, уже давало ему какое-то право на то, чтобы начинать хамить. – Хотел бы я ваш голос послушать, если бы вы знали, что у вас в сортире несколько видеокамер и микрофон.

– И опять вы напрасно злитесь, – вздохнул Олег. – В туалете только микрофон, как и в спальной. В основном все нацелено на то, чтобы следить за вашей входной дверью и окнами, а не за вами. Возле подъезда несколько жучков. На лестничной клетке и в лифте, так что если вы не любитель справлять естественные надобности в лифте, как молодые соседи, что живут над вами, то можете справлять их в удобных для себя условиях без боязни попасть в наш видеоархив.

Игорь смущенно прочистил горло.

Ему было неловко, потому что Олег, возможно, мог наблюдать за ним во время их разговора, а Игорь не мог, поэтому нужно было все время играть кого-то, кем Игорь не являлся.

– А как вы считаете, это не очень глупо было – пригласить сюда Михаила? – спросил Игорь, скорее всего, со стороны это было очень жалкое зрелище, и вопрос был жалкий.

У него не было уже сил возражать против того, что за его домом круглосуточно следят, хотя бы и из соображений безопасности. Если бы ему полгода назад сказали, что в его доме жучок, это стало бы для Игоря основанием, чтобы поменять жилище, и уж тем более Игорь не стал бы спрашивать какой-либо оценки своих поступков у человека, который за ним следил.

– Нет, вы правильно поступили, – с располагающей интонацией одобрил Олег. – То, что Михаил как бы сторожил отдел, – это, конечно, было самооправдание. Но в том, что он там оказался, был плюс для него же самого. Ниже падать ему было уже некуда, честно говоря, он мог или жить до конца своих дней или, вот, мог попытаться как-то вылезти оттуда, где оказался. С вами тот же случай.

– То есть? – не понял и слегка оскорбился Игорь, его задело сравнение с педерастом.

– Ну, вы более респектабельная версия той же самой ситуации, – пояснил Олег. – Ниже зама отдела вы уже не упадете, потому что держитесь хорошо, несмотря на то, что на вас разом навалилось. У вас более хорошая, так сказать, стартовая позиция.

У Игоря закралось подозрение, не специально ли это все разом на него навалили, не было ли это каким-нибудь стресс-тестом, однако если убийство женщины и ребенка было частично на их совести, то уж уход жены они подстроить не могли, а реакцию на их уход – тем более. «Да уж», – подумал Игорь и с отвращением вспомнил про всю свою мягкотелую рефлексию, которая в любой момент могла накатить с новой силой. Но в целом упоминания его устойчивости к стрессу начали Игоря несколько раздражать. Игорь знал, что уже дошел до ручки, а эти намеки на его психологическую непробиваемость и возможность отойти в здравом уме от любого ужаса предполагали, что может последовать новый ужас, сильнее тех, что он уже видел. Если что, кто у них в дальнейших планах? Ребенок? Раковый больной? Инвалид? Панда?

– Не знаю, как насчет стартовой позиции и того, что вы сейчас говорили, – вздохнул Игорь, – но вы ведь в курсе, скажите, кто тут у нас в планах дальше?

– Скажем так, ничего страшнее того, с чем вы уже столкнулись – не будет, – уклончиво ответил Олег.

– А поточнее нельзя? – попросил Игорь.

– Поточнее нельзя.

– И последний вопрос, – сказал Игорь, найдя вежливый способ намекнуть, что пора уже завязывать с разговором, от которого он начал уже уставать, поскольку Олег все равно уклонялся от прямых ответов. – Раз уж я заместитель Сергея Сергеевича, нельзя ли пояснить мне или хотя бы намекнуть, для чего все это делается?

Олег честно рассмеялся.

– Нельзя намекнуть. То есть я лично не против рассказать все как есть. Но тут уж Сергею Сергеевичу решать. Но если вы станете главой отдела, то я вам обязательно расскажу. А вообще, наберитесь терпения. Насколько я знаю, Сергей Сергеевич каждый раз дает зарок, что будет оставлять сотрудников в неведении, и его всегда что-то подталкивает к тому, чтобы правду поведать людям. Он уже давно не срывался, так что думаю, он уже близок к тому, чтобы расколоться. Но он же вроде бы и сам вам это говорил?

– Да, да, – торопливо сказал Игорь. – И еще тогда последний вопрос. А где все те, что работали до нас. Я так понял, что с советских времен все это ведется?

– Ну, как где? – сказал Олег. – Некоторые на пенсию вышли. Некоторые погибли. Вы не ищите, пожалуйста, теорию заговора там, где ее нет. Вы полагали, что мы свидетелей нашей деятельности, что ли, убираем? Просто так совпало, что этому набору сотрудников два года, но тот же Игорь Васильевич из ветеранов, и, как видите, жив-здоров. А он, между прочим, еще на закладке «Голливуда» присутствовал.

Олег замолчал, не бросая трубку, видимо, из вежливости.

– Я хотя бы немного удовлетворил ваше любопытство? – спросил он, потому что Игорь, несколько увлекшись перевариванием услышанного, устаканивал в голове полученные факты.

– Да, да, – встрепенулся Игорь, – до свидания?

– До свидания, – сказал Олег и положил трубку, как показалось Игорю, медленно и с достоинством.

«Нужно спросить у кого-нибудь, что он собой представляет, этот Олег», – подумал Игорь, потому что находиться под наблюдением было неприятно, а находиться под наблюдением и началом человека, представлявшегося темной фигурой, было неприятно вдвойне.

Телефон еще не остыл после руки, а Игорь уже набирал номер Фила.

– Ты далеко там еще? – спросил Игорь.

– Минут через тридцать буду, – сказал Фил. – У вас лифт не сломан?

– Да вроде нет, – пытаясь вспомнить, когда последний раз ломался лифт, сказал Игорь.

– Мы просто вроде в новостройке жили, а лифт накрывался чуть ли не каждую неделю, – пояснил Фил. – Это, вообще, раздражало.

Покуда истекали минуты до прихода Фила, Игорь торопливо освобождал для него место, убирал в стирку белье из детской, менял постельное белье на кровати в спальной, где, по задумке Игоря, должен был заселиться Фил. Игорю самому не нравилась эта нездоровая суета, потому что походила на подготовку к свиданию, но она затягивала его как-то сама собой. Не успел Игорь отдышаться и успокоиться, как в дверь позвонили. Все так же суетясь, Игорь кинулся к двери, будто Фил мог передумать, если бы ему стали открывать на несколько секунд позже.

– Извини, я уж без цветов, – с серьезной миной сказал Фил, в руках у него была только одна спортивная сумка, Игорю почему-то подумалось «сума».

От шутки этой почему-то Игорю стало спокойно, будто Игорь был не дома, а на работе, и что странно, сама работа сводила его с ума, а вот атмосфера вечных издевательств и шуток при перенесении на домашнюю почву почему-то обросла терапевтическим эффектом.

– Там ты не мальчика пытаешься протащить? – спросил в ответ Игорь.

Фил зачем-то покосился на сумку, сказал:

– Ага. Надувного, – и втянул носом воздух. – Ни хрена ты фанат чистоты. Мы еду, надеюсь, без хлорки будем готовить?

Фил стал развязывать шнурки и продолжил.

– Я все думал, откуда хлоркой пахнет и чистящими средствами, туалет-то уже починили. А это, оказывается, от тебя. Тебя неврозом каким-то накрыло на почве последних событий?

– Что-то типа того, – кивнул Игорь.

Было понятно, что Фил развязен и шутлив от собственного стеснения. Игорь и сам был смущен, поэтому помог Филу снять пальто и повесил пальто на вешалку. Фил сделал вид, что не заметил этого.

– И где я буду жить? – поинтересовался Фил, оглядываясь и принюхиваясь.

– О, я тебе нашу бывшую спальню приготовил, – сказал Игорь. – Пойдем. Вот тут, короче, налево от ванной.

– А сам где будешь? На диванчике в гостиной? – в голосе Фила слышалось, что он уже готовился всячески расшаркиваться и предлагать Игорю то, что, по его мнению, было удобнее.

– Миша, не глупи, – сказал Игорь, – я могу и у сына спать, и в гостиной. Меня пока и диван устраивает, а ты, я думаю, уже на диване наспался.

– Это да, – согласился Фил, – но ты, если что... Хотя, я думаю, до этого времени уже съеду.

– Пока я настроен настолько позитивно, что живи, сколько понадобится, – сказал Игорь. – У меня в данный момент все настолько весело, что я даже мышь прикормил, чтобы совсем одному не быть.

Фил понимающе покивал.

– Я еще могу паука завести, – предложил Фил с полуулыбкой. – Будем, как в средневековой темнице, дрессировать питомцев.

– Ну, ладно, – вздохнул Игорь, – располагайся, я пока чего-нибудь разогрею.

– Я, кстати, бутылку принес, – сказал Фил. – Я почти не пью, но в честь такого дела могу немного.

Игорь подумал про алкоголь без обычного отвращения.

– У меня и у самого есть, – признался Игорь, – осталось после новогодних праздников. Мы, считай, на работе квасили, а домашние запасы нетронутыми остались.

За то время, пока Игорь подогревал суп, Фил успел разложить вещи, вымыться, разложить свои бритву, пену для бритья и зубную щетку на полке в ванной и открыл форточку в спальной. «А еще мог бы успеть убить человек пять и спрятать их тела», – почему-то решил Игорь.

Вне синего комбинезона, в гражданской одежде, а именно в джинсах и красном свитере, Фил настолько разительно отличался от себя на работе, что Игорь, если бы встретил его где-нибудь на улице – не узнал бы. Фил даже двигался по-другому, как-то более уверенно, а в отделе он только и делал, что сидел постоянно, хотя и у всех на виду, но как-то все в уголке. Игорь не сдержался и высказал свое замечание.

– Я про тебя то же самое могу сказать, – сказал Фил, широко улыбаясь, и поставил на стол бутылку коньяка. – Ну, что. Перейдем к неофициальной части?

Всего-то треть бутылки они осилили, когда решили перейти на водку, непочато стоявшую в холодильнике. «Под твой борщ хорошо пойдет», – высказался Фил. Так они перешли на водку и где-то за пару часов приговорили объем в ноль-семь литра, после чего решили остановиться, потому что следующий день был понедельник. За это время они успели о многом поговорить.

Фил рассказал, как его выставила жена, причем рассказывал так задорно, что Игорь, пытаясь казаться сначала сочувствующим, постепенно начал подфыркивать от смеха, а под конец рассказа Фила уже ржал в голос.

– Что ты ржешь? – притворно возмущался Фил. – Ты бы знал, как я тогда трагично все это переживал, руки на себя хотел наложить. У меня морда была такая, как у тебя сейчас на работе постоянно. Как у кота, которого все время шугают.

Он изобразил Игорево уныние на лице так похоже, что Игорь так и лег на стол.

– Но ты же сам виноват, – стал защищаться Игорь. – Тебя же никто не просил с пацаном переписываться. Нашелся тоже, древний эллин.

– Ну, тут уж извини, – ржал Фил в ответ. – Ориентацию никуда не денешь. Он первый начал.

– Да ладно тебе, – не поверил Игорь, – все так говорят. Особенно приезжие: «Она меня спровоцировала тем, что без хиджаба ходила».

Фил погрозил пальцем.

– Нет, серьезно, – сказал он, – я бы не стал ему и слова писать, если бы он первый не начал. Он ведь сразу с несколькими мужиками переписку вел, я даже сохранил кое-что, если ты не веришь.

– И что? – сказал Игорь, – со мной что-то дети не переписываются. Меня и в социальных сетях нет. Подсадная утка оказалась? От этих современных борцов со всем на свете? Я от тебя такой наивности не ожидал, Миша. Ты же работник органов.

– Я работник всяких органов, – засмеялся Фил, – но тут совсем другое. Его, короче, мать спалила, что он такими вещами в интернете балуется, ну и полетели головы. Моя голова просто в отдел закатилась. А так, всяких пенсионеров несколько штук пожурили, молодежь всякую тоже там на заметку поставили.

– Да я помню, слышал, – сказал Игорь.

– Так еще глупо получилось, – снова заржал Фил, – оказалось, многие с ним в реальной жизни пересекались неоднократно, он на вебкамеру всякие шоу устраивал чуть ли не лет с восьми, короче, богатой жизнью жил паренек. И все ведь прямым текстом заявляли, что они хотят с ним сделать и, бля, в какой позе, но их пронесло. А я такой, самому стыдно, божий одуванчик, романтическую переписку вел, ни намека, ничего, какие-то сериалы обсуждал, как дурак, какие-то книжки советовал прочитать. Короче, вдвойне стыдища. А сам на его фотку пляжную дрочил, как подросток прыщавый.

Фил радостно рассмеялся над самим собой, и это слегка сгладило то отвращение, какое он вызвал своим признанием.

– Что? Лишнего сказал? – понял Фил.

– Настолько лишнего, что это как-то надо еще и переварить, – признался Игорь.

Фил махнул рукой.

– Все равно, хуже того, что мы сейчас делаем, и не придумаешь. Так что можно говорить все что угодно. И как-то надо все равно дистанцию поддерживать, чтобы ты не покупался на мое обаяние, а то все привыкают и забывают, кто я есть.

– Господи! Только давай без этих вот штук! – воспротивился Игорь так, что даже замахал руками, пробуя объяснить жестами то, что не мог выразить словами. – Мне этого самоуничижения и от самого себя хватает. Прикинь, у меня жена ушла к более молодому, но ладно бы к качку какому-нибудь или олигарху, хотя это смешно, ну, хотя бы к коммерсу какому-нибудь, не знаю. Он же просто, ну, как Молодой наш. Только чуть постарше и посерьезнее.

– Нет уж, ты меня от моей темы не уводи, – возразил Фил, – я тебе еще не все рассказал. Я из дому знаешь из-за чего вылетел? Думаешь, жена за дочку испугалась? Или думаешь, ей стыдно было со мной в одной квартире находиться? Хрена там!

– А из-за чего еще-то? – спросил Игорь. – Я бы, наверно, за это бы и выгнал.

– Вот поэтому от тебя жена и ушла, что ты женщин нихрена не знаешь, – с каким-то внутренним превосходством провозгласил Фил.

– Ну, а из-за чего? – отчаянным пьяным возгласом взалкал ответа Игорь.

– Она, короче, мне не простила, – сказал Фил, сдерживая улыбку, – что я ей изменял с кем-то другим.

– Что-о? – опять засмеялся Игорь.

– То-о, – засмеялся Фил, – ей пофигу, с кем я пытался изменить, ей было важно, что пытался, а то, что с пацаном – побоку. Прикинь. Я говорю: «Ну, это же переписка просто была. Сама почитай». Ну, короче, и пошла семейная жизнь лесом.

– А сейчас у нее кто-нибудь есть? – спросил Игорь, чтобы нарушить молчание, потому что выговорившийся Фил как-то слишком уж угрюмо замолк.

– Вроде нет, – пробормотал Фил, потом оживился и поблестел глазами на Игоря. – А тебя за что с работы попросили? У нас много версий. Сергей Сергеевич говорит, что это не Игоря Васильевича дело, но все считают, что ты взяточник.

Игорь тоже несколько оживился – обсуждать амурные забабахи Фила было для Игоря неловко, хотя бы потому, что до тех пор, пока жена не ушла, весь их секс сводился к полуавтоматическому траху в миссионерской позе при выключенном свете или в полутьме. Игорь подумывал, что их разлад случился и на этой почве тоже, но гнал от себя эту мысль.

– Вообще, меня выгнали по служебному несоответствию, – сказал Игорь, – сначала хотели взяточником сделать, но что-то не заладилось.

– А ты, типа, не виновен? – с иронической ухмылкой спросил Фил.

– Ну, знаешь, – сказал Игорь, – не зря же говорят: «Простота хуже воровства». Я как бы такой дурачок и есть. Если с тобой сравнивать, то мое дело – это как если бы ты не переписку вел, а купил игрушечный автомобильчик, пришел к пацану в гости, открыла бы его мать, а ты бы ей с порога: «Здравствуйте, я пришел к вашему сыну, вот ему сразу подарок, где его комната?»

– Это ты доступно объяснил! – улыбнулся Фил. – А в подробностях?

– Да в подробностях не так интересно, – сказал Игорь. – Я схему у коллег спалил, что таможенники комплектующие для бытовой техники за рубеж сплавляют под флагом инноваций и того, что Россия с колен встает, потом, типа, находящийся у нас зарубежный филиал производителя бытовой техники эти же запчасти закупает у той подставной фирмы из-за границы по завышенной цене, разница делится на нескольких этапах. Потом, по идее наши, холодильники и микроволновки загоняются под немецким брендом, с заявленным немецким качеством. Там еще сливки снимали, потому что загоняли это все в кредит с переплатой чуть ли ни в сто процентов. Ну, я и подумал, что это неправильно. Меня, главное, родственники отговаривали, когда я с ними этими своими наблюдениями поделился. Мне троюродный брат рассказал, что когда он в вытрезвителе работал и они всяких пьяных работяг обирали, среди них какой-то особо честный работник завелся, типа меня, и его быстро оттуда выперли и из милиции тоже. И это, он говорил, всего лишь из-за нескольких тысяч за смену, а ты прикинь, какие у этих ребят деньги крутятся.

– Но ты же говоришь, фирма немецкая была, – сказал Фил, и на лице его отобразилось легкое недоверие.

– Ты прямо как оппозиционер заговорил. Может, если бы я в какую-нибудь прокуратуру европейскую ломанулся, все бы по-другому сложилось, – сказал Игорь. – Может, я бы сейчас был известный российский диссидент, потому что хер бы меня обратно пустили. Но там тоже все непросто.

– И куда ты пошел? – спросил Фил.

– К начальству я пошел, – с досадой ответил Игорь, – и так моя карьера оборвалась. Не дослужился я до генерала.

– И что, даже денег не предлагали? – не поверил Фил. – Даже не пытались отмазаться?

– От кого, от меня? – смех Игоря был полон желчи. – Спасибо, хоть так уволили, а могли бы придумать что-нибудь, чтобы потом икалось до самой старости.

Фил смотрел, как Игорь закуривает, выкуривает и тушит сигарету, а потом сказал:

– Можно подумать, тебе отдел не будет икаться до самой старости.

– Вот, кстати, да, – покивал Игорь, – тоже местечко. Две дороги, по-моему, из отдела – или в суд, или на кладбище.

– Не-е, ты все-таки бодрее смотри на вещи, – возразил Фил. – При мне какого-то перца на пенсию провожали, но, что уж скрывать, он, по-моему, несколько раз до «белочки» допивался, что не удивительно, поэтому его и решили спровадить.

– Я удивляюсь, как вы с Васильичем не квасите каждый вечер, с вашими-то обязанностями.

Фил проникновенно посмотрел Игорю в глаза и намекнул:

– Игорь, я до отдела с терроризмом боролся этими же руками, так что большой разницы нет.

– Но тут-то не террористы, – заметил Игорь и, увидев упрямые глаза Фила, закурил еще раз.

– Нет разницы почти, – повторил Фил. – Ты присягаешь стране – и все. В этом и отличие гражданских от солдат. Васильич же пояснял за это. Сегодня страна дает тебе приказ бороться с этим типом людей, завтра с тем, и неважно, кто это – террористы, коррупционеры, оппозиционеры или нарушители авторского права. Вот, допустим, митинг. Какой-нибудь студентик не хочет лезть в автозак – его крутят и затаскивают и не смотрят – отлично он учится, в очках он – или без. А когда разгоняют какую-нибудь демонстрацию – лупят по кому ни попадя дубинками, разве что по башке бить запрещено. И ведь демонстрация не всегда агрессивная, но если есть приказ разогнать – разгонят. Так и мы, только мы, слава богу, не такими пачками людей убиваем, какими людей на всяких шествиях винтят. А ведь людям просто сказали – они враги, и они верят. Или тем же немцам сказали, что мы враги – и началась заварушка.

– Это еще у Толстого было, – напомнил Игорь.

– Что было? – спросил Фил.

– Ну, что если бы французы сами не хотели нападать – они бы и Наполеону никакому не поверили, а раз напали, значит сами этого хотели, значит вина должна на весь народ распространяться.

– Это, батенька – экстремизм, – рассмеялся Фил. – Но мы, когда по горам бегали за каким-нибудь хером, меня знаешь какая мысль посещала? Какого хрена я тут делаю? Какого хрена это мудак по горам лазает, организует какие-то подполья ради какого-то эмирата? Почему нам обоим не сидится дома? Был бы он, если бы за ним не бегали? Был бы я, если бы таких, как он, не было, или таких бы специально придумали, чтобы таких, как я, в тонусе держать? Одни приматы морочат головы другим приматам, чтобы те взорвались в толпе приматов, а потом приматы, и я в их числе, ловят приматов, чтобы они не морочили головы приматам. Со стороны вся эта свистопляска очень забавно, наверно, выглядит. Жаль, что динозавры не стали разумными, чтобы граница, знаешь, проходила четко по видовому признаку.

– Вообще-то, граница проходит по видовому признаку, но человек не может иногда с простыми животными справиться, с теми же, например, тараканами, или муравьями, или, там, глистами какими-нибудь. Только локальные победы одерживает, а полностью избавиться не может. Что уж говорить о разумных существах. Они бы нас раскатали по бетону.

– Да ладно, разумные, – нашелся Фил, – ты о том же гриппе забыл. Если он во что-нибудь мутирует смертельное, хотя он и так бывает смертелен, мощная штука может получиться. А вот зомби-апокалипсис меня никогда не пугал, даже в детстве. Может, потому что я частично в деревне вырос или всякой дохлятины в детстве насмотрелся.

– Ну и где связь? – спросил Игорь.

– Связь такая, что если зомби-вирус появится, а это уже само по себе дико обсуждать, но даже если появится, то в теплое время года от трупа, даже ходячего, за несколько суток не останется ничего функционального – зомби пойдут на корм мухам с бешеной скоростью. Будет как? Чем больше трупов, тем больше мух, там еще зверушки подключатся, пойдут на запах падали – и все. Нужно будет не зомби бояться, а стай голодных собак и волков. И еще, никогда в фильмах не понимал, как это зомби, гниющий ходячий труп, может незаметно подкрасться. Люди, которые сценарии пишут, они что, ни разу мимо трупа дохлой кошки летом не ходили? А человек пахнет так, что ни с чем не спутаешь, уверяю тебя. Даже рана гангренозная такое амбре издает, что ничем не заглушишь.

– А зимой? – поинтересовался Игорь, хотя примерно уже предчувствовал ответ.

– Зимой двухсоткилограммовая свиная туша в глыбу льда превращается за несколько часов, что уж говорить о человеке. Эпических битв стенка на стенку не будет.

– Это же для красоты и драматизма, – вступился за киношников Игорь.

– Да я понимаю...– ответил Фил.

Вот такие примерно разговоры вели Игорь и Фил каждый вечер, только дальше уже продолжали без алкоголя.

В отделе переезд Фила к Игорю, конечно же, восприняли юмористически, но вроде бы одобрительно. Молодой издевался над Игорем и Филом, всячески глумясь и подтрунивая и делая недвусмысленные намеки, хотя сам поцапался с родителями и собирался снимать квартиру на пару с каким-то из своих друзей. Игорь и Фил, в свою очередь, издевались над Молодым, картинно удивляясь, что у него могут быть друзья. Игорь Васильевич, узнав, как обернулись для Игоря поиски Филом квартиры, стравил несколько баек из бытности советского рабочего общежития, где одно время обитал. Но, глядя на то, как фонтанирует похабными шутками Молодой, все ж таки не сдержался и поделился мыслью, что дело молодое, а «статьи за это сейчас нет, так что живите». Сергей Сергеевич полностью одобрил такой поступок, Игоря он похвалил за то, что он пригласил Фила к себе, а Фила за то, что тот согласился на время переехать в, как он выразился, «человеческое жилье». Игорю он пояснил свое одобрение тем, что оба они – и Фил и Игорь – были уже на взводе, и то, кто из них первый полезет в петлю или начнет уже неизвестно какой по счету погром в отделе, – было лишь вопросом нескольких дней, если бы все оставалось по-прежнему.

Ринату Иосифовичу же было как будто настолько параллельно, если это не касалось его семьи или денег, что Игорь, Фил и даже Сергей Сергеевич и остальные его коллеги могли хоть целиком

раскрасить отдел в радужные цвета или вывесить на трубе котельной полотнище со свастикой, настолько ему было все равно или настолько хорошо он делал вид, что ему все равно.

В домашнее обитание Игоря Фил внес несколько исправлений. Во-первых, оказалось, что Фил заядлый спортсмен, по крайней мере, делает пробежку по утрам, для чего встает на час раньше. Каждый раз, когда он собирался утром пробежаться по спальному району, он старался одеваться и двигаться в прихожей как можно тише, но именно эта осторожность заставляла Игоря просыпаться в холодном поту, потому что Фил шумел не как какая-нибудь большая собака, на чей храп и потопывания по дому уже не обращаешь внимания, а двигался он как что-то жуткое, типа змеи, заползшей от соседа по вентиляции, или чужого из одноименного фильма. После такого пробуждения Игорь уже не мог заснуть, зато делал все свои утренние дела гораздо раньше и приходил на работу гораздо более бодрым, чем обычно.

Во-вторых, Фил научил Игоря любить лук. Это было странно, потому что даже мать в свое время не смогла справиться с этой задачей. От нечего делать Игорь и Фил готовили вместе, и сначала Игорь всячески противился добавлению лука в жареную картошку или пережариванию лука для того, чтобы приправить им суп, но Фил, проявив неожиданную властность и отмахиваясь от Игоря, приготовил две сковородки жареной картошки – с луком и без – и дал Игорю сравнить. Скорее всего, дело было в том, что Фил нарезал лук очень мелко, а Игорь и его жена даже не пытались этого делать, потому что и родители жены, и родители Игоря внушили им отвращение к луку тем только, что во все блюда, кроме селедки под шубой, рубили луковицу на несколько частей и бросали на сковороду или в кастрюлю. Оказалось также, что Фил умеет жарить сумасшедшей вкусноты блины и оладьи, рецептами которых он так и не поделился, заявив, что должны же быть и у него маленькие секреты.

В-третьих, мышь, которую Игорь приручал с таким тщанием и иногда вставал ночью на нее посмотреть, когда жил один, прониклась к Филу гораздо большей симпатией и уже на следующий вечер после заезда Фила вовсю кормилась у него с руки. «Ты ее еще спать с собой положи», – предложил Игорь, когда Фил продемонстрировал, как мышь забегает к нему на ладонь, и дает себя погладить, и прижимает маленькие уши. Только в руке Фила Игорь смог разглядеть мышь как следует. Особенно поразил его контраст ума в ее глазах с тем, сколько мозгов могло быть в ее маленькой голове на самом деле.

Единственное, что слегка раздражало Игоря в Филе, – это его неприятие закрытых форточек. В каком бы помещении не появлялся Фил, он всегда открывал окно, из-за этого по дому все время гуляли нездоровые сквозняки. Игорь боялся, что подхватит воспаление легких, но вместо этого здоровье подкинуло Филу сюрприз, он сам, похоже, переусердствовал с приоткрытым окном в своей комнате и застудил левое плечо, это было Филу тем более неприятно, что через день им предстояло выезжать на очередной допрос.

Они прожили вместе полторы недели, еще день Фил жаловался на боль в левой руке, а Игорь открыто злорадствовал и говорил, что процедуры закаливания пора прекращать хотя бы потому, что им уже не по восемнадцать лет. Фил, в свою очередь, отвечал, что еще неизвестно, кто дольше протянет – он со своим остеохондрозом или Игорь со своим курением и малоподвижным образом жизни. Оказалось, что Игорь протянул больше.

Глава восьмая

Отвезти урну с пеплом Фила вызвался, конечно же, Игорь Васильевич. Эсэс был вообще против поездки в соседний город к женщине, которой Фил, а тем более его прах, были, может быть, безразличны. Игорь думал также, что если жена будет считать, что Фил просто пропал без вести, – будет лучше. Игорь думал еще, что было бы разумнее похоронить урну с пеплом где-нибудь на территории отдела и поставить какой-нибудь скромный памятник, но Игорь Васильевич решил иначе.

– Если тут каждому памятники ставить, мы тут по кладбищу бы ходили, – сказал с какой-то особенно мрачной миной на лице.

Игорю не понравилась эта фраза, она слегка расходилась с тем, что он нарисовал об отделе в своем воображении, и с его планами все-таки дожить до пенсии.

– Ты сам понимаешь, что говоришь? – спросил Сергей Сергеевич у Игоря Васильевича. – Ты понимаешь, что ей, может быть, не просто все равно, а НА САМОМ ДЕЛЕ все равно? Хочешь на актерскую игру посмотреть – в театр сходи, а давать наводку на отдел я не собираюсь.

Этот разговор происходил в опустевшем от Фила кабинете, куда всех сотрудников отдела занесло на незапланированную планерку. Кабинет Фила оказался таким же точно, как и кабинет Игоря, только не было бюста Чайковского, не было часов, и монитор компьютера Фил так и не сподобился поменять на более крупный. Именно рядом с монитором стояла гильза с прахом, вызвавшая перебранку. Молодой почему-то не мог оторвать глаз от этой гильзы, Игорь же, в свою очередь, пытался на нее вовсе не смотреть, но она то и дело притягивала его взгляд.

– Так, может, мы будем все же людьми оставаться, несмотря ни на что? – спросил Игорь Васильевич. – Может, хотя бы в этом попробовать людьми остаться?

– А может, попробовать живыми людьми оставаться как можно дольше? – парировал Сергей Сергеевич. – Об этом ты не думал?

– Может, тогда отдел распустить, нехай живут, – сказал Игорь Васильевич. – Ну, конечно, есть большая вероятность, что это поездка впустую пройдет, но есть ведь и очень маленькая, что не зря съезжу. Если мы из-за большой вероятности людей убиваем, может, стоит из-за маленькой съездить?

– Да делай ты что хочешь, все равно ведь поедешь, даже если запрещу, с пеплом или без.

– Я с тобой поеду, – сказал Игорь Игорю Васильевичу и вопросительно посмотрел на Эсэса.

Тот утвердительно кивнул.

– Я тоже, – сказал Молодой.

– А ты не поедешь, – сказал Эсэс с интонацией, не оставляющей места для возражений.

«Соседний город» и «потеря времени» по сути дела были не более чем громкими словами, которыми Сергей Сергеевич пытался пробудить лень в ретивых сотрудниках. Дорога до соседнего города заняла от силы полтора часа не самой быстрой езды на джипе Игоря Васильевича. Единожды их остановил наряд ГИБДД, но Игорь Васильевич показал документы, и от него тут же отвязались. Труднее было дождаться хозяйку квартиры – они поехали в будний день, и та была на работе. Можно было, конечно, посетить ее на рабочем месте, Игорь это предложил, а Игорь Васильевич ответил на это предложение ответным предложением подойти к месту работы жены Фила с военным оркестром и флагами, а пепел везти на лафете. Игорь не понял сути этой саркастической шутки, но не решился попросить пояснения.

– Тут и так палево, – отмолчав свой гнев, объяснил Игорь Васильевич, но и из этого объяснения Игорь ничего не понял.

Вообще, всю дорогу они молчали, поскольку эта вот поездка не подразумевала излишней болтовни. Игорь совсем не желал ехать и вызвался только потому, что это была как бы последняя дань умершему, которую ему непременно хотелось отдать, хотя Игорь чувствовал, как бы к этой поездке ради ритуальной потребности отнесся сам Фил. Игорь понимал, что Фил хотел бы развеяться по воздуху, не создавая окружающим проблем, поэтому перед внутренним взором Игоря появлялась виноватая кривая усмешка Фила, от которой ком подступал к горлу.

– О, вон его дочка идет, наверно, с продленки, – заметил Игорь Васильевич, – но мы к ней выходить не будем, а то еще напугаем ребенка.

Игорь вгляделся в ту сторону, куда показал подбородком Игорь Васильевич. Снег посерел из-за недавних оттепелей, и дочь Фила была во всем сером, окружающий придомовой пейзаж замыливал ее очертания, отчетливо виделся через забрызганное грязью автомобильное стекло только большой розовый рюкзак с теми же лошадями, какие были на футболке сисадмина, к которому ушла Игорева жена (Игорь видел фотографии с корпоратива, которые жена выложила во «вконтакт». Игорь пересматривал их, и фотографии уже не казались ему столь безобидными, каким показались, когда он видел их впервые).

Игорь поделился своими наблюдениями с Игорем Васильевичем, тот внезапно живо откликнулся.

– Это из сериала «Мой маленький пони». Там этих лошадей до черта. У меня внук и внучка их собирают во всех возможных видах. Внучка, я еще понимаю, почему собирает, но какого хрена внук это делает – без понятия. И ботаники, из великовозрастных, тоже угорают по этому делу, так что ничего

удивительного. Френдшип из мэджик. Я даже имена некоторых лошадей знаю, не поверишь. Пинки Пай. Эппл Джек. И все они, бля, живут в Эквестрии.

– И сколько твоим внукам? – спросил Игорь.

– По одиннадцать, – ответил Игорь Васильевич, – они близнецы. Прикинь, я всю жизнь с презрением относился к мультипликации, ну, за вычетом тех лет, что я сам ребенком был, да и какие тогда были мультфильмы? Тогда даже телевизор-то не в каждом доме, по-моему, стоял. А тут внук показал мне несколько мультсериалов. Там, знаешь, в некоторых один в один наша жизнь с тобой. Тот же «Американский папаша», такой, знаешь, про цэрэушника, который до сих пор головой в никсоновских временах. «Южный парк» – хорошая сатира на тот дурдом, который повсеместно творится. И, главное, шутки там такие, что даже я, взрослый человек, многое повидавший, иногда невольно краснею, то есть я бы постеснялся такие в компании собутыльников рассказать, а они их свободно несут с экрана. У нас, как бы не шутили, вся эта молодежь юмористическая, они все равно так не могут перейти грань какую-то, все равно видна зажатость, а эти – только в путь. Я патриот, но в области сатирической мультипликации мы однозначно как люди начала двадцатого века по сравнению с хиппарями.

Самое интересное в этом синефильском монологе было то, что Игорь Васильевич произносил его совершенно спокойным, тихим голосом с интонациями скорбящего человека.

– Давай хоть радио включим, а то в тишине и с ума сойти можно, – предложил Игорь.

Игорь Васильевич безропотно покопался в радиостанциях, но остановился на такой, что лучше бы в машине оставалось тихо, – это была станция, передававшая на тот момент медленную классическую музыку, что вкупе с прахом в салоне и черной обивкой самого салона создавало ощущение катафалка. Игорь не решился уже на то, чтобы предложить поменять волну, и стал мрачно смотреть по сторонам.

Уже не темнело, как раньше, поскольку дело двигалось к весне, но пасмурная погода создавала ощущение, что уже темнеет. Первые отработавшие и отучившиеся люди появлялись во дворе и разбредались по подъездам с пакетами, в разной степени наполненными покупками. Поскольку въезд во двор был только один, люди появлялись с одной стороны, Игорь видел только их удаляющиеся спины. Это создавало ощущение унылого конвейера.

– Мы ее так не пропустим? – спросил Игорь.

– Да вроде не должны, – уверенно заявил Игорь Васильевич. – На улице светло, я знаю, где подъезд, как только она начнет входить, я ее сразу же замечу.

Постепенно поток людей схлынул, но женщины, которую они ждали, все не было. Из подъездов потянулись собаководы. Неизвестно, что было унылее, – видеть расползающихся по домам людей, сопровождаемых печальной музыкой, или же наблюдать под такую же классическую музыку, как прямо перед капотом машины, буквально в двух метрах от бампера, откладывает свою кучу ризеншнауцер, а его пожилая хозяйка в красном платочке и толстом синем пуховике, похожем на пуховик художника, что приходил в отдел, курит, внимательно созерцая процесс дефекации. Только тут Игорь заметил, сколько вокруг машины оттаяло коричневых кучек. В расположении кучек был какой-то свой особенный порядок, логика и своеобразная гармония.

– Хоть бы убрала за кобелем, – сварливо заметил Игорь Васильевич, когда ризеншнауцер закончил свои дела.

Будто услышав упрек Игоря Васильевича, старушка посмотрела прямо в салон машины и уверенной походкой, подтягивая за собой черную собачину, пошла к водительской дверце. Игорь Васильевич в ответ на ее суровое постукивание слегка опустил стекло.

– Что ж вы за собачкой-то не убираете? – упрекнул он старушку.

– А что вы тут встали? Вы ждете кого-то? – как бы не услышала его старушка.

– Тебя ждем, красавица, похитить хотим, по кавказскому обычаю, – отвечал ей Игорь Васильевич.

– Вы если машину здесь хотите ставить, то стоянка платная, – опять не услышала Игоря Васильевича старушка, в голосе ее было столько уверенности и претензии, словно она сама была собственником стоянки.

Неизвестно откуда рядом со старушкой нарисовался высокий чернявый молодой человек, лет, может быть, двадцати, а может быть, моложе, он тоже зачем-то постучал в окно к Игорю Васильевичу, как будто тот должен опустить стекло еще ниже.

– Слушай, брат, – обратился молодой человек, слегка наклонившись к щели в окне, – тут не надо бесплатно стоять, тут для своих стоянка, брат. Если проблем не хочешь, то или надо платить, или не надо тут стоять.

Игорь Васильевич обернул к Игорю восторженное лицо.

– Ты видал? – спросил он у Игоря. – Какой, однако, хулиган малолетний!

Молодой человек продолжал стоять, наклонившись к опущенному стеклу, как к окошку билетной кассы, сохраняя такое серьезное лицо, будто уже четвертые сутки не мог купить билет по маршруту Москва – Салехард.

– Читать умеешь? – спросил Игорь Васильевич молодого человека.

– А ты не хами, – сказала старушка.

– Да вы что, как можно, в присутствии дамы, – упрекнул ее Игорь Васильевич, достал удостоверение и показал его молодому человеку и старушке.

Молодой человек сразу же потерял интерес к машине Игоря Васильевича и пропал так же внезапно, как и появился, старушка, в свою очередь, внимательно вчитывалась в удостоверение, щурясь и шевеля губами, потом заявила, что сейчас не тридцать седьмой год, чтобы пугать корочками.

– Вам виднее, – заявил Игорь Васильевич.

Прежде чем уйти, старушка сделала с собакой пару кругов вокруг машины, стараясь, видимо, чтобы ее кобель поднял лапу на колесо автомобиля, где они сидели, но Игорь не вглядывался в зеркала заднего вида, чтобы узнать, получилось у нее это или нет.

– Из наших бывших небось, – сказал Игорь Васильевич ей вслед, – или из друзей милиции бывших.

– Но собаченция у нее воспитанная, – заметил Игорь, наблюдая, как ризеншнауцер откладывает очередную кучу под кустами возле одного из подъездов. – Была бы дурная собака – таскала бы бабульку по двору только так.

– Это да, – согласился Игорь Васильевич, – повезло бабке с собакой.

Мимо них провели еще несколько собак, потом появились дети и стали лепить снеговика, пытаясь набрать снега почище и катая снежный ком между собачьих кучек.

Когда у детей получилось скатать низ снеговика и второй ком, для снеговикового торса, Игорь Васильевич оживился:

– Пойдем, пойдем, – торопливо подхватывая рюкзак с заднего сиденья и выбираясь из машины.

Игорь послушно полез наружу, он так увлекся созерцанием постройки снеговика, что перестал замечать людей, которые появлялись во дворе. Теперь же, после того как его всполошил Игорь Васильевич, он увидел женщину, шедшую вдоль детской площадки и, как в рамке, оказавшуюся силой перспективы внутри буквы «пэ» турника. Женщина обернулась к ним еще до того, как Игорь Васильевич окликнул ее: «Постойте».

Само собой, она ничего не знала, но Игоря все равно поразило, насколько вдовы все-таки не похожи на вдов. Все равно Игорь ожидал печаль, которая должна была бессознательно ее поразить, или он сам хотел видеть ее печальной по той причине, что ожидал, в случае его собственной гибели, хоть какой-то печали от жены. Нет, она шла совершенно беззаботно и даже обернулась безо всякой тревоги, будто ждала кого-то из знакомых, который мог окликнуть ее точно так же. Увидев ее, Игорь понял, на что обиделась жена Фила, когда узнала, что он пытается изменять ей с мальчиком.

Жена Фила была очень красивой. Насколько некрасив был сам Игорь по сравнению с Филом, настолько и жена Игоря была невзрачна по сравнению с женой Фила. Брак Фила был своеобразным союзом неудавшихся очень симпатичных киноактеров или же моделей. Стоявшая под турником женщина в костюме, похожем на спортивный, в какой-то невзрачной вязаной шапочке, все равно как бы просилась на фотографию.

Насколько у нее темные и глубокие глаза, было видно даже с того расстояния, на каком стоял Игорь.

Игорь Васильевич прыгал по снегу в своих лакированных ботинках и своем сером костюме, как кот среди луж, казалось, что когда он допрыгает до жены Фила, то станет отряхивать ноги, как это делают коты, если встанут во что-нибудь мокрое. Игорь поспешил за ним, тоже почему-то прыгая с одного более чистого места двора на другое. Заряженный энергией Игоря Васильевича, он тоже не стал брать свое пальто.

Вблизи жена Фила оказалась еще симпатичнее, нежели издалека. Игоря Васильевича она, судя по всему, знала, потому что его приближение не вызвало у нее удивления, а вот на Игоря она смотрела вопросительно. Игорь хранил скорбный вид на всем протяжении пути по двору, но когда женщина взглянула на него сверху вниз с полуулыбкой, Игорь почему-то зарделся, как девственник.

Ее взгляд скользнул к Игоревой правой руке, а Игорю почему-то сразу захотелось спрятать руку, на которой он до сих пор носил обручальное кольцо. Когда она увидела кольцо, то в ее красивом лице мелькнуло что-то вроде удивления, она, видимо, уже привыкла, что коллеги Игоря неженаты или разведены, так что Игорь являлся для нее необычным экземпляром в среде коллег ее мужа. Как-то само собой получилось, что Игорь сам принял сумку с продуктами из ее руки еще до того, как заговорил Игорь Васильевич.

– Ирина, у меня для тебя не очень хорошие новости, – сказал Игорь Васильевич. – Точнее, что это я? Плохие новости, Ира.

Жена Фила слегка побледнела.

– Давайте тогда пройдемте в дом, – сказала она таким голосом, что Игорь почувствовал, что переживает смерть Фила, как в первый раз.

Глупость ситуации заключалась в том, что когда женщина развернулась и пошла к подъезду, Игорь невольно посмотрел на ее зад и также невольно одобрил его очертания. Игорю было неловко перед покойным, но это было что-то сильнее скорби и сильнее его любви к жене, секса с которой у него не было уже как полтора месяца.

Жена Фила стала копаться в сумочке, но все никак не могла найти ключи. Она набрала номер квартиры в домофоне, но дочь все не подходила к домофону, видимо, привыкнув, что мать сама заходит в подъезд с помощью ключей. Наконец, какие-то подростки открыли дверь изнутри и вывалились на улицу целой толпой, один из подростков поздоровался с женой Фила (здравствуйте, тетя Ирина), та рассеянно поздоровалась тоже. Один из подростков, проходя мимо Игоря, задел ногой пакет с продуктами, другой, обходя Игоря с другой стороны, задел его плечом. Когда дверь за Игорем захлопывалась с металлическим и одновременно магнитным лязгом, Игорь услышал взрыв смеха с улицы.

В подъезде пахло точно так же, как в котельной, потому что из подвала тянуло паром. Игорь, Игорь Васильевич и жена Фила зашли в лифт, который, несмотря на свою новизну, как и новизну подъезда, как-то жалобно содрогался от шевеления Игоря Васильевича, когда тот решил почесать подбородок, и еще жалобнее содрогался, когда поднимал их троих вверх, на высоту пятого этажа.

Только в лифте жена Фила разыскала в сумочке связку ключей, среди которых Игорь увидел ключи от машины. Игорь представил, что целует жену Фила в шею, потом понял, что для этого ему придется встать на какую-нибудь скамеечку, и ему стало себя жалко.

Несмотря на то, что ключи были найдены, жена Фила долго ковырялась в замке, у нее, похоже, элементарно не получалось попасть ключом в замочную скважину. Игорь Васильевич, не выдержав этого зрелища, мягко забрал ключи из ее руки, причем она даже не сопротивлялась, и сам открыл оба требуемых замка, после чего отворил дверь и пропустил женщину вперед.

В длинном коридоре слегка попахивало кошачьим туалетом, хотя самой кошки не было видно, а также чем-то вроде разогретого поп-корна, Игорь вспомнил про сына и про то, как жена орала на них обоих, когда сын рассыпал крошки поп-корна там и сям по всей квартире.

Жена Фила включила свет в прихожей и тихо предложила пройти в гостиную. Дочери, вышедшей ее встречать, она так же тихо сказала идти в свою комнату. Игорь не знал, где гостиная, но Игорь Васильевич уже тянул разувшегося Игоря за собой, мимо женщины, которая как-то вяло, будто под гипнозом, снимала куртку и разматывала очень длинный белый шарф.

В гостиной Игорь Васильевич бросил Игоря в кресло возле низкого кофейного столика. Напротив Игоря находилось точно такое же кресло, в нем сидел плюшевый песочного цвета лев и смотрел

на Игоря внимательными глазами. На спинке кресла висели фиолетовые детские колготки. На кофейном столике лежала пара белых детских носков, сероватых по месту стопы. Не выдержав внимательного взгляда льва, Игорь пересел на диван к Игорю Васильевичу. Поскольку Игорь Васильевич уселся посередине дивана, Игорь заметался, не зная, куда сесть, по левую руку Игоря Васильевича или по правую. Игорь Васильевич отвлекся от рюкзака, который мял в руках, и похлопал слева от себя. Игорь сел справа. С этого места на диване он сразу же увидел свое жалкое отражение в телевизоре, подернутое патиной антибликового покрытия, и пожалел, что не сделал, как предлагал Игорь Васильевич.

Так же внезапно появилась и так же внезапно убежала из гостиной девочка, лет восьми, в таких же сиреневых колготках, какие висели на кресле. Она цапнула носки с кофейного столика, Игорь зачем-то оценивающе посмотрел и на ее удаляющуюся задницу, обтянутую трикотажем, после чего несколько раз мысленно ударил себя кулаком по башке.

В гостиную заглянула жена Фила и спросила, кофе им или чаю.

– Ирина, ну мы ведь не чай распивать пришли, – сказал Игорь Васильевич, потупившись.

– Даже и пяти минут не можете, что ли, посидеть? – спросила жена Фила. – Раз уж пришли.

– Давай тогда кофе, – сказал Игорь Васильевич.

– А вам? – женщина обратилась к Игорю.

– Мне тоже, – вякнул Игорь.

Вернулась жена Фила с подносом, на котором были красные чашечки, сахарница и плоская тарелка с несколькими круглыми печеньями. За время своего отсутствия она успела переодеться в серый спортивный костюм и мохнатые тапочки в виде собачек. Она задержалась на пороге и, удерживая поднос в одной руке, щелкнула выключателем и торопливо ухватила поднос двумя руками, потому что чашечки и ложечки на подносе опасно зазвенели. Только когда загорелся свет, Игорь понял, что начало темнеть. Жена Фила не слишком дружелюбно брякнула поднос на стол, так что кофе, разлитый по посуде, казавшейся Игорю кукольной, немного выплеснулся наружу.

– Налей уж тогда большую кружку, – сварливо заметил Игорь Васильевич, кивнув на угощение на кофейном столике. – Ты же меня знаешь, как я эту вот штучечку буду в руках держать? Смех один.

Жена Фила залпом выпила кофе из чашечки, видимо, предназначавшейся Игорю Васильевичу, и снова удалилась.

На кофейном столике было светло, как на операционном столе. Игорь глянул наверх и увидел восемь очень ярких ламп. Игорь зачем-то посмотрел на Игоря Васильевича, но тот только отвел глаза и посуровел, и не двигался, пока женщина не принесла большую голубую кружку, наполненную кофе почти до краев и чуть ли не сунула ее под нос Игорю Васильевичу.

Только тогда Игорь Васильевич пошевелился, неспешно ставя кружку перед собой, и неторопливо положил в кофе пять ложек сахара. Жена Фила села в кресло, куда Игорь Васильевич незадолго до этого совал Игоря. Она смотрела, как Игорь Васильевич размешивает сахар. Видимо, из-за яркого освещения лицо ее казалось в цвет зеленоватым обоям, что их окружали. Женщина, наверно, ждала, когда Игорь Васильевич поднимет на нее глаза и начнет говорить, но тот сначала размешал сахар, с глиняным пустотелым звуком брякая ложечкой по стенкам кружки, потом стал пить кофе, так и не поднимая глаз, потом поставил кружку и стал смотреть в эту кружку.

– Что, он все-таки трахнул кого-то? – не выдержала наконец жена. – И теперь я должна ему передачки носить, как боевая подруга? Так?

Игорь Васильевич окаменел. Игорь не притрагивался к кофе и обрадовался этому, потому что от такого вопроса он непременно бы театрально поперхнулся.

– Нет, Ирина, нет, – покачал головой Игорь Васильевич, – никого он не трахнул.

«Кроме жены Рината», – подумал Игорь и едва не сказал это вслух. Чтобы действительно не сболтнуть чего-нибудь, он торопливо ухватился за кружечку с кофе и попытался пить его как можно медленнее, хотя, как он заметил про себя, даже колибри бы управилась с такой дозой кофе за пять минут.

– Умер Миша, – сказал Игорь Васильевич, не глядя на жену Фила.

Игорь поймал себя на том, что попеременно смотрит то на жену Фила, то на Игоря Васильевича, будто наблюдает теннисный матч.

Жена Фила поднялась, зачем-то сложила колготки, висевшие на спинке кресла, как будто собиралась убрать их в шкаф, но вместо этого просто кинула их на подлокотник, потом зачем-то стала стряхивать несуществующую пыль с плюшевого льва. Игорь Васильевич, наблюдая за ней, издал горлом неопределенный звук, вроде покашливания, Игорь больше не решался смотреть на него, боясь, что увидит слезы в глазах Игоря Васильевича и сам может, что называется, расчувствоваться. Смотреть жену Фила, продолжавшую отряхивать льва, было тоже невыносимо, но не смотреть на них обоих он не мог, поэтому стал поглядывать то на колено Игоря Васильевича, обтянутое серой тканью, то на тапочки жены Фила, которые жизнерадостно пялились на Игоря собачьими глазами.

– То есть как умер? – спросила жена Фила подрагивающим, словно от злости, голосом.

– От инфаркта, – сказал Игорь Васильевич.

– Нет, я не о том спросила, – сказала жена Фила все тем же дрожащим голосом. – То есть вот он с вами связался, постоянно ездил на ваши всякие командировки, то туда, то сюда, мы с ним даже месяца не прожили без того, чтобы его куда-нибудь не дернули, и тут вы приезжаете в костюмах и заявляете.

Жена Фила замолкла, задушено заплакала и стала лупить Игоря плюшевым львом по голове и по шее. Первый удар был настолько неожиданный, что уже почти пустая чашечка для кофе тюкнулась об передние зубы Игоря. Чтобы женщина случайно не выбила чашечку у него из рук, Игорь, выбрав паузу между ударами, аккуратно поставил ее на поднос. Сначала избиение было безболезненным, потому что Игоря били затылком льва, где была только грива, но потом, как-то так получилось, возможно, женщина перехватила льва в другую руку, Игорю досталось несколько ударов мордой льва, где были пластмассовые глаза, а особенно литой пластмассовый нос, весивший, как показалось Игорю, чуть ли не как сам лев целиком. Игорь стоически сносил избиение, а Игорь Васильевич не делал ничего, чтобы его прекратить, будто в смерти Фила был виновен не кто иной, как Игорь.

В итоге жена Фила промахнулась по голове Игоря и угодила львом в поднос. Благоразумно убранная Игорем из рук кофейная чашечка, даром что казалось хрупкой, слетела со столика и, крутясь как юла, укатилась под кресло. Жена Фила села в кресло и расплакалась, пытаясь заглушить рыдания на животе льва. Голова и шея Игоря горели, будто натертые жесткой мочалкой. Игорь заметил, что у него мелко дрожат руки и колени.

– Ира, не надо, – тихо попросил Игорь Васильевич, не особенно, видно, надеясь на успех просьбы.

– Зачем вы приехали-то вообще? – злобно выкрикнула женщина, оторвавшись от льва. – Мне муж живой нужен!

Игорь Васильевич скомкал рюкзак у себя на коленях и тихо сказал:

– Ты когда отойдешь, может, тебе что-нибудь и понадобится. Там пепел его. Свидетельство о смерти, так что пособие на ребенка сможешь получать, и награды его.

Подождав какое-то время, когда женщина успокоится, Игорь Васильевич подошел к ней и слегка обнял за плечи.

Игорь осторожно ощупывал голову и смотрел на почти нетронутый кофе Игоря Васильевича, поэтому не сразу заметил, что Игорь Васильевич подает знаки, что нужно потихоньку уходить. Игорь с готовностью вскинулся. Еще в самом начале избиения его львом Игорь понял, что не стоило проходить дальше порога, а может быть, не стоило заходить и в подъезд тоже. Скорее всего, нужно было сообщить жене Фила нехорошую новость прямо под турником, передать ей рюкзак и сразу же, не оглядываясь, идти в сторону машины. Еще Игорь понял, что льва нужно было не отряхивать, а выбить на улице или пропылесосить, в носу у Игоря стоял запах плюшевой пыли.

Игорь с готовностью вскинулся в ответ на знаки Игоря Васильевича, но тот задержал его жестом на месте и показал на рюкзак. Игорь передал рюкзак в протянутую руку Игоря Васильевича, точнее, повесил его одной лямкой на его руку, как на вешалку, и сразу же подался в прихожую: видеть горе жены Фила было нелегко, потому что Игорь испытывал почти то же самое, что и она, разве что с поправкой на то, что у него и Фила не было общих детей и долгой семейной жизни, прерываемой командировками. Только плакать и бить людей плюшевыми игрушками Игорю было не положено, но почти от момента смерти Фила до этого момента ему хотелось сорвать на ком-нибудь свое бессилие.

Игорь не прочь был всадить карандаш в ногу Игоря Васильевича еще раз, за то хотя бы, что он, как и остальные, как казалось Игорю, смотрят на него с некоторым осуждением, как будто Игорь был врач и должен был усмотреть симптомы инфаркта еще за несколько дней до того, как он случился.

Завязав шнурки, Игорь еще минут десять простоял, ожидая, пока Игорь Васильевич покончит с сантиментами, или как еще было назвать то, что он сидел в гостиной, и ни десять минут его сидения рядом с женой Фила, ни двадцать, ни час все равно не могли исправить того, что случилось, и не могли вернуть ни Фила, ни хотя бы тех дней, когда он отсутствовал.

Игорь Васильевич появился наконец, отдуваясь, как после бега, сразу, не нагибаясь, влез ногами свои ботинки и вытащил Игоря из квартиры. Игорь не понял даже, была ли дверь не заперта или он не успел заметить, как Игорь Васильевич открывает замки. В подъезде дышалось гораздо легче, несмотря на запах пара, видно, это был уже родной, привычный запах. Поглядев друг на друга, они оба, как по сигналу стартового пистолета, кинулись вызывать лифт. Реакция Игоря Васильевича была быстрее, но толку от этой реакции все равно не было, лифт долго скрежетал между этажами, как будто даже проезжал мимо, но не останавливался на этаже, где они стояли.

Напряжение Игоря усиливалось еще и тем, что он боялся услышать горькие рыдания из-за двери квартиры, которую они недавно покинули, Игорь колебался между этим опасением и желанием дождаться лифта.

– Может, пешком? – предложил Игорь Васильевич, и по его напряженному голосу и по тому, как его старший коллега оглядывается на дверь, Игорь понял, что Игоря Васильевича беспокоят те же самые чувства.

К счастью, тут двери лифта распахнулись. В лифте стоял старый холодильник «Юрюзань», на холодильнике стояла герань, а больше никого не было.

– Переезжает, что ли, кто-то, – сказал Игорь Васильевич, но не стал ждать, пока хозяева холодильника и герани получат свои вещи и сразу же полез в лифт, Игорь, которого сначала слегка смутил вид холодильника и герани, полез за ним следом. Пока они ехали вниз, Игорь заметил, что сама герань чистая, как будто вымытая тряпочкой, что глиняный горшок, в котором она стояла, тоже чистый, и даже белое блюдце, куда был поставлен горшок, хранило на себе следы многочисленных чисток, тогда как земля, в какую была воткнута герань, была покрыта пылью, словно герань не поливали уже сто лет.

Спустившись вниз, они увидели несколько сорокалетних мужчин, стоявших с отчаянными глазами, увидев холодильник в целости и сохранности, мужчины произвели синхронный вздох, в коем угадывался вздох облегчения. Игорь тоже вздохнул с облегчением, потому что уже видел синий прямоугольник открытого выхода из подъезда и габаритный огонь грузовой машины в нем.

– Давай покурим, – предложил Игорь Васильевич еще до того, как они покинули лифт, поменявшись местами с грузчиками, Игорь согласился – он сам хотел предложить то же самое.

Они вышли на улицу и, обдаваемые выхлопами грузовой «Газели», торопливо закурили. «Газель» была точно такая же, как у отдела, даже грузчики были словно из отдела, только здесь они занимались, наверно, полезным делом, то есть перевозкой вещей, а не убийствами. Дымя сигаретой, Игорь так и не понял, ввозят ли они вещи в дом или вывозят. Пока Игорь и Игорь Васильевич курили, грузчики занесли в дом еще один холодильник, на этот раз большой и черный, ковер, свернутый в трубочку, и этажерку со стеклянными дверцами, а вынесли пианино, телевизор и стиральную машину.

Игорь не успел обдумать этот вопрос и не успел догадаться задать вопрос грузчикам, потому что сверху послышался голос Ирины.

– Игорь, – сказала она.

Игорь понял, что это обращаются совсем не к нему, поэтому продолжил курить, чувствуя некоторую беззаботность от расстояния, которое разделяло его и жену Фила.

Игорь Васильевич поднял голову и спросил:

– Да, Ирина, что?

– Мне ваши подачки не нужны, – сказала жена Фила. – Понятно? Подавитесь!

На этом вот «подавитесь» Игорь ощутил легкое беспокойство.

«Чем это мы должны подавиться?» – подумал Игорь, увидел приоткрытый рот Игоря Васильевича и успел ощутить еще большее беспокойство, прежде чем брошенный сверху рюкзак прилетел Игорю прямо на загривок, выбил у него изо рта сигарету, а самого Игоря уронил лицом в стоптанный снег тротуара. Грузчики, обменивавшиеся до этого какими-то рабочими комментариями, прервали свою работу и замолкли, по крайней мере, так показалось самому Игорю.

– Ирина, ты дура, что ли? – крикнул ей Игорь Васильевич так, что Игорь услышал этот крик изнутри своей легкой контузии. – А если бы ребенок шел? Ты понимаешь, что там урна два килограмма, специально друзья для него сделали, с надписью, бля, с гравировкой?

– Да, а где это его друзья раньше были? – крикнула в ответ жена Фила.

– Всегда они с ним были! – крикнул Игорь Васильевич. – Представь себе. Не они его на улицу выгнали, а ты, между прочим, ты и мамаша твоя долбанутая и его долбанутая мамаша.

– Козел! – крикнула жена Фила.

– А ты стерва! – тоже крикнул ей Игорь Васильевич.

Между тем, пока Игорь Васильевич и Ирина лаялись, грузчики положили свою кладь и стали поднимать Игоря на ноги, но только когда он пошевелился, пытаясь проверить, повредила жена Фила ему голову или нет. Игорь Васильевич так увлекся руганью и непечатными выражениями, что даже не обратил внимания, ровно ли стоит на ногах Игорь, а Игоря отряхнули, подержали, дали сигарету, снова зажгли и осторожно отошли, аккуратно отняв от него руки, как будто Игорь был качающейся фарфоровой вазой на такой же фанерной подставке, на какой стоял бюстик Ленина в конференц-зале отдела. Игорь нагнулся за рюкзаком, раскрыл его, проверяя целостность урны с прахом. «Хотя что с ней сделается, у нее же крышка отвинчивается», – догадался он запоздало. Глядя, как блестит стальной бок урны в свете начавших разгораться уличных фонарей и габаритных огней грузовичка, Игорь подумал про себя в третьем лице: «Горе обрушилось на него со всей возможной тяжестью», и коротко похихикал в нос, в котором ощущался запах крови.

Застегнув рюкзачок, Игорь постоял еще немного, ожидая, что ссора жены Фила и Игоря Васильевича уляжется как-нибудь сама, но когда Игорь Васильевич сказал, брызжа ядом: «Ему на Кавказе было легче, чем с тобой, он туда от тебя и убегал», а жена Фила крикнула: «Ну, конечно, ему всегда нравилось среди мужиков тереться, ничего удивительного», Игорь решил, что с него достаточно и, не дожидаясь, пока жена Фила сбросит еще что-нибудь увесистое, он потянул Игоря Васильевича за рукав, в обход грузовичка, в сторону машины.

Продолжая ругаться с Ириной, Игорь Васильевич повиновался, и Игорь повел его, не глядящего под ноги, мимо собачьих кучек, мимо растоптанных останков снеговика, по снегу, подтаявшему за день, но начинающему льдисто похрустывать от вечернего холода.

Игорю пришлось несколько раз подтолкнуть Игоря Васильевича в бок, прежде чем тот угомонился и сел в машину. В салоне Игорь Васильевич включил свет и посмотрел на Игоря, будто проснувшись.

– Ну и видок у тебя, – сказал Игорь Васильевич. – Дай голову посмотрю. Не тошнит?

Игорь отрицательно помотал головой. Его подташнивало, но, скорее, от того, что он с утра ничего не ел и выпил кофе, а теперь ему казалось, что он перепил крепкого чая.

– Включи что-нибудь повеселее, – попросил Игорь, указав на радио, – а то я сейчас чокнусь от этой классики.

Они долго выезжали из города, по замерзшим колеям, по какой-то окраине, то напоминавшей приусадебные участки, то промзону, где они работали. Игорь и рад был задремать, потому что чувствовал усталость как от горя, которое его начало слегка отпускать, так и просто усталость, но колыхание в дороге не давало уснуть. Только когда машина выехала на трассу, оставив позади железнодорожный переезд, Игорь наконец забылся чем-то вроде сна, где он продолжал ехать на пассажирском сиденье и смотреть, как быстро промелькивают придорожные деревья и медленно плывут деревья чуть подальше от дороги и совершенно неподвижно стоит Луна. Потом он вспомнил, что погода как была пасмурной, так и осталась, и никакой Луны видно быть не может. Игорь проснулся в полной тишине, нарушаемой гудением двигателя и шумом колес, и спросил:

– Долго еще?

– Нет, – ответил Игорь Васильевич, – спи давай.

Но по какому-то шевелению Игоря Васильевича и по его голосу Игорь понял, что Игорь Васильевич не хочет, чтобы Игорь спал, а хочет поговорить.

Игорь потер руками лицо и похлопал себя по щекам, чтобы проснуться. Шея и голова по-прежнему горели. Игорь опустил стекло и высунул голову наружу, где пахло талым снегом, асфальтом. Иногда сквозь запах снега и асфальта пробивался откуда-то запах очистных сооружений, и Игорь понял, что они, действительно, где-то недалеко от города. Это можно было понять еще по тому, что где-то слева-впереди небо было подсвечено снизу чем-то вроде слабого неонового зарева.

Игорь покурил, чтобы окончательно развеять сонливость, и только тогда спросил:

– И что, с моей женой ты так же ругаться будешь, если со мной что случится?

– Что с тобой случится? – спросил в ответ Игорь Васильевич. – Совсем башку тебе отбили, что ли?

– И всегда вот так вот проходит? – опять задал вопрос Игорь.

– Она так-то баба хорошая, – сказал Игорь Васильевич, помолчав, – просто у всех по-разному это проявляется. Я ей еще раз позвоню, когда она отойдет, все равно ведь, сможет Михаила похоронить возле отца и документы получить. Все равно ведь, жизнь дальше идет, от жизни никуда не деться.

– А из-за чего у вас с Эсэсом сыр-бор был? – опять спросил Игорь.

– Да тут все просто, – живо откликнулся Игорь Васильевич. – Он ведь поборник строгой секретности, он считает, что сотрудники должны, в случае смерти, без вести пропадать, и еще он как бы считает, что это справедливо, что люди, которые иногда людей убивают, заслуживают безвестности. Да и как ни крути, отчасти он, может, и прав, может, для Мишки было бы лучше, чтобы его считали пропавшим, жене бы как-то легче было бы знать, что он где-то есть. Она же его все-таки любила и любит, наверно, раз больше никого не завела.

– Может, она еще раз подорваться боится, – предположил Игорь.

– Ну и такой вариант не исключен, конечно, – согласился Игорь Васильевич. – Столько трубят в новостях: там того поймали, там этого. Примем законы в защиту морали. Примем закон в защиту защиты морали. У страны ведь нет больших проблем, чем мораль, голубые и педофилы.

– А тем более голубые педофилы, – вставил свои пять копеек Игорь.

– Точно, – согласился Игорь Васильевич. – Мне, честно говоря, нынешнее правительство напоминает экипаж корабля, который пытается тонущий корабль пластырями склеивать обратно.

Игорь замолк, потому что разговоров про политику не любил, они никогда ни к чему не вели, а точнее, сводились к трем выводам: что в России дерьмово, что за границей иногда тоже дерьмово, если у тебя нет денег, и что вообще весь мир катится в тартарары.

– Тут Сергей Сергеевич на грани того, чтобы в очередной раз расколоться и рассказать сотрудникам, чем мы в отделе занимаемся, – сам заговорил Игорь Васильевич. – Так что, похоже, опять все плохо.

Но Игоря Васильевича хватило еще на несколько дней сумрачного молчания и собирания с мыслями. Когда Игорь Васильевич с Игорем проходили мимо кабинета Эсэса в курилку – и обратно по кабинетам, иногда за дверью главного слышался странный кашель, которого Игорь от Сергея Сергеевича еще не слышал, что-то вроде кряхтения с прочисткой горла. Можно было решить, что Сергей Сергеевич простудился, однако же Игорь Васильевич, слыша этот кашель, многозначительно тыкал Игоря пальцем в ребра, чем доводил уже Игоря до белого каления. Игорю начинало казаться, что Игорь Васильевич отыгрывается за карандаш в ногу. Из курилки они ходили все время в одном и том же порядке: Игорь справа, Игорь Васильевич слева, а по вечерам от этих нескольких тычков под ребра в течение дня у Игоря болел левый бок, а Игорь думал, что это тоже симптомы приближающегося инфаркта, как у Фила, и слегка тревожился.

Целыми вечерами Игорь просиживал в ванной, пытаясь повторить трюк Фила с мышью, которая забегала ему на ладонь. Олег сказал, что в ванной нет камер видеонаблюдения, и от этого Игорю было спокойнее, его даже не раздражало, что мышь ведет себя, как белки в лесопарке, осторожно, в несколько приемов приближается к лежащей на полу Игоревой ладони, потом хватает крошки из руки и стремительно скрывается под плинтусом.

Игорь зачем-то оставил урну с прахом Фила у себя, поставил в угол ванной, поближе к тому месту, где жила мышь, ему казалось, что это было единственное существо, относившееся к Филу с любовью.

Как бы то ни было, Игорь Васильевич угадал. Игорь Васильевич, Игорь и Молодой всё собирались устроить поминки по Филу, но для этого нужны были все сотрудники отдела, Ринат Иосифович был не против, зато Эсэс отмахивался и говорил, что сейчас не до этого, и вид у него при этом был такой, будто смерть Фила подкосила его, как никого больше.

– В общем, так, – еле слышно сказал Сергей Сергеевич со своей трибунки, когда собрал всех в конференц-зале где-то за полчаса до окончания рабочего времени. – Нас опять осталось мало. В скором времени может остаться еще меньше, поэтому скрывать смысл того, ради чего делаются все эти допросы и ради чего умирают люди и с нашей стороны, и со стороны гражданских, – нет.

Игорь порадовался не тому, что ему расскажут сейчас всю правду или, в крайнем случае, то, что попытаются выдать за правду, а тому, что его отделяло от указательного пальца Игоря Васильевича несколько рядов кресел.

– Однажды Игорь Васильевич допустил ошибку и рассказал все сотрудникам раньше времени, – продолжал тихим голосом Сергей Сергеевич. – Последствия были катастрофические. От отдела не осталось почти никого за несколько недель. С тех пор мы договорились сообщать о сути проекта, в котором вы участвуете, только в самых крайних случаях. Вот, собственно, этот случай. Из аналитиков остался один Саша, из оперативных работников только Игорь и...

Он зачем-то поискал глазами по залу и сказал, нащупав прищуривающимися близорукими глазами Игоря Васильевича:

– Тоже Игорь.

Сергей Сергеевич замолчал, собираясь с мыслями, Игорь подумал, что он слишком долго с ними собирается, если учитывать то, что такая пустота в отделе образуется не первый раз.

– Каждый раз, когда говорю это, то сам себе не верю, – сказал Сергей Сергеевич, – но Саша вот предполагал, во что складывается эта картинка, все эти похищения, все эти допросы и убийства, и оказался прав, хотя и сам наверно, скорее, шутил, чем думал, что прав. Мы правда ловим пришельцев.

Игоря почему-то не поразило это известие. Ему уже было настолько все равно, что если бы даже ему сказали, что они поставляют человеческое мясо к столу высокопоставленных людоедов, или что борются с мировым заговором иллюминатов, или участвуют в реалити-шоу с настоящими убийствами, то это нисколько бы не поколебало его картину мира, в которой, как бы она ни была сложна, для него оставили место в дальнем ряду, где, хотя и присутствовало реальное действие, все равно ниточки дергал кто-то другой. А вот на Молодого такая новость произвела впечатление, он зашевелился, скрипя креслом, давая этой подвижностью понять, что требует дальнейших объяснений. От Рината Иосифовича был виден только затылок, но его отношение к происходящему, скорее всего, было ближе к Игорю, чем к Молодому.

– Долго объяснять, с чего начался отдел, – сказал Сергей Сергеевич. – Но, вообще, он начался с того, что в наш местный отдел КГБ пришел Олег и заявил, что он пришелец. Его отправили в дурдом, но он пришел на следующий день в тот же самый отдел, его опять отправили в дурку, и так повторялось раз шесть, пока до кого-то из наших не дошло, что он, кажется, не врет, раз может исчезать из смирительной рубашки. То, что он сообщал, конечно, шокировало и несколько сводило на нет все усилия как по охране социалистического отечества от внутреннего врага, так и вообще все усилия за борьбу за мир во всем мире. Он сказал, что Земля стала прибежищем каких-то инопланетных кораллов, которые заменяют человеческий разум своим и что человеческой цивилизации, как таковой, ну, может, процентов десять осталось. То есть девять из десяти человек на Земле – это вовсе не люди, а играющие людей пришельцы. То есть не как показывают в кино, что вся верхушка правительства – рептилии в человеческой шкуре, а простой народ – стадо баранов на заклание – обычные рабочие люди. Типа, такой реверанс плебсу. Все несколько по-другому. Почти все – пришельцы, за вычетом процентов десяти, да и те нужны, как он по-прежнему выражается, чтобы генерировать человечность. Это долго объяснять, сам Олег что-то темнит, потому что у него самого какие-то карьерные

интересы на Земле. Так что непонятно, кто кого ловит: отдел пришельцев, или пришельцы – нас. Олег говорит, что отдел – не более чем элемент, слегка разнообразящий игру пришельцам, потому что, несмотря на свою секретность и жестокость, вопрос существования отдела – лишь вопрос, надоели ли мы пришельцам своими изысканиями или нет. Олег говорит, что его, рано или поздно, все равно уберут, и если мы до этого времени не найдем средств, чтобы обнаруживать пришельцев среди нас или, скорее, нас среди пришельцев – то все, что мы делали, мы делали зря. И вот нас опять осталось с гулькин нос, а в этом вопросе мы за сорок лет ничуть не продвинулись.

– Прямо, как оппозиция в тисках кровавого режима, – подал голос Игорь Васильевич.

– Почти, – согласился Сергей Сергеевич, – только не совсем так. Мы не как оппозиция даже, а как самый зачуханный музыкальный работник в детском саду, где все родители детей – пламенные единороссы, и вот музработник ставит с детьми номер, критикующий власти, и задыхается от собственной храбрости, а потом его тупо выгоняют с работы или даже не выгоняют, а снисходительно смеются и говорят: «Ну, за что же вы так нас не любите?» Что-то такое мы собой представляем, короче.

– Вооот, – продолжил Сергей Сергеевич, задумчиво попыхтев. – Проблема в том, что с высокой вероятностью все ваши друзья и родственники, или почти все друзья и родственники, и соседи – пришельцы. Когда это осознаешь, бывает очень печально.

– А зачем тогда все это? – спросил Молодой.

– Ну, как зачем? – не сильно, однако все же возмутился Эсэс. – Делать-то все равно что-то нужно.

«Делать все равно что-то нужно», – передразнил его Молодой, когда они уже стояли в курилке и сбрасывали пепел и окурки в ведро и то и дело косились на угол подоконника, где было неожиданно пусто.

– Не знаю, чего он так грелся насчет нашей реакции, – сказал Молодой. – Мне эта информация мозг не порвала на части. Ну, пришельцы – и пришельцы. Это как загадка: «Кто выглядит как человек и ведет себя как человек?» Это человек и есть. Они же ничего не меняют в нашей жизни, живут и все, подняли количество человек до шести миллиардов, вот и вся их деятельность. Ладно бы они людей похищали в рабство, или у них был тайный заговор с целью уничтожить человечество ради ценного ресурса, который есть только у нас. Мне это знание нисколько не мешает.

– Ну, насчет того, что они никак не влияют на жизнь, ты погорячился, – возразил Игорь Васильевич. – С их появлением жизнь очень поменялась. Они сначала в Европейской части Евразии появились. Может, не со зла, может, подсознательно они отвращение к человеческому телу все-таки испытывали, потому что произошли они, все-таки, от кораллов, и оттуда попер этот запрет на наготу в средневековье, который по сей день длится. Потом был этот первый массовый приток, ознаменовавший собой промышленную революцию. Как ни крути, а жизнь они человеческую основательно изменили и под себя подмяли, и формируют частично под свои вкусы и свои интересы.

– Это тебе Олег рассказал? – спросил Молодой. – Потому что Эсэс что-то про это ни слова не сказал.

– Это Эсэс раньше рассказывал, потом ему уже надоело повторяться, – пояснил Игорь Васильевич.

– Чувствовалось, что он что-то недоговаривает, – признался Молодой. – Может, он темнит или сам не знает?

– Я думаю, скорее, второе, – сказал Игорь Васильевич. – У Олега свои заморочки, он и сам нами вертит, как хочет. Нам бы еще одного пришельца с еще одним взглядом на вещи. А то Олег расставил приоритеты, типа, вот враги, я друг, давайте убивать врагов. Мы, типа, папуасы, хотя мы и правда в некоторой степени папуасы, наш островок затмили туристы, которым мы создаем атмосферу экзотики или не знаю, зачем они здесь, а тут появляется такой правильный миссионер, весь в белом. Вот так я, примерно, вижу картину. Нам не помешал бы еще один миссионер, а лучше отряд каких-нибудь сумасшедших экологов и этнографов, которые бы за нас вступились. Так ведь?

«Я – этот пришелец», – захотелось сказать Игорю, но он промолчал, потому что никаким пришельцем не был.

– А как Олег, вообще, выбирает, кого в отдел набирать, чтобы не ошибиться? – поинтересовался Молодой.

– Никто не знает как, – сказал Игорь Васильевич. – Сергей Сергеевич говорил, что Олег предъявлял ему какие-то доказательства, кроме своего умения сбегать из лап советской карательной психиатрии, но и Олегу и Сергею Сергеевичу приходится на слово верить.

Все продолжили задумчиво курить. Из задумчивости их вывела спокойная поступь, в которой угадывалась поступь Рината Иосифовича. Курильщиков удивило, что Ринат Иосифович, вместо того чтобы шастать по котельной по каким-то своим делам, стал подниматься к ним, в пролет третьего этажа.

– Блин, – шепотом сказал Молодой, – если бы он так сделал, пока Фил был живой, я бы точно знал, кто виноват в его инфаркте.

– Я все слышу, – невыразительно заметил Ринат Иосифович.

Пришаркав к ним наверх, он зачем-то похлопал Игоря, который стоял к нему всего ближе, по плечу и сказал, поправив очки:

– Как-то тут слишком всякой правды навалилось на голову, и Михаил умер, может, нужно как-то помянуть.

– Да мы сами думали, но надо всем, а Сергеич против, – сказал Игорь Васильевич с высоты своего роста и высоты лестничной площадки.

– Нет, Сергей Сергеевич уже не против, – сказал Ринат Иосифович.

– Блин, Ре́нат, ты никак развязать себя решил и повод нашел? – почему-то восхитился Игорь Васильевич.

– Даже если и так, – сказал Ринат Иосифович с достоинством, – то что это меняет?

Молодого проинструктировали и отправили в магазин, Молодой поартачился и сказал, что должен как-то вырасти в ранге, потому что стая сократилась, что, может, пора уже начать бросать жребий, кроме того, Игорь Васильевич может принести больше, хотя бы потому, что тупо здоровее.

– Не так уж нам много и надо, – заметил Игорь Васильевич на эту попытку Молодого соскочить.

Молодой ушел, а Ринат Иосифович поднялся на его место и закурил, потом, скорее всего по незнанию, уселся на обычное место Фила и сказал под нос, что в ногах правды нет. С уходом Молодого, который обычно как-то уравновешивал нарочитую серьезность Рината Иосифовича, образовалась тягостная пауза, причем такая, что Игорю захотелось уйти и запереться в своем кабинете, а выйти только тогда, когда появится спиртное.

– Я сказать хочу, – нарушил тишину Ринат Иосифович, – я, наверно, очень виноват перед Михаилом сейчас и перед вами. Но вот вы все горюете, а я и горюю, и злорадствую, и ничего с собой поделать не могу. Все-таки с вашими женами Миша не спал, а с моей спал. Теперь еще оказывается, что она мне как бы дважды изменила, тем, что она, может быть, не человек, а выдавала себя за человека, а во-вторых, вот это с Мишей. Я умом понимаю, что он молодой умер, что нужно жалеть, а сердцем вот не могу понять, почему вы его приняли вот такого и горюете сейчас, а я вроде и к мальчикам не пристаю, и с женами вашими не сплю, а все равно чужой. Как так?

Ринат Иосифович слегка покачнулся на подоконнике, и Игорь вдруг увидел, что Ринат Иосифович пьян, причем не просто пьян, а уже совершенно вдрызг. Это было тем более удивительно, что со времени, как кончилось собрание в конференц-зале, прошло не более получаса.

– Да не чужой ты, – неуверенно сказал Игорь Васильевич. – С чего ты взял, что ты чужой? Ты же сам не выходишь, а все у себя сидишь и строишь из себя девочку.

– А почему вы тогда замолкаете, когда я мимо прохожу? – спросил Ринат Иосифович. – А? Почему кучкуетесь всегда в сторонке? Почему курить не зовете?

– Да кто тебя не зовет-то? – удивился Игорь Васильевич. – Ты же сам перестал ходить после того случая на даче. Подумаешь, жена уши надрала. Так твоя жена всем там уши надрала. Что теперь, бычить на всех? Твоя ведь жена, не чья-то чужая.

– Как-то вот после сегодняшних откровений мне слово «чужой» не нравится, – признался Ринат Иосифович. – Давайте его избегать, хотя бы до завтра.

– Давай, – усмехнулся Игорь Васильевич, – твоя ведь жена. Это мы на тебя должны обижаться, а не ты на нас. То, что тебе пить нельзя, тоже ведь не мы виноваты.

– А кто сказал, что нельзя? – спросил Ринат Иосифович. – Я вот уже выпил и прекрасно себя чувствую. Не стал дожидаться, пока вы пригласите, а сам успел, потому что вас все равно не дождешься.

– Ре́нат, – приложив руку к груди, заявил Игорь Васильевич, – да мы разве ж против? Но мы вот скидываемся на выпивку обычно, а с тебя потом эти несчастные триста или пятьсот рублей не вытрясти никакими силами. То у тебя, бля, дела. То у тебя мелочи нету. То на бензин остались. То подарок нужно купить дочери на день рождения. То лекарства. Согласись, что это некрасиво.

– Это некрасиво, – согласился Ринат Иосифович, пьяно кивнув. – Некрасиво, я согласен. Но вот все случаи, что ты перечислил, это так и было, я не виноват, что не получается расплатиться, всегда выходит какая-то ерунда с деньгами. На мне какое-то проклятие, связанное с деньгами. Но сегодня, короче, особый день. Сегодня я расплачусь сполна. У меня сегодня, короче, все должно получиться. Я по старым долгам рассчитаюсь и сброшусь на сегодняшнюю пьянку. Вот смотри. Смотри и учись.

Ринат Иосифович с торжественным видом полез в карман комбинезона, для удобства чуть привстав, но как только кулак его заметно сомкнулся на деньгах в кармане, тело Рината Иосифовича, будто под воздействием какого-то молниеносного релаксанта, опало внутрь оконного проема, а сигарета выпала из расслабленного рта, скатилась по штанине, по полу и покатилась по лестнице под ноги Игоря.

– Охренеть, – удивленно заметил Игорь Васильевич, пошатав Рината Иосифовича за плечо. – Что он выпил у себя там? Хлороформ, что ли?

Игорь негромко рассмеялся, Игорь Васильевич с шутливой сердитостью выговорил ему:

– Между прочим, ничего смешного в этом нет. Резко возник вопрос, куда его теперь девать? Здесь его бросать однозначно нельзя, потому что кровная обида возникнет. Как оказалось, у Ре́ната нежная душа и ранимое сердце. Цепкие руки, дурная голова и ранимое сердце у нашего завхоза. К нему в кабинет – тоже не вариант, опять обидится. А до Мишиной комнаты далековато.

– Далековато, но это, походу, единственный вариант, – сказал Игорь. – Давай, кто за ноги? Кто за руки?

– А-а, – махнул рукой Игорь Васильевич, отказываясь от услуг Игоря.

Игорю понравилось, как всего одним звуком голоса, одной гласной, Игорь Васильевич выразил одновременно отказ и отвращение к его, Игоря, физической форме.

Одним легким движением Игорь Васильевич взвалил Рината на плечо. Игорь подумал, что тот также легко может взвалить и его на второе плечо и даже не запыхается. Потом он подумал, что Фил тоже бегал, прыгал и сворачивал шеи, при этом не пил, не курил – и вот как вышло. Потеснившись на лестнице, Игорь пропустил Игоря Васильевича вперед и пошел за ним следом, а тот, задевая Ринатом за стены при поворотах, делился своими мыслями насчет алкоголиков и алкоголизма Рината Иосифовича:

– У меня такой же друг был армейский. Вроде не видимся, не видимся, надо встретиться. Названиваем, собираемся отметить встречу. И вот он приезжает, выпиваем мы по паре рюмок – и все, он лыка не вяжет и начинает отрубаться, прямо обидно. Зато потом просыпается среди ночи, когда я уже сплю, и начинает бухать, брякать бутылками, в туалет ходить, идет в магазин за добавкой. Я вроде проснусь, он снова в отрубе. И так несколько дней. И так несколько раз. Ре́нат, кстати, тоже из таких. Нужно только надеяться, что он себя в руки возьмет, когда проснется, а то нам мало не покажется. Он может всю котельную на кирпичи разобрать. А потом опять будет собирать, причем возьмется за дело с верхушки трубы.

Игорь Васильевич не очень ясно выразился, поэтому Игорь на какое-то время задумался, что тот имеет в виду: то ли что Ринат Иосифович начнет собирать котельную так, чтобы она в конечном итоге вверх ногами, или что Ринат Иосифович начнет собирать верх трубы, потом подложит под этот верх еще один ряд кирпичей, вроде как кирпичный принтер, пока котельная снова не будет отстроена. Еще Игоря гипнотизировала рука Рината, болтавшаяся в воздухе, и часы на ней, поблескивающие круглым стеклом.

– А, вообще-то, конечно, странно, что нас такие вопросы продолжают волновать. В частности, меня. Я раз за разом слышу эту историю от Сергея Сергеевича, раз за разом общаюсь с набранными сотрудниками. И вот так же мы шутим. Всегда какой-нибудь завязавший алкоголик в компании есть. Специально Олег, что ли, так людей набирает? И вы тоже каждый раз беспечные, всегда думаете, что именно вы до пенсии доживете. Ты-то хоть доживешь?

Игорь Васильевич серьезно посмотрел на Игоря.

– Я-то откуда знаю? – зло спросил Игорь. – Вроде собираюсь. Вешаться тоже мыслей нет.

– Ну, и на том спасибо, – сказал Игорь Васильевич почему-то с сарказмом.

В подсобке уже сидел Сергей Сергеевич, зрелище, которое ему открылось, он оценил по-своему.

– Вы что, вырубили его? – спросил он со смесью ужаса и упрека.

– Да он сам себя вырубил, – сказал Игорь Васильевич. – Отодвинься, я его на диван вот так... Он, когда приходил тебя на поминки зазывать, еще трезвый был?

– Да. Вроде бы, – неуверенно покосился Сергей Сергеевич на тело, сидевшее на противоположной стороне дивана.

Игорь Васильевич, как гриф, смотрел на сопящего Рината с высоты своего роста.

– Тогда ничего не понимаю, – сказал Игорь Васильевич наконец. – Ладно бы он на халяву так надрался за короткое время или на спор.

– Может, он втихую пил все эти дни, – предположил Сергей Сергеевич, – все-таки переживательная штука произошла.

– Это да, – согласился Игорь Васильевич, и скулы его затвердели, а глаза наполнились некоторым сочувствием к Ринату Иосифовичу, а может, к Филу и Ринату Иосифовичу одновременно.

Почти сразу же появившийся Молодой, брякавший бутылками и шуршавший пакетом, бодрый от беготни, несмотря на траур, тоже обратил внимание на спящего Рината Иосифовича и спросил, от чего тот устал и когда успел устать. Ему объяснили. Молодой, опять же позвякивая бутылками в шуршащем пакете, подкрался к Ринату Иосифовичу и принюхался к его дыханию.

– Он, похоже, лавровым листом заедал это все дело, – распрямившись, заявил Молодой о своем открытии.

– У меня знакомый был, – тут же заявил Игорь Васильевич, – он тоже по-тихому пил и так часто на лаврушку налегал, что у него уже условный рефлекс выработался, как он сам говорил, на запах лаврового листа, он его, когда чуял, ему казалось, что он уже пьяный.

Игорь с легким раздражением отметил про себя, что у Игоря Васильевича слишком много странных знакомых, и не попадет ли сам Игорь, да и все они в этот список, если с ними что-нибудь случится.

– Господи, Васильич, – не выдержал Игорь и высказал эту мысль вслух: – Ты все с какими-то странными людьми знакомство водишь. Тебя послушать, так вокруг все ненормальные какие-то. Такое впечатление создается, что ты с нами дружишь, потому что мы тоже психи.

– Да люди, вообще, странные, – охотно оскалившись, ответил Игорь Васильевич. – С этим-то ты спорить не будешь? И про себя не будешь же говорить, что ты нормальный? Мне когда Миша передал ваш разговор о кино, мне даже подозрительно стало, не смотришь ли ты фильмы под коноплю.

– А что за разговор? – спросил Сергей Сергеевич.

Игорь почему-то покраснел, хотя стыдного ничего не было, Игорю было просто обидно, что Фил передал его слова кому-то еще.

– Да там много всего, – повернулся Игорь Васильевич к Эсэсу, – там всякие наезды на американскую фантастику киношную. Но одно замечание было – вообще. Я вроде много смотрел шедевров из-за бугра, но почему-то это в глаза не бросалось. Короче, знаешь, такой жанр, типа, диктатура и повстанцы борются с ней. Это же откровенная отсылка к тому, что произойдет, если коммунисты придут к власти или советы захватят штаты. Всегда в канализации есть горстка сопротивляющихся. И самое интересное, что в сообществе этом повстанческом как раз таки коммунизм и царит, с которым они, вроде, борются. Еда бесплатно, медобслуживание бесплатно, образование тоже бесплатно и общедоступно.

– Давайте, короче, пить, – предложил Сергей Сергеевич, помолчав.

– Или вот фильм «Чужие», – попробовал продолжить Игорь Васильевич, но то ли так случайно получилось, то ли Рината действительно зацепило то, о чем рассказал Эсэс на собрании, но он при слове «чужие», как и ранее, скорчил недовольную сонную гримасу, а к этому издал еще капризный стон.

– Нет уж, давайте лучше пить, – повторил Сергей Сергеевич, покосившись на Рината.

Рассевшись за столом, они выпили по паре рюмок за помин души Фила и замолчали, не зная, о чем говорить.

– Легко идет, – сказал Сергей Сергеевич, – хороший, значит, был парень. Только одно плохо, если так же легко пойдет, то тебе, Игорь Васильевич, меня до дома трелевать придется.

– Такси вызовем, всего и делов, – беззаботно ответил Игорь Васильевич.

– Я бы не надеялся, – возразил Игорь, – я в первый день, когда сюда приехал, еле вас нашел.

– Я помню, как ты мне рукой махал, – засмеялся Игорь Васильевич, – из-за шлагбаума. Я еще тогда подумал, какого хрена тебе тут надо.

– А ты когда ушел, я подумал: «Вот ведь мудак», – сказал Игорь, хотя не помнил, подумал он так или нет.

– Самое интересное, – заметил Сергей Сергеевич, – что я ведь всех предупредил, что должен новый сотрудник появиться, даже машину описал, какая она, даже вроде номер сообщил.

– Мне он просто как-то издалека не приглянулся, – признался Игорь Васильевич. – Думаю, ну что за рохля, боится даже на территорию заходить, какие уж тут допросы, он же, думаю, после первого же в милицию побежит или в другой город попробует переехать от греха и забыть все, как страшный сон.

– Ну, спасибо, – сказал Игорь. – Мы тут кого поминаем, меня или Мишу?

– Хорошо, что Ринат спит, – сказал Молодой, разливая по третьей, – он бы сейчас такого о Мише навспоминал, было бы неловко.

– «Неловко» не то слово, – сказал Игорь Васильевич. – Он знаешь, что заявил, Сергей Сергеич, что он о Мишиной смерти сожалеть не может, потому что еще не простил ему жены своей.

– Ну, это нормально, – ответил Сергей Сергеевич, – это трудно переварить, знаешь ли, так сразу.

– То есть жену он простил, а Мишу не может? Так, что ли? – спросил Игорь Васильевич. – Мог бы хоть на словах. Мог бы затаить. Не обязательно это говорить. Тем более, жена его тоже, знаешь, в этом участвовала.

– Мне кажется, – начал Молодой и смутился под тремя взглядами, направленными на него, – мне кажется, что вот это вот сегодняшняя лекция про инопланетян на него никак не повлияет. Он свою жену бы не бросил, даже если бы она реально вылезла из человеческой кожи и оказалась чудовищем с тентаклями.

Игорь не знал, что такое тентакли, но не решился спросить, остальные, видимо, тоже не знали. Скорее всего, именно от этого незнания и неловкости от этого незнания Игорь Васильевич буркнул, неожиданно встав на сторону Рината:

– Посмотрим, какая у тебя будет жена.

– А когда, вообще, пришельцы в человека проникают, – внезапно заинтересовался Игорь, интерес у него был шкурный, то есть вполне объяснимый. – А то мы вроде жили-жили, и тут у нее резко хоп – и заскок. Это не связано никак с тем, что она уже не человек?

Игорь Васильевич и Сергей Сергеевич заржали, хотя Игорь не пытался шутить.

– Успокойся, – лицо Сергея Сергеевича медленно теряло красноту после приступа смеха. – Это где-то в момент зачатия происходит. То есть плод уже пришелец. А так, как ты сказал и как в кино показывают, – не бывает. Или Олег нам чего-то не договаривает. Но я бы, кстати, не удивился, если бы узнал, что в мою после двадцати лет брака пришелец вселился, потому что это очень похоже на то было.

– И у меня тоже, – сказал Игорь Васильевич, – в жену вселился, когда ей сорок три стукнуло, а в дочку, когда она подростком стала. Ты, кстати, увидишь, во что твой сын превратится лет в тринадцать, – охренеешь. И, главное, поскольку всегда на работе, кажется, что эта перемена в один день произошла. Вот увидишь. Тебе наш Молодой, которого бури гормональные уже почти миновали, ангелом покажется.

Упоминание гормонов задело Игоря за живое, потому что в памяти сразу всплыла жена с разговором про пролактин. Молодого тоже что-то зацепило в словах Игоря Васильевича, он покашлял и напомнил:

– У нас тут вообще-то не книжный клуб. И мы тут не очередную книжку доктора Спока обсуждаем. Вы пить будете? Или только языками трепать?

– Мы и то и другое будем делать, – заверил его Игорь Васильевич, – так что терпи.

Глава девятая

За день до выезда Фил приготовил грибной суп, а Игорь не любил грибы, поэтому Фил поел этого супа один, и когда Игорь Васильевич заметил зеленоватый цвет лица Фила, видимый даже в гаражном свете, и то, какой мелкой испариной покрывался его лоб, – Фил признался, что его еще и подташнивает и в желудке такое чувство, будто он проглотил нож, – Игорь Васильевич спросил, чего такого поел Фил, а тот рассказал про грибы. Весь этот разговор происходил уже перед самым выездом на допрос, и решать нужно было быстро.

– Давай-ка ты здесь останешься, – предложил Игорь Васильевич, – пока тебя на понос не пробило.

– Да не, нормально все, – Фил принялся строить из себя героя и даже улыбался, но улыбка у него была какая-то не бодрая, а больше жалкая, от которой не веселее становилось, а только как-то жутко.

Даже на Игоря Васильевича эта улыбка произвела впечатление, потому что он сказал, чтобы Фил собирал манатки и уматывал или домой, или в подсобку, или к себе в кабинет, а сначала пускай выпьет активированного угля или вообще вызовет «скорую».

– Да это не грибы, – возразил Фил, – что с ними будет, с консервированными? Это же не в лесу. В консервы бледных поганок не кладут. Это больше на кишечный грипп похоже.

– Всякое, знаешь, бывает, – сказал Игорь Васильевич. – Я тут читал, что мужик какой-то батон сожрал, а батон в пекарне кто-то снотворным начинил. Еле откачали. А с кишечным гриппом ты и подавно не нужен. Хрен тебя знает, начнешь прямо на квартире свои биологические следы с обоих концов ронять. Так что давай, сматывай удочки, и без тебя справимся.

Фил поартачился для порядка, но видно было, что ему правда нехорошо, а убедительные реплики Игоря Васильевича только больше уверили его в том, что больным на допрос лучше не выезжать.

– Давай, иди уже, блин, под крышу, стахановец херов, – похлопал Игорь Васильевич Фила по спине. – Давай-давай, не задерживай боевых товарищей.

Фил уплелся в котельную.

– Может, Ре́ната взять для разнообразия? – подумал вслух Игорь Васильевич.

Ринат Иосифович, стоявший тут же, под крышей гаража, несколько оживился, только непонятно было, рад он предложению Игоря Васильевича или же это предложение его пугает.

– Вообще-то по протоколу положено, чтобы трое шли, – промямлил Ринат Иосифович.

– По протоколу много что положено, – бодро отвечал Игорь Васильевич. – Иди лучше прими, что Фил сдать должен.

Уплелся и Ринат Иосифович. Игорь Васильевич посмотрел на оставшихся с иронией. И Молодой, уже сидевший в машине – ногами на своей бандуре, и Игорь выглядели почему-то неуверенно, когда узнали, что Фил с ними не едет.

– Так, Молодой, не волнуйся, для тебя ничего не изменилось, пистолетик отдай дяде, – разъяснил Игорь Васильевич создавшуюся ситуацию. – Машину я поведу. А на тебе, Игорек, составление двойного отчета, за себя и за того парня.

– А что на мне-то? – слегка возмутился Игорь. – Давай хотя бы пополам поделим.

– Там видно будет, – уклончиво ответил Игорь Васильевич и полез на место водителя, заметно качнув «Газель» в свою сторону, когда залезал. Игорь вскарабкался к Молодому в салон.

– Сразу газировочки купим или по пути заскочим? – обернул к ним свою голову Игорь Васильевич, заводя мотор фургончика. – Таблетки от тошноты, может, кому выдать? Бумажные пакетики?

– Васильич, крути уже баранку, смотри на дорогу и знай свое место, – огрызнулся Молодой.

Игорь Васильевич, как всегда, охотно посмеялся и повел машину к выезду, там пришлось немного подождать, когда придет Ринат Иосифович, чтобы поднять шлагбаум, но тот все не шел, может, опасаясь, что его возьмут за компанию, и Молодой, свистяще матерясь, выбрался из машины, поднял шлагбаум, посмотрел, руки в бока, как «Газель» выехала с территории, опустил шлагбаум и снова забрался внутрь, запыхавшийся от непонятной Игорю злости.

Игорь Васильевич шустро погнал, выезжая из города. Машину уже не так сильно переваливало с боку на бок на ледяных кочках промзоны, снег подтаивал и разваливался под шинами, было слышно,

как выплескивает из колеи подмерзшая сверху, но уже не успевшая совсем замерзнуть вода. Было так жарко, что Игорь приоткрыл окошко рядом с собой, то же самое сделал и Молодой с окошками, которые были рядом с ним.

Когда Игорь Васильевич вывел «Газель» на трассу и они поехали по более-менее ровному асфальту, оставляя город сбоку, Игорю стало вовсе хорошо и даже беззаботно. Воздух, казавшийся после всех зимних дней теплым, поддувал его в правое плечо и шевелил волосы на затылке. Стоило опасаться, что его самого скоро скрючит остеохондроз, если он и обратно поедет так же, открыв окна, однако Игорь думал, что авось не скрючит.

– У тебя сейчас лицо, как у «Паровозика из Ромашково», – сварливо заметил Молодой.

– Много ты видишь в такой темноте, – сказал Игорь.

Игорь знал, для чего они едут куда-то, знал, чем это все закончится, но ему отчего-то казалось, что все будет хорошо. Уже одно то, что Сергей Сергеевич сообщил, что на этот раз не будет никаких женщин и никаких детей, придавало Игорю сил.

– Куда это мы катимся-то? – крикнул Игорю Васильевичу Молодой. – В сторону кладбища, что ли? Ты нас закопать решил?

Игорь Васильевич поблестел зубами и глазом в их сторону.

– В частный сектор едем, – пояснил Игорь Васильевич охотно.

– А-а, – сказал Молодой. – У отчима там домик есть и огород. Хотя смотря в какой частный сектор.

– В Малинки едем, – сказал Игорь Васильевич.

– Тогда не там, – сказал Молодой. – У моего в Шахтерах домик и огород. А в Малинках ни хрена нет.

Продолжительное время справа от дороги, среди деревьев, виднелись огни города, который они огибали, а слева были только деревья и большие, снежные еще поля. Потом деревьев слева стало совсем мало, а полей все больше, затем пошли, выворачиваясь из-за горизонта, одни только поля с очень редкими перелесками, черневшими в дали. Потом мелькнула одиноко стоявшая, как бы оторванная ото всех населенных пунктов бетонная автобусная остановка, серая снаружи от темноты и черная внутри от темноты же. Игорь успел увидеть, что к козырьку остановки прикреплено расписание автобусов, сделанное из жести, и не позавидовал тем пассажирам, которые ждут здесь автобуса, когда идут зимой или осенью через заснеженное, продуваемое поле или полевую грязь, растоптанную в виде пешеходной тропы.

После автобусной остановки дорога шла по насыпи, из-за этого все, что было возле дороги, казалось находящимся в некой долине. Плавный, почти незаметный поворот медленно вывел из-за леса далекий поселок, состоявший из скученных одноэтажных и двухэтажных домишек. Чуть на отшибе поселка стоял еще трехэтажный дом городского типа, в этом доме, в правом его верхнем углу, подсвеченное потусторонним, скорее всего, коридорным светом, едва светилось желтовато-красное окно. Трехэтажный дом стоял на одном конце поселка, а из другого торчал длинный хвост пассажирского поезда, внутри окон поезда тоже был слабый ночниковый свет. Почему-то при виде этого света сердце Игоря взяла непонятная ему самому сладкая тоска, какая, наверняка, пробирает собак при виде полной луны.

Наверху у поселка торчала труба котельной, но не такая, как у них, кирпичная, а, скорее всего, металлическая труба с красным огоньком наверху, похожим на тлеющий огонек сигареты, слабый дым из трубы был едва виден – он как бы слабо вытекал и двигался по воздуху почти горизонтально. Игорю больше нравилась теплая погода, но при этом ему как человеку, выросшему в городе, нравились и всякие заводские дымы, которые в морозные дни особенно пышно перли из всяких труб прямиком в небо.

Без задержек миновав железнодорожный переезд, по которому поезд из поселка наверняка должен был заезжать в город или выезжать из него после их «Газели», машина резко взяла вправо, как бы возвращаясь в город со стороны, обратной тому месту, где был отдел. Опять появились ухабы городской дороги, разношенной заезжавшими в город грузовиками и другим транспортом, затем у Игоря вообще возникло ощущение, что они едут по грунтовке, присыпанной талым снегом и смешанной с грязью, – так можно было решить по тому, что колеса чавкали в ухабах, как будто это были глиняные ухабы.

– Я представляю, какие вы оба будете красавцы, если мы сейчас застрянем, а я вас заставлю машину толкать, – сказал из-за плеча Игорь Васильевич, но в голосе его слышалось больше напряжения, нежели шутливой интонации.

– Хрена ты угадал, – решительно ответил Молодой, – если мы застрянем, я сам за руль сяду, а вы будете толкать, потому что от меня все равно толку не будет, я тут среди вас самый дрищеватый.

Теперь Игорю казалось, что они едут по нехоженому лесу. Передние фары освещали только какую-то сплошную стену елей, и так продолжалось настолько долго, что Игорю уже не казалась смешной шутка Игоря Васильевича про бумажные пакеты, сказанная им в начале поездки. Если Игорю было просто не очень весело, то Молодой ругался в голос. Придерживая свою бандуру руками, ногами, чем только можно, Молодой просил Игоря Васильевича выбирать дорогу аккуратнее.

Затем в елях наметилось что-то вроде просвета и мелькнули какие-то фонари. Один раз их слева обогнал легковой автомобиль, и это было удивительно, потому что казалось, что он вовсе не прыгает на кочках, а летит на воздушной подушке. Молодой остро прореагировал на ровную езду скрывшейся впереди машины и спросил Игоря Васильевича, правда ли тот едет по дороге, а не выбирает путь поинтереснее.

– Да это из местных кто-нибудь, – слету оправдался Игорь Васильевич, – он небось тут все ухабы знает и с закрытыми глазами может ездить.

Игорь Васильевич сказал так и тут же нажал на тормоз и, кажется, даже дернул ручник, так что все его пассажиры полетели по салону, как мешки с картошкой, бандура с удивительной легкостью скользнула по полу и тюкнулась обо что-то впереди, из-под сиденья Молодого с грохотом выкатилось ведро, которое полагалось надевать на голову допрашиваемого.

– Фух, чуть кого-то не сбил, – пояснил Игорь Васильевич, опережая оскорбительные слова в свой адрес.

– Кого ты чуть не сбил? – заорал на него Молодой, ощупывая бандуру так, будто она была непристегнутым ребенком и могла удариться обо что-нибудь родничком. – Как в кино, бля. «Ой, я чуть не сбил оленя». А потом на нас охотятся местные реднеки в таких же комбинезонах, как у нас.

– Только грязных комбинезонах, – добавил Игорь, потирая ушибленную обо что-то голову и оглядываясь в поисках того, обо что он ударился.

– Это собака вроде была, – сказал Игорь Васильевич, высунулся в окно и тоненько посвистел.

– Езжай уже, а? – попросил Молодой, отряхиваясь и садясь с ведром в руках напротив Игоря. – Главное, непонятно, так вроде еле плелись, а как ты затормозил, чуть через лобовуху не вылетели.

Игорь Васильевич осторожно тронулся с места.

– Зря, кстати, Фила ты с нами не взял, – поизмывался Молодой вдогонку. – Уже я зеленый от твоей езды, уже Игорь зеленый. Филу бы уже все грибы из организма повыдавливало такой поездкой.

Близость частного сектора угадывалась по обширной свалке, которая появилась за окном, едва угадываемая среди леса, но все равно было понятно, что это свалка, поскольку под колесами зачавкала не только грязь, но и захрустели осколки бутылок и еще какой-то мусор. Залежи хлама как-то по-особенному поблескивали и чернели между деревьями, возле самой дороги стоял человек, что-то подбирал с земли и складывал в большой мешок возле своих ног. Молодой прильнул к стеклу, чтобы лучше его разглядеть.

– С ума сойти, – восхитился Молодой. – Сейчас ночь, а он тут стоит. Прямо триллер. Летом тут, наверно, комарам от мух не протолкнуться.

Сразу же за свалкой лес заканчивался, на границе свалки и частного сектора по одну сторону дороги стояла трансформаторная будка, чье гудение Игорь услышал подсознательно даже через гул машины, а по другую – покосившийся телеграфный столб с обвисшими, будто усы одного из солистов «Песняров», проводами.

Дорога чуть изгибалась, спускаясь вниз, а внизу было не протолкнуться от мешанины черных домиков и высоких заборов. Там и сям горели редкие фонари на высоких столбах. В свете фар дальнего света была видна быстро удаляющаяся хвостатая задница улепетывающей белой собаки.

– Я же говорил, – почему-то сказал Игорь Васильевич, когда фары выхватили собаку из темноты, а она оглянулась, сверкнув зелеными точками глаз.

– Ты хотя бы знаешь, где тут нужный дом искать? – спросил Молодой, опередив вопрос Игоря.

– На карте смотрел, – сказал Игорь Васильевич, – но я не особо внимательно смотрел, потому что думал, что нас Фил повезет.

– А мы дома не перепутаем? – опасливо сказал Молодой.

– Господи, ты-то что беспокоишься, не тебе ведь идти, – не выдержал Игорь Васильевич.

Домики, казавшиеся издалека бесформенными, вблизи нисколько не приобрели в отчетливости. Когда под колесами машины зашумел гравий, а населенный пункт обступил их со всех сторон, Игорю стало казаться, что он спит и его мозг придумывает детали сна, шевелившиеся за бортом фургончика. Накренившиеся в сторону дороги темные доски заборов, кирпичная стена, рабица – выныривали из темноты и сменялись близкими кустами, скребущими по стеклам, остовом грузовика с ржавой кабиной, те, в свою очередь, сменялись скелетами теплиц и какими-то сарайчиками. Несколько раз Игорь увидел как будто одну и ту же водозаборную колонку, стоявшую под слабым углом ко льду в ее основании, и решил, что они заблудились и не добираются до места, а кружат. В этом антураже водозаборная колонка походила на скромный надгробный памятник. Там и сям не очень старательно лаяли ленивые деревенские собаки.

– Все. Выходим, – сказал Игорь Васильевич, остановив машину.

Игорь вытащил из рук Молодого ведро, взял его под мышку и полез наружу. Задними колесами машина стояла прямо в огромной луже, в которой плавали треугольники тонкого переломанного льда. Игорь осторожно спустился, проверяя глубину этой лужи, и пошел к Игорю Васильевичу, притапливая куски льда подошвами ботинок.

Молодой постучал им в окно.

– Что тебе? – тихо спросил Игорь Васильевич, угадав паузу, когда собаки не лаяли.

– Вы мне хотя бы пистолет оставьте, – заявил Молодой.

– От кого ты отстреливаться собрался? От бабаек? – злым полушепотом вопросил Игорь Васильевич, видимо, шум, который подняли собаки, его нервировал. – Запрись изнутри и чужим дядям не открывай.

Молодой прошипел в ответ что-то злое и беспомощное. Игорь усмехнулся, однако в глубине душе был рад, что это он идет с Игорем Васильевичем, излучавшим ощущение безопасности даже в таком мрачном месте.

Шумно помешивая ботинками смесь гравия и талого снега, они прошли чуть дальше по улице и повернули направо. Игорь зачем-то оглянулся на машину, которая несмотря на то, что была забрызгана грязью, белела среди пустой улицы, как луна.

За поворотом стоял одноэтажный сельский клуб с колоннами, переделанный в церковь. То, что это теперь церковь, а не клуб, можно было понять по приделанной к козырьку крыши маковке с православным крестом, черневшей на фоне почти черного неба. В окнах церкви тускло горел свет и кто-то ходил, Игорь бы не удивился, если бы это был какой-нибудь местный Хома Брут, отпевающий местную панночку.

– Хрена ли ты ежишься, – покосился на Игоря Игорь Васильевич, – ты думаешь, тут сейчас страшно. Ты тут днем не был. Днем бы твоей интеллигентской натуре еще бы страшнее стало от вида местных лиц.

С этим словами Игорь Васильевич скользнул в непроницаемую темноту под погасшим уличным фонарем, Игорь скользнул за ним и споткнулся обо что-то твердое, металлическое, больно ударившее его по лодыжке. Игорь Васильевич, весело поблескивая глазами на болезненное шипение Игоря, уже отгибал доску в высоком заборе, покрытом сверху колючей проволокой, затем ловко скользнул внутрь образовавшейся щели и затащил прихрамывающего Игоря за собой, так что Игорь не успел спросить даже, нет ли во дворе, как это бывает, «осторожно, злой собаки». Потому что, судя по окружавшему их лаю, собаки были повсюду.

Они стояли на краю длинного огорода, как бы вздыбившего спину от того, что в местную глинистую почву каждый год насыпали свежих удобрений и навоза, а по краям никто ничего не сыпал. Из-за снега, все еще лежавшего на земле, горб огорода казался еще больше. На другом конце огорода, с понатыканными по периметру кустами малины, стояли слева направо, в порядке перечисления:

дровяник, дом, крыльцом к огороду, и вертикальная будка туалета. Над крыльцом горела тусклая лампочка под колпаком, и колпак слегка покачивался от ветра.

Игорь Васильевич решительным шагом направился к дому, Игорь, пытаясь не отставать, поспешил приноровиться к его широкому шагу, что было трудно, потому что снег лип к ногам. Игорю было интересно, не найдут ли их потом по этим следам, когда начнется расследование убийства.

Ближе к дому снег был плотно утоптан, в сторону туалета вела тропинка, как бы прочерченная по линейке, по высоте сугробов вдоль тропинки было видно, как много снега нападало этой зимой.

Игорь Васильевич поднялся по двум из трех ступенькам крыльца и пообббивал ботинки об третью ступеньку, затем, зачем-то поглядывая на Игоря, надел на руки перчатки. Игорь шагнул к нему, но тот показал жестом, чтобы Игорь за ним не шел. Игорь стоял прямо напротив двери, Игорь Васильевич зачем-то показал рукой, чтобы Игорь отошел в сторону, Игорь сделал послушный шаг вправо, но Игорь Васильевич помахал рукой еще раз, и в этом махании чувствовалось легкое раздражение; Игорь сделал еще один шаг вправо, при виде которого Игорь Васильевич удовлетворенно кивнул. Игорю это напомнило групповое фотографирование в школе, когда пришлый фотограф расставлял учеников по рядам и двигал их по своему усмотрению то левее, то правее.

Игорь Васильевич подошел к двери и на всякий случай проверил, закрыта она или нет. Дверь оказалась незапертой. Игорь Васильевич обернул к Игорю хмурое лицо, казалось, он почему-то не знает, куда девать Игоря. Приоткрыв дверь, Игорь Васильевич осторожно заглянул внутрь сплошной темноты. Из темноты раздался старческий голос, сказавший что-то торжествующее. Игорю показалось, что голос сказал: «А я вас ждал, ребята».

Изнутри дома послышался отчетливый одиночный хлопок, от которого собаки вокруг совершенно зашлись в лае, а к ним добавились голоса тех собак, которые до этого вовсе молчали. Игорь безошибочно опознал в хлопке выстрел и остолбенел, не зная, что делать, до этого он в перестрелки как-то не попадал. Игорь Васильевич метнулся внутрь дома и пропал, будто возле самого порога был открытый погреб, и он туда провалился. Игорь остался один на один с погодой, которая покачивала фонарем, поскрипывала дверью дома, обитой дерматином, и шумела в телеантенне на крыше. На открытых наличниках двух окон, обращенных к Игорю, были вырезаны геометрически выверенные цветы, краска с наличников давно слезла, и цветы эти, растрескавшиеся от времени, вызывали удручающее впечатление. Когда в одном из окон загорелся свет, Игорь даже вздрогнул от неожиданности. В окне, к облегчению Игоря, появилась фигура Игоря Васильевича, который жестами манил его внутрь.

Игорь прошел в дом. В сенях было неожиданно холодно, как в рефрижераторе, Игорь осмотрелся, не зная, куда деть себя в темноте. Дверь в жилое помещение угадывалась по узкой полоске света вдоль одного из дверных косяков и тускло светящейся запятой замочной скважины.

Задевая головой что-то вроде веников, подвешенных под потолком, Игорь пошел на свет. Если на улице было ветрено и мокро, а в сенях холодно и сухо, то в самом доме было жарко и слегка пахло углекислотой, как будто кто-то поднес Игорю под нос стакан копеечной советской газировки без сиропа. Игорь потопал по полу, обтряхивая снег с ботинок на связанный из разных тряпочек круглый половичок, похожий на мишень.

– Давай хоть форточку откроем, – предложил Игорь сходу, еще не видя ни Игоря Васильевича, ни допрашиваемого, – угорим ведь тут нахрен.

– Пей, давай, – не слыша его, приговаривал Игорь Васильевич из соседней комнаты.

Игорь пошел на голос по матерчатой длинной дорожке, тоже связанной из цветных тряпочек, оглядываясь по сторонам, чтобы запомнить все для отчета. Когда он оглянулся на дверь, то увидел, что под вешалкой, на которой висело несколько клетчатых пальто со звериными воротниками, стоит, аккуратно прислоненный между валенок и резиновых сапог, автомат Калашникова без магазина.

Половину комнаты занимала белая печь, занавешенная по верху чем-то вроде ситцевой шторки, именно от печи исходило нездоровое тепло, от которого становилось дурновато. Возле окна стоял стол, сделанный из толстых кусков дерева, толстых досок и покрашенный толстым слоем коричневой масляной краски, поблескивавшей от света голой лампочки. В углу был устроен деревенский умывальник, сделанный из какой-то зеленой пластмассовой посудины, вроде бы из детской лейки

или ведерка, прямо под умывальником находилось оцинкованное ведро, а на стене рядом с умывальником были присобачены на гвоздики: небольшое овальное зеркало с почерневшей амальгамой и полочка с бритвенными принадлежностями.

Внутри смежной комнаты была старая кровать, на ней Игорь Васильевич, держа за горло их клиента и наступив клиенту коленом на живот, вливал тому в рот воду, держа носик эмалированного белого чайника прямо у его рта. Клиент всячески отбивался, точнее, бился под Игорем Васильевичем, но видно было, что клиент уже выдохся. Несколько подушек, одна другой меньше, лежали на полу. Игорь зачем-то поднял их и положил обратно на кровать, в бессильно шевелившиеся ноги клиента с надетыми на ступни бурыми шерстяными носками. Одет будущий допрашиваемый был в черное толстое трико и клетчатый свитер, в таком виде он походил на пойманного врасплох альпиниста. Сходство с альпинистом добавляла ему еще окладистая борода, как у папы из мультфильма про дядю Федора.

Телевизор в углу был включен на канал «Рен ТВ», сквозь однотонный телевизионный бубнеж до сознания Игоря дошли слова «Нибиру» и «рептилоиды». Заметив внимание Игоря к голубому экрану, Игорь Васильевич сказал, не скрывая досады:

– Выруби ты эту шарманку, у меня от нее крыша едет.

Игорь стал искать глазами пульт, а Игорь Васильевич прошипел сквозь частое дыхание:

– Из розетки выдерни, елки-палки.

Когда стало тихо, Игорь Васильевич заметно успокоился, подождал какое-то время, глядя на круглый будильник на прикроватной тумбочке, затем отпустил клиента и уселся, опустив локти на колени, изредка вытирая пот со лба. Игорь стоял, не зная, куда себя деть со своим ведром. Хозяин дома остался лежать так, как его оставили, сил убегать и бороться, судя по всему, у него совсем уже не осталось. Телосложением клиент являл нечто среднее между Игорем и Игорем Васильевичем, выглядел чуть старше, чем Игорь Васильевич, но так могло казаться из-за того, что Игорь Васильевич намял ему бока.

– Уф-ф, – сказал Игорь Васильевич, весело глядя то на клиента, то на Игоря, – Хорошо, что Фила дома оставили. Он сторонник резких входов. Сейчас лежал бы в сенях с дыркой в пузе, вот была бы проблема.

Игорь подумал, что Игорь Васильевич тоже не особо церемонился перед тем, как войти, и то, что сам Игорь Васильевич не валяется, истекая кровью, – это просто случайность. Игорь не представлял, что бы он делал, случись что с Игорем Васильевичем. Телефона, чтобы вызвать «скорую», у них не было, да и «скорую» вызывать было бы, наверно, глупо.

– Еще хорошо, – добавил Игорь Васильевич, – что он из окна по тебе шмалять не начал. Тоже, знаешь, расклад не из приятных. Конечно, вряд ли он бы в тебя попал с первого раза, но если бы попал, было бы неприятно с твоей женой разговаривать.

– Ты где автомат-то взял, родной? – спросил Игорь Васильевич, обращаясь к хозяину дома, тот гордо промолчал, почему-то косясь на Игоря ненавидящим взором. – Вот ведь, блин, население. Так, вроде, посмотришь, мирные пейзане, а как-то раз бухал с какими-то слесарями, зашла речь об оружии, так почти у каждого в загашнике ствол припрятан. Главное, двое оказались конвоирами бывшими, сослуживцами из одного и того же поселка призванные, умудрились пистолеты из армии утащить. Я их спрашиваю, нахрена, они еще в семидесятые служили, когда и речи быть не могло о том, что может что-то случиться, ни там революции, ни другой какой байды. Они говорят, на всякий случай. Этот вот деревенский «всякий случай» меня до глубины души пронял. Может статься, что у кого и танк в стожке укрыт.

Игорь почти не слушал, он смотрел на человека, лежащего на кровати, и думал, что этот человек труп, а весь разговор Игоря Васильевича лишь для того, чтобы хоть как-то размыть ощущение будущего убийства. Игорь тоже ощущал не более чем некоторую неловкость от того, что произойдет после допроса. Он досадовал на человека, что с ним пришлось повозиться, чтобы успокоить, что тот лишь отсрочил свою смерть, мешая живым людям. Он смотрел на хозяина дома и, как ни силился, не мог уже воспринять его как живое существо. Игорь понял также, что сиди перед ними теперь женщина или ребенок, Игорь смотрел бы на них так же, конечно, с жалостью, ведь даже Фил с его об-

ширным опытом убийств в разных возрастных и гендерных группах населения особенно остро переживал убийства женщин и детей. Даже Игорь Васильевич не был равнодушен настолько, насколько пытался казаться. Но всего после нескольких допросов чувство жалости уже было вытеснено Игорем куда-то на сторону, как будто это была безумная война, где все могли убить сотрудников отдела, каждый, кто проживал в городе, был их врагом, кроме Олега, которого Игорь в глаза не видел.

Шагая по огородным сугробам обратно к забору, Игорь думал, что раньше его ужасал сам факт того, что они делают, теперь же его ужасало то, во что он превратился.

– Что-то ты опять какой-то задумчивый. – заметил его настроение Игорь Васильевич, – Я же ему даже маленький шанс дал на выживание. Задохнется от дыма – плохо, не задохнется – все, как ты любишь. Гуманизм во все поля.

– Его вообще можно было отпустить, – возразил Игорь. – Видно же, что человек невменяемый.

Дело было в том, что после допроса Игорь Васильевич заставил хозяина дома закурить, а потом вырубил его одним ударом и бросил окурок рядом с телом на кровать.

– Вообще-то, таких придурков нужно сразу убивать, безо всякого допроса, – изложил свою точку зрения Игорь Васильевич. – И так слышно, там стреляют, потому что к ним за яблоками в сад залезли, сям стреляют, потому что им машину оцарапали. Хорошо, что у него крышу сорвало к нашему приходу, а не тогда, когда к нему сосед за солью пришел.

– Ты, как Фил, всегда себя правым чувствуешь, да? – с досадой сказал Игорь.

– Не помню, чтобы Фил себя в чем-то правым чувствовал, – сказал Игорь Васильевич. – Но если ты о том, что я думаю, то да, чувствую себя правым. Это как врачу нужно чувствовать себя правым, когда он диагнозы ставит. Тут все-таки нешуточное дело, мы людей убиваем. Это, знаешь, серьезнее некуда. Тут без внутренней уверенности никуда. Говорят, что только подростки делят мир на черное и белое, так вот, у военных весь мир черно-белый, и нечего усмехаться – это правда. Сегодня эти друзья, завтра они же враги, и только у какого-нибудь лейтенантика, спивающегося от тупости окружающих вояк, возникнут сомнения, но лейтенантик пускай идет лесом и пьет дальше, военная машина пойдет и без него. Не это плохо, плохо, когда все государство превращается в военную машину, тогда добра не жди.

Молодой ждал их, подпирая собой капот «Газели» и дерзко покуривая по сторонам.

– Прекрасно, – сказал он, выбрасывая окурок, – Фила нет, так он тебе мозг полощет.

Игорь застенчиво поулыбался.

– Что там за хлопок был? – спросил Молодой. – Пациент отстреливался? Из чего?

– Из калаша, – коротко ответил Игорь Васильевич.

– А почему не очередями? – спросил Молодой.

– А вот, кстати, хрен его знает, – коротко задумался Игорь Васильевич, уже взявшийся за ручку двери. – Может, патроны берег, а последний на себя хотел оставить.

– Хорошо, что я с вами не пошел, – сказал на это Молодой.

– Можно подумать, – воскликнул Игорь Васильевич, не отцепляясь от дверной ручки, но и не открывая дверь, – что существует хотя бы маленькая вероятность того, что ты когда-нибудь с нами пойдешь.

Молодой молча проглотил сарказм Игоря Васильевича и полез в машину, отпихнув в сторону Игоря, и тот как-то усомнился в словах Сергея Сергеевича насчет того, что Игорь как-то положительно повлиял на Молодого своим появлением.

На обратном пути Молодой пытался начать какой-нибудь веселый разговор, подначивал Игоря и спрашивал, не будет ли его тошнить на этот раз. Игорь отмалчивался, отвечая только улыбками, которых все равно не было видно в темноте. На него нашло очередное отупение, и только когда стали проезжать поселок, Игорь слегка встрепенулся, разглядывая, ушел поезд из поселка или еще нет, хотя глупо было надеяться, что поезд простоит так долго. Поезда, и правда, не было.

– Нет, ребята, ну правда, это ни в какие ворота, – подметил Молодой, – туда ехали – молчали, обратно едем уже, опять отмалчиваемся. Хоть как-нибудь развейте тоску.

– Клоунов, что ли, нашел? – отозвался со своего места Игорь Васильевич. – Сейчас высажу тебя, будет тебе весело.

Игорь же не хотел разговаривать просто потому, что, хотя они и сделали ужасную вещь, ничего уже делать больше было не надо, кроме того, чтобы ехать обратно. Что после этого допроса новый допрос последует только через некоторое время. Поэтому можно было тупо наслаждаться отсутствием насилия в своей жизни и ехать, чуть проскальзывая спиной то влево, то вправо по скользкой спинке сиденья, в зависимости от того, прибавлял Игорь Васильевич скорость, либо притормаживал, и в зависимости от того, насколько ровным было дорожное покрытие. Ничего плохого случиться уже не могло. Жена все равно уже ушла. Убийство было совершено. Не нужно было запираться дома одному и предаваться мрачным размышлениям, потому что тут же дома был Фил, с которым можно было хотя бы обсудить то, чем они занимались в отделе, а не ходить, отбрехиваясь от жены и строя мрачные мины.

Стало холоднее, и пришлось закрыть все окошки в машине и включить печку.

– Я, кстати, от родителей все-таки съехал, – в отчаянной попытке завязать болтовню сказал Молодой. – Мы теперь с другом квартиру снимаем, живем, как вы с Филом, только без секса и, вообще, веселее. Потому что вы старые уже, и унылые, и на части разваливаетесь, а мы жжем по полной.

– Вы, главное, готовить научитесь, – тут же посоветовал Игорь Васильевич, которому тишина, видимо, тоже не давала покоя, – а то у меня знакомый так вот пожил на всю катушку в юности, теперь язву желудка лечит.

Молодой принялся делиться своими наивными впечатлениями от самостоятельного проживания, Игорь Васильевич стал делиться воспоминаниями о том, что делал он и его друзья, когда они были молодые. Игорь слушал их и думал, что Игорь Васильевич, скорее всего, о многом умалчивает, что в том возрасте, в котором находился Молодой, Игорь Васильевич наверняка уже успел повоевать и бог знает, что уже успел пережить. Игорь в возрасте Молодого уже обзавелся женой, которая пыталась забеременеть, потому что все ее подружки уже ходили с животами. Игорь вспомнил, как она бесилась из-за одной беременной знакомой, светившей животом на зачетах, и получавшей зачеты не за знания, а именно за этот живот. Он вспомнил, как два первых года семейной жизни они лаялись с какой-то особенной яростью, потому что Игорь ничего не понимал в женщинах, а жена его ничего не понимала в мужчинах, как родители с обеих сторон лезли в их семейную жизнь со своими советами и ругались друг с другом, споря, кто виноват, что у них до сих пор нет внуков. Молодой рассказывал о каком-то безудержном веселье при помощи «Чатрулета», а Игорь думал, что от той жизни, какая была пятнадцать лет назад у Игоря, Молодой поседел бы раньше времени.

Остро припомнив особенно острые пассажи семейных отношений в то время, например, как жена шарахалась по всяким литературным и художественным тусовкам, считая себя почему-то личностью творческой, или как она в течение года почти раз в неделю уходила жить к матери, Игорь пришел к выводу, что вся его нынешняя эмоциональная глухота, которая помогает ему переживать его теперешнюю работу, родом из того времени. По сравнению с теми бурями, что он пережил, веселая бубнящая болтовня о выходках Игоря Васильевича и Молодого не забавляла, не удивляла и не возмущала Игоря. В этой болтовне инфантильного лоботряса и головореза со стажем было нечто успокаивающее, что-то из другой жизни, куда Игорь не мог попасть даже случайно. Гудение автомобильного двигателя, гудение голоса Игоря Васильевича и высокий, но монотонный голос Молодого и близкая темнота за окном, в которой двигались только неясные пятна, и неясные пятна вместо освещения в самом грузовичке подействовали на Игоря успокаивающе. Игорь поставил ноги на бандуру Молодого, а тот так увлекся разговором, что даже не обратил на это внимания. Игорю показалось, что он задремал и слышал все, что говорят водитель и второй пассажир, но все-таки он уснул под этот треп и гудение, потому что совсем пропустил, как машина подъехала к отделу и как Ринат Иосифович сообщал невеселую новость.

Проснулся Игорь от того, что Молодой тряс его за плечо и вместо всяких «давай просыпайся и выходи», что стоило ожидать от Молодого больше всего, говорил, что умер Миша. Сначала Игорь вообще не понял, о чем говорит Молодой, затем до него дошел смысл его слов, Игорь почему-то подумал, что говорят о его сыне и сердце у него екнуло. Когда Игорь понял, что говорят не про его сына, у Игоря отлегло так, что он даже не почувствовал должной скорби. Продирая глаза и зевая, Игорь смотрел, как Игорь Васильевич, с опущенной, как у лошади, головой, слушает, что ему рассказывает

дрожащий на холоде и на нервах Ринат Иосифович. Трупов за эту ночь был явный перебор, это не укладывалось в голове никаким образом, потому что ничего не изменилось ни в погоде, ни в котельной. Игорь, воспитанный русской литературой девятнадцатого века, как-то привык, что природа реагирует соответствующим образом на состояние героев, но природа, от которой было на территории отдела только много снега, немного кустов и движение воздуха в одном направлении, какой была до того, как Игорь увидел Фила в последний раз уходящим внутрь котельной, какой оставалась, когда Игорь стоял на ветру возле деревенского домика, такой и осталась при их возвращении.

– Что случилось-то? – спросил Игорь у Молодого больше со злостью от своего пробуждения и открытых задних дверей машины, из которых разом выдуло все тепло, отчего Игорю стало зябко, и он затрясся точно так же, как Ринат Иосифович.

– Тебе же сказали, – ответил Молодой.

Игорь спрыгнул в снег и зачем-то подошел к Игорю Васильевичу, на котором не было лица, и Ринату Иосифовичу, который, возможно, выглядел бы веселее, если бы вместо Фила умер Игорь Васильевич с его вечным обращением «Ре́нат».

– Что за херня? – спросил Игорь. – От чего он умер-то? От грибов, что ли?

– Да какие, нахрен, грибы, – окрысился Игорь Васильевич, будто Игорь сморозил какую-нибудь неуместную глупость, или же был непосредственно виноват в смерти Фила.

– На инфаркт похоже, – более спокойно сказал Ринат Иосифович, – Сергей Сергеевич уже вызвал Олега, люди его приехали, похозяйничали, констатировали смерть от инфаркта и увезли тело уже.

– Ну, да, узнаю Олеженьку, – сказал Игорь Васильевич с горечью, – но он просто так не спрыгнет.

Игорь Васильевич твердой походкой удалился в помещение котельной, для того, чтобы добраться до телефона и высказать Олегу, что он о нем думает.

Дабы не стоять, как истукан, от таких новостей, Игорь сподвиг Молодого на то, чтобы утащить бандуру из «Газели» обратно в котельную. Молодой поартачился для вида, предлагая оставить все, как есть, только загнать машину в гараж, но, видно, сам не знал, что делать в таких случаях, и согласился, чтобы тоже чем-то себя занять.

После того как бандура была засунута в кабинет Молодого, отпыхивающийся Игорь заперся в своей каморке и несколько раз пересаживался с места на место: со стула на подоконник, с подоконника на край стола, с края стола опять на стул. Если бы Олег не увез труп Фила, еще можно было прийти и посмотреть, и поверить в эту смерть. Хотя Игорь сомневался, что решился бы на просмотр покойника, но, может быть, и решился бы, кто знает. Теперь же, когда в атмосфере той паранойи, куда они сами себя погрузили, можно было решить, что все это – очередная игра Олега, а Эсэс и Ринат в ней статисты, чья роль – сообщить ложь. С тем же успехом Фила могли перекинуть в какой-нибудь другой отдел или просто избавиться от него за ненадобностью. Игорь уже твердо решил для себя, что не будет верить ничему происходящему в отделе, если оно не будет происходить прямо у него на глазах.

И тут Игорь подумал, что на самом-то деле знал, что боль в левой руке может быть одним из симптомов инфаркта, потому что его дед умер точно так же, просто у Игоря не вязалось то, что Фил, находящийся почти в том же возрасте, что и сам Игорь, может умереть от какой-нибудь болезни сердца, как шестидесятидевятилетний сморщенный старикашка, сухощавый от лыж и пробежек по парку. Игорь отделял свою семью от других людей, хотя и знакомых, но все равно чужих. Эти чужие люди умирали как-то по-другому, не так болезненно для Игоря. Соединить симптомы Фила и деда Игорь не мог потому еще, что дед его не угорал по маленьким мальчикам, а был ветераном войны и труда, и в голове Игоря просто не укладывалось, что такие разные люди могут умереть от чего-то одного и того же. Тем более что дед был для Игоря совершенным каким-то авторитетом, а Фил вызывал иногда даже некоторое отвращение рассказами о своих приключениях в интернете.

Через несколько дней Игорь удивится рассказу Рината Иосифовича о том, что тот не чувствует горя по поводу смерти Фила. Однако в первые часы после известия об этой смерти он и сам-то как-то не очень переживал по поводу этой утраты, и когда пошел в курилку, чтобы не быть одному, – ведь по возвращении домой ему и так предстояло снова остаться в одиночестве, а в курилке стояли Игорь Васильевич и Молодой, причем у Молодого глаза были явно на мокром месте, – самому Игорю пришлось всячески корчить печальное лицо.

В курилке Игорь узнал, что отец Игоря Васильевича тоже умер похожим образом, тоже от сердечного приступа. Игорь Васильевич переживал, что не углядел за Филом, но Игорю теперь казалось, что это такая игра в скорбь. Игорь вспомнил, как в третьем, что ли, классе, один из его одноклассников навернулся с дерева вниз головой и весь класс заставили стоять в чем-то вроде почетного караула, и это было невыносимо ужасно, Игорь старался не смотреть на покойника, но краем глаза все равно видел зеленоватое пятно его лица. В итоге одну из одноклассниц во время такого стояния стошнило чуть ли не в гроб, и караул прекратили, но поволокли класс сначала на похороны, потом на поминки. На похоронах Игоря угнетали бабки-плакальщицы и родственники покойника, как бы соревновавшиеся в рыданиях, и мать умершего одноклассника, пытавшаяся залезть в зарываемую могилу. На поминках Игорь не успел сесть среди других детей, а попал почему-то за стол вместе со старушками, от одной из которых несло мочой, а от другой – каким-то прогорклым маслом, старушки совали Игорю какую-то еду, говоря, что чем больше Игорь съест, тем слаще будет покойнику на небушке. Это было еще хуже, чем стоять в карауле.

Потом был еще отец одноклассницы, повесившийся от несчастной любви к соседке по лестничной площадке. В караул никого не ставили, но на похороны и поминки потащили тоже весь класс. Опять были плакальщицы, опять женщина пыталась залезть в могилу, ее оттаскивали родственники, а она подгибала ноги и пыталась проползти по растоптанной глине до прямоугольной глиняной дыры.

Игорь испытывал облегчение от того, что в отделе такого не будет. Он был почти благодарен Олегу за утилизацию трупа, а особенно за то, что не будет плакальщиц, не будет поминок, а если и будут, то только сугубо в мужской компании, среди Игоря Васильевича, Сергея Сергеевича и Молодого. Игорь Васильевич сказал, что не даст никому из тех, кто с ним работал, пропасть без вести, как бы этого ни хотел Олег, что он уже давно приготовил специальные урны для праха – заказал у знакомого токаря контейнеры в виде гильз, и гильз этих в «Голливуде» лежит еще штук тридцать. Так что осталось лишь отнести контейнер знакомого гравировщику по металлу, для того чтобы он сделал нужную надпись, потом получить прах Фила, или то, что Олег принесет вместо этого праха. Прах Игорь Васильевич планировал передать вдове, как бы она ни относилась к покойнику при жизни, она имела право знать, что он умер. Из рассказа Игоря Васильевича Игорь почерпнул лишь одно: сам Игорь Васильевич не особо доверяет Олегу, и сам не особо верит во внезапную смерть Фила, Игорь Васильевич как будто точно знал, что если бы появился Олег и забрал Фила, а остальным приказал помалкивать – те бы точно не проговорились. Игорь тоже был в этом уверен.

Из-за этой неопределенности Игорь не стал спать дома с включенным светом либо включенным телевизором, как непременно бы сделал, если бы увидел труп Фила своими глазами, и не ударился снова в тщательную уборку всей квартиры. Чтобы доказать себе, что Фил не отравился собственным супом, Игорь съел этот суп и целый день ждал, как этот суп на него подействует. Само собой, суп не подействовал никак.

Игорь совершил ошибку, когда нарушил правило не смотреть местные новости после допросов. Местный телеканал рассказал про курильщика, уснувшего в постели и задохнувшегося дымом. Журналист серьезным, даже этаким озабоченным голосом говорил, что пожарная команда подъехала в течение восьми минут после того, как было замечено возгорание, но, к сожалению, мужчину шестидесяти трех лет спасти не удалось. Оператор показал комнату, покрытую копотью, черный от копоти телевизор, кровать с прогоревшим отверстием в одеяле, похожим на кратер потухшего вулкана, снимаемый с высоты. Про автомат Калашникова журналист умолчал. Даже через голос диктора было слышно, как лают собаки. Потом почему-то показали, как усталые пожарные курят возле дома под черным ночным небом. Один из пожарных дал короткое интервью, не интервью даже, а несколько реплик про то, до чего доводит халатность некоторых граждан. Монтаж обрывал слова пожарного на полуслове, Игорю это показалось оскорбительным. Ночная съемка придавала дому и окрестностям еще больше заброшенности и ужаса. Оказывается, между домом и дровяником были протянуты бельевые веревки, провисшие от времени, оператор, видно, в художественном порыве пустил их в кадр, и они, покрытые инеем, покачивались на ветру, подсвеченные фонарем камеры. Игорь не понимал одного, как соседи не услышали выстрел и при этом увидели дым.

Вопреки обыкновению, Игорь не сочувствовал погибшему от их рук человеку. Смерть или предполагаемая смерть Фила как-то задвинула это сочувствие, значит горе все-таки было, просто Игорь его не осознавал.

Глава десятая

Горе и обида на то, что остальные напились и веселятся, пришли к Игорю с его собственным опьянением. Игорю стало казаться странным, что люди смеются и шутят на поминках. Пускай до этого он и сам видел, как на других поминках люди начинали веселеть, отделавшись от трупа и как бы собираясь жить заново, поминки Фила должны были, по мнению Игоря, проходить как-нибудь не так. Он ожидал какого-то молчаливого пьянства с мрачными вздохами и насупленными армейскими лицами. Если Молодому еще можно было простить его легкомыслие, то от Игоря Васильевича и Сергея Сергеевича он такого никак не ожидал. Подогретый изнутри спиртом, Игорь сам уже не помнил, что отнесся к смерти Фила довольно прохладно.

И все-таки доля здравого смысла еще у него имелась, поскольку, несмотря на желание пристрожить коллег и даже прикрикнуть на них, он понимал, что ничем хорошим это не закончится. Он отчасти понимал, что лишь испортит всем настроение, что люди, с которыми он работал, скорбели все эти дни и, наконец, нашли отдушину в алкоголе, шутливых воспоминаниях о покойном. Что это прикрикивание на них будет расценено как повод для небольшой потасовки, а связываться с Игорем Васильевичем было глупо, с тем же успехом можно было просто скатиться кубарем по лестнице или самому удариться несколько раз мордой об стол.

Чтобы как-то унять разрастающееся раздражение от окружающих его в подсобке людей и облегчить тошноту от выпитого, Игорь поднялся со своего места за столом и, слегка покачиваясь, пошел наружу. Его никто не остановил, и это немного усилило его пьяную злость.

На улице было уже совершенно темно, только над входом в котельную горела небольшая лампочка под жестяным колпаком, как над крыльцом домика, где они побывали в последний свой выезд. Еще на снегу, чуть подальше фонарного светового пятна, мягко лежал свет из окон подсобки, где шла пьянка. Оттуда же, из окон, были слышны смех и неясная болтовня, причем такая, что где чей голос, разобрать было невозможно. На свежем воздухе тошнота Игоря слегка отступила, и ему сразу же захотелось закурить, хотя он знал, что стоит ему затянуться сигаретой, его снова начнет мутить. Тем не менее, он вытащил сигарету и закурил. Одной сигареты ему показалось мало, и он выкурил вторую. Тут голову его слегка закружило, Игорь привалился к кирпичной стене и закрыл глаза, чтобы унять подступающее вращение и жалея, что возле котельной не стоит никакой лавочки, чтобы на нее сесть. При том что до туалета было два шага, да и вообще весь заснеженный двор был в полном его распоряжении, Игорь, в каком-то порыве, оторвался от стены и полез по сугробам за гараж, где его начало немилосердно полоскать одной только водкой на цепочку кошачьих следов в снегу. Из Игоря выливалась одна только водка, потому что он целый день ничего не ел и ничем не закусывал.

После нескольких приступов рвоты Игорю полегчало настолько, что он стал различать за забором далекие огни города и неторопливое ночное шевеление автомобильных огней на городском мосту. Воздух, с запахом оттаивания, был невыразимо сладок. Покопавшись в сугробе, Игорь набрал тяжелого, как глина, снега и протер им свое лицо. Влажное лицо стал заметно обдувать ветер, похожий на теплый домашний сквозняк из открытой форточки. Зарекшись больше не пить, Игорь пошел в сторону котельной и только теперь заметил, что продрог, и попытался вспомнить, сколько он околачивался на улице. Еще он заметил, что ему за шиворот откуда-то нападала вода, и стал смотреть по верхам, где у котельной имеются сосульки или наледь, однако ничего такого ни у котельной, ни у гаража не было.

Игорь вернулся в подсобку, не в силах скрыть озноб, но никто не обратил внимания на то, что он пришел, как будто он и не уходил вовсе. Но теперь Игоря это не разозлило, в конце концов, поминки были не по Игорю, его уходы и появления и не должны были вызывать такого ажиотажа, как если бы в дверях появился покойник. Чтобы хоть как-то согреться, Игорь снова сел за стол и тяпнул из уже налитой рюмки. Ему сразу же захотелось включиться в разговор, но, как на грех, все почему-то,

вместо того чтобы продолжать беседу, замолкли, глядя, как Игорь сдерживает дыхание и переживает прохождение алкоголя по пищеводу.

– Игорь, все нормально? – спросил Сергей Сергеевич.

Игорь покивал в ответ и покрутил рукой, показывая, чтобы они продолжали прерванную беседу.

– Много всего, – обратился Сергей Сергеевич к Молодому, – вплоть до того, откуда берется это безумие потребительское, похожее на самоуничтожение. Но это только иллюзия самоуничтожения. Пока им здесь интересно, они будут это веселье общемировое только поддерживать то тут, то там. Нам остается только как-то пытаться их отлавливать и пытаться понять или пытаться с ними контакт наладить, потому что если мы их испугаем ненароком, и они все схлынут от нас – это катастрофа будет. Сколько сейчас населения? Шесть миллиардов вроде бы. Представь, что мы нашли оружие против них и стали его применять. Девяносто процентов от шести миллиардов – это...

– Пять миллиардов, четыреста миллионов, – машинально подсчитал Игорь, прежде чем Сергей Сергеевич залез в карман за телефоном, в котором, очевидно, был калькулятор.

– Вот, – тут же подхватил Сергей Сергеевич, – прикинь, пять с половиной миллиардов разом съезжают с катушек и становятся овощами, или того хуже, умирают в один день. Никто точно не знает, что происходит, когда они уходят из тела. Тут сразу эпидемии попрут и оставшиеся люди пострадают. Сразу насекомых и бродячих животных популяция скакнет в разы от того, что в короткое время целая куча дохлятины будет валяться прямо на улицах, потом они друг друга перекусают, начнется эпидемия бешенства, затем это все, конечно, схлынет, но эффект будет потрясающий, как ураган. Ты и сам должен это понимать. Одно утешает, мы еще очень мало этим занимаемся, они уходить не собираются, а тем более не собираются уходить сразу. Они, вон, подняли уровень жизни в некоторых местах планеты, так что вроде не совсем они бесполезны. Несомненно то, что они паразиты. Но паразитов не может быть большинство. Уже нас можно считать за паразитов обычных людей, а не кораллы эти космические.

Сергея Сергеевича заметно развезло, и это не было удивительно, поскольку пил он почему-то больше всех. Это было удивительное, непривычное взгляду Игоря армейское опьянение, о котором он, в основном, только слышал, но редко наблюдал вживую. Он слышал, как некоторые офицеры практически непрерывно пребывали в таком состоянии чуть ли не годами, практически не теряя лица и поднимаясь по армейской карьерной лестнице, пока их не скашивала белая горячка. Лицо Сергея Сергеевича, и без того красное, стало еще краснее в некоторых местах, как то: нос, щеки, верхние части ушей; на лбу его проступил пот, а в речи стал угадываться этакий командный напор, будто Сергей Сергеевич стоял на плацу и своим голосом продавливал толстоту окружавшего его воздуха. Иногда это было настолько громко, что Игорь ловил себя на том, что невольно морщится. Морщился так же и Молодой. Игорю Васильевичу же было, видно, не привыкать к таким интонациям, и он даже несколько развязно, как бы даже слегка развалился по столу своими локтями.

– Я вот даже думаю, – продолжал Сергей Сергеевич, – вот это все безумие окружающее, оно откуда пошло? Это они от нас переняли, или мы им от них заразились? Взять нашу страну к примеру. Сколько лет боролись с коммуналками, пытались отделить себя от соседей, от общежития, от кухни общей, от очереди в туалет и ванную. Вроде бы только все разрешилось, и на тебе, появились социальные сети, которые по сути дела та же самая байда. Вроде бы люди столько лет боролись за закрытость, за одиночество, за какую-то свою будку, куда никто не смеет влезать. И тут же со всеми своими болячками лезут в интернет и готовы обсуждать то, что раньше шепотом обсуждали бы только их соседи по коммуналке или во дворе. Это ужас, что творится. И ладно бы анонимно, как к врачу сходить, я не знаю. Ну блин, нет ведь. Лезут под своими именами и фамилиями, со своими фотографиями. Это наше человеческое, интересно, или это их, коралловое? Лет двадцать назад эти же люди бы в ужас пришли от мысли, что их семейный альбом посмотрят хотя бы сто человек, а сейчас только в путь.

– У меня зять такой, – поделился Игорь Васильевич, – он на всех фотографиях почему-то в семейных трусах, хрен его знает почему, но так выходит. Даже к друзьям ездил на зимние шашлыки, все в шапках, куртках, а он в сапогах и труханах. День города, он опять в трусах в городском пруду, и все это «вконтакте» лежит. День десантника, другие купаются в одежде, нет, на нем опять только берет, гитара и трусы. Я ему говорю, ты еще на столбы возле своего дома нацепи своих фоток, он только

ржет. Про дочь я вообще молчу. Как она в Турции и Египте фотографировалась и ее камнями мусульмане не закидали – не понимаю. У меня, прогрессивного советского человека, и то такое желание возникло, когда она показывала фотографии и видео, как они весело отдыхали.

Сергей Сергеевич согласно покивал.

– Это, конечно, банальность, что я сейчас скажу, – сказал Сергей Сергеевич, – но раньше народ, несмотря на тоталитаризм, вроде как все равно сопротивлялся, чтобы за отдельным человеком следить, нужно было кучу времени потратить, а сейчас к нему на ленту заходишь – и все, можно чуть ли ни по минутам воссоздать его жизнь, координаты его телефона отследить – и можно еще больше узнать. Даже Андропову в самом страшном сне не могло присниться, что граждане добровольно на себя датчики по отслеживанию их в пространстве будут таскать и сами на себя стучать будут. У него бы разрыв шаблона случился от такой научной фантастики. Он бы сказал, что таких идиотов не бывает и быть не может.

Игорь возразил:

– Но ведь если вы сами на эту работу пошли, вы же знали, что вас все время будут отслеживать. Вы же согласились, чтобы вас и дома, и на работе слушали и смотрели. Как у вас вообще крыша выдерживает: знать, что существует круглосуточная слежка, да еще столько лет. Я вон еще года не проработал, а уже на голову это слегка давит.

Сергей Сергеевич какое-то время непонимающе смотрел на Игоря, потом протянул:

– А-а, ты об этом. Так про это забываешь. Да и не думаю, что кто-то круглосуточно прямо-таки смотрит. Ты не Смоктуновский, чтобы на тебя смотреть. Тем более работа такая. Вон, в магазине охранники что-то не особо греются, что на них камеры направлены. А ведь граждане некоторые специально камеры в своей квартире устанавливают, и оттуда ведется круглосуточная трансляция. Ты бы так смог? Чтобы не отдельные люди на тебя пялились, а кто захочет? Как тебе такое? Я говорю, безумие какое-то царит, противоречие самим себе на каждом шагу. Орут про свободу частной жизни, и сами вывешивают камеры. Кричат про свободу слова, а сами иногда ветки трут с обсуждениями, где высказывается мнение, отличное от их собственного. Или взять Мишины заскоки. Ладно, Миша, хрен с ним (хотя нехорошо так о покойном), но взять нормальных людей. Почему-то население так возмущается фотографиями голых детей, как будто это невесть что. По идее, голый какой-нибудь ребенок не может не вызывать у обывателя ничего, кроме умиления, если с ним не творится какая-нибудь мерзость, если, грубо говоря, в кадре нет взрослого хера. Но нет, люди так возмущаются, будто единственное, что удерживает всех в узде, – это десять лет строгого режима, а иначе трахали бы прямо в песочницах. Так возмущаются, будто они блюдут целибат, а кто-то его нарушил. Или взять телевидение, которое чем бы ни занялось, тут же занимается пародией на самое себя, как бы оправдывая себя этой пародией от того, чем оно занималось до этого. Про политику я и говорить не хочу. И опять же к интернету возвращаясь. Это прямо ад. Васильич вон куда-то влез, а его какой-то бывший вертухай, пороху не нюхавший, стал учить Родину любить, а какой-то сержант запаса стал угрожать, что когда СССР два-ноль запилят, он таких, как Васильич, будет к стенке ставить, запишет Васильича в штарфбат и будет гнать его на вражеские доты.

Игорь Васильевич, зачем-то потупив глаза и зардевшись, смущенно засмеялся.

– Причем понятно, – горячился Сергей Сергеевич, – что эти люди, которые слюной брызжут и предателей выискивают повсюду, если сменится власть, будут первыми в очереди стоять за аусвайсами и повязками полицаев, но как им это доказать, когда, может, им и доказывать ничего не надо, потому что они играют во все это, когда, может, это и не люди вовсе.

– Вот вы меня за либерализм все время в говно макали, – вступил Молодой, как только Сергей Сергеевич замолк, чтобы унять эмоции или перевести дыхание, – а сами только что, можно сказать, сами из него вещаете, только пыль столбом стоит.

– Весь твой либерализм, именно твой, Саша, и твоего поколения, не знаю, как у других, держится только на бедном житейском опыте и вере в то, что все люди – братья, – сказал Сергей Сергеевич с новым напором. – На вере в то, что людей можно переубедить правильным слоганом и демотиватором, красивым флешмобом и фразами на кухне, что Путин-пидор что-то там душит. А люди нихрена не братья, Саша и никогда ими не были, за исключением редких случаев человеколюбия. Дружба

братских народов держалась только на штыках и уверенности, что если начать межнациональный или еще какой замес, то люлей огребут все без исключения. Можно делать вид, что люди равны и имеют одинаковое право на то, другое и третье, но чем больше делаешь вид, тем сильнее растет напряжение в обществе, потому что нигде люди не равны и не имеют равных прав, а имеют только лазейки к этим правам. И бабахнуть может там, откуда и не ждали. Есть только сиюминутные предпочтения толпы и пулеметчики на вышках, а законопослушный гражданин должен держаться между двух этих огней, чтобы к нему ночью не постучались.

– Кстати, – перебил, засмеявшись, Молодой и полез в свой телефон, – кстати, про ночь. Мне вчера ночью сразу несколько писем пришло на электронку. Художники как-то пронюхали мой имейл и сразу несколько посланий кинули.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался заскучавший было Игорь Васильевич.

– Вот! – сказал Молодой. – А нет, это не то... Вот! «Уважаемый!»

– Уже смешно, – заметил Игорь Васильевич.

– «Уважаемый!», – отмахнулся от него Молодой. – «Художникам области досадно и только. Если». Тут письмо обрывается, видно, не очень трезвый человек написал и отправил. За ним сразу же следующее. С большим пафосом, видно, пафос нарастал вместе с градусом, как у нас сейчас. «Унизить художника, оскорбить деньгами и троллить его». И опять его не надолго хватило.

– А что за «троллить»? – спросил Игорь Васильевич.

– Кстати, да, – поддержал его непонимание Сергей Сергеевич.

– Ну, это, короче, – Молодой, глядя в потолок, отчего едва не навернулся с табурета, завертел рукой с телефоном, подбирая слова, – это как бы синоним словам «провоцировать» и «злить».

– Напридумывают же херни, – переглянулся с кивающим Игорем Васильевичем Сергей Сергеевич.

– Да ну вас, – огрызнулся Молодой.

– Что-то пока не очень веселые письма, – признал Игорь Васильевич. – Я, знаешь, ожидал какого-нибудь интеллигентского откровения, чтобы потешить мою грубую солдатскую душу, что я не такой дебил, как они. Ну, знаешь, чтобы сразу доходило, чтобы пробирало этой сквалыжностью и внутренней гнильцой, как от сыра.

– Ох ты, елки-палки, – видимо удивился метафоричности Игоря Васильевича Сергей Сергеевич. Игорь тоже удивился тому, как Игорь Васильевич оформил свои ожидания от писем художников, поэтому пролил часть водки, которую разливал уже себе сам, не дожидаясь Молодого, что было не совсем по алкогольному этикету, но Игорь был уже в таком состоянии, что ему было все равно, как о нем подумают старшие товарищи.

– Такое у меня тоже есть, я к этому и подхожу, – с досадой на общее нетерпение сказал Молодой. – Вот. Оно спустя несколько часов пришло, там еще несколько есть, я самое просто мощное выберу, чтобы вы не заскучали. Я первые прочитал просто, чтобы вы оценили внутреннюю борьбу и метания художника.

Все замерли, как в театре, когда поднимается занавес. Водка, которую тяпнул Игорь во время этой паузы, не пошла впрок, а как будто зависла в пищеводе, как бы даже просясь обратно, но он не смел закашляться и только прижал горячий кулак к онемевшим губам, борясь с новым приступом тошноты.

– «Здравствуйте», – начал Молодой. – «Поскольку я не запомнил вашего имени и не знаю, как вас теперь называть, то и своего имени я тоже называть не буду, чтобы не ставить вас в неловкое положение».

Игорь Васильевич и Сергей Сергеевич довольно ухмыльнулись, видимо, получая какое-то свое эстетическое наслаждение от начала чтения Молодого.

– «Мне странно слышать...» – продолжил Молодой, – «...про успехи западного авангарда по сравнению с авангардом советского времени и нашим нынешним авангардом, когда совершенно точно признаны западом такие фамилии, как...»

Молодой начал перечислять фамилии, и это заняло у него минуты три, а в это время каждая новая фамилия вызывала у Игоря Васильевича и Сергея Сергеевича все более интенсивные ухмылки;

Игорь не понимал, чему они ухмыляются и почему даже как бы с нетерпением ждут, когда Молодой озвучит следующую фамилию.

– Ужас, – признался Игорь Васильевич, когда Молодой остановился перевести дух, – прямо какой-то черный список черносотенца.

– «А также широко признанные на западе местные художники», – передохнув, процитировал Молодой.

– Так это еще не все фамилии? – изумился Игорь Васильевич; Молодой, улыбаясь экрану телефона, сделал жест, чтобы Игорь Васильевич не шумел, и начал перечислять фамилии, но на этот раз уже с инициалами. Одних только Ивановых попалось штук пять, среди них двое «Ивановых А.И.».

Когда фамилии кончились, заинтересованный Игорь Васильевич спросил, точно ли Ивановых А.И. было двое, или Молодой окарался при чтении; Молодой подтвердил, что двое.

– Я не столько удивлен, что там столько Ивановых, сколько тому, что они там вообще есть, – сказал Сергей Сергеевич.

– Нет, ты не понял, Сергеич, всю соль этого списка, – возразил Игорь Васильевич. – Человек не зря упомянул двух Ивановых А.И. Это, по-моему, типа открытого письма. Полемика с откормленным мурлом пещерного капитализма в лице Саши. Там же у них небось иерархия почище, чем в армии, и если бы тот, кто это написал, упомянул бы только одного Иванова А.И., сразу бы стало понятно, какого Иванова он имеет в виду, а второй бы точно обиделся и перестал руку подавать. Уже двадцать лет нет Советского Союза, а свободные художники до сих пор по привычке по струнке ходят. Это просто феерия какая-то. Если бы сейчас ФСБ не было, они бы его придумали и продолжали бы страдать под его гнетом.

После этих слов Игорю почему-то стало очень обидно за художников, и он хмуро сказал нескольким столбикам табачного пепла, лежавшим возле его ног на полу, что, пожалуй, пойдет. Плитка была из вездесущих советских плиток, которыми отделывали все подряд, она казалась очень желтой, очень мелкой, от нее рябило в глазах. Игоря как-то сразу услышали, зауговаривали, чтобы он остался, а иначе уснет где-нибудь по дороге в таящем сугробе, а когда приморозит, то просто застынет насмерть или подхватит воспаление легких.

– Возьми хоть машину, просто едь аккуратно, – предложил Сергей Сергеевич, – или давай такси вызовем.

– Какое такси, – упрямо сказал Игорь, – нас на карте нету. Я в первый день еле нашел.

– Это да, – согласился Сергей Сергеевич, – но возьми машину все-таки, на улицах все равно никого нет, покатишься потихонечку.

– Да ну в баню, – сказал Игорь, поднимаясь, – ладно, если в столб какой въеду, а если угроблю кого-нибудь.

Когда он потом вспоминал, как уходил, то решил, что вряд ли высказался так категорично и так членораздельно, просто память подкладывала ему этот кусок разговора именно так. Скорее всего, он встал и промямлил что-нибудь нечленораздельное, а его поняли именно потому, что сами были в том же состоянии, что и он сам, и казались чуть более подвыпившими, чем просто подвыпившие, хотя на самом деле все были пьяны практически в дым, потому что иначе удержали бы его от столь опрометчивого шага, как хождения в пьяном виде по промзоне и улицам ночного города. Следующее, что Игорь помнил, – это как он шел по подтаявшей за день и заледеневшей за ночь дороге и несколько раз падал в сугробы по бокам дороги, казавшиеся мягкими, а на самом деле очень твердые, так что Игорю оставалось только охать, когда он в них бухался. Игорь помнил, что пожалел, что не послушался Игоря Васильевича и не поехал на машине. На трезвую голову Игорь сообразил, что будь сугробы мягкие, то он и остался бы в первом из них до утра.

Каким-то чудом его наконец вынесло на городской тротуар, поэтому идти стало легче. Холодный воздух и боль в ребрах от многочисленных ушибов придавали Игорю иллюзию некоей трезвости, за которой обычно следует девятый вал совершенного беспамятства, и в том состоянии, в каком Игорь был в тот момент, Игорь это осознавал, поэтому пытался добраться до дома как можно быстрее.

Дважды ему попался один и тот же полицейский автомобиль, объезжавший улицы в поисках криминала, и в первый раз из автомобиля поинтересовались, все ли с Игорем в порядке и не пьян

ли он, на что Игорь ответил, что с ним все в порядке, хотя он действительно пьян. Второй раз, когда Игорь закурил на ходу, автомобиль нагнал его, и оттуда спросили, не найдется ли у Игоря лишней сигаретки. Игорь нашел и лишнюю сигарету, и зажигалку, патрульный поблагодарил Игоря, Игорь в свою очередь полюбовался почти семейной сценкой из жизни полицейских, когда один из полицейских стал вменять второму в вину, что пора бросать курить, что все уже провоняло табаком, что все уже бросили, что даже от бомжей пахнет не так противно, как от табачного дыма, на что курящий полицейский предложил некурящему целоваться тогда с бомжами, а Игорь заулыбался на все это и продолжил свой путь.

Промилле в его крови отлакировали город в его глазах до степени, когда город стал казаться сказочным местом, полным свежего весеннего ветра и чуть ли не огней Бродвея. Изредка мимо проезжали быстрые, словно взмыленные машины с одинаковым бумканьем громкой музыки внутри, и блики уличных фонарей скользили по их гладким бокам и черным стеклам, веселая компания молодых людей, попавшаяся Игорю навстречу, поинтересовалась, не нужна ли Игорю помощь, Игорь отказался от помощи и сказал, что живет недалеко, на что ему сказали «ну и хорошо».

– Вы хоть и пришельцы, но все равно нормальные ребята, – сказал им на это Игорь, а молодые люди рассмеялись и пошли дальше, а когда Игорь оглянулся им вслед, кто-то из компании прощально помахал ему рукой, а Игорь ответил ему тем же.

Когда Игорь, радуясь такой благостности, царившей повсюду, вышел на блестящие в темноте трамвайные рельсы проспекта, как по заказу подоспел неизвестный трамвай, и оттуда спросили, не подвезти ли Игоря.

– Это смотря куда вы едете, – сказал Игорь.

Оказалось, что трамваю с Игорем по пути, поэтому Игорь полез в совершенно пустой салон, светлый от ламп настолько, что улицы совершенно не было видно за черными стеклами, пока Игорь не занял место у окошка. Радуясь, что сократил почти половину своего пешего пути, он стал глазеть на вывески и деревья с неожиданной высоты общественного транспорта, от которого совершенно отвык за те годы, пока раскатывал на машине.

И только почти у самого дома его, как ему показалось, застигла небольшая неприятность, которую он, как ему опять же показалось, разрешил в свою пользу. Самое интересное, что от трамвая до дома нужно было пройти небольшой проулок, самое интересное, что неприятность могла его застигнуть на любом отрезке пути, а встретилась практически на пороге. Именно в этом проулке его встретили два каких-то хмыря и попросили закурить. Это были именно хмыри, как их представлял Игорь, у одного на руке была наколка, у второго были четки, которые он не переставал крутить, поэтому в том, что будет дальше, у Игоря не оставалось никаких иллюзий.

Игорь протянул сигарету парню с наколкой, а парень с четками сразу же поинтересовался, не найдется ли второй сигареты и для него. «Конечно-конечно», – кротко сказал Игорь, дал сигарету и второму, а когда парень с наколкой начал прикуривать, и лицо его, покрытое короткой щетиной, поблескивавшей в близком газовом огне зажигалки, как-то по-особенному для Игоря выступило из полумрака, Игорь во внезапном даже для себя порыве почти классовой ненависти что есть силы ударил в это освещенное газовым огнем лицо. От внезапного удара парень с наколкой кувырнулся через низкую ограду детской площадки. Не дожидаясь, пока опомнится второй, Игорь ударил и его, а когда тот лишь удивленно пошатнулся от удара, добавил еще несколько ударов в голову и туловище, потом зачем-то отопнул четки подальше, будто это был пистолет, и некоторое время переводил дыхание, не в силах идти, и разглядывал руки, расцарапанные об чужую щетину. В сумраке костяшки на кулаках казались черными от крови.

Игорю показалось, что он только моргнул, а ему уже непонятно было, почему в глаза ему ударил яркий белый свет, от которого он зажмурился и заслонился рукой. Вокруг происходила какая-то возня и беготня, Игорь не мог пошевелить головой, потому что на шее у него было надето что-то твердое, что он стал царапать это твердое ногтями. Игоря, удивленно вскрикнув, схватили за руки и за ноги.

– Вот ведь живучий, падла, – сказал кто-то женским голосом.

Игорь проморгался, привыкая к неожиданному свету, и увидел, что поперек его груди, как пригретая змея, лежит женщина в зеленоватой форме, а в ногах стоит здоровенный молодой парень в форме мягкого синего цвета.

– Я в дурдоме? – почему-то сразу определил Игорь.

– В некотором смысле – да, – сказал молодой парень. – Прямо вот сразу вы как-то определили профиль нашей больнички.

– Успокоился, больной? – спросила женщина.

– Ну, как бы да, но только мне дышать трудно, потому что вы на меня уселись, – сказал Игорь.

Женщина слезла с него и стала переводить дыхание, а молодой человек вышел из поля зрения Игоря, и было слышно, как он куда-то идет по длинному коридору и что-то оживленно рассказывает еще кому-то в этом коридоре, но что именно, Игорю было не разобрать.

– Так я где? Правда в психушке? – спросил Игорь у белого потолка, по которому проходила непонятная серая рябь.

Игорь скосил глаза в сторону пропавшей медсестры или врача, он еще не знал.

– Да какая психушка? – ответил женский голос, – обычная травма. На вас глыба льда с крыши упала, вас еще в марте привезли. Сначала внизу держали, потом пришел ваш начальник и сказал, чтобы вас в палату для выздоравливающих перетащили, при том что вы в сознание не приходили. Потом у вас пневмония разыгралась, и все уже решили, что вы отмучились.

– Так и шевелит? – послышалось в коридоре еще один голос, и в поле зрения Игоря появился другой человек в белом халате.

– И руками и ногами? – куда-то в сторону от Игоря удивлялся молодой человек в белом халате, – и говорит? Это точно он, которого фээсбэшник заставил снизу поднять?

– Он. Он. Что вы, сами не видите? – ответили ему со стороны.

– Ну, это вообще, конечно...– сказал человек в белом халате, дивясь на Игоря.

Игорь в свою очередь удивлялся, глядя на доктора, своей телепортации из темного переулка в светлую больничную палату.

– У вас прямо девять жизней, – сказал человек в белом халате, – вас мне отдали, потому что за вами никто не обращался. Вас только и навещали иногда два парня каких-то, которые вам «скорую» вызвали, по идее, послезавтра должен кто-нибудь из них прийти. Это для них приятный сюрприз будет, потому что я их уже разочаровал в своих медицинских способностях, когда сказал про неблагоприятный прогноз. Они уже как бы обрисовали мне ситуацию и объяснили, в какой район города мне лучше не ходить в светлое, а тем более в темное время суток. Это друзья ваши?

– Я думал, что не друзья, – ответил Игорь, соображая, почему никто не догадался заглянуть в его документы, потом решил, что те гопники, которые оказались вроде бы не гопниками вовсе, могли вытащить у Игоря кошелек, что, может, и глыбы никакой не было, а просто Игорю хорошенько дали в тыкву, стали шарить в карманах, нашли ФСБ-шные корочки и вызвали скорую. Но это предположение как-то не складывалось в логичную картинку, гопники могли просто взять с Игорева тела кошелек и телефон и спокойно уйти.

Человек в белом халате продолжал что-то удивленно говорить про основание черепа, а Игорь внезапно вспомнил, что не забрал телефон из своего кабинета и не надел обратно пиджак, в котором были и ключи от дома, и документы, и кошелек. Из Игоревой груди вырвался стон отчаяния о своей безграничной глупости. Человек в белом халате прекратил оптимистичные речи и тревожно осведомился, все ли в порядке.

– Со мной-то все в порядке, я представляю, что на работе творится и дома, – сказал Игорь. – Все, наверно, думают, что я в бега подался.

– Да нет, – обнадежил человек в белом халате, – с вашей работы появился человек. Корочками махал так, что аж сквозняк стоял по коридорам. Или это не с вашей работы?

«Наверняка Игорь Васильевич», – подумал Игорь.

– С моей, с моей, – ответил он человеку в белом халате, – как его звали? Не Игорь Васильевич, случайно?

– Неееет, – уверенно протянул человек в белом халате, – отчества я не помню. Но точно не Игорь. Его Олег звали.

Странной тревогой дохнуло на Игоря откуда-то изнутри него самого.

– А долго меня еще здесь продержат? – резко спросил Игорь.

– Ну, с месяцок-то точно вам тут зависать, – уверенно констатировал человек в белом халате.

– Да вы с ума сошли! – воскликнул Игорь и снова попытался встать, и снова женщина в зеленоватом костюме навалилась ему на грудь, молодой человек в синем, взявшийся словно ниоткуда, ухватил его за ноги.

– Вы только успокойтесь, вам нельзя волноваться! – с отчаянием в голосе проговорил человек в белом халате из-за плеча пыхтящего санитара в ногах Игоря. – Если положительная динамика целиком подтвердится, вас, может быть, выпишут еще раньше! Ради бога, успокойтесь, никто вас тут насильно держать не будет!

– Позвонить я хотя бы могу отсюда? – спросил Игорь из-под женщины в зеленом.

– Так, что здесь происходит? – спросил еще один голос с той стороны, куда все удалялись и откуда все приходили. Это был строгий взрослый голос, в отличие от тех голосов, которые окружали Игоря в палате до этого.

Хотя больница и не была армией, но при звуке этого голоса человек в белом халате выпрямился по стойке смирно, словно был младшим офицером, встретившим генерала, женщина в зеленом тоже спрыгнула с Игоря, а парень в синем, продолжая держать Игоря за ноги, как-то исхитрился сделать стойку в сторону двери и стал есть вошедшего человека глазами.

Когда вошедший появился в поле зрения Игоря, тот и сам окаменел, но, возможно, вовсе не из тех побуждений, какими руководствовался медперсонал. В седоватом, худом сердитом докторе Игорь совершенно точно узнал скучающего дежурного врача, который выпросил у него на ночь сборник рассказов Зощенко, когда восьмилетний Игорь лежал в больнице с аппендицитом и после аппендицита. Это было так удивительно, что Игорь на время потерял дар речи.

– Что вы скачете? – рявкнул доктор на остолбеневшего Игоря. – Детство в жопе заиграло? Может, вас тогда в детское отделение перевести? Так вам там второй раз голову свернут, и ничто уже не поможет.

– Быстро все покинули палату, – тоном приказа констатировал доктор.

Медсестра, пыхтя то ли от обиды, то ли от усталости, вызванной дважды проявленным усердием, выскочила из палаты, как будто ее пнули, молодой человек в белом халате исчез с той же скоростью, и только парень в синем все продолжал держать Игоря за ноги.

– Вас это тоже касается, – глянул на него доктор, и парень в синем изобразил ту же пантомиму, что медики до него. – И дверь за собой закрой поплотнее.

– Чудо, бля, – негромко сказал доктор, глядя на Игоря, и непонятно было, что доктор имеет в виду, Игоря ли, или свою команду.

– Так я могу позвонить? – спросил Игорь, когда молчание растянулось для него до совсем уже невыносимого, а начинать разговор с детских воспоминаний было совсем уже дико.

– Это вы у Олега спросите, можно вам звонить или нельзя, это ваши с ним дела. А остальных в это впутывать не нужно, – сказал доктор твердо. – Вы сами-то хоть знаете, во что вы ввязались, раз вас с того света насильно вернули?

– В смысле «насильно»? – слегка возмущенно поинтересовался Игорь, ему было странно слышать такой скепсис от человека, посвятившего себя медицине.

– У меня времени не много, но я скажу, хотя вы и притворяетесь, что ничего не понимаете, – сказал доктор. – Что теперь? Будете по гроб жизни Олегу обязаны? Только знаете что? Если Олег такой замечательный, почему бы ему еще раз по всему отделению реанимации не пройтись? Почему бы ему еще потом в онкоотделение не заглянуть напоследок? А то как-то совсем уже некрасиво получается. Вам и так все с рук сходит, а если вас еще и воскрешать начнут, то это вообще вне пределов справедливости.

– Вы про какую справедливость говорите? – пискнул Игорь почти испуганно. – Последнее, что я помню, как я кулаками махал в темном дворике, очухался здесь, на меня все накинулись, как на новогодний подарок, тут вы появляетесь и кидаете какие-то непонятные предъявы, позвонить не дают, попрекают знакомством с Олегом, хотя я его в жизни не видел, все время, пока я здесь лежал, меня только гопники с моего района и навещали. Какая тут справедливость? Я вообще ничего не понимаю.

– Обычная человеческая справедливость, – с нажимом сказал доктор. – Очухался после че-эм-тэ, будь добр приходить в себя еще пару месяцев вне зависимости от того, кем ты был до травмы, если уж

умер – то умирай, вне зависимости от звания и касты, к какой принадлежишь. Вы ведь кастой себя отдельной считаете, так ведь? Элитой, блин. Учителя, врачи – так, говно на палочке?

– То есть вы меня упрекаете в том, что я не умер? Спасибо большое, – слегка вскипел Игорь.

– Я не упрекаю вас в том, что вы не умерли, – сказал доктор с прежним нажимом, – вы как раз таки умерли. Ваш мозг был мертв, однозначно мертв, безо всяких оговорок. Вопросом нескольких минут было подписать необходимые бумажки и отключить вас от аппарата искусственной вентиляции. И если бы Олег не появился, вы бы уже месяца полтора кормили бы червей, и что-то мне подсказывает, что вы этого заслуживали. Я упрекаю вас в том, что вы ожили, после того, как Олег вас навестил. А чудес не бывает. Ни один родственник еще не вернул к жизни человека сидением возле него в палате. Олег вам, получается, ближе, чем мать, раз он такие штуки выделывает. Но и это еще не все. Ладно, вы ожили, но ведь вы, кроме того, совершенно здоровы. Я ничуть не сомневаюсь, что вы прямо сейчас можете встать и уйти из больницы на своих двоих. Олег уже пару раз демонстрировал этот прекрасный номер, но только для своих сотрудников. Радуйтесь, что при вас ваших корочек не было, иначе я бы такое добавил к вашей травме головы, что никто бы не помог.

Игорь вспомнил, что доктор был несколько злобен, когда брал сборник рассказов Зощенко, собственно, Игорь и дал их ему почитать, потому что слегка испугался его сумрачности и тихого, слегка змеиного голоса. Вряд ли можно было задобрить доктора воспоминаниями детства, но и такой прием на этом свете терпеть было уже невыносимо.

– Я вас, кстати, помню, вы в больнице дежурили, когда я там лежал еще ребенком, вы таким же козлом были, как сейчас, только тогда вы меня еще могли напугать, а сейчас тупо бесите, – высказался Игорь. – То, что вы сейчас брызгали слюной о справедливости, так я ее не выбирал, я даже не знал, что меня кто-нибудь будет с того света вытаскивать. Я, честно сказать, думал даже, что, наоборот, меня мои коллеги когда-нибудь и порешат. И зная их, я не совсем уверен, что меня воскресили на такой уж большой промежуток времени.

– Опять фимозный, что ли? – так неожиданно спросил доктор, что Игорь растерялся в очередной раз.

– С фимозом, говорю, лежал? – уточнил доктор. – Я в педиатрии халтурил и много, вроде, чего делал, но из других пациентов никто не помнит, что я там был, только поток фимозных не иссякает. Такое чувство, что их миллионы и у всех них хорошая память на лица. Я кого-нибудь из них когда-нибудь придушу.

– Я с аппендицитом лежал, вы у меня книжку Зощенко взяли, – сказал Игорь, надеясь, что это как-то освежит память доктора.

Злобная рожа доктора на миг озарилось каким-то добрым светом.

– Самое интересное, что Зощенко помню, – сказал доктор, – а значит, и тебя помню частично, потому что возле тебя какой-то придурок малолетний терся и специально тебе какие-то байки смешные травил, его забавило, что тебе смеяться было трудно из-за швов, и я ему пару лещей прописал, чтобы он больше так не делал. Но, вообще, педиатры, конечно, святые люди. Какой-нибудь педиатрией заведовать, это как если бы были целые мужские отделения, и там были бы краны с горячей, холодной водой и отдельный кран с коньяком, и всем было бы разрешено его пить, а по телевизору каждый день бы шел финал чемпионата мира по футболу. Вот, примерно, что собой представляет почти любое педиатрическое отделение.

Доктор хотел продолжить, но тут скрипнула дверь и лицо доктора омрачилось. Молча кивнув Игорю, доктор вышел. Игорь стал заинтригованно коситься в ту сторону, куда все пропадали и откуда все появлялись, но увидел только смутный светлый прямоугольный проем и такой же смутный силуэт. Дверь скрипнула еще раз и с характерным прочным деревянным звуком затворилась.

– Ну, здравствуйте, Игорь Петрович, – послышался бодрый голос, хозяин которого не спешил появиться в Игоревом поле зрения.

По линолеуму скрипнули ножки придвигаемого стула или табурета, Игорь попытался повернуться в сторону говорившего, но очень холодная рука легла ему на плечо, останавливая.

– Не надо, не шевелитесь, вам еще пару дней покоя не повредит, – сказал голос.

– Как-то невежливо с потолком разговаривать, – заметил Игорь.

– Я это как-нибудь переживу, – сказал Олег, а судя по голосу, это был именно он.

– Сказали, что вы решите, можно ли мне звонить или нет, – сказал Игорь бегающим пятнам света и тени на потолке.

Олег застенчиво помычал, как бы подбирая слова.

– Просто я даже не знаю, что думает жена по поводу моего отсутствия. Я знаю, что вы знаете, что она ушла, но все равно, мы ведь близкие люди, как никак. Должна же она как-то переживать, и я, соответственно переживаю сейчас, что она переживает.

– Она не переживает, – с удивительной беззаботностью откликнулся Олег на опасения Игоря. – Я всем вашим близким, которые на ваш номер звонят, говорю, что вы в служебной командировке, где исключены всякие контакты. В принципе, так оно и есть. То, что вы находитесь в больнице, вполне может считаться командировкой. Думаю, не стоит показывать вас, облепленного гипсом, чтобы их не расстраивать. Подождите пару дней и говорите, что вернулись и все у вас хорошо. Тем более все у вас действительно гораздо лучше, чем у остальных.

Олег сам подвел к вопросу, который Игорь боялся задавать, но даже теперь, когда Олег предоставил Игорю возможность задать этот вопрос, Игорь все равно не решался произнести его вслух.

– Я правильно понимаю, что что-то случилось, пока меня не было? – спросил Игорь у потолка.

– К сожалению, да, – сразу же ответил Олег, – причем не пока вас не было, а буквально через час после того, как вы ушли из котельной. Сначала отключилось наблюдение, я попытался позвонить Сергею Сергеевичу и Игорю Васильевичу, но они уже не отвечали. Мы подъехали минут за двадцать, а там уже все кончено было. Абсолютно все зачищено. Кто-то закинул две гранаты в форточку, кто-то разгромил все служебные помещения, включая подвал и агрегат для сбора показаний. Хорошо еще, что они до наших данных не добрались, хотя и уперли все железо подчистую. У Саши только иллюзия была некоей власти над данными отдела, там все в «облаке» сохранялось, а сервера «облака», к счастью, не у вас находились. Я возможности нападения опасался с самого начала, потому что этим когда-нибудь все и должно было закончиться.

Игорю лень было спрашивать про «облако», потому что по контексту он как-то угадывал, что это за способ хранения данных. Да и одновременная смерть всех сотрудников отдела как-то еще не укладывалась у него в голове.

– Но и это еще не все, – продолжил Олег, пока Игорь приходил в себя после таких новостей, – они еще и ваши квартиры посетили, и дачу Игоря Васильевича сожгли дотла. С одной стороны, их можно понять, мы их все-таки убивали, с другой – сами они ведь не умирали, они ведь только оболочки лишались на время. Кроме того, очень хорошо, что и вас никого дома не было, что у Саши друг к родителям свалил, что у Рината жена с дочками укатила к маме в гости, а то была бы реально катастрофа. Хотя и сейчас катастрофа, работать некому, заново всех набирать. Так что вам очень сильно повезло, что вы до дома не добрались, и мне тоже повезло, что вы не добрались до дома. Там все ремонтировать пришлось, а когда вы нашлись, то и жучки заново ставить.

– Но я ведь тоже мертвым нашелся, – сказал Игорь, прямо давая знать Олегу, что доктор от него ничего не скрыл.

– Ну, знаете, – тут же сказал Олег, несколько как будто сердясь, – странно слышать такие слова от человека, которого сначала и подозревали в том, что он каким-то образом и сдал отдел пришельцам. И вообще, вы все еще у меня на карандаше в некотором смысле, потому что чисто статистически то, что с вами произошло, это просто из разряда чудес. Как будто, знаете, ангел вас из пекла вынес или львы не стали есть. Я понимаю, что это все стечение невероятных сил, но эта глыба льда на крыше, которую не стали убирать, потому что конец смены был у рабочих, я выяснял, и они решили, что уже и так поздно, а по ночам никто не ходит, и если уж глыба упадет, то упадет без последствий. Как-то так.

Олег вздохнул, как будто разочаровавшись в умственных способностях Игоря, о которых он и до этого был не очень высокого мнения.

– Что касается ваших намеков и намеков Станислава Яковлевича...

Игорь вопросительно покосился на Олега, и от того это не укрылось.

– Ну, завотделением этим, – опять вздохнул Олег. – Я уже несколько раз ловил на себе его недобрые взгляды и слышал упреки. Но ведь мои возможности не безграничны. Одно дело несколько

переломов и угасшая электрическая активность мозга и некоторые изменения в этом мозге, другое дело – множественные осколочные ранения и ранения, вызванные взрывной волной, и смерть, наступившая задолго до появления медицинской помощи, как в случае сотрудников отдела. И другие случаи, которые он пытается мне подсунуть, угрожая, в случае чего, придушить какого-нибудь человека с корочками прямо на операционном столе. Меня попрекают пневмонией, которая вас исцелила, а ведь она имела избирательный характер, если всех лечить подобным способом, то, знаете, список штаммов очень быстро разрастется, может перекинуться на других людей, другие виды, и даже думать не хочется, чем это все может обернуться. Вы, конечно, с удивительной легкостью встанете с больничной койки, но не факт, что кто-нибудь, кто крутился все эти дни возле вас, не подцепил что-нибудь во время вашего лечения и не отбросит после этого коньки, хотя я внимательно следил, чтобы этого не произошло. Но это ваш единичный случай, а следить за толпой таких больных – это выше даже моих сил.

– А как вы меня нашли? – спросил Игорь тут же, как только этот вопрос пришел ему в голову и прервал морально-этические экзерсисы Олега, которые он, кажется, готовился продолжать бесконечно.

– Банально, по телевизору, – ответил Олег. – Вашу разбитую морду несколько раз показали на телеэкранах и выложили в интернет.

– А морда-то почему разбитая была? – удивился Игорь, снова начав подозревать в своем попадании в больницу знакомых из темного переулка.

– Вы на молодых людей не гоните, – угадал его мысль Олег. – Когда такая масса льда опрокинула вас лицом на асфальт, то можете представить, что собой представляла ваша физиономия. И ваша голова, обмотанная бинтами, знаете, не добавляла шансов к тому, чтобы кто-нибудь из близких вас узнал. Вы бы, знаете, и сами бы себя не узнали в том состоянии.

Игорь не знал, о чем спросить еще, поэтому и он, и Олег какое-то время молчали. Олег время от времени сочувственно вздыхал, может быть, не было никакого сочувствия, может быть, Игорю просто так казалось, потому что он желал какого-то сочувствия. Больше никаких звуков от Олега не исходило, а еще он был совершенно неподвижен. Краем глаза Игорь видел, что у Олега очень вытянутое, очень бледное лицо. Только успокоившись после такого внезапного пробуждения и таких невеселых новостей, Игорь стал ощущать запах больничной палаты с запахом больничного белья, которое недавно поменяли, это был запах свежей спальни в детском саду или пионерском лагере. Еще Игорь ощутил все трубки, вставленные в различные отверстия его тела, и нащупал упругую венку капельницы в сгибе правой руки. Игорь первый не выдержал тягостного молчания.

– Раз уж вы из космоса, расскажите, как там во вселенной, что ли. Почему вы здесь, если это не так уж секретно. Раз уж вы заварили эту кашу, то хотя бы намекните, что там и как.

Как показалось Игорю, Олег несколько оживился.

– Сейчас не совсем время об этом говорить, – сказал Олег, – я хочу о другом.

– И о чем? – спросил Игорь, разочарованно глядя на мельтешащие пятна света и тени на потолке.

Видимо, окно было слегка приоткрыто, потому что до Игоря доносились звуки улицы, когда послышался звук заводящегося и отъезжающего куда-то автомобиля и прогремели по асфальту роликовые коньки, по тому, как захотелось сразу выйти куда-нибудь наружу или хотя бы посидеть на подоконнике, Игорь понял, насколько давно он лежит носом в потолок.

– О космосе как-нибудь потом поговорим, – пообещал Олег, – а сейчас я пришел сюда, чтобы, собственно, задать только один вопрос. Как вы смотрите на то, чтобы стать новым главой отдела? Сразу можете не отвечать. Спешить пока некуда. Во-первых, МВД нами все же заинтересовалось, поэтому пока лучше не высовываться до осени, пока я всех не угомоню. Во-вторых, ничего, собственно, кроме того, что сотрудников пока нет и в ближайшие несколько месяцев не предвидится, так что если бы вы и согласились сразу, то вы один отдел бы и представляли, что не есть хорошо, как мне кажется.

– Да уж, хорошего мало, – согласился Игорь.

Игорь хотел как-нибудь пошутить про то, как бы он зашивался с допросами, бандурой, которую пришлось бы затаскивать в машину и вытаскивать из нее, не говоря уже о том, что в сворачивании голов он был явно не силен, однако на ум как-то сразу не пришло ничего интересного, что мож-

но было передать одной хорошей фразой. Игорь стал слушать шум прибольничного человеческого движения и думать о том, что на самом деле это и не человеческое движение вовсе. Это был как бы спектакль для нескольких редких людей в этой больнице. Игорь стал считать, сколько, примерно, настоящих, а не поддельных людей находится в больнице, если на данный момент в больнице и вокруг нее трется хотя бы три тысячи человек, выходило не так уж и мало, целых триста людей. Потом Игорь подумал, что вряд ли в больнице может быть три тысячи человек, дай бог, если она вмещает в себя хотя бы пятьсот, но и тогда выходило целых пятьдесят настоящих людей, а не кораллов. Это Игоря утешило. Даже в таких масштабах картинка была довольно отрадная, не говоря уже про масштабы миллионного города. При таком раскладе могло статься, что кто-нибудь из его близких, а возможно даже его жена или его сын могли оказаться людьми.

– Но все-таки я вынужден спросить, – перебил его мысли Олег, – вы не отрицаете возможность работы в отделе, или после всего произошедшего вы уже не сможете вернуться к своим обязанностям?

– И что, время на раздумье – все лето? – спросил Игорь.

– Как еще и не осень, – обнадежил Олег. – По отделу очень сильно ударили, мы и сами с трудом в себя приходим. Так что не думайте, что раз я тут не рыдаю, то не разделяю ваших чувств. Просто все уже было пережито два месяца назад, и заново, специально для вас, я тут отчаяние разыгрывать не могу, да и не хочу. Мы, в конце концов, знаем, что у нас за работа, и знаем, чем она иногда может закончиться.

– Может, Игорь Васильевич и Сергей Сергеевич знали, – сказал Игорь потолку, – а вот Молодому и Ринату вы вряд ли объяснили доходчиво. И что? Как вы объяснили все жене Рината и матери и отцу Молодого, куда они подевались?

– Это было легче, чем вы думаете, – ответил Олег. – Когда знаешь, что родственники у оперативника всего лишь пришельцы, а родственники Саши и Рината и правда пришельцы, гораздо проще смотреть на эти слезы и упреки. Самому гораздо труднее переживать, я вас уверяю. Мне вам тяжелее было об этом сказать, нежели им. Да, они изображают людей неотличимо от самих людей, все эти рыдания и сползания по стене и бледность, но это всего лишь игра, хорошая игра, не более. Кораллы бессмертны, те, кто здесь давно, уже переживали это все множество раз, они даже собственную смерть в человеческой оболочке переживали множество раз, так что этим их не удивишь.

– А я? – спросил Игорь и сам удивился тому, как дрогнул его голос. – Если я человек, то я могу хотя бы посетить место, где они похоронены, и все такое?

– Нет, – твердо сказал Олег. – Считайте, что такого места просто не существует, что они просто исчезли. Если вы согласитесь, то вам придется еще множество раз привыкать к людям и привыкать к тому, что вы будете их терять. Вы и сам можете совершенно так же исчезнуть когда-нибудь. Вот как раз над этим и подумайте как следует. Представьте, что вышли из отдела вы Игорем Петровичем, а очнулись уже Сергеем Сергеевичем.

– Нелегко такое представить, – признался Игорь.

– Вот поэтому и подумайте, – сказал Олег поднимаясь и опять зачем-то коснулся Игорева плеча своей ледяной рукой, как будто предупреждая желание Игоря повернуться, – Ваши вещи я оставил тут на тумбочке, телефон заряжен, но выключен.

– Погодите, – сказал Игорь, когда на месте входа снова с легким скрипом образовался светлый прямоугольник, в котором расплывчатая фигура Олега выглядела особенно худой и высокой и чем-то напоминала очертания олигарха Прохорова.

– Ваш сын – человек. Ваша жена – нет. Вы это хотели спросить? – негромко сказал Олег.

– Вообще-то нет, – ответил Игорь, – но теперь уже лучше идите, а то от вашего ответа я что-то как-то свой вопрос позабыл.

Олег усмехнулся и закрыл за собой дверь.

Не желая пережидать положенные пару часов, Игорь, тихо поматериваясь и морщась и от боли, и от отвращения к самому себе, такому живому и полному физиологии, избавился от трубок, прицепленных к телу. Он знал, что сразу встать не получится, и некоторое время, свесив ноги на пол, проверял, как они готовы к тому, чтобы пойти куда-нибудь. Игорь хотел подойти к подоконнику, за которым невыносимо ярко для Игоря, еще не отошедшего от зимы, как бы вертелись и показывали

то белую, то зеленую сторону еще свежие, незапыленные листья на верхушке тополя на фоне неба, почти белого от солнечного света.

Толстый сквозняк, тянувший из приоткрытого окна, пах горячим асфальтом и бензином, травой и дымом горящей где-то бумаги и пластика, как будто кто-то бросил горящий окурок в полную урну неподалеку от больницы.

Игорь осторожно перевалился на бок и обнаружил на табурете рядом с кроватью аккуратно сложенную больничную пижаму. Одолев только штаны, Игорь поднялся. Оказалось, что бояться нужно было не за ноги, они-то каким-то чудом держали, а за то, что трудно будет удержать равновесие во всем том гипсе, которым Игорь был облеплен от самой шеи до пояса.

За окном и правда горела урна, и тут же рядом с ней, на зеленой лавочке сидели больные в тапках и халатах, разговаривали о чем-то и курили. Из блестящей лужи, которая и давала аквариумные отсветы на потолок палаты, где лежал Игорь, тянулись два узких, змееобразных следа, переплетавшихся между собой, как спираль ДНК. «Надо Мишке велосипед купить», – подумал Игорь.

От скуки Игорь перекопал вещи, которые принес ему Олег, среди них оказался новый костюм, и это было очень кстати, потому что старый, скорее всего, срезали прямо с Игоря перед операционным столом. Игорь не стал надевать его сразу, чтобы не выглядеть совсем уже глупо, сидя в палате в костюме. Был еще новый мобильный телефон со старой сим-картой, по которому вплоть до самой выписки Игоря так никто и не позвонил, а сам Игорь, в свете последних новостей от Олега, уже не хотел никуда звонить. Были еще банковская карта, безопасная бритва, мыло, гель для душа, похожий на йогурт, шампунь с какими-то блестками внутри, походивший от этого на плексигласовую рукоятку ножа, которым хвастал в свое время Игорев школьный товарищ, отец которого отсидел и насобачился делать всякие забавные поделки из подручных материалов. Был еще неизменный пакет с мандаринками, от нечего делать Игорь сожрал их практически в один присест.

Олег не забыл и о летних ботинках, и о носках, но если костюм был новый, то ботинки и носки Олег привез старые, в этих ботинках Игорь отходил уже один сезон. То, что старые ботинки были целы, Игоря слегка успокоило – значит, не все в его квартире пострадало так уж безвозвратно. От носков пахло так, будто они все то время, что Игорь пропадал, лежали под ультрафиолетовой лампой.

На второй день пребывания Игоря вне отключки его избавили от гипса, в тот же день, только позже, пришли гопники, которые вызвали Игорю «скорую» и обещали грохнуть молодого врача за непрофессионализм. Видимо, Игорь, придя в себя, настолько изменился, что они его не сразу узнали и даже сначала извинились, думая, что попали в палату по ошибке. Когда недоразумение разъяснилось, они заставили Игоря одеться и поволокли его пить пиво. Игорь всячески отнекивался, но они притащили ему безалкогольное в белой банке и стали распивать его прямо на территории больницы, причем больничная охрана дважды сгоняла их с насиженного места, потому что сначала они уселись напротив детского отделения, поскольку там было много удобных лавочек и вообще все вокруг смотрелось как-то веселее, чем возле травматологического крыльца, а потом возле родильного отделения, потому что гопники стали в произвольном порядке выкрикивать женские имена, ржать над выглядывающими женщинами и спрашивать, кто родился. Погнали их, кстати сказать, на пике веселья, тот парень с татуировками на пальцах, которому Игорь засветил первому, крикнул: «Долорес!», а в окне правда показалась женщина, похожая на мексиканку. «Хола, куерида!» – успел крикнуть парень, и тут опять появился тот же охранник, что отогнал их от детского отделения, но уже не один, и пообещал вызвать милицию. «Господи», – сказал парень, нетрезво жестикулируя синей от чернил рукой: «Что вы меня пугаете, я сам, можно сказать, имею отношение к системе исполнения наказаний». Но они все же поднялись и продолжили путь вкруг больничных зданий, читая вывески и выбирая такое место, чтобы никого уже не беспокоить. Возле морга, где как бы логично было найти приют, сновали невеселые люди с мрачными лицами, плакала в платочек безутешная то ли мать, то ли вдова, то ли родственница. В такой компании пить было не очень приятно, кроме того, именно возле морга к ним на хвост сел какой-то худой юноша в грязном сером халате и грязной серой шапочке и не отвязался, пока второй из тех, с кем Игорь подрался в темном переулке, не отдал ему одну непочатую банку пива из своих запасов. Юноша, с горячей благодарностью на устах, тут же чуть ли не отгрыз верхушку банки и стал жадно хлебать оттуда. Игорь и его гости поспешили скрыться.

В итоге они нашли что-то вроде лесной рощицы, внутрь которой вела узкая извилистая тропка, усыпанная хвоей и окурками. На другом конце тропки находилось небольшое озерцо, на берегу никого не было, но стояли скамеечки и урны. Возле одного из берегов росли камыши, среди камышей лежали на воде многочисленные пластиковые бутылки, а на воде, свободной от камышей, плавали утки. Игорь почему-то решил, что люди, которые пришли с ним, сейчас будут как-нибудь терроризировать уток, например, будут забрасывать их пластиковыми бутылками или сосновыми шишками, однако ничего подобного не произошло.

Игорь не успел даже заскучать, не зная, о чем разговаривать со своими новыми буйными друзьями, как само провидение подкинуло им новый аттракцион в виде мальчика лет семи с большим пластмассовым катером, который мальчик нес, как матери носят грудных младенцев. Мальчик косился на катер с улыбкой, похожей на улыбку Мадонны Литта. Катер был совершенно новый и белый, только нос его был окантован синей гладкой пластмассой, и на этой синеве лежал лаковый солнечный блик. Мальчик был в чем-то вроде белого комбинезона с короткими штанинами, и этот комбинезон тоже был белый, как больничный халат. Пруд же, к которому шел мальчик, был цвета глины.

– Сейчас он точно упадет или на берегу, или в воду, – предвосхитил ожидания Игоря один из его новых знакомых, тот, что был с четками в темном дворе.

Сказал он это не совсем такими словами, большей частью фраза была непечатной, но то, что гопник не заржал в конце своих слов, указывало на то, что он больше переживает за мальчика, нежели хочет, чтобы тот упал.

– Кстати, если прищуриться, то от него свет аж крестом таким белым отражается, – сказал второй игорев знакомец, – как в кино. Как будто я кинооператор и сквозь камеру смотрю.

– Надо будет сыну такой же купить, – мечтательно вздохнул гопник без татуировок, чем полностью озвучил мысль Игоря. Понятно, что речь шла о катере. Игорь захотел купить сыну такой же катер, но только не понимал, где и когда он сможет спустить этот катер на воду. Предположение, что он отдаст сыну катер, а тот будет играть этим катером не с Игорем, а с новым своим, типа, отцом, было невыносимо тоскливо. Если бы Игорь был пьян по-настоящему, он тут же начал бы делиться своими страданиями с этими новыми своими друзьями, а они как-нибудь начали его утешать и делиться своими какими-нибудь историями из жизни, но пока их разделял барьер Игоревой трезвости, об этом нельзя было даже подумать.

Мальчик тем временем прошелся вдоль берега, выбирая, где лучше спуститься к воде. Самый удобный спуск к воде был со стороны, где сидел Игорь и его приятели, однако это место было словно огорожено для мальчика стеклянной стеной. Игорь здраво оценивал фотогеничность своих собутыльников и понимал причину неуверенности мальчика, даже теперь, зная, что это по сути безобидные люди, Игорь чувствовал себя в их компании несколько неуверенно, словно сам он был всю жизнь канцелярской крысой в порту, а они– вышедшими на пенсию пиратами, вроде бы мирными, любящими шутки и веселье – но все же пиратами.

С одной стороны мальчика пугали пьющие люди на лавочке, с другой стороны – утки. Может быть, мальчик считал, что утки могут напасть на катер, если его спустить на воду слишком близко. В итоге выбор был не слишком-то велик – или входить в камыши, или спускаться к воде под углом градусов в семьдесят.

Игорь, почему-то затаив дыхание, ждал, что ноги мальчика скользнут по сухой глине, усыпанной сосновыми иголками, но тот аккуратно, бочком спустился к самой кромке воды, недоверчиво поглядывая на уток, поставил катер на воду и долго пристраивал его носом куда-то в центр пруда. «Он бы еще бутылку шампанского об борт разбил», – заметил гопник без татуировок, недовольный такими долгими приготовлениями. Мальчик достал откуда-то из-за пазухи большой пульт, расправил антенну пульта и посмотрел на троицу на лавочке. В его лице угадывалось чувство превосходства над пьющими взрослыми людьми.

Вода под кормой катера заметно взволновалась, катер почти бесшумно скользнул по поверхности пруда, нисколько не потревожив уток. Плавно достигнув середины пруда, катер остановился как вкопанный и заглох.

Мальчик тут же зашелся совершенно безутешным плачем.

Гопник без татуировок молча поднялся со своего места и, не выпуская из руки пивную банку и не делая никаких попыток раздеться, пошел к воде.

– Эй, ты же плавать не умеешь, – предостерег гопник с татуировками.

– Да хрена ли тут, – отмахнулся гопник без татуировок, видимо, имея в виду глубину прудика.

Возле самой водяной кромки гопник сбросил свои кроссовки, не нагибаясь, соскреб с себя носки попеременно цепляя их пальцами ног – пальцами левой – с правой ноги, пальцами правой – с левой, вошел в воду по колено, после чего хлопнул себя по лбу и выбросил на берег из карманов ключи, телефон, мелочь и очень чистый клетчатый носовой платок. Хлопнул себя по лбу еще раз и выбросил на берег еще и сигареты из заднего кармана.

Мальчик, продолжая рыдать, с надеждой смотрел на него.

– А тут песчаное дно, прикинь? – сказал гопник без татуировок своему товарищу. – И вода тепленькая.

– Конечно, тепленькая, – сказал гопник с татуировками, – сюда наверно каждый мимо проходящий ссыт. Смотри на шприц какой-нибудь спидозный не напорись или на стекло не наступи, а то в зомби, бля, превратишься за пять сек. Сюда, может, весь кожвендиспансер ходит побухать.

После этих слов веселья в глазах гопника без татуировок как-то поубавилось. В его позе появилось больше сосредоточенности. Он сделал острожный шаг в сторону катера и без единого всплеска скрылся под водой. Мальчик в ужасе смолк и только смотрел на покачивающийся на волнах катерок.

– Твою маму, – очень отчетливо высказался по этому поводу гопник с татуировками и заметался по берегу.

– Ты-то плавать умеешь? – обратился он к Игорю спустя какое-то время. – Я-то нет, я вообще воды боюсь.

Игоря подбросило от такой новости с лавочки прямо в воду, не подававшую признаков жизни, причем это произошло так быстро, что Игорь вспомнил, что последний раз плавал очень давно, вроде бы в старшей школе. Даже не глотнув толком воздуха, Игорь нырнул в то место, где пропал гопник, и расцарапал обо что-то твердое подбородок и плечо. В те недолгие секунды, что Игорь искал гопника под водой, в памяти совершенно отчетливо всплыли картинки из какой-то желтой от старости книги, где в виде комикса показывалось, как нужно правильно спасать утопающего, подплывая к нему со спины и, тоже из какой-то книги, черно-белая фотография собаки и подпись под ней: «Собака породы “Водолаз”».

Глава одиннадцатая

Как ни странно, хозяева соседних садовых участков остались те же самые, только стали заметно старше и страшнее, ни один из них никуда не делся, не заболел и не умер, только самих родителей Игоря уже не было, а с самого дома облезла некогда зеленая краска, и он стоял черно-серый и сухой. Игорь думал, что дом окажется ниже, чем он предполагал, потому что все предметы, которые он помнил большими, в итоге оказывались меньше. Но это садовый участок оказался меньше, а дом как будто даже вырос за то время, пока Игорь не приезжал.

– Я крапиву вокруг дома скашиваю, когда она отрастает, – сказал сосед из-за рабицы, которая отделяла его участок от участка Игоря. – Ничего? Претензий нет? А то семена потом ко мне залетают.

– Нет, нет, спасибо, – рассеянно ответил Игорь, – может, вам заплатить как-нибудь?

Сосед стал показывать знаками, что Игорь сможет расплатиться потом, а пока не надо особо об этом говорить.

– Платить ему? Да перебьется синячище, – громко ответила жена соседа откуда-то из застекленной теплицы.

Чтобы не создавать неловкости в чужих семейных отношениях и отношениях соседских, Игорь показал знаками, что обязательно расплатится, но позже.

Жена должна была привезти сына через два дня. К этому времени Игорь только и успел, что вытереть пыль по всему дому, перестелить белье и вымыть покрытую паутиной посуду и люстру в гостиной. На это у него ушло несколько часов, потом Игорь зачем-то полез на чердак, да так и остался

на нем, обнаружив многочисленные старые подшивки советских журналов. Как все это не отсырело, не сгнило, не было съедено мышами – оставалось загадкой. Были еще и книги, которые отец принципиально отказывался выбрасывать. Среди книг нашлась одна из тех, которыми он зачитывался в детстве, а именно: «Проблема поиска жизни во Вселенной». В детстве казалось, что встретить инопланетянина – это что-то сродни полному счастью, тогда это казалось настолько великолепным, что воображение маленького Игоря даже не могло охватить это событие целиком, внутренним взором он видел тарелку с огнями, выходящего из тарелки серого человечка – и на этом фантазия его останавливалась.

Конечно, в детстве, да и еще годом ранее, Игорь даже предположить не мог, что скажет пришельцу по телефону: «Я знаю, кто ты». А жена ответит, усмехнувшись, словно Игорь так и остался десятилетним пацаном: «Ничего-то ты не знаешь». Он не мог предположить, что пришелец воскресит его, и это будет обыденно и скучно.

Собственно, Игорь и будущее, в котором теперь оказался, представлял совсем не таким, какое оно оказалось, когда он переместился в него посредством взросления. «С другой стороны, удалось поработать в отделе по отлову инопланетян», – понял Игорь и подумал, что скажи ему кто в детстве, что он на самом деле будет ловить инопланетян, когда вырастет, тот Игорь был бы в восторге. С другой стороны, тот Игорь сильно бы разочаровался, если бы узнал, что будущее совсем не такое, как описал Кир Булычев, даже малейшее отклонение от этой кальки будущего очень сильно расстроило бы Игоря, как расстраивало оно его и теперь, когда стало настоящим.

– Вот, – сказал бы Игорь самому себе прошлому, – видишь этот холодильник, который старше тебя на три года? Когда родители умрут, я приеду через несколько лет, включу его – и он заработает, и я буду класть туда продукты. Не в какое-то диковинное устройство, а именно в этот холодильник, который уже станет желтым от времени. И жена привезет мне сына на машине, не на летающей, а обычной машине, а сын будет кататься на обычном велосипеде. Игрушек только всяких интересных станет побольше и сладостей, а так – никаких билетов на Марс, никаких билетов на Луну. Ну, хоть игрушки и сладости – и то спасибо.

До Игоря сын месяц прожил на даче у бабушки и дичился не только Игоря, но даже на мать косился как на чужую, как будто не узнавал ее. Он был почти черный от загара, только под глазами почему-то остались светлые круги, особенно заметные, когда сын поднимал брови, оглядывая новый велосипед. Игорь тоже почувствовал некое отчуждение от сына, потому что у того как будто слегка огрубели черты лица, стало меньше щек, волосы выгорели до темно-русого цвета и голос приобрел чужую Игорю хрипотцу, словно сын в его отсутствие тем только и занимался, что орал во всю глотку. Игорь попытался обнять его, но тот вежливо выскользнул по направлению к велосипеду и тут же, отпросившись у матери, укатил на улицу.

– Что-то вы оба какие-то не такие, – подколол Игорь жену – она, в отличие от сына, была как-то бледнее того, какой помнил ее Игорь.

– Так я беременная просто, – огорошила Игоря жена и продолжила как ни в чем не бывало в совсем другом русле: – Ты ему еще бассейн надуй, а то будешь видеть его только по утрам и вечерам, он тут быстро друзей найдет.

– Да вряд ли, – неуверенно сказал Игорь, – тут пенсионеры одни.

– Где пенсионеры, там и внуки.

– Ну да, так-то, – засмеялся Игорь.

– Еще есть шанс в дождливую погоду его дома застать, – сказала жена и опять резко сменила тему: – Ну, как командировка?

– Как будто ты не знаешь, – вздохнул Игорь. – С тобой как разговаривать? Как обычно или можно не таясь, у тебя неприятностей не будет среди ваших?

В глазах жены не мелькнуло ни капли понимания.

– А у тебя, среди ваших? – спросила жена.

– Я за тебя больше беспокоюсь, ты все-таки мать моего ребенка, кто бы ты ни была, – сказал Игорь. – Ты с самого начала все знала? Где я? Кто я? Просто обидно, что знала и не сказала, я понимаю, что все это, может, против правил каких-то. Неужели ни разу не возникало желания, не подмывало сказать правду.

– Насколько знаю, твои тоже не особо-то спешили правду говорить, – поддела жена.

– Это да, – вздохнул Игорь.

– Вот ответь мне на один простой вопрос, – вступила жена после паузы. – Кто ведет себя как человек? Кто выглядит как человек? Кто может зачинать и рожать других людей?

– Это риторический вопрос, как я понимаю, – догадался Игорь и вспомнил, что такие же слова говорил Молодой на последней пьянке.

– Нет, давай отойдем от абстракций, – возразила жена, – это реальный вопрос, безо всякого двойного дна и философского подтекста. И ответ на него тоже простой: если человек выглядит как человек и ведет себя как человек, то он человек и есть. Вот и все.

– Мы то же самое испытываем, что и вы, – добавила жена, помолчав. – Ты даже не представляешь, насколько много диктует тело, насколько разум вторичен, как много содержится абсолютно пещерных наслоений над обычным разумом, и это неудивительно, потому что вы из пещер вылезли совсем недавно, может, если вы в цивилизованном состоянии продержитесь столько, сколько пробыли в пещерах, то, возможно, что-то изменится. Но пока вы совершенно те же дикари с теми же совершенно инстинктами, что у ваших предков, и легким налетом цивилизации, который сметается любой мелочью. Поэтому и мы такие же. Страх смерти, вот, например. Я же рассудком понимаю, что не умру, но организм-то умирает и боится умирать, и ты не поверишь, но быть внутри тела и наблюдать свою смерть как бы со стороны еще неприятнее, чем умирать навсегда.

– Ну и зачем тогда все это? – спросил Игорь почти злобно.

– Потому что мы по-другому не можем, – мирно ответила жена. – Ну, природа у нас такая. Вселяться и мимикрировать. Мы тоже от себя прежних ушли, хоть и далеко, но не бесконечно далеко. Не совсем ушли. На самом деле во Вселенной мало существ, которые бы совсем могли уйти от того, кем они были когда-то.

– И как мы теперь будем? – из груди Игоря вырвался невольный вздох. – Ну, когда я теперь знаю, кто ты.

– Да так же и будем, – улыбнулась жена, наклонив голову, словно веселая собака. – Это опять изнутри тебя пойдет, из твоего дурацкого тела. Млекопитающие очень склонны к эмпатии. Мир млекопитающих на самом деле очень беззаботен. А мир людей еще более беззаботен, не знаю, как так получается, но все, рядом с чем вы живете в безопасности, вы очеловечиваете. Вы с кошками разговариваете, с телевизором, может, ты этого не замечал, но я сама чувствую, как само тело, сам мозг начинает наделять предметы и животных чертами людей. Поэтому, даже если бы я сейчас в ящерицу превратилась, ты бы продолжил со мной разговор как ни в чем не бывало. Может быть, даже почувствовал ко мне больше влечения, чем обычно.

– Ну да, – неохотно согласился Игорь, – у нас Молодой о чем-то таком говорил про Рината и его жену.

– Вот ты козел, – сказала жена, – я вообще-то на комплимент нарывалась. А ты... У тебя никого не появилось?

Игорь хотел что-нибудь соврать, но неожиданно для себя мрачно ляпнул:

– Разве что несколько сайтов с порнухой, – и невесело хмыкнул в ответ на смех жены.

– Стыдно в таком-то возрасте, – укоризненно заметила она.

– Как-то я весь навык подрастерял за годы женитьбы, хоть как-то надо наверстать, – сказал Игорь, – оказывается, много всякого нового появилось с тех пор, как я из подросткового возраста вышел.

– Еще бы, – подтвердила жена, как показалось Игорю, со знанием дела, – может, покажешь что-нибудь?

– Да ну тебя, – уныло скривился Игорь, – еще я беременных не трахал.

– Ну-у, – протянула она, – как раз таки это ты делал вполне успешно в свое время.

При этом жена сделала руками такое движение, словно преподносила в руках Игорю что-то готовое, и как-то по-особому двинула бровями.

– Тьфу, блин, точно, – понял Игорь. – Как-то забылось уже, что мы отжигали с тобой. Ты когда усвистала, я как-то сразу вычеркнул тебя, как будто тебя и не было.

– Нет, Игорь, – сказала жена тоном, не терпящим возражений и при этом слегка мстительным, – я была. Еще как была. И даже Мишка уже был внутри меня.

Она обозначила в воздухе некое полотно, которое, видимо, не скоро должно было стереться из памяти Игоря, и добавила, хотя Игорь уже заранее скривился от того, что она готовилась сказать, а она увидела его кислую мину и замолкла.

– Ну, ты понял, короче, – сказала жена.

– Понял, понял, – ответил Игорь, морщась.

– Ты, короче, своим хером у него над головой... – все же начала она, сотрясаясь от смеха.

– Господи, что же ты такая озабоченная-то? – с отвращением спросил Игорь. – Тебе плохо с новым своим женихом, что ли? Хуже, чем со мной?

– Ну, моя мама считает, что хуже, – призналась жена. – Толик ее совсем не впечатлил. У нее же знаешь, какие критерии? Если она сама не хочет с парнем переспать – то парень никакой. Говорит, что он молодой слишком, что мне должно быть совестно. Но почему мне должно быть совестно? Ему уже тридцать с лишком лет. Его мама считает, что я слишком старая для него и внука нового не принимает совсем. Считает, что я села ее сыночке на шею. Хорошо, что мы живем достаточно далеко и от одной сумасшедшей бабы, и от другой. Жили бы в коммуналке, была бы, конечно, драма с достоевщиной и гоголевщиной. И даже немного Босха было бы в этом всем.

– Я, кстати, художника твоего видел зимой, – вспомнил Игорь путем несложной ассоциации. – Не желаешь бросить своего нового ради своего старого?

– Да? – как будто встрепенулась жена. – Ну и как он?

Игорь показал лицом, что художник не очень.

– Он все те же мельницы рисует, – сказал Игорь, – только формат увеличил до почти монументального. Знаешь, как кино про колледж искусств, где еще убийства происходили, и художник один, Малкович, всю жизнь треугольники рисовал.

– Глупый, кстати, фильм, – заметила жена.

– Да нет, забавный фильм, – заметил Игорь.

– Нет, а вообще, как? – спросила жена.

– Я тебе и сказал вообще. Я у него картину купил на свои. Если ваши там не все пожгли у нас, я тебе ее как-нибудь завезу, поставишь ее куда-нибудь к стене. Будешь своего Толика травить. Ее и с балкона не так просто выбросить.

Последние слова он уже договаривал, слегка задыхаясь от того, что жена обняла его и ее волосы лезли ему в нос. Сам он почему-то не решался обнять ее в ответ.

– Ты меня хоть немного простил? – спросила жена тонким голосом. – И за то, что ушла вот так. И за то, что ну вот это вот все. Мама с первого дня мне мозг моет, что я должна обратно на коленях приползти.

Игорь беззвучно рассмеялся, руки его по-прежнему висели вдоль туловища.

– Прямо так и говорит?

– Ну, еще говорит, что я стерва.

– Тут я как бы слегка с ней согласен, – сказал Игорь в макушку жены. – Но я ведь тогда не совсем знал, что к чему, поэтому, что ты ушла и сына увела, я как бы даже... Мне даже легче немного стало. Мне и сейчас легче. Спокойнее как-то, что вы как будто спрятались. Это тоже, наверно, что-то пещерное, да?

– Ага, – ответила жена тем же тонким нежным голосом.

Они постояли так какое-то время, словно проверяя, стоит ли начинать заново то, что забросили несколько месяцев назад. Потом Игорь обратил внимание, что жена надела на встречу с ним светло-голубое платье, какое носила уже не первое лето, но не на людях, а в каких-то семейных делах, так что и тут не изменила некоей традиции. Жена, в свою очередь, обратила внимание Игоря на то, что сквозь плитки во дворе проросла трава, но с этим лучше ничего не делать, потому что так даже как-то уютнее.

– У меня маман с двумя какими-то лысыми козлами мутила и выстроила себе дачку, ты бы видел, – сказала жена, видимо, поясняя уют Игоревой дачи. – По какому-то кинообразцу, что ли. Знаешь, с

такими чуть ли не стеклянными стенами, на чердаке типа студия со стеклянной крышей. Все белое и стеклянное. Все уже по нескольку раз себе головы расшибали об эти стеклянные перегородки. Бассейн возле дома. Причем настоящий бассейн, даже с подсветкой. Туда соседская собака ходит пить. Мишка от этого бассейна два раза пострадал. Один раз навернулся туда, в пустой. Я думала, костей не соберет, но ничего, даже не поцарапался. Второй раз – чуть в нем не утонул. Но выплыл, даже мы подбежать не успели.

Игорь вспомнил, как гопник, которого Игорь спасал, стоял на дне прудика и невозмутимо подтягивал сползающие штаны, и почему-то ухмыльнулся.

– Прямо какое-то лето спасения утопающих, – сказал Игорь.

– Да, – ответила жена, хотя очевидно и не понимала, о чем это Игорь.

Они еще долго прощались, выйдя к машине жены, на самый солнцепек, и говорили о каких-то глупостях, которые улетучивались из памяти Игоря сразу же, как тема разговора менялась. Жена не столько хотела разговаривать с Игорем, сколько просто поджидала, когда появится сын, чтобы с ним попрощаться. В итоге Игорь пошел искать сына по садовым улицам, один раз поймал за плечо совершенно чужого мальчика, проезжавшего мимо на таком же велосипеде, перепутав его с сыном, а когда сын проехал следом за этим же мальчиком, почему-то не сразу узнал его.

Когда сыну сказали, что будут накачивать надувной бассейн, сын решил остаться дома. Уже заранее и не раз на самом деле предупрежденный, Игорь купил бассейн побольше, но жена, не очень-то доверяя памяти Игоря, вытащила из багажника и оставила им еще один. Игорь и его сын некоторое время решали, какой из них заполнять воздухом. Разложенные по двору, как прозрачные и в то же время цветные коврики, бассейны были вроде бы совершенно одинакового размера, только от одного пахло свежим, только что распакованным пластиком, а от второго резиновой автомобильной запаской. В итоге решили проверить первый, новый, а если он окажется дырявым, попробовать накачать второй.

Пока гудел автомобильный насос, а бассейн неторопливо принимал форму небольшой арены, покрытой толстым полиэтиленом, Игорь уселся на крыльцо и стал хлебать пиво из банки, а сын сел в середину бассейна и стал щупать стенки бассейна, проверяя, насколько они хорошо накачались. Игорь предложил сыну поесть, но тот отказался и только попросил чего-нибудь попить. Игорь принес «Колу» из холодильника, и когда сын увидел красную банку, то сморщился и сказал, что бабушка не разрешает это пить, что это можно использовать как моющее средство и что в газировке кусок мяса растворяется за сутки. Игорь поморщился в ответ.

– Это от тех телеканалов, что бабушка смотрит и от тех статей, что она читает, мозг растворяется за сутки, – съязвил Игорь, – но вообще я могу сок принести или воду.

– Нет уж, давай газировку, – сказал сын.

Все то время, что Игорь прощался с женой, что они с сыном выбирали бассейн, сосед за рабицей шумно говорил «до свидания» своей жене, которая уезжала в город по каким-то делам и обещала ему всяческие неприятности, если он напьется в ее отсутствие. Как только ее голос утих в древесных кронах и перспективе, сосед нарисовался за забором и польстил, не скрывая, ради чего льстит:

– Игореха, это сын у тебя, что ли, такой вымахал? Ты же сам недавно такой был.

Вместо того, чтобы отвечать что-нибудь, Игорь помахал пивной банкой и показал на ряд банок в тени. Сосед очень быстро оказался на крыльце рядом с Игорем и с вожделением начал утолять жажду.

– А вам вообще можно пить? – опасливо спросил Игорь. – Может, у вас со здоровьем что, а я вас травлю?

Сосед махнул рукой.

– Да какое здоровье? Здоровье всю жизнь ни к черту. А если Нинку слушать, так нужно только крапивой питаться и родниковой водой запивать. Ты же давно меня знаешь. Ну и когда она на меня не орала? Ты же вон, правда, такой же был, а она стращала всех на всю округу, что я алкаш. Мы с твоим отцом выпивали иногда, так мать твоя твоего отца поносила, как последнего алкоголика. Так принято раньше было, чтобы на мужиков орать, когда они выпьют. У отца моего поколение, у них еще хуже бабы были. У них принято было, если муж выпьет, так его донимать, пока он в драку не полезет. Я ничем другим это объяснить не могу вот это вот поведение, когда мать спящего отца тормошила,

когда он уснет, и спрашивала, ну что, типа, нажрался, нажрался, скотина! Как будто так не было видно, что он выпил. А если он отбиваться начинал, она в коридор бежала с криками. Наше поколение уже помягче. Ваше уже почти не слыхать. И вот взять мою. Она ведь в университете преподает, она ведь философ. Я всю жизнь в школе проработал учителем алгебры и геометрии.

Игорь удивленно на него покосился.

– Да, да, – сказал сосед, – вот именно. А как припадем к корням – слесарь и доярка! То есть я ничего не имею против слесарей и доярок, я имею в виду стереотип о слесарях и доярках.

– Слушай, – вдруг спохватился сосед, – ему голову не напечет?

Совместно с соседом Игорь передвинул сына и бассейн в тень.

– С другой стороны, – сказал сосед, глядя на сына Игоря внутри бассейна, – бассейн-то надулся уже, вода быстро не нагреется, если его в тени держать.

Они перетащили бассейн и сына обратно на солнце. Игорь планировал заполнить бассейн с помощью ведер, но сосед быстро сходил на свой участок и приволок очень яркий оранжевый шланг.

– Новье, – гордо сказал сосед, действительно напоминая слесаря, – даже смотри, еще хомутик не снят.

Протянув шланг от крана на кухне к бассейну, они включили воду. Сын не стал ждать окончательного заполнения и сразу же, деловито скинув сандалии и футболку и кинув их тут же, прямо на плитки и траву двора, полез в увеличивающуюся лужу на полиэтиленовом дне. Надолго его не хватило, поскольку вода была и правда холодная. «Из скважины», – почему-то гордо сказал сосед. Бассейн наполнился еще только на треть, а сын уже по-турецки сидел снаружи и змеиным взглядом гипнотизировал неторопливый уровень воды. Наполовину пустая банка газировки, как поплавок, покачивалась внутри бассейна. Бассейн поспевал, как фрукт, медленно становясь неподъемным.

– Удобная, кстати, вещь, – заметил сосед, – можешь сам туда залезть, если жарко станет.

Сын на эти слова соседа ответил молчаливой широкой улыбкой, думая, что сосед шутит, и только тогда Игорь заметил, что у сына не хватает одного молочного зуба снизу.

– Че к нам вдруг? – спросил сосед у Игоря. – Неприятности?

«Так-то вообще катастрофа», – подумал Игорь, вспомнив то, что вроде и не забывал с тех пор, как очнулся. Смысла объяснять соседу все произошедшее не было совершенно. Игорь утвердительно покивал и закурил.

– И что, очень большие неприятности? – насел сосед, не желая почему-то спрыгивать с темы. – На бабки попал или что? Заболел? Или просто с работы попросили?

Игорь долго смотрел на соседа, пытаясь угадать, человек ли сосед или пришелец. Сосед не обратил внимания на то, что Игорь на него смотрит, он глядел, как наполняется бассейн, и пил пиво. При всем своем упорстве, похоже, он просто повторял ряд вопросов, который был уже вшит в его подкорку годами жизни, наверняка он даже не слушал Игоря, а на любой ответ Игоря у соседа, скорее всего, были заготовлены какие-нибудь утешающие фразы.

Вблизи стало видно, что сосед не врал насчет своего алкоголизма, когда говорил, что это слово несколько раздуто его женой. Было видно, что сосед не алкоголик, а просто слегка подзапустил себя в саду, то есть банально не брился уже три дня и не особо причесывался. Для учителя математики он выглядел вполне обыденно, если бы это был этакий учитель математики с сумасшедшинкой, из таких, которые не замечают звонок на перемену и продолжают биться с классом над каким-нибудь уравнением.

– Нет, – сказал Игорь, – не такие уж большие неприятности. Просто подумать надо. Предлагают или увольняться, или на повышение идти.

– А-а, – покивал сосед, как будто мог понять, что происходило в отделе, – а работа не очень нравится и ответственности больше. И времени еще больше это будет занимать. У меня сын так по карьерной лестнице поднялся. Теперь его детей моя дочь воспитывает, потому что у него на них времени нет и у его бывшей тоже времени на них нет. Правда, у нас женой тоже особо времени на них не было. Это, знаешь, классический случай, когда у детей педагогов нет времени на своих детей.

– Ну, почти, – согласился Игорь, чтобы все не объяснять и чтобы сосед от него отвязался с вопросом о работе, но сосед уже и не думал ничего спрашивать, а утонул в своем каком-то педагогическом размышлении.

Покуда сосед пребывал в прострации, окутанный собственным табачным дымом, Игорь выключил воду, смотал шланг, любуясь апельсиновым цветом шланга, который как будто даже светился изнутри, и положил его к ногам соседа.

– Вы пока сидите, – сказал он соседу, – я что-нибудь приготовлю.

– Да нет, я пойду, – отвечал сосед.

– Да вы не мешаете, – с убеждающим ударением на слог «ша» сказал Игорь, потому что сосед не мешал, он хоть как-то общался с Игорем, тогда как сын Игоря молчал. – Нет, правда.

Еще сосед так походил на некоторых из тех, кого они допрашивали, что Игорь невольно хотел загладить вину перед ними всеми хотя бы тем, что задержал бы соседа на своем участке еще немного. Он понимал, что уже не имел права отказать соседу, если бы тот попросил его о какой-нибудь хозяйственной услуге или попытался бы занять денег. А то, что Игорь углублял знакомство, только усугубляло такую зависимость, которая легко могла перерасти в навязчивое ежедневное общение, в какую-нибудь пошлую фамильярность, в какие-нибудь постоянные просьбы отвезти соседа и его жену до дома – потому что «по пути», до дачи – потому что «больше некому, выручай». Но когда сосед спросил, много ли еще пива и не сходить ли за мангалом, углем и сосисками, Игорь сказал, что мангал и уголь не помешают, пива хватит, а сосиски есть и у него в холодильнике.

– Жареное вредно, – подал голос сын, глядя почему-то на соседа.

– Прямые солнечные лучи тоже вредно, – охотно отозвался сосед, – но ты же вон сидишь.

Сын насупился, как бы не соглашаясь, однако, пока сосед ходил к себе, незаметно переместился в тень возле дома.

Сосед дымил мангалом, а Игорь, глядя на поблескивающую в бассейне воду, вдруг вспомнил про катер, который хотел купить сыну, потом вспомнил, как возобладало его здравомыслие, и что он купил взамен. «К счастью, если остановится посреди бассейна, не надо будет никого вытаскивать», – подумал Игорь. Сползав в дом, он вытащил из коробок уже заправленных батарейками игрушечных касатку и акулу. Это были игрушки размером с его ладонь, Игорь выбрал их среди различных моделей водоплавающих игрушек, потому что корабликов на полках и так было навалом, а вот животных раз-два – и обчелся. Особенно понравилась Игорю игрушечная акула, она была серая и бархатистая, ее серый цвет и ее бархатистость дополняли друг друга. Касатка тоже была бархатистая, но ее бархатистость не была так заметна среди черных и белых пятен. Акула же была как кошка. В магазине продавались еще дельфин и тюлень, Игорю не понравилось в них то, что глаза их были просто обозначены черной краской, тогда как глазки касатки и акулы были как настоящие, с радужкой и зрачком. По замыслу дизайнера, акула должна была плавать по воде под углом, высунув наружу морду с оскаленными зубами. Вид у акулы с этим оскалом был бандитский, залихватский и позитивный, как у какого-нибудь менеджера по продажам.

Игорь молча вынес игрушки на улицу, пустил их в бассейн, и они стали нарезать неторопливые круги возле банки из-под газировки. Глядя на акулу, подвыпивший Игорь подумал, что акула эта – единственная вещь, которая полностью соответствовала тому, что Игорь от нее и ожидал. Она действительно плавала под углом, высунув наружу плавник и пасть, вокруг ее морды разбегалась волна в виде стрелки, а еще акула весело смотрела на Игоря из воды то одним, то другим своим пластмассовым глазом.

Сосед уже складывал сосиски на решетку. Стоило лишь появиться мясному сосисочному запаху и плавающим игрушкам, как все сразу же изменилось. До игрушек и сосисок во дворе сидели неразговорчивые, совершенно чужие люди, а после – уже какая-то громкая, смеющаяся компания. Сын пробовал воду ногой и, почему-то не в силах смотреть на эту осторожность, Игорь взял сына за горячие коричневые бока и сунул в воду, так что тот не успел даже заорать, пока не оказался в бассейне. Сын вскочил, покрытый подвижными тигриными полосами отраженного от мелких волн солнечного света, и стал плескать обеими руками в сторону Игоря. Вода зашипела на мангале, отчего сосед протестующе вскрикнул. Игорь, полностью вымокший спереди и совершенно сухой и нагретый сзади, дотянулся до сыновьего загривка и окунул сына головой в воду, потом некоторое время стоял, ожидая, когда сын прокашляется. Игорь испугался, что сын может разреветься от такого. Сын, однако же, откашлявшись, сам сунулся под воду с головой и стал плавать туда-сюда, отталкиваясь от стенок бассейна.

Сосед стал рассказывать про то, как не приживалась малина на их участке, хотя малина, вроде, как крапива, куда ее ни сунь, растет везде. Игорь вспомнил, что видел где-то на чердаке складные стулья и столик. Тень от дома продвинулась достаточно для того, чтобы поставить их рядом с мангалом, не двигая сам мангал.

– У твоего отца еще лежанка соломенная была такая, – вспомнил сосед, – удобная штука была.

– А, да, да, – тоже вспомнил Игорь, – я только не знаю, где она сейчас.

– Я знаю, – сказал сосед, – точнее, знал, где она оказалась. Ее, вроде, хмырь какой-то увел через два участка отсюда. Видишь коробку кирпичную?

Игорь послушно посмотрел в указанном направлении, где за высокой елкой стояла двухэтажная постройка из серого шлакоблока без крыши, с пустыми проемами окон.

– Да, вон там, – сказал сосед. – Но, может, просто похожая была. Он в ней уснул пьяный и своей, пардон, блевотиной захлебнулся. Этот дом вообще проклятый, кстати, его уже лет двадцать достроить не могут. Бывают же такие совпадения. Вообще представь, какова вероятность того, человек пятнадцать будут покупать постройку и откидывать копыта через несколько месяцев после покупки? Сначала этот дом выкосил большую часть семьи, которая там возвела эту коробку. Потом долго не могли никому продать, приехал бандит какой-то, пышущий здоровьем, сказал, что когда отстроится, вся округа на ушах стоять будет. Бандита кто-то грохнул. Взялся его сын, молодой парнишка, – тоже скопытился.

– Жаль, теща моя уже построила себе хатку, – обычным образом пошутил Игорь и добавил: – Может, начальнику ее сплавить?

Игорь попытался представить, как Олег отдыхает, пытался представить семью Олега – и не смог. Если бы все пришельцы были такими, как Олег, – жить среди них было бы невозможно.

Игорь и сосед незаметно выпили все пиво, после чего стали пить чай. Игорь был не прочь догнаться еще, но присутствие сына, который то и дело садился рядом с ними и грелся возле мангала, Игоря смущало, точнее, не давало ему рухнуть в желанные пучины легкого скотского состояния. Пить один он так и не научился, а подходящей компании все как-то не находилось.

Постепенно стали появляться комары, запахло древесным дымом затапливаемых бань и жарящихся шашлыков, легкий ветерок иногда доносил запах борща. У акулы и касатки сели батарейки, Игорь сходил в дом за новыми. Банка из-под газировки, допитая и утопленная, лежала на дне бассейна.

– Ладно, пойду я, – сказал сосед, подгадав появление Игоря и поднимаясь именно в тот момент, когда Игорь появился на крыльце. – Мне дочка сериалов навезла. Надо будет посмотреть, а то она еще все это и пообсуждать любит. Ты не смотришь?

– У меня тут телевизор еще с отцовских времен, – ответил Игорь, – вроде бы даже еще черно-белый. Надо будет нормальный привезти, куда и флешку, и переносной диск можно вставить.

Сосед собрал мангал, вытряхнув пепел на заросшие грядки, и неторопливо поковылял к себе, сказав на прощание, что надо будет как-нибудь повторить, но уже на его территории и с женой.

– А-то как-то неловко, – признался сосед, – она же тебя тоже маленького знала, тоже поговорили бы о чем-нибудь. Она тебе дочку нашу попытается сосватать, конечно. Но отобьешься как-нибудь.

Игорь вежливо посмеялся, хотя ужас от того, что его специально будут с кем-то знакомить, пробежал по его позвоночному столбу, как холодная ртуть, – от копчика до затылка.

Оставшись с сыном, Игорь заварил еще чая, взамен выпитого, и выкликал сына, чтобы тот пил что-нибудь горячее, а то простудится. Закат был красным, все вокруг стало красным, как в комнате для проявки фотографий. Сын вылезал из бассейна пить чай и оставлял на сухих плитках мокрые обезьяньи следы своими аккуратными человеческими ножками. Если днем плитки после него сохли почти моментально, то теперь они не высыхали дольше. От Игоря, с его остывающим чаем, до бассейна образовалась мокрая дорожка.

– Ладно, давай домой уже собираться, – сказал, наконец, Игорь.

Внутри дома было уже совсем темно, Игорь включил свет, затем телевизор, достал из сумки, привезенной женой вместе с запасным бассейном, запасные вещи сына и сунул их в желтый шкаф возле остановившихся часов с маятником. Ключа от часов Игорь так и не нашел, так что им, видно,

было суждено замолкнуть навсегда. Дав сыну пижаму, Игорь включил фумигатор, потому что в открытые окна лезли комары, но их было заметно меньше, чем во времена, когда Игорь сам гостил тут ребенком. Сказывалось, скорее всего, то, что сейчас траву повсеместно состригали, а раньше она так и росла вдоль заборов.

Сын молча переоделся в сухое и лег на кровать, безошибочно выбрав ту, на которой спал когда-то сам Игорь. Сын попросил включить ему что-нибудь посмотреть, а от ужина отказался. Игорь дал ему планшет с заряженными внутрь «Черепашками-ниндзя», когда же вернулся с улицы, откуда забрал сандалии, футболку и касатку с акулой, то сын уже спал, подперев коленями планшет.

Игорь аккуратно прикрыл сына простыней, а сам сел за ноутбук, косясь на новости из телевизора. В те моменты, когда двигатель холодильника начинал работать, скромный голос телевизора терялся за грохотом холодильника. Игорь совсем забыл, какой холодильник был адской машиной когда-то.

В паузах, когда холодильник не грохотал и не выл, сотрясая старые чашки в старом буфете, было слышно, как по улицам, покрытым гравием, ходят люди, как лает вдалеке одна и та же собака, с одной и той же незлой интонацией в голосе и через равные промежутки времени, как заведенная.

Постепенно становилось холоднее, листья садовых кустов зашумели, и потянуло совсем уже ледяным воздухом. Игорь закрыл окна. Несмотря на то, что в доме стало совсем не жарко, сын вылез из-под простыни, а точнее, постепенными сонными движениями спинал ее всю к ногам и, недовольно ворочаясь, снял с себя верх пижамы. Игорь отвлекся от ноутбука, подошел к сыну и пощупал его лоб, опасаясь, что сын простудился от многочасового купания. Лоб сына был прохладный. От прикосновения сын поморщился и перевернулся со спины на живот. Игорь, боясь его разбудить, тихонько отступил, выключил свет и зажег настольную лампу, хотя она и не была нужна, чтобы пялиться в экран монитора, где в котле одного из многочисленных интернет-форумов происходило словесное варение либералов и патриотов, бессмысленное, потому что большинство посетителей ни к стране, в которой жили, ни к планете, которую оккупировали, никакого отношения не имели. А между тем перепалка, переходившая иногда на личности и угрозы, почему-то забавляла Игоря до глубины души. Он представлял тысячи таких же, как он, забитых жизнью людей, что сидят по своим дачам и квартирам, с таким же грохочущим холодильником и остановившимися часами с маятником, не знающих, куда им еще податься от этого холодильника, этой дачи, этих часов, кроме как в тупую перепалку с многократно по кругу повторенными и повторяемыми аргументами. Он знал, кто они, но не понимал, зачем они тратят свое время и место на земле печатанием буковок на электрической бумаге, существующей только в виде переключателей «вкл-выкл» на магнитном диске. Он бы еще понял, если бы этим занимались люди, но такую деятельность пришельцев Игорь понять не мог, хотя и силился. Игорь бы понял, если бы пришельцы занимали только высокие посты в правительствах земли, это бы даже многое для Игоря объяснило, потому что Игорь по фильмам привык, что пришельцы стремятся к власти и легко продвигаются по карьерной лестнице или путем интриг и вживления мозговых слизней получают эту власть. Мысль о том, что по сути пришельцы – это охлос, а значит охлос простирается от самых низов да самого верха, от земли – до глубин космоса, приводила Игоря в легкий ступор и порождало в нем ощущение полной безнадежности.

Или от того, что Игорь был погружен в мысли и в монитор, или от того, что в тот момент громыхал холодильник, первые слова сына, сказанные во сне, Игорь пропустил их мимо ушей. Да и мало ли когда сын разговаривал во сне и нес всякую околесицу. Но когда сын повторил сказанное в тишине, то есть под одно только бубнение телевизора и далекий лай собаки, Игорь окаменел.

Сын сказал:

– Привет тебе от Игоря Васильевича.

Игорь посмотрел на сына. В свете лампы все было гораздо ужаснее, чем было бы при полностью включенном свете. Сын спал, в этом не было сомнений, но при этом глаза его были полуоткрыты, и поэтому казалось, что сын хитро поглядывает на Игоря. Еще сын улыбался, и эта улыбка, посредством парализованных глубоким сном мышц лица, нисколько не умиляла. Первой мыслью Игоря было растолкать сына, чтобы он больше не нес ерунды, но только Игорь сделал движение, чтобы подняться, сын остановил его словами:

– Не буди его, пускай спит.

Эти слова о себе в третьем лице тоже можно было трактовать случайностью, однако Игорь послушался и остался на месте, надеясь, что сын заговорит про каких-нибудь зверушек или персонажей мультфильма, или еще про что-нибудь, и тогда можно будет плюнуть в сердцах на свою трусость и мнительность и отвернуться к монитору.

Сын как будто оглядел Игоря из полуприкрытых век, затем, все так же хитро и ужасно поглядывая и так же глупо и нетрезво улыбаясь, пошутил:

– А ты подтянулся что-то за эти месяцы, что меня нет.

– Может, объяснишься сначала? – тихо, чтобы не разбудить сына, спросил Игорь дрожащим от пережитого и переживаемого страха голосом.

– Это ты правильно поступаешь, что тихо говоришь, – одобрил сын. – Он и бодрствующий сможет это повторить с моих слов, но это разговор не для детских ушей, а хочется нормально поговорить и действительно объясниться и извинения принести, если они тебя утешат, конечно.

– Во-первых, как ты у него в голове оказался? – спросил Игорь. – Это, знаешь, самое, вообще, сволочное, что можно было устроить.

– Это не я, это мой друг, – сказал сын, – я тут через него разговариваю. Твой сын что-то вроде мобилки.

– И как твой друг оказался у него в голове? – плохо сдерживая злость, осведомился Игорь.

– Как, как, так же, как и кораллы, – ответил сын. – Мы – немного другие пришельцы. То есть мы пришельцы, но не кораллы. Раньше, когда нас сюда прибило, мы так же поступали с людьми, как и кораллы, то есть вселялись в плод и занимали его разум на все время жизни, потом, когда тело умирало, занимали следующее тело и следующий разум. Но потом природа верх взяла, как бы это смешно ни звучало.

– Что-то пока это нисколько не смешно, – признался Игорь.

– Понимаешь, – сказал сын, – кораллы – это кораллы. Вот сидели они на дне своего родного океана, зацепившись за дно, потом как-то дошли до разумной жизни, потом до другой формы – и стали они плавать по Вселенной и цепляться за все, что могли зацепиться, и зацепились за что-то вроде людей. Не обижайся, что я так объясняю, просто до тебя может по-другому не дойти.

– Ну, хоть так, – согласился Игорь, пытаясь трясущейся рукой достать сигарету из пачки.

– А поскольку люди были вроде вас, – продолжил сын, – то понятно, что всего за несколько тысяч лет кораллы перенаселили всю планету, правда, это не планета была, а поверхность спиралевидной галактики, но не суть, они исчерпали ресурсы, потом запилили войнушку и свалили. Однако, если здраво рассуждать, то вины кораллов в этом нет. Они просто подражают своим хозяевам, и это бы все равно произошло рано или поздно. Перенаселение все равно бы началось, и война бы началась, и вымирание людей тоже, просто чуть позднее. А у этих людей было что-то вроде собак, и эти собаки выжили, эволюционировали примерно в то, что ты сейчас наблюдаешь, и разбрелись по космосу. В общем, людям не повезло, что к ним прибились паразиты, по сути дела. Да и не только людям не повезло, вообще всему живому не повезло. Девять из десяти растений и девять из десяти пчелиных ульев, примерно, девять из десяти собак и девять из десяти тараканов – тоже пришельцы. Вот такая вот фигня, Игорь. Я сейчас с тобой разговариваю только потому, что ощущаю к тебе инстинктивную привязанность, как потомок инопланетной собаки. Мы с моим другом здесь очень долго, и сначала мы поступали именно как кораллы, тоже полностью заменяли человеческий разум и жили человеческой жизнью, чтобы понять, что тут происходит. Не сразу до нас дошло, конечно (тут я должен извиниться), что люди очень ценят свою жизнь и жизнь своих детей. Пойми меня правильно, все же из истории и из непосредственного опыта в человеческой среде как раз таки трудно сделать вывод о ценности жизни. Мальчиков вы растите на убой – и не скрываете этого. Девочек вы растите на убой мальчикам и очень сердитесь, когда что-то начинает выпадать из рамок этого представления. Сейчас что-то стало меняться, но это всего лишь от тепличных условий в отдельных странах. По моему времени – это незаметная перемена, произошедшая буквально несколько минут назад. Кроме того, ваши хозяева дали нам понять, что люди – всего лишь помесь счетной машины и питательной массы, а вся человеческая культура – легкое побочное наслоение над двумя основными функциями, а именно: считать и давать пищу.

– Прекрасно, – вырвалось у Игоря. – У нас еще хозяева есть?

– Или хозяин, – поправил сын сам себя. – Вообще, трудно сказать. Как таковой личности у него нет. Вашу жизнь он вообще жизнью не считает. Или они не считают. Это, по сути, очень сложное образование, которому трудно дать название на вашем языке. Эта некая система вирусов и микроорганизмов, действующих то сообща, то порознь, но при этом все равно сообща и при этом порознь. Боюсь, эта штука намного умнее меня и обширнее меня, поэтому я и не могу дать ей какое-то толковое объяснение. С человеческой точки зрения – это как раз это существо или существа не живут, потому что у них нет своего «я», но при этом есть определенная воля. Парадокс такой. Но я про сына твоего начал и слегка ушел от темы. Я к ней еще вернусь. Как-то до меня постепенно дошло, что деятельность, которой вы заняты, – вовсе не симуляция разумной деятельности белковыми счетными машинами, а именно разум, всего лишь слабое наслоение над программами, которые заложили в вас вирусы, но все же разум. И что-то во мне взыграло, вроде совести, и собачьи корни дали о себе знать, но я решил совсем не занимать человеческий мозг своим существованием.

– Это все прекрасно, прекрасный порыв, не спорю, – скептически поморщился Игорь. – Но как ты при этом в голове моего сына оказался, вот вопрос.

– Так я же и говорю, – сказал сын, – я слепил человеческое тело и отправился на Землю, а мой друг пошел другим путем и не стал полностью замещать разум, а заменил только часть разума. И это было труднее всего, потому что у вас мозги и так небольшие, плюс еще спинной мозг и кишечник, совершенно отдельные организмы, слепленные вместе кое-как с головным мозгом. Может, изнутри тебе это и незаметно, и комфортно и тепло внутри себя, но со стороны многие животные, и ты в том числе, представляют собой чудовищных химер, слепленных рукой психопата из разрозненных запчастей, живущих почти отдельной жизнью. Случилось несколько аварий, около сотни человек мы сгубили своими экспериментами, но теперь, вроде, все пойдет как по маслу.

– Опять же, рад за вас, – сказал Игорь, плохо скрывая гнев за тихим голосом, – но зачем вообще это было делать?

– Хороший вопрос, – сказал сын, – но ответа на него нет. Мы с другом все-таки собаки, а ты не спрашиваешь собак, почему они роются в земле. Потому что им интересно. Лучше спроси, что мы нарыли, ради чего мы похерили твою тихую карьеру на таможне и затащили тебя в отдел.

– Я подозреваю, что тоже ради любопытства, – сказал Игорь, – то есть я не зря оказался в отделе, а потому что у меня сын наполовину пришелец. И, значит, Олег наврал насчет него, не совсем соврал, но все же соврал.

– Вот к Олегу-то как раз все и ведет, – сказал сын, – и он не соврал. Он думает, что может отличить пришельца от непришельца, но на самом деле он может отличить, где есть кораллы, а где нету. А в голове твоего сына вовсе не коралл, а собака, грубо говоря.

Пепел от сигареты, которой Игорь затянулся всего раз, когда прикуривал, бесшумно упал на пол. По крыше застучали редкие капли дождя.

– И Олег вовсе не пришелец, – сказал сын, – вирусы сдали вас в аренду кораллам, кораллы жили во всем живом на земле и заражались вирусами, которые не что иное, как информация в белковой оболочке. Короче, вирусы перезаписали кучу кораллов, пока те хватились, что к чему. Перезаписанных кораллов не так много от общего числа кораллов вообще, но с такой ерундой, которая грозит самому их существованию, кораллы столкнулись впервые. Не совсем, конечно, впервые. Есть еще существо, вроде космического кита, которое как бы питается, грубо говоря, информационной оболочкой кораллов, но оно тоже родом с их планеты.

– Киты планктоном питаются, – поправил Игорь.

– Ну, а космический кит кораллами, – сказал сын, и впервые за весь разговор его фраза напоминала фразу спящего ребенка, что Игоря слегка успокоило. – Короче, оказалась во вселенной сила, угрожающая их безопасности, кроме кита. Для них ваше время идет очень быстро, для них прожить вашу жизнь, это как для Молодого зайти в какую-нибудь сетевую стрелялку, побегать, побегать и словить пулю. И заражение, следовательно, началось для них недавно, они только начали ловить виновных. И тут Олег подкидывает им доказательства, что этим занимаются не собаки, не тараканы, не мыши, не пчелы, а люди. Что только люди способны додуматься перезаписать кораллы на свой

лад. И подвал, и ведро на голову – это была симуляция перезаписывания, на которую кораллы пока купились. А Олег всю эту кашу и заварил в шестидесятых.

– Так он собака или коралл? – спросил Игорь.

– Я тебе говорю, – сказал сын, – Олег вовсе не пришелец. Он представитель вирусов. Он большая, подвижная плесень в чашке Петри, слепленная для того, чтобы кораллы поворачивали своими мозгами еще несколько минут, прежде чем до них дойдет правда. А весь отдел с этими убийствами и допросами – ложный симптом гриппа, на который на какое-то время купятся коралловые доктора Хаусы, если они у них есть, конечно. Это такой интерфейс вирусов. Персонификация этакого бога. Менеджер по работе с клиентами и персоналом в одном лице. Вирусы разумными стали, когда еще все животные под водой плавали, они их, по сути дела, и сделали, и вытащили на берег всех этих доисторических зверей. Так вот, об Олеге: в нем человеческого еще меньше, чем во мне, меньше, чем в кораллах. Я вообще не представляю, что у него в черепушке творится. Все, что я смог с него считать, – это то, что когда он замирает и на тебя пялится, то разглядывает, как у тебя клетки эпидермиса делятся и отмирают, это его завораживает, как калейдоскоп.

– Он меня вообще-то с того света вытащил, – прервал сына Игорь, – тогда как ты, чтобы Молодого спасти, Рината, Эсэса – вообще ничего не сделал.

– Ну, меня самого грохнули в тот момент вообще-то наши общие друзья, – сказал сын. – И я понимаю твое огорчение. То есть совсем недавно начал его понимать и разделять. Ну, это как начать поклоняться богу дикарей, чтобы дикари приняли тебя в свою компанию. Такая инициация. Причастность к симулякру гуманизма. Я тут где-то со времен античности тусуюсь, я тебя уверяю, гуманнее с того времени люди не стали ни на йоту. У вас просто нет шансов стать гуманнее. Первую же нацию, которая будет забрасывать врагов цветами, вместо того чтобы ответить насилием на насилие, моментально превратят в компост. Вас так запрограммировали и продолжают улучшать ПО с помощью гриппа и ОРЗ. Собственно, первый звоночек, что вам конец, заключается хотя бы в том, что появились мы и кораллы. Мы всегда находим существ, похожих на наших бывших хозяев, а потом, как Хатико, ждем их на вокзале. А кораллы приканчивают хозяина Хатико. Иногда кораллы, наоборот, помогают цивилизации выбраться из той ямы, в какой цивилизация оказалась, но там нас, собак, никогда нет, потому что эти цивилизации совершенно других по сути существ, каких-нибудь бывших пчел (это я популярно объясняю), коал каких-нибудь, даже тараканов или рептилий. Нас же, собак, интересуют именно обезьяны, не по форме, нет, это могут быть сгустки плазмы, потоки фотонов, гравитационные аномалии, но у них есть какие-то общие черты. Я даже не могу сказать, что это. Может, какая-то непоследовательность. Или наоборот – последовательность в самоуспокоении и самоуничтожении. Вы ведь даже и от обезьян недалеко ушли. Вам до сих пор важно сидеть на более высокой пальме, чем остальные обезьяны, потому что когда-то давало большую вероятность спастись от хищников. Все – от отдельных людей до целых социумов, до стран и народов – занимаются залезанием на более высокую пальму. Для кого-то эта пальма – изучение мироздания, для кого-то – просто спокойная жизнь. Даже выход в космос – всего лишь попытка залезть на такую пальму, где никто не достанет, и возможность кидать кокосами в тех, кто сидит ниже. О каком гуманизме может идти речь, если вы не преодолели в себе даже человекообразных обезьян, вы не прошли даже эту ступеньку эволюции, прежде чем вас подмял под себя мгновенный прогресс. Я тебя уверяю, пройдет еще лет пятьдесят, и первая страна, которая додумается, как добывать ресурсы без помощи живой силы, вобьет все остальное человечество в каменный век, огородит роботами свои границы и поставит на стражу полезных ископаемых какие-нибудь машины, отстреливающие все, что шевелится в радиусе сотни километров, а потом будет пышно угасать на привозном бензине. И не факт, что это обязательно будет какая-нибудь современная сверхдержава. Ты жалеешь о жизни, но на самом деле вся эта любовь к жизни всего лишь очень сильный инстинкт самосохранения, потому что вирусы поставили вас в такие условия, где надо выживать. На самом деле жизни во Вселенной – просто умотаться. Вселенная кишит жизнью, как труп – червями. Жизнь и разум – это всего лишь определенное агрегатное состояние материи. Для материи становиться живой и разумной так же естественно, как для воды замерзать при отрицательной температуре. Форм жизни и разума во Вселенной столько, что они не поддаются счислению. Можно каждую минуту отправлять в небытие миллиард таких цивилизаций, как ваша или моя, их все равно не станет меньше. Почему же ты думаешь, что космическая пыль,

слепленная в форме Молодого или Эсэса, лучше, чем в форме кого-то другого? С кучками пыли, в которые были запрятаны разумы кораллов, мы не особо церемонились, так ведь? Я тебе больше скажу. Там, где вы находитесь, я вообще не предполагал найти хоть какую-то жизнь, а оказалось, что ее здесь нисколько не меньше, чем где бы то ни было.

– А где мы находимся? – спросил Игорь.

– Ну, не знаю, поймешь ли ты, – сказал сын, – но вот все, что ты видишь вокруг себя – это внутренняя поверхность раздувающегося семнадцатимерного пузыря материи, и вся твоя Вселенная – лишь гравитационная проекция настоящего вещества на стенку этого пузыря. Ты живешь как бы в зеркале. Я вообще не думал, что такое возможно. По ту сторону пузыря, если тебе интересно, бушующее, кипящее, бесконечное море плазмы и движущиеся потоки различных материй, тебя от них ничего не отделяет, кроме того, что ты повернут к ним другой стороной. Именно от того, что вы всего лишь проекция, и лезут всякие парадоксы, в которых без бутылки не разобраться. Я и так не силен в квантовой физике, но в ВАШЕЙ квантовой физике вообще черт ногу сломит – и это неудивительно. Гравитационное излучение, например, довольно сильная штука, и оно, собственно, и определяет вид того мира, где ты живешь, но оно играет роль проектора в кинотеатре, посредством которого кадры появляются на экране, оно как бы все, и оно же – ничего. Не знаю, как ваши ученые смогут выбраться из этой ловушки. Или взять ту же скорость света. Часть проецируемого вещества проецируется почему-то так, что вместо скорости проецируется его масса, а масса, как известно – величина постоянная. Координатоны же вообще не проецируются.

– Что, что? – не понял Игорь.

– Ну, я так грубо перевел название элементарных частиц, отвечающих за положение в пространстве, – сказал сын. – Но можешь не беспокоиться, у вас их вообще нет, и как вы при этом существуете, я вообще не понимаю. Они связаны друг с другом, как в игре «Жизнь»: меняет свое значение координатон в одной частице – мгновенно меняют свои значения координатоны в других частицах. Отсюда путем пятиминутного доказательства в нашей собачьей школе выходит, что движение ни хера не относительно. Садись, четыре. Но оно и у вас не относительно. Если бы это было так, то выходило бы, что Вселенная делает полный оборот вокруг наблюдателя на Земле за двадцать четыре часа, а экваториальные созвездия для наблюдателя на экваторе наиболее наглядно нарезают круги со сверхсветовой скоростью.

– И что мне делать со всем, что ты сейчас рассказал? Мы в клетке, выхода нет. Какие будут предложения? – спросил Игорь. – Пойти и удавиться?

– Дело, конечно, твое, – сказал сын, – но вообще я бы не торопился. Умереть ты всегда успеешь, никто даже оглянуться не успеет. Да ты и сам оглянуться не успеешь, как склеишь ласты в окружении родственников, ну, или под забором. Как повезет. С этим вот совпадением, что там, где появляюсь я – собака – и кораллы, не все так просто. Это ведь не закон физики. С каждым совпадением растет вероятность того, что я ошибусь, и одновременно вероятность того, что все происходящее, наоборот, – мрачная неизбежность. Ты можешь выбрать, что тебе больше по душе. Во что ты больше веришь. Я даже могу немного подсластить пилюлю. Конечно, много негатива вылил тут на твою голову, каюсь. Просто я уже многократно повторял этот монолог с различными вариациями всяким существам, похожим на тебя, но очень редко говорил его существу, чья цивилизация просуществовала достаточно долго. Если прикидывать по времени, по каким-то определенным историческим вехам, то вы уже тридцать лет как перескочили то, на чем заканчивается большинство обезьяньих цивилизаций. Может, вирусы вам помогли, не знаю. Они не везде встречаются, а если встречаются, то выводят парутройку видов в простейшей экосистеме и останавливаются на этом. И то, что у вас есть качество, которое я еще не встречал нигде, прямо-таки ваш главный козырь. Это лицемерие. Никто не ненавидит врагов настолько, насколько говорит. Никто не верит в бога настолько, насколько хочет показать. А между тем религии, подобные некоторым вашим, завоевывая умы некоторых менее лицемерных твоих собратьев по несчастью, не раз опустошали целые планеты от господствующего вида. Не знаю, может, потому что вы не господствующий вид? Может, если эта идея придет на ум вирусам, и они ударятся в строгую аскезу, все пойдет прахом? Еще у вас есть фантастика. Интересный, кстати, жанр. Я питаю слабость к произведениям, где Земля противостоит инопланетным захватчикам. Если, например, брать кинофантастику, то по идее там всего одно направление в этом жанре, а именно «Что

будет делать США, если из космоса прилетят еще одни США или еще один СССР». В книгах забавные попытки понять, зачем Земля и люди вообще могут кому-то понадобиться в огромном космосе?

– Но вы-то вот прилетели и захватили, – возразил Игорь.

– Ну, я-то, грубо говоря, шел на запах падали, а кораллов занесло само по себе, – сказал сын. – А вот так, чтобы за рабами, за тем, чтобы из людей мясные консервы делать... Очень смешно, на самом деле. Делать людей рабами – это оказывать человечеству услугу. Ну, прикинь, ты попадаешь туда, где все более высокотехнологично, чем у вас, твой срок жизни продляют, чтобы ты функционировал подольше, тебе дают доступ к инопланетной технологии. Это как отлавливать неандертальцев и заставлять их работать в техподдержке «Майкрософт». Или эта тема: «Сексуальное рабство». Мало того, что секса как такового в космосе – небольшой процент. Но понятно, величина бесконечная, и есть такая вероятность. Вероятность всего присутствует в той или иной мере. Но вероятность того, что виды, которые могут счесть друг друга достаточно привлекательными для спаривания, встретятся, и все отверстия и выступы у них подойдут друг к другу, чтобы хоть что-то получилось, – уже близки к нулю. Мой вид, кстати, практикует половое размножение, но даже самая знойная красотка вряд ли сочтет меня привлекательным. Я вообще-то выгляжу, как пылевое облако правильной геометрической формы, мой размер, грубо говоря, несколько световых лет в поперечнике. А красотка выглядит для меня, как усеченная версия нормального организма, потому что ей не хватает как минимум нескольких измерений, чтобы выглядеть адекватно. Мы ведь где-то об этом говорили, по-моему.

– Да, что-то такое припоминаю, – сказал Игорь.

– Но опять же, я не за тем сюда пришел, чтобы обсуждать мои предпочтения, при том что я на Земле, с помощью своего слепленного кое-как тела, сколько-то детей сделал, – сказал сын. – Я слышал, что тебе Олег опять работу предлагает.

– Предлагает, – сказал Игорь, – он даже не скрывал, для чего меня воскресил, но говорит, что не осудит, если я откажусь опять на него работать.

– Конечно, не осудит, – сказал сын, – он ведь знает, что ты согласишься. Он тебя на это запрограммировал, или то, что его представляет, тебя запрограммировало. Вопрос, что ты будешь делать теперь, когда узнал, что я жив. Хоть какие-то эмоции тебя обуревают?

– Морду я хочу тебе набить, вот что, – ответил Игорь.

– Сыну, что ли? – спросил сын.

– Нет, именно тебе, – сказал Игорь. – Ты ведь опять нарисуешься когда-нибудь передо мной? Или решил в подполье идти и указания давать, как Олег?

– Нет, нет, я появлюсь, – сказал сын. – Сможешь мне врезать, если хочешь.

– И Олегу хочется рыло начистить, – сказал Игорь, – за всю эту подставу.

– Это бесполезно, – сказал сын. – Ну, то есть, если это тебя утешит, можешь его помутузить, пока я буду его держать, но это все равно что грушу колотить. Он просто не поймет, к чему все это веселье. Ты вон чайник вскипятил, там часть общего вирусного и бактериального организма погибла, и никому не плохо – ни тебе, ни организму. Побить его – все равно, что чайник вскипятить или зеленкой царапину помазать.

Игорь мрачно задумался.

– Нет, ну так-то, конечно, побьем мы его. У меня тоже такая потребность нарисовалась, – сказал сын. – Но вот что мы дальше делать будем?

– Давай сначала побьем его, а уже потом подумаем? – оживился Игорь. – Ты вообще скоро появишься?

– Вообще, – сказал сын, – появлюсь как раз к осени, мое нынешнее состояние не позволяет появиться без того, чтобы не пугать окружающих.

– Как будто раньше ты прямо был эталон, – пошутил Игорь. – Ты хоть морду себе вылепи поприятнее, а то какой-то прямо сборный портрет членов КПСС был в твоем лице, я каждый раз, когда тебя видел, чувствовал, что на первомайскую демонстрацию попал и прохожу мимо трибуны с вождями.

– Ой, вот только не надо вот придирок вот этих. Меня на Земле много, я как бы не умещаюсь в один человеческий мозг, и меня около двух сотен человек бродит повсюду. А всех моих персонификаций ты не видел, попадаются и стоящие. Но в отдел я хочу вернуться в прежнем своем виде,

чтобы как-то сохранить неизменными те отношения, что у нас сложились. То же самое и у кораллов, кстати. Каждый хотя бы несколько человек да занимает собой, так что твоя жена – это еще куча людей, которых ты не знаешь. Ладно, подробнее все это обсудим потом, когда снова увидимся, а то без бутылки неинтересно тебе глаза открывать, – сказал сын, кривясь, потом вытащил руку из-под живота и протянул Игорю.

Такой сомнамбулизм выглядел не очень приятно.

– Пока. До сентября, – сказал сын.

– Да я уж надеюсь, что до сентября, – ответил Игорь, пожимая руку сына. – Не надо таких сеансов связи больше.

– Понимаю, – сказал сын. – Если бы мне такое показали, я бы минут пять визжал, забившись в угол.

Рука его опала, Игорь аккуратно положил руку сына на кровать и укрыл сына простыней.

Пока Игорь общался с инопланетным разумом, ноутбук на столе задремал, а дождь за окном, наоборот, разошелся вовсю. В черном пластике монитора Игорь увидел отражение своего лица, выхваченное из темноты белым светом настольной лампы, и внезапно улыбнулся. Только теперь он заметил, что исчезла горбинка на носу, которую он получил когда-то во время уличной драки, что исчезли мешки под глазами и какая-то усталая обрюзглость. Несмотря на то, что чувствовал он себя так, как мог бы чувствовать себя унитаз бесплатного вокзального туалета, выглядел Игорь гораздо бодрее. Почему-то несколько месяцев под капельницей пошли ему на пользу.

Игорь завалился спать и уснул так, словно до этого, с самого поступления на новую работу не спал вообще, ему казалось, что все это время он слышал, что идет дождь, и слышал, как из трубы водостока хлещет вода, причем даже во сне труба водостока оставалась именно трубой водостока, не превращаясь ни в прорванную трубу отопления, ни в какую-нибудь еще домашнюю катастрофу. Игорь слышал, что сын будит его, но был не в силах встать, он только отметил про себя, что уже рассвело. Сквозь сон Игорь дал сонные инструкции сыну, чтобы тот достал еду из холодильника и разогрел в микроволновке, слышал включившийся телевизор и голоса, которыми постоянно озвучивали мультфильмы, слышал музыку, обозначавшую в мультфильмах особенно драматичные или смешные места, но и это не заставило его проснуться.

Игорь продрал глаза где-то во второй половине дня и долго смотрел на часы на стене и на экран выключенного телевизора. Дождь продолжал шуметь в траве и кустах. Сына не было в доме, но Игорь не почувствовал ни малейшей тревоги, не одеваясь, он отыскал сигареты и вышел на крыльцо.

Сын сидел перед бассейном на корточках, на сыне был невыносимо желтый полиэтиленовый непрозрачный плащ и невыносимо синие резиновые сапоги, которые он, скорее всего, сам нашел в сумке со своими вещами, когда не смог добудиться Игоря. Рядом с бассейном лежал чистый от льющейся свежей воды красноватый велосипед. В таком освещении и с такого расстояния Игорю казалось, что рама велосипеда сделана из красного дерева. Бассейн был залит водой по самую кромку, в этой воде, высунув наружу пасть и плавник, кружила акула. Возле ног сына валялись две опустошенные батарейки. Пахло сырой картофельной ботвой, хотя вокруг никакой растущей картошки не было видно.

Сын заметил присутствие Игоря, но обернулся не сразу, как будто чего-то стеснялся. Только когда Игорь закурил, а сделал он это не сразу, разглядывая мокрые крыши домов, покрытые одной и той же красной, лоснящейся черепицей, и акулу в бассейне, покрытую серой, под цвет неба шкурой, сын поднялся с корточек и улыбнулся одной половиной рта. Под плащом у него была пижама, заляпанная на груди кетчупом и сморщенная возле коленей из-за того, что сын поленился заправить пижамные штаны в голенища сапог.

– Ты вчера с ним говорил? – спросил сын.

– Да, – сказал Игорь.

– Это не я его придумал?

– Нет, – сказал Игорь. – Не ты.

– Он говорит, что мама – это пришелец, – сказал сын. – Это тоже правда?

– Да какой она пришелец? – сказал Игорь.

Михаил НИЛИН

ЖИТЕЛЬСТВУЕТ (ТУТ)

* * *

1.
близкие с малышом
от большого ума
в Умань

(днями)

вернутся –
вероятно, двинут в деревню

будет...
обременён добермáном...
на предмет свидания посвободней

* * *

* * *

2.
применительно к Пýтину копать и копать,
руководствуясь эмпатией

* * *

* * *

3.
требование...
Бывало
...хлéбное вино

будь любезна

а без колбасы...

«Деловáя».
Не было такой.
«Отдéльная».
Стабильно отсутствовала.
«Казы», а
«Языкóвая»
«Докторская»

М.Нилин, москвич, уроженец Саратова. В 2012 году в «Волге» опубликована его пьеса (№1-2); в 2008 (№3-4) и в 2014 (№1-2) – стихи.

«Любительская»

мы-то
до тонкости

(доступ в торг)

«Татарская»
Конская?

«Останкинская».
И никаких.
Со святыми упокой.
(«на веку и червяку»).

Возникала.

* * *

* * *

4.
любопытна я знать
та особа
(Луиза)
вертевшая тут хвостом

больна?

одутловата,
эта бледность

«Как вы?» – «О.К.» –
кивает:
«Всё клёво»

зла не держу, но
[внешний вид]
и даже больше того
ведь и выглядывает
блядь блядью

* * *

* * *

5.
Монариос –
32-ух лет
низкорос
мелкими шажками как голубь...

исправляет брак при открытых окнах

пономарём при нём

(paramonarios)
рассеянный школяр-подросток
рыжеват
(из евреев?)

(без облачения)
вздул
в сторонке
повизгивающее на цепках кадило

Художник Кочейшвили
со стороны – не свойственник ли? –
семейства невесты
впрочем, заинтересовался обрядом
другие попятились, вставая свободней
стоит, как встал, приветливо щурясь

невесту помню на юге
спортивна
простовато-ассиметричный
апоневроз пресса
переплывали –
её идея –
бухту

при косом навстречу волнении
много впереди в параллель кролем –
острые, как плавники косаток, локти –
по меньшей хорде командой(?) плыли ватерполисты

* * *

* * *

6.
Гей, говорю, голуба.
обливается слезами
забавно

Гей, говорю, рюха.
рыдает

Вахрамеевы.
благодарит

* * *

* * *

7.
знаете
идите в ателье

идите в ателье

дадите
сделают
если

это да

люди

* * *

* * *

8.
Чебриков
дат не приведу
как-то так
был
выбраковали
деятель
судили?
вероятно, застрелился

...едет
грек
единоверный

водная преграда
Аккуратно.

Рак.

туда? правда? Брод?
А, брат?
На ту сторону?
Не трудно?

По дну. Бедный.
Кирасир.
Аматёр.
а там,
известился
глазастенькая завелась

вроде (дядя Стас) полдома сдал
капитально
то ли около того
на лето?

Ржи – время года – сжаты
то же ячмень (жито)

(дождь и травам не во вред)

(везя сусала по песку,

частят жаккардовы рычаги со сломом)

нет? Выныривает?
Рановато.

деградирует
ругатель
тяжело
Г. Р.

жительствует (тут)

догадал Господь
кабы не годы
купался бы

Давай
(с плавсредства
выменистая Зинаеда
снимает видео)

Рак,
собственно,
не особо...
Различаете?
левей.
Безусловно.
обсох

ещё
плещется
(«среди щук»)
(тощ)
старик
Г. Р.?

немногоречив
во рту трость
(в серебре с чернью)

на балконе дачи – Ч.
оборачивается, зовут к чаю

* * *

* * *

9.
М. А.
мало
что
[почти не изменился]

не намерена врать

умер

М. А.
[ознакомлена]

по сцене,
боже,
Арбенина

по мужу

лишь бы
ну да
как лучше

[о неразглашении]

Жаль.
нету сил (жить)
знаете

Вы же
русской вши
другим невзгодам
вашего положения

[Прощайте]

* * *

* * *

10.
Спокон веку так (после спектакля)
(беспокоит свет)
вовсе нет, но люди устали

беременности, аборты, страсти

(«Вы это про что,
товарищ?»)

(во-вторых, за старое)
забытый
бросьте
где та Сибирь
(автор)

...мельниковский в Кривоколенном...

в откровенных – открытых – лето – платьях
(на снимке)

в-третьих – дортуар

во исполненье –
желаний жильцов?
новации
зонирование

жанр (общего помещения)
диалектика, локоть коллектива

но бывает без вн. причин
(свеченье сетчатки)

белый негр
появляется
эволюционирует,
экранируя окно
балетные мощно проработанные бёдра
ягодицы с боков по-мужски ужаты

ну да
достоинство
«в бледном свете
размах малой амплитуды»
(по мне, так темно)

присобранная –
в ней бисер –
киса
двувентерная
тре бьен

выпирающий (в шагу) шар со швом
кромешно темно

подуздой
перекидываемой
(соль в узелке)
шорх мошонки

* * *

Екатерина СИМОНОВА

СТЫД ЛЮБОГО ПРОЩЕНИЯ

Сны

1.
белые кости неба
белые яблоки
стены покрытые грубой свежей известкой
светло тихо

разрезаешь яблоко медленно
съедаешь семечко
медленная белая твердая мякоть –
почему-то просыпаешься, слава богу
дыхание слева, темно, тихо
слышнее чем громко

2.

Бабушка.

бормочущая что-то мимо тебя
узнаваемая незнакомая безумная
подает обменивает
щенка котенка какую-то пищащую живность
волчьи ягоды на кустах
кровянеют как комариные укусы
в сером: потрескавшийся асфальт,
детский двор
дом с открытым черным подъездом
надо сходить на кладбище
помянуть
поглядеть на скачущих в соснах сорок и белок
запах наяву и во сне один и тот же:
вывороченный ком земли, хвоя, пыльные занавески

3.
лежишь, смотришь в потолок –
вроде бы все как обычно
из коридора за спиной выходит
женщина останавливается рядом с кроватью
не можешь пошевелиться

Екатерина Симонова родилась в 1977 году в Нижнем Тагиле. Окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Новый мир», «Волга», «Новый берег», «Плавмост», «Урал», «Вещь» и др. Автор пяти книг стихов. Живет в Екатеринбурге.

смотрит на тебя ты на нее потом произносит
«Не будет тебе здесь счастья»
поворачивается уходит
не засыпать не просыпаться
не засыпать не просыпаться

Старые фотографии

1.
щека, срезанная тенью
акации
тело, высветленное по контуру
той же тенью

2.
человек растворенный движением
ни пола
ни возраста
фигура, перетекающая
в собаку
дерево
снегопад

3.
осень
узнаваемая
ни по чему

сложенная ровно посередине
наискосок

только и осталось:
половина моста
не пройденного

рука, подхватывающая волосы

забирающая обратно

4.
река:
отражение отражения

ребенок вниз головой

выглядывающий вверх из окна

блики галочками на полях

5.
безымянная
не отводящая взгляда

тающий нетающий
снег
на плече
стоящего рядом

отвернувшегося

6.
подписанная на память, потерянная

***

сухое бледное утро
две линии
три облака
дыхание
воспарило

Голубки. Стихи из детской хрестоматии

1.
Се грехи злые, смертные:
облако-пыль, голубиные коготки, клеванье,
ты улыбаешься как ни в чем не бывало.
Львиный мостик из окна похож на детскую горку:
осторожнее забирайся на белую спину,
зажмуривайся, думай: «сейчас все пропадет».
Не пропадает.

2.
Розовые дома с глазами обведенными серою краской:
фарфоровые акмеиды каменные улитки
вкрадчивый кашель красные руки гусиные лапки
серенькая весна грядущая шарик овальный вербы
хрупкая косточка
злая

3.
вот пергамент облака
в темных старческих пятнах
дрожащей руке
кто ты мне глядящий сверху
или точнее
где

4.
робость слова расшаркивающего ножкой
неуверенность завтрашнего дня
идеальный двойник: мошка
над ухом

воркотня
часов с голубым маятником
золотою звездой во лбу

хочешь побыть болезным лакомкой?
хочешь быть самым хорошим мальчиком?
хочешь русскую смерть –
слышишь, снег скрипит? –

в черных валенках?

***

медленное
древесное
все живое

желтая
чашка света
в спящей ладони

***

Геннадию Каневскому

в общем-то, печаль и благословение –
это одно и то же,
как сандалии – по ноге
с первой примерки,
это всего лишь принятие времени,
бедное ласточкино крыло памяти.
что-то внутри тебя светится –
ты прикрываешь это ладонью:
стыд ясности – стыд любого прощения,
оборотная сторона остановленного
на миг движения.

***

внутри памяти слово, как в лаве,
истлевает:
вот вспыхивают, обгорают одежды,
крошатся кости, отпечатками – остаются:
закрытые глаза,
открытые рты,
руки, соприкоснувшиеся, не отпускающие.
недосказанность – пустота,
обретающая форму.

Александр ТИТОВ

ОБЩЕЖИТИЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Повесть

Микрорайон

Тощий старик дореволюционного происхождения бредет, опираясь на ореховую палочку, такую же высохшую, как и он сам, среди бетонных многоэтажных домов. Ему трудно поднять голову, чтобы в полной мере оценить высоту этих зданий. Ему кажется, что он, житель отдаленного села, очутился не в областном центре, а на другой планете.

На нем полувоенная одежда «сталинца» тридцатых годов. На голове матерчатая фуражка с высоким выцветшим верхом в дырочках от моли. На тощих плечах выгоревшая гимнастерка с квадратными заплатами на локтях. Обут он в хромовые пыльные сапоги, подошвы которых прикручены для прочности медной проволокой.

Зовут старика Пал Иваныч. В областной город он приехал без всякого идеологического плана: захотелось выпить бокал свежего пива. Накладные карманы на гимнастерочной груди пузырятся от бумажных денег – вчера получил долгожданную пенсию. А сегодня утром сел в автобус и прибыл в областной центр – Металлоград.

Пал Иванычу никак не удается обогнуть длинный дом, который местные жители называют «китайской стеной». Старик не может взять в толк: куда девались прежние привокзальные здания вместе с пивбаром? Он еще не знает, что автостанцию перевели сюда, в новый микрорайон.

Пыхтит на ходу, ругается себе под нос: почему, собственно, «пивбар», а не «пивная»? Вопрос принципиальный. Пал Иваныч еще в доперестроечный период пытался вынести его на уровень обкома: вредное влияние Запада пробивается к нам через подобные словечки.

До революции Металлоград назывался Дубровском. Пал Иваныч еще в незапамятные времена предлагал переименовать Дубровск в Советск, однако процесс переименования пошел по другому пути, и город стал Металлоградом – на страх врагам России!

Старик пробует рассмотреть повнимательнее четырнадцатиэтажный дом, но взгляд выцветших глаз достигает лишь седьмого этажа. Фуражка с мягким стуком падает на асфальт, спружинивает в сторону, словно чужая голова. Перед глазами плывут розовые пятна – чуть шею не свернул. Вдалеке Пал Иваныч видит бирюзовое небо над полями, одинаковыми во все времена его жизни.

Нынешний Металлоград Пал Иваныча слегка тревожит: чересчур европейским блеском вздумал воссиять. Слепят глаза стены, освещенные ярким утренним солнцем. А ведь когда-то на этом месте колосилась рожь, здесь Пал Иваныч во главе отряда скакал по проселочной дороге по направлению к Дубровску, чтобы выбить из него белых.

Пал Иваныч любит пиво. В этом напитке нет ни грамма буржуазности, нет водочной мёртвости опьянения... Когда Пал Иваныч сидел в лагере в качестве «врага народа», пиво иногда снилось ему золотопенным исчезающим образом.

Александр Титов родился в 1950 году в селе Красное Липецкой области. Окончил Московский полиграфический институт, Высшие литературные курсы. Автор семи сборников рассказов и повестей, выходивших в разные годы в Воронеже и Липецке. Публиковался в журналах «Подъем», «Аврора», «Лепта», «Север», «Новый мир», «Зарубежные записки», «Новый берег», в сетевом журнале «Топос». С 1990-х годов постоянный автор журнала «Волга». Живет в селе Красное, работает корреспондентом районной газеты.

Металлоградцы еще до перестройки закупили прекрасное пивное оборудование у чехов. Потом вдруг началась борьба за трезвость, часть оборудования была уничтожена, и знаменитое металлоградское пиво пересохло в тонкий ручеек.

Пал Иваныч останавливается возле темного квадрата подъезда, из которого доносится отчетливый запах мочи. Приставляет ко лбу изуродованный в пытках указательный палец: почему же социализм не получил дальнейшего развития? Почему мы на каждом шагу портим его антиобщественными выходками?..

Прохожие обходят старик стороной, некоторые с удивлением смотрят на старого чудака.

Вышел к оврагу – здесь город кончался. Овраг был знаменитым, краеведы им гордились как единственной достопримечательностью. Был, правда, еще источник минеральной воды, открытый Петром Великим, и железный рудник, но к минералке и железу не было такого внимания, как к оврагу, который то захламляли, то застраивали самым неподобающим образом. За овраг местная интеллигенция боролась на протяжении многих десятилетий, в то время как с минеральной водой и с производством стали было все в порядке. После перестройки пейзаж с оврагом попал на различные этикетки, в рекламные проспекты.

Пал Иваныч грозит пальцем всем встречным старухам. В каждой из них он видит предательницу комсомольского дела. Им бы только супчик молочный для внуков варить – других идей они не признают.

Бабульки, в свою очередь, с ненавистью поглядывают на него – бандит какой-то, нарядившийся старым большевиком!

Женщинам нельзя доверять на хранение знамя, они его непременно потеряют. Две комсомолки восемнадцатого года, теперь уже глубокие старухи, если не померли, подорвали авторитет Дубровского губкомола, секретарем которого Пал Иваныч в то время являлся. Он помнит имена этих оппортунисток: Даша и Глаша. Они взяли знамя, чтобы спрятать его накануне взятия города белыми. Красные отступали. А когда Пал Иваныч освободил город, Глаши и Даши уже не было – обе успели выйти замуж и куда-то уехали. Такое иногда случается с самыми идейными женщинами.

Прошли годы. Полуистлевшее знамя обнаружилось на чердаке бывшей ремесленной управы. Девушки, как выяснилось, вовсе и не прятали знамя, отдали на сохранение сторожу Ермилычу, а тот отнес его на чердак, где в ящике у него лежали знамена всех властей, перебывавших в городе за годы гражданской войны.

За околицей старик видит поле, по которому едет трактор, тащит плуг, оставляя полосу черной земли. Когда-то здесь были разбросаны деревеньки, в которых еще до реформы Александра II «капита́листые» мужики, оставаясь крепостными, сами покупали себе крепостных. Новая алчность организовывала новую барщину, новые оброк и рекрутчину. Новые тогдашние господа стриглись в кружок и драли своего брата-мужика кнутом. Это после уже появились народовольцы и бомбисты, мечтающие платить за работу трудоднями.

Постояв на краю знаменитого оврага, Пал Иваныч поворачивает назад. Над оврагом будто бы накренился красивый четырнадцатиэтажный дом. По вечерам из низины поднимаются тучи комаров и кусают жителей всего микрорайона.

В горле Пал Иваныча сухо от недоступности пива. Он не догадывается, что пиво можно купить в «нэпманском» киоске.

Меж высоких домов ветер свистит, как в аэродинамической трубе. Иногда воздушный поток достигает такой силы, что отодвигает Пал Иваныча назад, словно фигуру на шахматной доске. Старик взмахивает ореховой палочкой, она звенит в потоках воздуха. Полы гимнастерки, подпоясанной ремешком, вздуваются, как перья у грача. В просветы домов видны пашня и трактор. Пал Иваныч оборачивается, смотрит: смысл старой России уничтожен, а земля все равно пашется. Грачи летают над пашней стаей, клюют червяков. Стены домов и магазинов облеплены листовками и предвыборными прокламациями. «Меньшевики, небось, ведут свою пропаганду...» – заранее серчает на кандидатов Пал Иваныч. – Откуда город взялся? – допытывается он у прохожих. Те шарахаются от него, как от ненормального. Русский барин от природы ленив, он не мог создать такую выдающуюся промышленность!..

Шаркая по асфальту разнообразной обувью, ковыляют навстречу старухи с лицами, зелеными от макарон. Это бывшие предательницы – все сплошь Глаши и Даши. Иконы развесили по бетонным углам типовых кухонь. Армию старух не победить – Пал Иваныч вынужден признать данный исторический факт. Русские матери, подарившие России дармовых солдат и дешевых рабочих. Металлоград заканчивает роль человека в истории – дальше не будет ничего, кроме сплошного материализма. Общество подходит к своему завершению, и личность в этом городе невозможна. Да и чего стоит та личность, в горле у которой пересохло. И пива поблизости не видать...

Отвесные дома-скалы. Социализм? Пожалуй, чересчур, это скорее Америку напоминает. Порывы ветра доносят запах городской гари. С ближних дач веет укропом. Диалектика запахов. Ветер летит с такой силой, что забивает дыхание, сердцу нечем работать. Пал Иваныч ложится грудью на встречный поток, взмахивает палкой и не падает. Шуршат по асфальту бумаги, обрывки картонных упаковок.

На дальних холмах другие микрорайоны, словно пчелиные соты, сверкающие под солнцем стальным блеском. По широкому окраинному проспекту с ревом мчат автомобили, дзенькают трамваи.

Сердце социализма изношено, требует ремонта, как мотор старого грузовика. Ревя и коптя, автомобиль социализма на полном ходу въехал в новую незнакомую жизнь. Страшны провинциальные, нарочито огромные проспекты Металлограда. В этом размахе еще острее ощущается умирание уютных прежних времен.

Пал Иваныч все подмечает и упорно движется вперед против ветра. Недаром в деревне его прозвали дядя Паша Социализм.

«Партия погибла потому, что ей взбрело в голову отнять у пролетариата спиртные напитки, в том числе и пиво. Партия придумала “сухой закон” ради повышения собственного авторитета и пошла в данном вопросе по пути американских капиталистов. Америка проиграла битву с алкогольной мафией, Россия тоже стала жертвой авантюризма...» Ветеран размышляет о том, какие мероприятия надо провести в масштабах страны, чтобы не допустить в дальнейшем проникновения глупых идей в высшие слои руководства.

По широким тротуарам бродят шайки одичавших подростков, которых социализм не успел довоспитать. Жаргон вперемешку с матом и английскими словечками, взятыми с реклам. Они и в подъездах реже стали рисовать матерные выражения, зато крупно – американские заклинательные знаки.

Ветер взметнул вихрь пыли, и Пал Иваныч вновь ощутил неуют и отчужденность микрорайона. То жаркий, то холодный, пронизанный ветрами город. История развития русской души кончилась – отныне нам суждено строить только машины. У мира и у человека нет цели! Пал Иваныч горюет, что остарел – теперь ему никто не доверит винтовку для участия в гражданской войне. Скоро подрастут волчата, вскормленные «Сникерсами», и сметут остатки общественного строя. Уже сейчас люди перестают интересоваться друг другом как общественными личностями и потенциальными строителями коммунизма.

Над мусорными контейнерами каркают вороны, ворошат их лапами, махают крыльями, пускают мусор по ветру, Пал Иваныч грозит им палкой: я еще научу вас кудахтать, анархистки растрёпанные!

Люси

После гражданской, в начале двадцатых, Пал Иваныч залечивал раны в здешней знаменитой грязелечебнице. Минеральную воду он и тогда терпеть не мог, пил ее из одного только уважения к доктору Бергсону, у которого была дочь по имени Люси.

Старый Дубровск был в ту пору совсем другим. Лишь в центре города стояло несколько двухэтажных зданий, дальше – обыкновенные домики купцов, мещан, обывателей. Половина крыта соломой. В палисадниках неизменная сирень, на лугах паслись коровы, овцы, другая скотина. Даже в центре города было слышно утреннее и полуденное пение петухов, почти в каждом дворе кудахтали куры, хрюкали свиньи. В начале братоубийственной войны вся эта живность была съедена с поразительной быстротой.

Доктор Бергсон, несмотря на свое интеллигентское происхождение, приветствовал наступление новой тогдашней жизни. У него была мечта: построить за счет социализма лечебные корпуса, мостики, беседки, фонтаны. Он хотел превратить Дубровск в черноземную Венецию.

В тридцать восьмом году Пал Иваныч случайно встретил Бергсона на одном из пересыльных пунктов – доктор был избит, харкал кровью, однако не терял надежды на амнистию и просил Пал Иваныча, также осужденного, походатайствовать за него.

Доктор сгинул в холодных краях, а Пал Иваныч выжил, не потеряв интереса к пиву и другим напиткам, стимулирующим умственную деятельность.

Люси вышла замуж за преподавателя истории и живет где-то в Ленинграде, сделавшимся Петербургом. Теперь, небось, померла.

Старик, прищурив глаза, читает огромную надпись на рекламном щите: «Молодежь выбирает Пепси!» Кто такая Пепси? Куда ее выбирают? И Люси, и Пепси – женщины. А женщин нельзя выдвигать в общественные и партийные органы, от них один вред, считает старик.

В те годы выздоравливающий комиссар вечерами гулял с Люси в сосновом бору, прилегающем к минеральным источникам, дышал целебным запахом вековых деревьев. На фоне заката сверкали черно-смоляные волосы девушки. Пал Иваныч смотрел на эти волосы, и ему казалось, что он все равно умрет от ран. Но Люси подводила его к фонтанчикам и заставляла пить минеральную, пахнущую серой воду. Пал Иваныч с трудом сгибал над фонтанчиком раненую спину и, мыча от боли, хватал ртом прохладную вонючую струйку, морщился, чувствуя во рту вкус подземельных ручьев. От воды в желудке становилось мягко и прохладно. Пал Иваныч начинал верить, что скоро поправится.

Они спорили. У выздоравливающего большевика не было сомнения в том, что идею потребления следует выбросить за ненадобностью.

Люси возражала, смеялась над наивным юношей. Когда Пал Иваныч начинал сердиться, она успокаивала его: тебе нельзя волноваться!

Он разговаривал с Люси как с межпланетной женщиной. Она разрешала называть себя Богиней революции, весело улыбалась: «Пейте минеральную воду!»

Пал Иваныч снова склонялся над фонтанчиком. От воды мозги его становились прохладными, и, глядя по сторонам, Пал Иваныч вновь видел прежний полубуржуазный мир. Его, красного командира, старательно лечили, кормили пшенной кашей с молоком, а в черноземных губерниях бушевал невиданный голод.

Люси – нежный остаток прежней жизни. Он боялся даже себе признаться в том, что любит Люси больше ушедшей революции, гремящей остаточными выстрелами в усмирённых тамбовских лесах. От переполнявших его разноречивых чувств едва не застрелился из именного браунинга. Гладил черное воронёное тело пистолета, словно волосы любимой девушки.

– Милая моя буржуазка! Дорогая моя мещаночка! – Старик, тюкая по асфальту палочкой, выбредает к трамвайной остановке. Не жалеет о том, что был когда-то влюблен в представительницу среднего класса. Девушек, подобных Люси, много во все времена. Из них получаются рассудительные прижимистые старухи.

Спрашивает прохожих, как проехать в центр города, где до сих пор сохранилось здание с колоннами – бывшая городская дума, где в семнадцатом был устроен банкет в честь отречения от царствования Николая II.

Пал Иваныч был в ту пору рядовым Кексгольмского полка и стоял на карауле у входа в здание. Он не понимал, отчего так радуются местные буржуи – ведь им тоже подписан смертный приговор!

Люси была глуповата, но любовь всегда выше глупости. Пал Иваныч робел, не умея объяснить свои чувства материалистическим способом. Ему жаль доктора Бергсона, не сумевшего ускользнуть от общественных потрясений по своей нейтральной медицинской тропинке.

Скорей в центр! Там проходила революционная молодость Пал Иваныча. Там он клеил на стенах первые листовки и прокламации, призывавшие бить дворян и буржуев, разоружал городскую полицию. Участвовал в символических похоронах старого режима – солдаты и рабочие несли на плечах гроб, выкрашенный черной краской, с белой надписью: «Великое проклятье дому Романовых».

– Кто смеется сейчас надо мною? – Пал Иваныч останавливается, гневно озирается по сторонам.

Прохожие потоком обтекают его. В зеркальной витрине отражаются их смутные фигуры. – Надо мной, господа-товарищи, нельзя смеяться. Я – Пал Иваныч! Я – опять в Металлограде!.. Знайте – где появляется женщина, там революция закономерно угасает...

Поправляет на лысой голове мятую дырявую фуражку, пытаясь соединить революцию и Люси в одно диалектическое целое. Весь капитализм строится на женщине, на ее интересах, привычках к роскоши. Ей требуются одежда, украшения, вкусная еда, книги про любовь в ярких обложках. Наивность и романтичность глухого российского уголка. Мерцает зеркалами обман-жизнь.

Старик натыкается на книжный лоток возле трамвайной остановки. Потускневшие глаза с гневом смотрят на разноцветные обложки романов, сочиненных американскими писательницами с целью развлечения пошлых мещанских масс.

– Почем отрава для трудящихся? – спрашивает он у продавца.

– Трудящимся читать некогда... – ворчит молодой продавец, машет пухлой ладонью, – дескать, шел бы ты, старик, своей дорогой.

«Книги надо все сплошь запретить! – думает ветеран. – Даже самая идейная книга вынуждена иной раз говорить частичку правды».

В букинистическом уголке находит пожелтевшую брошюру. Это его книга, изданная в Дубровске в двадцать первом году на пожелтевшей газетной бумаге. Называется она «Божество революции». Название это не хотели пропускать, предлагали другое, звучавшее не «по-поповски», но материально – «Смысл революции». Пал Иваныч настоял на своем.

Открывает книжку наугад, читает:

«Суть партии в том, что она не связана никакими законами. Она расширяет свою деятельность до предела божественного. Партия таким образом партия, что она полностью овладевает психикой человека».

Старик кладет книгу на место, вздыхает. Какие-то ужасные, размалеванные обложки детских сказок. Звенит, приближается трамвай. Люди на остановке с удивлением поглядывают на старика: таких теперь разве что в старом фильме про коллективизацию можно увидеть. Он снова думает о Люси. Черные сверкающие волосы, от которых нет спасения. Девушка-древность. Поцелуй смоляной отжившей мумии. Девушка-история. Зачем она была нужна двадцатому веку, эта самая неотразимая Люси?

Во времена нэпа во всех киосках продавалась пудра под названием «Кати». Страна, опомнившаяся после гражданской войны, начинала блажи́ть и присюсюкивать. Раненый красный командир с отвращением наблюдал за бурным возрождением мещанства. Люси – хищный цветок с тонким слоем пудры «Кати» на щеках.

Пал Иваныч лечился не только минеральной водой, но и подогретой грязью. А как может вылечиться грязью человек, который жил и воевал в грязи?

Пока лечился, окрпроверком автоматически вычистил его из рядов партии. Пришлось с костылем ходить по кабинетам и восстанавливать свою личность в списках. Восстановили, пожали руку в неторжественной кабинетной обстановке. Дескать, бывают и у нас отдельные ошибки... А в шестьдесят первом году в молодежном парке областного центра был установлен бронзовый бюст Пал Иваныча, реабилитированного большевика, среди прочих бронзовых бюстов, украденных в начале перестройки так называемыми «металлистами»...

Всё, однако, повторяется на белом свете, снова вокруг тьма нэпманских киосков, пудра «Кати», только теперь, наверное, уже под другим названием... Неужели так тесен круг человеческих стремлений? Враги прокляты, враги живут! Чистый, умытый давней кровью, современный блочный Металлоград.

Люси покупала для выздоравливающего комиссара сливочное масло на так называемом «кулацком» рынке. Дрожащей рукой, с внутренним противоречивым трепетом брал Пал Иваныч белую булку, намазанную толстым неэкономным слоем масла. Жирным питательным смыслом, невозможной белизной сиял бутерброд, напоминая о крестьянском неизученном мире. За окном, среди цветов и сирени, поднимались широколистные старорежимные лопухи. Пал Иваныч вку́сывался в бутерброд молодыми зубами, судорожно жевал. Иногда челюсти его словно бы сковывались идеологиче-

ским стыдом. Слюна кислотно и мучительно кипела вокруг каменеющего языка. «Социалистического» масла в ту пору еще не было, зато «кулацкое» потайными шпионскими комочками проникало в его желудок, змеисто таяло, распускаясь в питательный смысл выздоровления.

...Уходит конкретный образ Люси. Зато блеск черных волос остается и заменяет все.

Когда Пал Иваныча выписали из санатория, Люси проводила его до железнодорожной станции. И ушла, не дождавшись отправления поезда.

В тот же миг Пал Иваныча пронзила обида, тут же растворившаяся в прохладном августовском воздухе. Слышно было, как впереди состава чу́хает прицепляемый паровоз и ругаются возле станции подвыпившие извозчики.

Странная, отрицающая любовь еще сильнее вспыхнула в исхудавшей груди Пал Иваныча. Он с пониманием воспринял этот преждевременный и торопливый уход Люси.

Стоя возле деревянных ступенек вагона на затоптанной, пахнущей мазутом земле, он неожиданно горько заплакал.

– Проклятая!.. Проклятая буржуазка! – дышал молодой комиссар тогдашними потерянными слезами.

Проводник, держась за перила и наполовину свесившись, с удивлением наблюдал за ним из тамбура вагона.

Черные волосы, угольный пласт времен, невозможность повторного прикосновения к ним... Разве ради этой разлуки выиграл он гражданскую войну, был ранен, пытаем, четырежды выводим к стенке? Неужели он выжил для того, чтобы испытать эту невозможную разлуку?

Он сердито взглянул на проводника – тот отшатнулся, – затем поправил командирскую портупею, наган в кобуре. Вытер слезы. Похмелье революции кончилось, начиналась обыкновенная жизнь. В кармане гимнастерки лежало предписание – Пал Иваныча направляли руководить одной из тогдашних строек. Рождался новый могучий процесс, но в глубине души Пал Иваныч чувствовал: необязательно было платить за всё это такой большой кровью.

Трамвай

Павильон остановки облеплен рекламами, разными объявлениями, написанными на клочках бумаги.

«Марсианская душа современности», – думает о смысле рекламы Пал Иваныч.

Трамвай остановился, зашипели открывающиеся дверцы. Вот уже двадцать лет не ездил старик на трамвае. Тот, на котором ехал в последний раз, слетел с горы и разбился. Были жертвы. Этот, наверное, тоже помчится со скоростью ветра, но жертв не будет. Судьба! От нее не уйдешь.

Пал Иваныч подходит к дверям. Палочка острым концом вжикает об асфальт. Маленькая толпа у дверей располагает к размышлениям о сущности рабства. Крепостное право воспринимается Пал Иванычем как нудная ломота в костях. Встал на первую ступеньку – палочка тенькнула о металл. Входит в салон с ощущением приближающегося несчастья. Его деликатно подталкивают сзади: шевелись, дедок!..

Старик оборачивается, ругается в «оппортуниста-бога-мать». Голос задыхательно пищит из тесного гимнастерочного воротника.

– Приказываю всем данный трамвай покинуть! – командует он. Его не слышат даже ближние.

– Почему выходить? – Толстый мальчик лет двенадцати встает с сиденья, уступает старику место. Мальчик беспрестанно жует жвачку. – Вам надо, вы и выходи́те...

– У меня чутье на нехорошие события. Но я никуда не выйду. Я всегда вместе с народом... Что ты жуешь?

– Жвачку.

– Выплюнь счас же...

– Ты что, дед? за нее деньги плачены. От нее польза.

– Какая же?

– Прежде всего умственная. Американцы не добились бы такого огромного успеха в бизнесе, если бы не жевали постоянно жвачку.

Пал Иваныч устало плюхается на освободившееся место. Он довольно смотрит на упитанного мальчика. Этот юный буржуйчик, потребитель жвачки, однако, уважение к старшим имеет.

– Долой жвачку! Долой пудру «Кати!» – восклицает старик. – Долой идеальную мещанку Люси!.. О, Люси, разруха моего сердца!..

Пассажиры смеются, не понимая смысла его слов: какая-то Люси, какая-то Кати!..

Мальчик все также монотонно жует, выдувая время от времени белесые пузыри. Круглые щеки розово напрягаются.

– Выплюнь счас же! – ругается на него Пал Иваныч.

Мальчик в недоумении, темп жевания замедляется. Трамвай с шумом катит с вершины горы. Внизу, в городской долине, словно кубики сахара, сверкают коробки многоэтажных домов.

– Не родит ваш Металлоград нового Христа! – бормочет старик. – Он вам, кстати, и не нужен. Был бы нужен, позвали бы, как позвали в семнадцатом меня... И еще вопросик: почему неправильный по сути «сухой закон» претворялся в жизнь в Металлограде с особой свирепостью? Почему были людские жертвы в очередях?..

От мыслительного процесса Пал Иваныча отвлекает шум в трамвайном салоне. Люди, стоящие в проходе, словно бы оцепенели в общем крике испуга. Воздух за стеклами потемнел, загудел, как в тоннеле.

– Россия, милая, куда бежишь, торопишься? – восклицает Пал Иваныч, вытягивая темную ладонь. Он заранее знал, что у трамвая откажут тормоза на спуске. Но он не мог не сесть в данный трамвай, иначе поперек судьбы получается. Нельзя отставать от стихийного мучения народа. – Товарищи, успокойтесь. Судьба снова негодует на нас. Долой паразитку судьбу!

Он смахивает со щеки быструю стариковскую слезу.

Кричат: откройте двери!

Сквозь массовый вопль прорывается болезненная надежда.

Двери негромко пищат, лязгают, словно живые, распахиваются, приглашая к неведомым страданиям. Металлоградские холмы не любят шуток. С таких любой транспорт полетит вверх тормашками.

Трамвай беспрерывно звонит, распугивая встречный транспорт и прохожих. В распахнутую дверь повеяло влагой с политых цветочных газонов. Город принял диагональное положение – цветные ниточки узоров, уносящихся в прошлое.

Из задней двери, словно тряпичная кукла, выпала никому не ведомая старушка. Брякнулась об асфальт, взмахнув намертво зажатым в кулаке целлофановым пакетом. На пакете какие-то нерусские буквы и лицо красивой брюнетки.

«Может, это Люси упала? – думает Пал Иваныч. – Она никогда не имела отношения к ходу истории, пора ей отпасть от мирового процесса перерождения смыслов...»

Гудят раскрутившиеся чугунные, колеса, пытаясь превзойти собственный рев.

– Эх! – Какой-то смельчак выпрыгнул на ходу из трамвая. Плюхнулся об асфальт, как о поверхность серой воды, лежит.

Крики в салоне на миг прекратились – лица наблюдали, как разбившийся парень пытается встать, ползет на четвереньках к цветочной клумбе. Видя такое дело, спрыгнули еще несколько человек с разной степенью удачливости.

Пал Иваныч встает, кричит:

– Люди, не прыгайте! Трамвай не разобьётся. Я чую. У меня ревчутьё на судьбу масс. Спастись индивидуально нельзя – про это вам любой поп скажет!

Отчаянно дребезжит звонок, заглушая голос старика, сыплются из-под контактного провода искры. Кричащие лица в коллективном гробу. Пал Иваныч пытается отдавать приказы о необходимой в данном случае бездеятельности масс.

Мальчик с невозмутимым видом жует свою жвачку, с любопытством вертит головой по сторонам.

Трамвай чиркнул боком о кузов самосвала – полыхнули вдоль салона снопы искр. Пал Иваныч почуял запах сгоревшего металла. Несколько человек забились под сиденья, скулят, раздражая Пал Иваныча неверием в его пророческие способности.

Трамвай счастливо проскочил мимо растерявшегося бензовоза и благополучно скатился с горы, мчась с прежней скоростью, но уже замедляя ход.

Ветеран снял с головы фуражку и принялся лупцевать ею по стеклу, о которое жундела и билась надоевшая жирная муха с зеленым городским брюшком. Муха пыталась подняться, но после очередного удара серым комочком свалилась на гудящий резиновый пол, найдя место успокоения между стаканчиком из-под мороженого и яблочным огрызком. Минута, другая, третья...

Трамвай остановился. В кабине сидел бледный, как смерть, вагоновожатый. Правая щека его подергивалась, раза два он моргнул.

Пал Иваныч одобрил характер этого человека. Настоящий металлоградец!

Звонок трамвая продолжал оглушительно дребезжать, но вскоре и он затих. Люди молча и торопливо покидали салон едва не погубившего их трамвая. Посторонний наблюдатель ни за что бы не догадался, что из салона выбираются пассажиры, находящиеся в тяжелом потрясении.

Предпоследним вышел на улицу мальчик, продолжающий невозмутимо жевать резинку. Он остановился напротив трамвая и разглядывал его с каким-то равнодушным вниманием.

Пал Иваныч выходил последним.

– Выплюнь жвачку! – пригрозил он мальчику длинным, сломанным в пытках указательных пальцем. – Не поддавайся иноземному образу жизни!.. Ты куда идешь? В ревком?

– Ни в какой ни в ревком – тут видеосалон с играми. Если бы мне побольше бабок, я бы тут целыми днями играл.

– Всех бабок мы расстреляем. От них один вред для истории... А тебя, мальчик, я назначаю курьером ревкома.

– Ладно... – мальчик почесал в затылке. – Сколько бабок положишь?

– Уложу всех бабок очередью из «максима». За то, что знамена теряют... У нас в ревкоме все на энтузиазме держится. В твоем возрасте я уже агитировал солдат повернуть штыки против Вильгельма.

– На такие дела я не пойду. Ты, дед, разве не знаешь, что «Вильгельм» – самый крутой авторитет в нашем районе?

– Это все дутые империалистические авторитеты!

– Да ну тебя, дед. Я думал, ты из крутых стариков, а ты на «Вильгельма» наезжаешь, и насчет бабок жмёшься... – мальчик презрительно машет рукой и уходит, продолжая старательно жевать. Толстенький, ухоженный. А Павлик в двенадцать лет был оборванным худым пацаном, постоянно скребущим лохматую голову.

На вершине холма ревели сиренами «скорые», подбирая выпрыгнувших на ходу трамвая людей.

– Зачем же вы, недоверчивые товарищи, прыгали с паровоза истории? – упрекал их Пал Иваныч. – Почему не поверили честному слову старого вождя?

«Октябрь»

Постукивая палочкой по тротуару, Пал Иваныч приближается к массивному зданию розового цвета. Контур здания и колонны кажутся ему знакомыми.

– Что за дом? – спросил он у прохожего, указывая палкой на здание.

– Кинотеатр «Октябрь».

Пал Иваныч вспомнил: смотрел здесь когда-то фильм «Бродяга». А в тридцать седьмом бывшего комиссара расстреливали за стенами этого здания по приговору «тройки». Вывели на берег речушки Дубровки, прицелились, но в последний момент приказ был отменен. Теперь Дубровка обмелела, зато украсилась бетонными берегами.

Старик с содроганием смотрит на знакомые до боли зарешеченные окошки подвала. До сих пор эти фигурные решетки снятся ему во сне. Какое обилие подвалов под серебристым, вознесшимся к небу Металлоградом двадцать первого века!

Народ в историческом смысле – злая масса. Духом нищие, зато нарядные, в заграничной «контрабандной» одежде. Люси тоже носила контрабандные чулки.

Удивительная завоеванная жизнь. Но встречные люди не замечают Пал Иваныча. Лишь некоторые потомки здешних крестьян с улыбкой посматривают на его странный наряд.

А был бы Металлоград без гражданской войны и без пролитой крови точно таким же Металлоградом? Наверное. Жизнь сама собой стекает в отведенные ей берега. Даешь пирожки и бублики с маком! Враги народа запретили посыпать бублики маком, опасаясь, что массы привыкнут к наркотикам. Лучше бы, идолы, следили за качеством водки...

К трамваю, остановившемуся на низком месте в городской лощине, спешат строгие люди с папками – комиссия! Привычное словечко звучит и реет, словно знамя, над площадью.

Вагоновожатый сидит на месте. Все еще бледный. Закурил. Затягивается дымом так медленно, словно прикладывается не к мундштуку сигареты, но к новой своей судьбе. В прежние времена нашли бы кого расстрелять за данное происшествие.

Мальчик со жвачкой остановился возле двери видеосалона и, приложив ладонь козырьком к глазам, смотрит на комиссию. Челюсти его размеренно двигаются. Пухлый подбородок – как тесто в маленькой кастрюльке. Экий любопытный потомок деревенских новоселов, строивших домны и цеха!

Старику хочется бубликов с маком, когда еще горячие. Были такие в царско-купеческие времена, которые он навсегда разгромил. Слюна во рту оппортунистически жжется. Старый, разбитый в битвах и мучениях организм, мечтающий о бубликах и свежем пиве.

Приказывает выплевывать жвачку всем встречным подросткам, но те лишь смеются, показывают на старого чудака пальцем.

– Дети, выньте изо рта жвачку, и вы почувствуете себя свободными... Иначе история сама сжует вас!

Площадь

Собор на площади и здание бывшего обкома стоят напротив друг друга и окрашены в желтый одинаковый цвет. Шкандыбая по асфальту палочкой, старик подходит к огромному памятнику Ленину, смотрит вверх, в близкое лицо вождя и друга, с которым пил однажды чай из красивых подстаканников.

– Ты – абсолютный вождь, я – абсолютный крикун! – констатирует факт Пал Иваныч. – Недаром ты уличал меня в анархизме... Теперь ты стоишь на этом месте, вбитый в бронзу упрямец, а я хожу по Металлограду и ругаю оппортунистов. Помнишь, я писал тебе письма из Усмани, требовал, чтобы ты в срочном порядке отменил продразверстку. Ты мне ни разу не ответил, и лишь Тамбовское восстание тебя образумило. Продразверстку ты отменил, поплатившись за это авторитетом революции, защитницы бедных крестьян. Запомни: русский народ прощает вождям любые зверства, но не прощает «сухих законов».

С холма, от подножия памятника, открывается панорама мутного горизонта с крохотными заводиками. На самом деле это гиганты металлургии – Пал Иваныча много раз возили туда на экскурсии.

– Выплавите последний грамм стали и станете никому не нужными... – ворчит старик, глядя на серые бесконечные дымы. – Вы меня слышите, заводы? Я к вам обращаюсь. Буржуи вас ненавидят, потому что вы плавите сталь для штыков родины. Запад потушит эти домны – у них там и своих заводов хватает...

Пал Иваныч неуклюже поворачивается всем корпусом. Когда-то он предлагал взорвать этот собор – его не послушались, устроили в здании музей. Теперь вынуждены были отдать его обратно верующим, то есть вернуть здание в церковную собственность. На шпиле церкви вместо круглой атеистической антенны снова сияет позолотой крест. Вот уже тысячу лет, как крестили Русь, а распять все никак не удается.

– Почему, товарищ Ленин, ты смотришь вокруг с этакой странной улыбкой? – допытывается Пал Иваныч.

Памятник шевелит губами, отвечает. Но слов не разобрать, хотя Пал Иваныч старательно прислоняет к уху ладонь. – Что интересного в этих дымах для тебя, любившего во всем политическую ясность?

Побеседовав с вождем, старик выбредает на широкий травяной газон, ложится под куст, дремлет. Прохожие поглядывают, посмеиваются: мол, пьяный. Засыпая, Пал Иваныч думает о загадке мирового зла – о дьяволе. Никто не знает, откуда он взялся в открытой русской жизни. Вот и Металлоград вознесся над черноземными холмами, но что же нового, светлого открылось в сердцах народа?

С горечью прилегает морщинистая щека победителя к молодой траве. Пал Иваныч спит, надеясь увидеть во сне седого Бога, которого на самом деле фактически нет. Погибшая сопревшая мысль дает почву новому чувству.

Памятник перестал улыбаться, погрозил спящему железной рукой с зажатой в ней газетой. Металлическое лицо продолжало отсвечивать необъяснимой заботой.

Пал Иваныч видит во сне чудовище колоссальных размеров. Чересчур подвижное оптимистическое существо со слюнявым рылом. Беззубый жующий рот хватает прохожих, в основном детей, глотает одного за другим. Пожевав, выдувает розовый пузырь, который лопается с пушечным треском.

«Я тебя знаю! – кричит ей старик. – Ты – жвачка! Ты хочешь заставить нас замолчать. Не бывать, ведьма, по-твоему! Русская разговорная душа оставляет за собой живое слово... Ты можешь оболванить подрастающее поколение, но нацию целиком тебе не одолеть. Немые поколения не смогут сказать потомкам истину. Твое прокисшее нутро не проглотит все наши просторы. Долой нацию немых!»

Пал Иваныч, будучи материалистом, тем не менее полагает, что «жвачный» вопрос не самый главный. Через жвачку микробы стяжательства проникают в мозг человека, искривляя его в определенном направлении.

«Долой резиновые жвачные мозги!» – с этим криком Пал Иваныч просыпается, открывает глаза.

На колокольне звякнули электронные часы, установленные еще в прежние времена, когда в соборе размещался музей. Один стенд целиком посвящен жизни, деятельности выдающегося черноземного большевика, лично встречавшегося с Лениным.

Часы мигают остановленными зелеными цифирками, показывая день и час, когда храм был возвращен верующим.

«Если процесс обезбоживания двинулся после семнадцатого с такой скоростью, то почему он не дошел до конца? – вздыхает проснувшийся старик. – Товарищ Ленин недожал в вопросе с религией. Пахан должен пахать землю – такова диалектика христианства».

Через площадь бредет старуха с хозяйственной сумкой. Завидев Пал Иваныча, лежащего под кустом, подходит, внимательно разглядывает его, слушает различные выражения.

– Ты зачем, старый хрыч, ругаешь нашего товарища Ленина? Он молчит, тебя не трогает...

– Попробовал бы он меня тронуть... Брысь отсюда, эсерка чёртова!

Старуха ворчит, уходит. Грозит издалека бледным городским кулаком.

Неподалеку парк, где установлен бронзовый бюст Пал Иваныча. Несколько раз его возили туда с другими делегациями, и он возлагал цветы к подножию самого себя. Разогнувшись, подолгу смотрел в свое выпуклое неузнаваемое лицо, металлически отзванивающее, если стукнуть ногтем. Ему всегда казалось, что бронзовый лик подмигивает ему дьявольским способом.

Над яркой бывшеобкомовской площадью повисает определенный дух умолчания. Дух ропщет, но терпит. Народилась новая ослабленная эпоха, про которую Пал Иванычу и думать неохота.

Вон в том крыле старинного здания помещался губкомол, в том флигеле – девотдел, в другом крыле – ответственные работники губпродснабфронта. В здании со стрельчатыми окнами было высшее начальное училище, где Пал Иваныч в боевом порядке пытался овладеть высшей математикой, но так и не одолел логарифмов, и до сих пор не знает, что это такое. Он был так огорчен, что едва не застрелился от полного непонимания науки. Второй раз, после разлуки с Люси, ему хотелось пустить себе пулю в лоб.

Голова старика снова клонится вниз, лицом к траве, до полного затемнения дня. Тело готовится погрузиться в землю, как в чужую частную собственность. Вокруг Металлоград – последний вопль социализма, верхушка пирамиды, утонувшей в пучине времени.

«Если бы не я и не революция, здесь во дворах по-прежнему бы мычала скотина, а пьяные мужики ездили бы по улицам в телегах».

Почему же власть трудящихся не получилась в России?

«Где ты, старый дурак, видел такую власть?» – отвечает ему некто.

Пал Иваныч приподнимается на локтях – никого нет, старуха с авоськой давно ушла. Дымят заводские трубы, выдувая в воздух неба гениальный жар пролетариата. «Коммунизм – это воля к смерти, к мучительному строительству». К этому стремился Металлоград – необыкновенный крестьянский город, черноземная Америка, собравшаяся из окрестных деревушек.

Над площадью с тихим цивилизованным свистом проплывает истребитель, тихо покачивает крыльями, распугивая с крыш голубей. Старик смотрит вслед самолету с непонятным торжеством.

«Россия примерила коммунизм, и он затрещал по всем швам... – В голове Пал Иваныча жарко мерцают обрывки полузабытой теории. – Европейская одежда ей не впору, американская рвется на пестрые демократические лоскуты. Долой здравый смысл, если он вообще есть!»

В самолете страдающий металл, и зад у летающего аппарата черный, с огненной точкой. Самолет, качая сверкающими крыльями, завинчивается в сторону дач, делает зигзаг над зданием бывшего исполкомдуха – так назывался исполнительный комитет по делам духовности. Пал Иванычу было дано поручение – использовать массу верующих в целях революции. На эту тему проводились специальные закрытые дискуссии. Молодые попы соглашались сотрудничать с новой властью, старые упирались. В конце концов, исполкомдух был закрыт по приказу из Москвы – за неудачную попытку приспособления церкви к строительству социализма.

Общежитие

– Здоро́во, дед! – знакомый голос. Откуда-то справа и сбоку. – Чего пальцем в небо тычешь?

Пал Иваныч присматривается: кто это?

– Ты вроде бы знакомый товарищ́ок! Пивка бы мне...

Невысокого роста человек над ним хлопочет, помогает встать. Бородка клинышком, лысая голова, обрамленная седоватыми волосами, нос сизый, будто в чернилах сполоснутый.

– Ты, Ильич, в корне не прав... – бормочет старик.

– Да не Ильич я никакой! – раздается веселый голос. – Я – Жора, писатель. Ты забыл меня, Пал Иваныч?

Старик смотрит и узнает Жору, с которым лет двадцать назад выпил два ящика водки в ходе работы над книгой из серии «Огненные революционеры». Редактор вычеркнул то место, где описывалось, как голодные лошади грызли кладбищенские кресты – эскадрон Пал Иваныча готовился к атаке.

Жора получил по тем временам хороший гонорар, собирался даже автомобиль купить, но обзавелся лишь бостоновым костюмом, который до сих пор был в неплохом состоянии, хотя неоднократно побывал в химчистке.

– Откуда ты, Пал Иваныч?

– Из деревни революция приехала.

Железобетон вывел новую породу интеллигенции – типа Жоры-писателя. Он же драматург, автор пьес о сталеварах. Драмтеатр, несмотря на все перестройки, незыблемо возвышается на холме, как Пантеон.

– Каков, однако, наш город стал! – восклицает Жора. – А ведь была здесь уездная областёнка с партийной и комсомольской газетами. От простора полей к эпохе металла – завет Петра. Вчерашние подпаски стали к мартенам, сели за руль автобусов. Край, существовавший на отшибе империи, ощутил себя административной единицей. Ухоженный, образцово-показательный Металлоград, кузница партийно-хозяйственных кадров. Кадры, а не сталь – вот наша главная продукция!

– Перестань издеваться над близким прошлым! – остановил Жору ветеран. – Показывай, где пиво...

– Пойдем ко мне в гости, – приглашает Жора. – Я договорился со спонсором – буду писать роман «Евангелие от Металла». Жаль, аванса не дали...

– У меня пенсия тут, – Пал Иваныч ощупывает карманы гимнастерки с хрусткими бумажками. – Помоги встать...

Он встает с помощью Жоры и притопывает сапогами но асфальту: вперед!

Несколько остановок на автобусе – и вот оно, родное общежитие!

– Знакомый домик, – оглядывает здание Пал Иваныч. – В тридцатые годы здесь размещался Рабочий Дворец.

– Что вы, Пал Иваныч? – удивляется Жора. – В то время на этом месте паслись коровы и овцы, а вокруг были пустыри.

Вскоре старик уже сидел в Жориной комнате и пил прямо из горлышка настоящей стеклянной бутылки знаменитое металлоградское пиво, чуть прокисшее, зато из натуральных продуктов.

На письменном столе лампа с драным колпаком, пишущая машинка со стертыми клавишами. На всех предметах слой пыли. Под столом валяются пожелтевшие, скрутившиеся в трубку бумажные листы. На гвоздике висит расколотый термометр.

Пол выложен паркетом, почти неразличимым под слоем грязи, изуродованным ямками ожогов – в один прекрасный день Жоре вздумалось жарить шашлык, и он развел костер из рукописей неопубликованных романов по проблемам соцсоревнования в металлургии. Сам виноват – не успел подсуетиться до перестройки. Зато с посудой проблем нет – вместо стаканов Жора использует пивные кружки, прихваченные из пивбаров.

Старик встал с дивана, едва не повалился в большую, почти вровень с потолком, кучу мусора. От нее в комнате было темно. Скопились мятые бумаги, пустые консервные банки, пробки, высохшие яблочные огрызки и прочие отходы бурной жизни одинокого интеллигента. Во время жарких диспутов спорщикам приходилось вставать с места и обходить кучу, чтобы взглянуть друг другу в глаза.

Жора бросил в кучу новые пивные пробки – пивка для рывка, водочки для обводочки!

Обои на стенах выцвели и почти до потолка испещрены автографами знаменитых людей и Жориных друзей, побывавших когда-то в этой комнате. Оставил здесь и Пал Иваныч роспись с лихим кавалерийским завитком.

Ветеран вспомнил: была такая поэтесса времен гражданской войны Гельтруда Стоячая. В своих стихах призывала украсить все деревья в Дубровске трупами врагов, а когда тела начнут разлагаться, сбросить их в старую шахту. Гельтруда была видная из себя, моложавая. Крутила с большим начальством, ездила по городу на белом коне, в модных платьях, выписанных из Парижа, вся сплошь в конфискованных бриллиантах. Активно работала в местном ЧК, участвовала в допросах. Ее боялись во все времена.

– Страшная женщина! – припоминал старик, отхлебывая пиво. – Но и талантливая. Потом она уехала в Москву, вышла замуж за какого-то генерала, работала в женской печати, была знаменитой феминисткой, ездила на конгрессы. Зубы у нее были крепкие, желтые. Говорят, она этим зубами могла на спор перегрызть горло белому офицеру.

Жора кивал головой: лет двадцать назад он сочинил про Гельтруду книгу, которая вышла в той же серии про огненных революционеров. Тогда нельзя было написать про ее садистские подвиги. У Жоры хранился где-то сборник ее стихов – сплошной сгусток ненависти. В годы застоя книжка была нарасхват, а сейчас все про нее позабыли...

И предложил Пал Иванычу отведать «капиталистической» водочки, купленной в киоске. Наклейки на бутылках были такие яркие, что старик приоткрыл от удивления рот.

Жора отвинтил пробку, разлил водку по пивным бокалам, наполняя их на одну треть. Сделали пробу: вроде бы ничего, корявая, собака! Прежняя, дубровская, лучше была.

Старику захотелось в туалет. Он встал и, обогнув мусорную кучу, вышел в коридор. Там он увидел пожилую уборщицу, моющую пол шваброй. Влажный линолеум блестел всеми своими потерянными узорами, на стертых местах чернели полосы и шрамы. Даже дырки на линолеуме казались совсем новыми. От вида влаги Пал Иванычу еще сильнее захотелось помочиться, он едва не поддал сапогом ведро с водой.

Поскользнулся на влажном слизистом полу, едва не упал, схватился за дверную ручку, заругался. Проволочка на правом сапоге лопнула, оторванная подошва хля́бнула по луже воды, накопившейся возле плинтуса.

Уборщица перестала мыть, с удивлением разглядывая старого чудака. В общежитии разный народ бывает, но такого даже она видела впервые.

Ветеран подозрительно всматривался в пожилую женщину. Лицо его стало важным, как у предводителя нищего полка.

– Ты, случайно, в губкомоле не служила? – спросил он, сердито прищуриваясь. – Ты Глаша или Даша?

Уборщица ответила, что она не Даша и не Глаша, и никаких «помолов» отродясь не знала – «усю жизню в етай общажитии», а зовут ее Прасковья.

– А ты ишшо, что ли, писатель? – спросила она, приосаниваясь и поправляя ручку швабры. В глазах ее загорелись презрение и ненависть. – Я видела: ты из Жоркиной комнаты вышел. Я этих писателев терпеть не могу. Толькя в нашей общежитии их несколькя штукав. Соцьялизьм кончился, а им все неймётся – пишуть и пишуть. Пьють и пьють. Спорють и спорють. Галдежу от их, как от деревенских собак. Из разных культурных непонятностев драка у них завязывается... От одного Жорки шуму и порожней посуды мильён пудов!..

– Ты, старая, с ума сошла, контрпропаганду здесь разводишь! – притопнул на нее Пал Иваныч.

– Правду говорю, вот те крест... – уборщица перекрестилась на пальму в кадке. – Бутылки в евонной комнате мешками собираются. Времена такие настали, что он таперича их не сдает, закрылся пункт приема стеклотары...

И еще она рассказала, что зимой Жора в одних трусах и майке застрял в лифте и сидел там целый час, орал от холода, чуть не замерз, пока механика искали. Один раз он ночевал в душе – заснул там пьяный, а сторож его закрыл, и ночью Жора грелся под струями теплой воды... Из окон общежития регулярно вываливаются творческие и прочие личности. Ночью вахтер запирает двери, и отчаянный народ ломает руки и ребра. Некоторые довольно удачно «падають» на цветочную клумбу.

– Ты, бабушка, не понимаешь... – разъяснил ситуацию Пал Иваныч. – Американцы загнали свою литературу на университетские задворки, но мы не будем следовать их примеру. Россия – страна писателей. Мы, бабушка, лирики, мы – мягкая невникающая Америка... Ты угадала: я тоже писатель. Я всю жизнь писал рапорты, донесения, приказы, а также стихи. Жорка, конечно, хороший малый, но никакой он не писатель и даже не журналист – литературный щелкунчик, создатель заводских эпопей. А попроси его сочинить обыкновенный рассказ вроде «Ваньки Жукова» – не сможет.

Тут Пал Иваныч вдруг заметил картину, висящую прямо над фикусом. Люди, изображенные на ней, показались ему знакомыми.

Уборщица сказала, что эта картинка уже лет сто здесь висит.

Пал Иваныч рассердился и сказал, что в прежние времена приговорил бы уборщицу к расстрелу за равнодушие. Картина идеологически точная и называется так: «Матрос Железняков предлагает председателю Учредительного собрания Чернову покинуть трибуну». Есть у этой картины и более короткое название – «Караул устал».

– А дальше было вот что... – ветеран, размахивая руками, стучал сухим кулаком по обшарпанной стене. – Чернов скомкал бумаги и объявил заседание закрытым... Вон там, в уголке, нарисована фигура молодого солдата, взявшего винтовку и целящегося в Чернова. Это – я!.. А коренастый матрос с черным клоком волос, выбивающимся из-под бескозырки, и перепоясанный пулеметными лентами – Железняк!

Уборщица окунула тряпку в воду и, почти не отжимая ее, намотала на швабру: ей было скучно разговаривать с крикливым вздорным стариком. Но больше не с кем было поговорить, и она рассказала, как на прошлой неделе дюжина «других сярдитых писателев» прямо здесь, во дворе общежития, сожгла чучело Жоры.

Рассказ про чучело позабавил старика. В двадцатые годы Пал Иваныч любил сжигать чучела разных там Чемберленов и прочих капиталистов с акульими физиономиями...

Тут же подумал, что надо бы послать Жору за закуской – пусть купит парочку жареных «нэпманских» цыплят. А заодно толстую «буржуйскую» селедку, выловленную где-нибудь у берегов Исландии. Жаль, нет под рукой сабли – ветеран разрубил бы эту селедку прямо на столе...

– Скажи, старая, где здесь туалет?

– Какая я тебе старуха? – рассердилась уборщица. – Вот еще пралич объявился тута...

Но дорогу в туалет показала.

Балкон

Пал Иваныч вернулся из туалета, а в Жориной комнате уже гости начали собираться – местные писатели и просто любители поговорить на разные темы. Каждый из них был не прочь пропустить кружечку-другую пива или чего покрепче.

Старик присаживается в уголке дивана, прикрывает глаза, бормочет собственные, пока еще не родившиеся слова.

Беседа начинается вялая – кто в каком журнале напечатался, кто и где нашел спонсора для издания книги.

Ветеран ждет, когда они заговорят о судьбах России. Вот тогда-то он и произнесет речь.

Выпив для разнообразия чувств водочки из пивного бокала, старик выходит из накуренной комнаты на балкон – массивный, пузатый, с гипсовой завитушчатой отделкой пятидесятых годов, с осыпавшейся лепниной. Балкон приятно покачивается под его костлявыми ногами, возносит в угасающее летнее небо, дышащее скорой вечерней прохладой. Внутренность, хватившая спиртного, приятственно дрожит. Но в животе Пал Иваныча не старый прокисший ливер, мешающий жить пожилому человеку, – там у него желчная сущность оратора, глубина, рождающая силу взрывных слов.

Говорить хочется прямо сейчас, с балкона, однако Пал Иваныч терпеливо выжидает, дает перебродить хмельным видениям мыслей. Он еще успеет ворваться в общий разговор со своим револьверно-сабельным сюжетом.

«Милый далекий Люсик! – неожиданные слезы застилают глаза. – Где ты – моя революционно любимая? Образ твой собирается внутри меня. Ты совершила невозможный факт – вылечила меня целебной грязью и светом черных глаз. Жалко, что грязь не лечит обиду и мировую несправедливость... Где ты, Люси, душа Металлограда?.. Ты должна принадлежать сегодняшнему дню, как принадлежу ему я».

Он видит, как дух Люси, оборачивая юную голову, улыбаясь, проплывает над сосновой рощей. Ветеран, не верящий в призраки, грозит ему пальцем.

На балконе появляется Жора, «нигде не работающий тип», как выразилась про него уборщица, пьяный и веселый, лысина в капельках пота, в глазах задумчивая веселость, в зубах сигарета – кто-то угостил.

– Любуешься, дедушка, золотым российским воздухом? – спрашивает Жора. – Замечательный воздух! Сюда заводской дым редко достигает.

– Ты мне этот воздух так расхваливаешь, словно продавать собираешься, – сердито оборачивается старик.

Через открытую балконную дверь из комнаты доносятся голоса повеселевших писателей. Глухо позванивают пивные, наполненные водкой бокалы.

– Душа парует! – Пал Иваныч вздыхает, смотрит на красные стволы сосен, освещенные заходящим солнцем. Быстрый стариковский гнев набирает силу. – Не надо отдавать буржуям по дешевке наш лес – пусть готовят себе пластмассовые гробы.

– Пластмассу из нефти делают, а нефть тоже российская... – говорит Жора.

– И нефть свою назад отберем! – распаляется старый боец.

В комнате услышали разговор, заспорили о гробах – идеологическое понятие «гроб» или материальное?

– Я хочу вернуть истории то, что она потеряла – смысл! – восклицает Пал Иваныч, щелкает палочкой по осыпавшейся штукатурке балкона.

На балкон из комнаты высунулось красное лицо, улыбнулось и молча исчезло.

Речь на злобу дня

Пал Иваныч, покачиваясь, заходит в комнату. Старое сердце, готовое к рождению слов, бьется с металлическим речевым темпом.

Писатели Металлограда замолкают, выжидательно смотрят на ветерана. Это молодые, дерзкие умом люди, настроившиеся к тому же и слушать.

– Уважаемые товарищи работники литфронта! – привычным вскриком начал свою речь Пал Иваныч. Взял со стола пивную кружку, наполненную на одну треть водкой. – Несмазанная мысль прёт с натугой, обдирает мозги. Несмазанная мысль калечит и обдирает правду с факта. Поэтому я выпью...

Молодые писатели встают, чокаются с ним бокалами. Выпивки пока достаточно – каждый принес, что мог.

– Товарищи писатели! Настал трудный момент в вашей жизни. Вы никому не нужны, и здесь несомненный плюс в том смысле, что вы наконец-то можете взяться за себя. Вас не преследует ни государство, ни цензура. Впрочем, цензура осталась... Но государство вас не воспитывает, хотя и денег на прокорм не дает. Творческий кусок хлеба у вас отняли, зато у каждого есть еще бумага и карандаш. Каждая бесцензурная душа должна быть готова к забвению...

Старик кашляет, вытирает лицо серым скомканным платком, извлеченным из кармана галифе. И продолжает задушевно и взволнованно:

– Дорогие мои юные писатели и поэты!.. На него смотрят потрепанные жизнью лица сорока-пятидесятилетних людей, лица полувекового масштаба, ровесники металлоградских строек.

– У меня нет писчей квалификации, хотя я тоже сочинил несколько книг призывного характера и стихотворные сборники. Жаль, что бумага книжек моих рассыпалась ввиду ее опилочного состава... Ремесло ваше приходит в упадок. Не от происков врага, но от внутреннего шатания истории, которая не оставляет щелей для всовывания в них культурных моментов. Но вас не должно томить такое невозможное для литературы положение. Ваши книги не утолщаются, но сжимаются до одной страницы пророческого предчувствия...

Что вы там говорите, молодой человек? Нет денег, нет бумаги? Полнейшая чепуха... Для писателя не существует внешних явлений, которые могли бы помешать ему творить. Ждите своего часа! Я сочинял свои стихи на полях буржуйских газет и вполне был доволен своей работой. Химическим обслюнявленным карандашом я вставлял свою мысль дерзким чертополохом на цветущую обочину истории.

Наступит момент – и взойдут, взблеснут ваши черноземные таланты – самородные, оправленные в стальную оправу знания жизни. Вы живете в Металлограде, который находится в местности исконно русского языка, придавшего всей нашей классике особый коленкор.

Дорогие мои юнкоры! В литературе вы работаете сейчас неорганизованно, единоличным способом. На сцену писчей культуры выходит его величество мистер Текст. Он такой, едрит его бабку, что про него и сказать толком ничего нельзя. Текст показывает себя, лезет вперед всех мыльных пузырей... Пустота слов перетекает в пустоту воздуха на закате – не тщетное ли усилие? Вы, глухоманные творцы, должны чувствовать себя более особенным и вдохновенным образом. Я уверен, что рукописи ваши не заплесневеют в сундуках и чуланах.

Задача молодых умов – пошукать новую идеологию, которая смогла бы примирить всех, соединить в себе христианство и коммунизм, вместе взятые... Я когда-то сочинил Сверхновый Завет, но черновик затерялся в боях под Касторной. Смело глядите вперед и не копайтесь в отжившей ветхости... Помните: цензура дышит во всяком новом «изме»!..

Старик сделал передышку, заругался, закашлялся. При общем почтительном молчании было слышно, как по грязному паркету катится порожняя бутылка – под ее круглыми боками хрустели песчинки.

– Да здравствует наша революция – промелькнувшая вечность! – Пал Иваныч задышливо произнес лозунг. – Опасайтесь мещанства. Лапы его хватают и увлекают человека в космические бездны существования...

Старик почувствовал, что глаза его закрываются сами собой, присел на диван, погружаясь в дремоту.

Поднялся с места человек лет сорока пяти с белым ежиком волос над покрасневшим озабоченным лицом, на скулах его, переливаясь, играли желваки.

– Я, ребята, строил Металлоград! – начал он негромким глуховатым голосом. – Я приехал из деревни, жил и живу в этой общаге, пишу рассказы и повести, работаю на заводе, у меня семья... Но чувствую – жизнь моя двинулась к глухому концу. Я ее чую, эту жизнь, которую еще никому не удалось обмануть...

Металлоград, конечно, не вечный город, но он еще постоит. И дело не только в том, что я строил его на совесть. Металлоград спокоен. Здесь живет непсихованный деревенский народ, собравшийся сюда из колхозных сумерек. Да, социализм был неважнецкий, но он – мой! Я – в нем!

Ветеран услышал слова оратора. Глаза старика приоткрылись, наливаясь пьяной активной синевой.

– Здесь, в Металлограде, даже воздух социалистический, пропитанный пылинками угасающей мечты, – продолжал писатель-рабочий. – Я не боюсь истории как истории отсутствия истины...

Старик, слушая чужие волнительные слова, прикрыл опять глаза и увидел себя всадником на своем любимом жеребце по кличке Черт – Пал Иваныч летит вместе с лошадью над деревянными палисадниками, заросшими сиренью – душерассы́пчатой мелочью... Возле палисадников на лавочках сидят старушки в пестрых платках и старики, обутые для постоянного тепла в валенки. Идет по улице молодая Люси с напудренным лицом, мелькают красивые ноги в контрабандных чулках со стрелками.

Он с трудом разлепляет тяжелые, будто из глины слепленные ресницы. Он опять хочет говорить.

– Если часто меняются вожди, в народе теряется трепет надлежащего исполнения... Не позволяйте использовать металл в контрреволюционных целях!.. Будьте осторожны – маленький паршивый миг портит прекрасное спланированное будущее. Один плевок оскверняет море. Свобода, товарищи юнкоры, это женщина, которую легко обмануть. Никто не имеет права наживаться на истине. Не позволяйте уму своему уходить в ненависть... У меня была бронзовая голова на памятнике в комсомольском парке. Теперь голову спилили, продали буржуям за границу, а те сделали из нее спутник и запустили в космос. Спутник там летает, не по-нашенскому пищит...

Пал Иваныч пытается встать, однако необоримый сон со всех сторон наваливается на него. Перед ним не устоит никто, даже серая смерть, подплескивающая волнами к подбородку. Пал Иваныч кричит в надвигающееся лицо смерти: долой! Прочь от меня, тьма оппортунистическая!

Другой писатель, из самых молодых, тоже хочет выступить, тянет руку вверх, словно отличник на уроке. Но слова ему пока не дают, и он перебивает свой ораторский пыл поеданием ломтика колбасы местного производства.

Ветерана укладывают на диван прямо с сапогами. Писатель-рабочий умело подвязывает проволочкой отвалившуюся подошву.

Слышится бренчанье гитары: местный бард заводит новую лирическую песню.

Кто-то распахнул окно – в прокуренную комнату ворвался запах душистых вечерних сосен.

Елена ДОРОГАВЦЕВА

слово

По позвоночнику вверх, к аорте, через все трещинки в позвонках,
через нарост горба (сколиоз вопроса), отдаваясь гудящим эхом
в печени, в селезёнке – в уши, в желудок. так
болью тягучей, сладкой бьётся и растекается смехом
на мельчайшие «до», на слоги. пока оно там, внутри,
тычется в липкий и влажный космос, рождая атом,
всё твоё бесконечное «посмотри», всё твоё неизбежное «виновата»
разваливается, разлетается на пыльцу цветочную,
на вечную мерзлоту планет, пока его ещё нет.
но вымученное, телесное, животное,
соединяющее мысль и мышцы,
выдыхается
и меняет состав воздуха,
преображает пространство –
льющееся, горячее, только твоё.

***

Осенней полумглы вливается раствор
в распахнутую форточку как в горло,
и по углам мешками глухоты висит-густеет.

Если взять альбомы и посмотреть на снимки или слайды,
то по оттенку угадаешь год.

У времени есть цвет.

Мне было пять.
я лезу на гармошку батареи, на подоконник. еле достаю
до форточки двойной. и на носочках
тянусь, тянусь. и пальцами – двумя –
кручу задвижку.
Гул по всей Москве: гудок протяжный, низкий, безучастный.
сливаются гудки со всех сторон.
пустые улицы, никто не плачет, только
молчание – ни радости, ни грусти.
глухое ожидание. озноб.
и серое пальто висит в прихожей,
и в лёгких антрацитовая смесь.

Елена Дорогавцева родилась в Москве в 1977 году. Окончила Институт государства и права РАН по специальности «правоведение». Печаталась в журналах «Октябрь», «Арион», «Дружба Народов» и др. В «Волге» публикуется впервые.

***

Человек, сидящий на месте, тает как снег весной,
растекается как эскимо, заполняет углы квартиры.
надо чаще ездить, чтобы стать снова самим собой.
разденься и посмотри: разделительные, пунктиры,

в солёных ложбинах тела запах угольных поездов –
лента Мёбиуса – перемещение – возбуждающая щекотка.
внутреннее спокойствие точнее любых стихов.
что там хрипит в трахее, в пересыхающей глотке?

слово, стремящееся вовне, в итоге, входит в пике и
возвращается.
истина путешественника, правда вперёд смотрящего:
пейзаж раскрывается самобранкой на пикнике –
стыдливая самодостаточность настоящего.

***

Иногда мне снится, что я живу в центре города,
в чужой однокомнатной квартире. из мебели
только венский стул, шкаф советских времён, трюмо,
в которое боюсь заглядывать поздним вечером.

книги и барахло лежат на паркете, я – на матрасе.
целыми днями смотрим в потолок и слушаем:
бывшие жильцы сбегают в носках по лестнице,
ключи-будильники, чайники перешёптываются,
соседка сверху отталкивается от пола шершавой пяткой:
трещинка на ступне – нерв, распоротый ракушкой.
море бьётся в её случайную молодость,
волна испуганно скручивает бигуди.

воспоминания и спасительная поспешность.

её шкаф скрипит от отчаяния. ёжится и шуршит
мужской халат в целлофановом пакете.
она достаёт его вечером, прячет лицо в махру
и мастурбирует, чтобы уснуть.

мне снятся её сны:
свист проплывающих облаков, кровоточащая ранка.

***

Из сосновых-еловых иголок, прилипших к подошве,
можно выложить имя идущего вдоль по дороге.
машут крылья щитовника, ветер гуляет по лесу
между почкой и почвой, лишь папоротник задевая.

комариное облако движется за человеком,
нагоняя в тени, осеняя виски и макушку,
оживающей аурой, вспыхнув рубиновым брюшком,
освящая и кровью, и мясом, и лесом, и полем.
ты хотел быть и полем, и лесом, личинкой и рыбой –
будешь телом единым и плотью от плоти живой.

***

Слово – воздух, пыль насыщенной тишины,
разрывающейся от любого треска-
плеска весла, волны.
ты стоишь на краю и наводишь резкость
то на лодочника, то на сосны с той стороны.

открой объектив и получишь право ренты,
право расставить акценты,
выставить свет вдоль полосы пологой,
засасывать зыбкою почвой волглой,
коснувшись едва.
право быть резкой, строгой,
звонче второго слога, сладкою как трава.
видеть как под водою кучно идёт плотва.
на раз-два скрипят-раскачиваются мостки,
танцуют брейк, извиваются водоросли вдоль реки
и шипит осока сухая.

я не такая
как надо.
я стою на грани шума и пустоты.
я боюсь воды. этой толщи её слоистой
илистой мглы, неизвестности, простоты
– ничего не бывает чистым.
всё что тянет на дно – урок!
не спасёт и шнурок
от страха
утонуть.
не тебе ли снится:
«Ха-ха»
– смеётся ветка, лопается под ногой.
и соскальзываешь, поднимаешь муть.
ил, заглатывая, клубится.

вот и воздух хлюпает над водою.
река не говорит с тобою,
не видит тебя – тебя нет.
потому что её оглушает свет –
прёт безоблачно, напролом.
или ты стоишь в контровом.

Алексей ПОРВИН

Стихотворения из «Поэмы определения»

***

Как всё сложно меж ветвей, но стоит понять:
что питательней всего для чувства и слов –
не бывало кровью, салом, жилой, душой;
набирает массу – свет ни о ком.

О животных, убежавших с бойни, хрустит
не оттаявшая почва в тёмном лесу:
из деревни кто им носит пищу тайком –
тот правителем не станет, увы.

Не вкусивший плоть – готов к безвластной ходьбе:
сохранив на языке лишь маленький вкус
ключевой воды и здешних пареных реп,
поднимая взгляд к запутанным дням.

Как корова на плакате в лавке мясной –
на сегменты снегопад ветвями весны
поделён: лишь луч узнал – ценнейшую часть:
там, за рамками рисунка, вдали.

***

Юго-запад свистит над словом,
нагревшись огромностью своих путей,
что пройдены меж городами...
Реку перейдём по льду.

Да, прочны лицевые кости,
а что с выражением лица? Пусть вес
безмерности весенней – давит
в даль, пусть проверяет нас.

Теплота, выбирая средства
своей достижимости, не уклонись
от ветра, полного словами:
ветер надавил на рты.

Алексей Порвин родился в 1982 году в Ленинграде. Стихи публиковались в журналах «Волга», «Нева», «Дружба народов», «Воздух», «Новая Юность» и др. Автор стихотворных книг «Темнота бела» (М.: Арго-Риск, 2009), «Стихотворения» (М.: Новое Литературное Обозрение, 2011), «Live By Fire» (Cold Hub Press, 2011) и «Солнце подробного ребра» (СПб: ИНАПРЕСС, 2013). Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2012).

Проверяя лицо на прочность
всей тяжестью ветреной, идёт закат,
гримаса радости – прочнее
льда, глядящего в порыв.

***

Измерить тишиной – способности пропускные,
сгустившиеся в облик существа –
дело нетрудное, ставшее временем:
а как своё подобье сообщить...

Ливень про всё по спине простучал,
почва ответила лязгом причала:
кладкой кирпичной побыть, не противясь,
чувство смогло, не себя укротив.

Стеною меж звенящей кузницей и приземной
воро́ной, бьющей криком и крылом –
встанешь, но разве они заключенные
и перестукиваются сквозь тебя?

Небом не станет всё это: враздробь
звуки осенние к плоти торопят
участь свою, словно тело – свобода:
мненье своё поменяют вот-вот.

***

Паденью – просто рождать деревья,
а важно, что скажешь в цветы
замерное, ночное? Вот-вот над городом
настанет заря, забыть успей –

Ладонь разжалась, букетик выпал,
его траектория – кто:
черта, что словно древо, никем посажена –
в секунду как в грунт: земля, продлись.

С такого древа поесть плодовых
огней, означающих всё –
желали рты людские, но быть целованным
намного важней, былая грусть.

Разжалась площадь вокруг рассвета,
он выпал не сразу в тебя,
сначала был в полёте на протяжении
трёх слов: *белизной, спасибо, ты*

***

Ветер, забравшийся под причал,
сотворяет в древесине зарю:

пусть брёвна тончают – и вновь лучам
подобятся при виде вершин.

Всей тяжестью погода на склон
надавит, чтоб сдвинуть к смягченью – час:
где натуга дождевая видна,
лучше на прочее не смотреть.

Ветер, бобриная плескотня:
под причалом в сыроватом душке –
пространство подтачиванья опор;
на чувства навалилось твои.

На чувства налегло, чтоб сдвигать
к дозволенным смыслам? Стоишь горой,
наблюдая, как по склону бегут
отсветы, полные тишины.

***

Зимнее жилище, запах печной:
клубы́ не пускают дальний шлагбаумный пост
в чувства наши, молчащие как свет лесной,
бегом где звериным – пейзаж развёрст.

Голодом отметим нужное впрок:
слоги в гимне нельзя назвать огнём съестным;
похожесть – соблазн, который себя не предрёк,
мирный оттого допиваем дым.

Лампочка на пограничном посту
выпячивает свою световую спираль
прямо в зренье, но не похожа на версту
заячьих следов, пропетлявших даль.

Заячьи следы, себя раскалив
смыслом бега, стремленьем ночи побелеть –
всё высветят в чувстве, помнящем ближний мотив
песни невоенной, где слово – снедь.

***

У стен дворцовых склонишь
голову, чтоб воду разглядеть;
кому и царь – громоздкий ящик, повелевший:
забрать свой скарб, не спутать с прочими.

Проверишь сильных мира этого,
перебирая тысячи верховных действий:

чувство, поиском создайся вновь,
отбором беспредметным.

В километровой луже
пред причаливанием листа
заискивают отраженья и погода:
а что главней стыковки с берегом?

Да, это действие – вместилище,
заполненное доверху некрупным смыслом;
там порыться – и свои найти
пожитки, создаваясь.

***

В свежепойманной рыбёшке среди биений
глубины, в нутре засевшей –
золотой песок, огонь, самоцветный камень,
проплытая дыханьем соль.

Отвернуться от торговцев, что режут рыбу,
приравняв к насущной цели
древеса: стоят, не ропщут в дневную почву,
глотают сказанное им.

Приближеньем бессердечным взрезая рощу –
осознавший дни подобья
в требухе подробных взмахов её и жестов –
найдёт глуби́ны побольней?

Меж стволов гуляют люди, объятья длятся;
пусть блеснёт *чуть-свет* жемчужный,
пусть не зря старалось ртом всеприимным – время
древесное, немое вновь.

Из цикла «Антистрофы»

***

Начало всякого пения, ты – вдох,
вложенный в припоминание текста
как в ножны: вот-вот блеснёт,
страхов звучных нагонит на врагов.

Крох плодовых сбредается один
вдох, с какого рождается зачин
песни беглой, чья музыка – толпа:
лес прибег почему к закату лба?

На «ты» и «ты» разрезая тишину,
думаешь о третьей части, находишь
её, где безмерный свет
взялся жесты любые отрицать –

Встань над счастьем как шелест над плодом,
в стане властно кишели не о том:
поздний запад на позднее чело,
в гроздьях запах – компостней Ничего.

***

Для слёз приходит свет: надежда – в предметах,
исторгнутых окрестным веществом;
построчный не-вдох, распахнутый в берег,
корчится в холодном плавнике...

Издалека прямоугольник причала
похож на выбросившуюся дверь,
а если печаль послушать и сырость,
то в любую дверь легко войти?

Всё сказано предзимним скрипом, пусть время
предупредительным побудет в нас,
как (знавшее свет) внимание фразы:
спешкой не надышится причал.

В траву и в рыбу, в суетливые доски
внимание без стука не войдёт,
но хватит твердить про сердце, где осень
петлями дверными проскрипит.

***

Белое стадо замолчало,
о плодах сотрясая грунт:
прокусан пейзажик, явивший –
ажурность, рассвет, сквозной узор.

О жизни, всё менее сквозной,
разбрызнут по времени войной
защитный животный страх, где бег
кишит, но зовёт в царях/в тебе –

Козья бородка извивалась
как червяк, чьи движенья – снег:
неясно ему, прогрызёт ли –
завесу на зрении людском

Завеса, плотнейший час, покров,
ты вместо депеши антистроф,
кожурка души, созревшей в свет
ажурный, душистый, бывший/нет.

***

Проходят овцы как почва лесная вдаль,
царапнет колос по небу – взрастёт раскол
громо́вый, полный взросленья: грозой зови,
она здесь ясность, где время – туман/зерно.

Подъеданье запасов выбирает
своим субъектом – пшеницу, а не мышей:
мимо амбара говорить опасно
(прожорливый урожай).

Источник действий приравнен к началу дней
неточно: детство царапин печалит не
дорогу к дому, где вечный незрячий вздох
предрёк, куда мы овечий запрячем мох...

Но иного не нужно ожиданья,
где тыщи действий сменили исток себя:
в слове, шуршащем как мышиный колос,
накидана не-боязнь.

***

Здесь делят древо (вот действия мгла)
достигнув частности (небом была)
– визжит мотор лесопильный в щепу,
словам людским проложивший тропу.

Остреющий поток лучей и листьев
смывает с неба недолгого – всю
громоздкость: после рассеченья
мы видим лишь части: «участь», «человек»...

На дебри взглянет просвет в дележе:
а где предмет, соразмерный душе?
Скорбят в платане качанья плода,
объятной станешь для дней, теплота –

Свои взрезания вливает голос:
плыви по ним, измельчайся в труху
неразличимости ценнейшей,
приравнивайся к песчинке, к муравью

Вячеслав ХАРЧЕНКО

СКОЛОПЕНДРА

Рассказ

Ночью заштормило, и Игорь с Олей попали в ловушку. Огромные сизые валы бились о парапет, выкидывая вертикально вверх белую пену вперемешку с грязными тряпичными водорослями, обволакивающими запахом гниения все побережье. Съемный европейский летний домик со всеми удобствами стоял в двадцати метрах от воды, и казалось, что сейчас липкая соленая влага проникнет в дом.

Сразу за спиной, за домиком начиналась остроносая горная гряда, цепляющая своими пиками темные отечные сиреневые облака, из которых, не переставая, гремел потоком холодный перпендикулярный ливень. Единственную приличную дорогу размыло, старенькая машина не могла выехать, и Игорь с Олей оказались запертыми в четырех стенах двухкомнатного жилища.

На беду через час пропал свет. Домик погрузился в гнетущую и пугающую тишину, и узкогрудому, но жилистому Игорю стало казаться, что они долго не протянут, потому что в обычно жаркий и засушливый июль температура опустилась до десяти градусов.

Они легли с Ольгой в кровать, прижались друг к другу, накрылись всем, чем возможно (четырьмя верблюжьими одеялами), и стали ждать, когда закончится шторм, и в этот момент Игорь понял, что никогда за восемнадцать лет совместной жизни не оставался один на один с женой.

По гладкой отвесной поверхности, обитой сосновой доской и покрытой в два слоя темным янтарным яхтным лаком, ползла мутная, серебристо-белая сороконожка, поводя в разные стороны кусачими усиками. Ольга, увидев насекомое, закричала:

– Сколопендра, – и хотя это было безобидное и смешное существо, Игорь подпрыгнул на кровати, схватил со стола банку из-под каштанового меда и попытался накрыть ею «сколопендру», но та, выпустив жидкие струйки клейкого и едкого вещества, сорвалась со стены и упала под кровать.

Игорь вылез из кровати, развернул кресло к окну, вытянул ноги на рядом стоящий стул, закурил сигарету и задумался, наблюдая, как одинокий наполовину сорвавшийся оранжевый буек неутомимо носится по заливу под натиском стихии.

– Зачем ты это сделал? – спросила Ольга.

– Когда и что? – вопросом на вопрос ответил Игорь.

– В университете, повел меня в шпиль на тридцать восьмой этаж? Ты боялся меня поцеловать прилюдно? Стеснялся?

Игорь какое-то время не понимал, о чем говорит Ольга, но потом, собравшись с мыслями, вдруг вспомнил тот день. Яркий и солнечный. Вспомнил и опешил.

Познакомились они с Ольгой у Сизовых. Эффектная Людочка Сизова с огромными, как у сенбернара, глазами и повадками щенка водолаза будоражила всех на курсе, и Игорю было неудобно приходить к ней в гости. Когда он видел Сизову с мужем Стасиком, то что-то в нем переворачивалось, и ему хотелось задушить Стаса или просто отвесить ему оплеуху. Но Стас был по-настоящему мужествен, высок и строен, как светловолосый атлант, и Игорь ничто не мог ему противопоставить, тем более, когда был простым студентом, а не известным журналистом. Соседка Ольга же – опрятная, но не приласканная девушка – вызывала в нем смешанные чувства: от симпатии до отторжения.

Вячеслав Харченко родился в 1971 году в Краснодарском крае. Закончил школу в Петропавловске-Камчатском, выпускник МГУ им. Ломоносова, учился в Литературном институте им. Горького. Участник литературной студии «Луч». Стихи и проза печатались в журналах «Новая юность», «Арион», «Знамя», «Октябрь», «Крещатик», «Новый берег» и др. Живет в Москве. В «Волге» публиковался рассказ «Шахматист» (2014, №3–4).

Он и рад был бы довести отношения с Ольгой до постели, но не знал, что ему с ней делать. Когда эпопея затянулась на полгода, Игорь уже не мог ничего изменить, потому что все было странно.

Шторм не прекращался. Спелое небо никак не соглашалось, что людям нужен свет. Корявые и беспокойные волны крошили клочок бетона. Брызги, как куски пенопласта, заливали веранду, и казалось, еще немного, и они доберутся до шаткого домика.

Чтобы попасть на тридцать восьмой этаж, надо было проехать по двум лифтам и пройти десять пролетов пешком, но дверь на смотровую площадку в шпиле была заперта, и Игорь не знал, что делать с Ольгой. Тогда она сама прижалась к нему, и ничего не оставалось, как обнять будущую жену, и она даже стала стаскивать с него брюки. Игорь заупрямился вначале, но Ольга была настойчива. Спасло Игоря то, что неожиданно внизу раздались чьи-то голоса, и Ольга сама отпрянула от него и стала спешно застегивать кофточку. Утром они поехали в Люберцы, и Ольга познакомила его со своими родителями, через месяц – свадьба.

«Как давно это было», – думал Игорь, вытянувшись в кресле. Нельзя сказать, что за восемнадцать лет Игорь не пытался что-либо исправить. У него мелькали любовницы, некоторых он даже под видом сотрудниц своей газеты вводил в дом, но чувство, что все могло быть иначе, не покидало его. Иногда он срывался, уезжал на рыбалку или ходил на байдарке по горным рекам Урала.

Сейчас же он и вправду не знал, что ответить Ольге. Ольга отвернулась к стене и произнесла:

– У человека укусы сколопендры вызывают отёк и боль.

Что связывало Игоря с этой женщиной, он не знал, но оставить ее он боялся, даже не из-за детей, а из-за атмосферы вседозволенности мужского начала, которое вокруг себя создавала Ольга. Эта вседозволенность была продолжением ее властности. Все в доме было подчинено Ольге, никто из домочадцев не мог сделать и движения без ее согласия. Иногда Игорь думал: «Эта женщина доведет меня до сумасшедшего дома», – и утыкался носом в окно, рассматривая из кухни сумеречную Москву, сделав домашнее задание с сыном и уложив спать младшую дочь.

Игорь не заметил, как в кресле уснул. Снился ему сон, как он в деревне запускает китайского змея, хотя в детстве, в СССР таких игрушек не было, да, честно, он и не помнил из своей жизни ни одного случая, чтобы ему пришлось запускать воздушного змея. Один раз, уже в тридцать лет, он видел, как две четырнадцатилетних девочки на ВДНХ в сильный ветер пытались влить в вышину яркую лиловую плоскость, но судорожные порывы, раз за разом, сбивали ее вбок, и змей заваливался в сторону, как оранжевый пластиковый шлагбаум.

Игорь проснулся от боли. На его груди сидела сороконожка, и две отчетливых синеватых точечки виднелись ненужной татуировкой, и все окружение возле этих укусов отекло фиолетовым нарывом и мучительно болело. Игорь вскрикнул и сбросил сколопендру на пол, и хотел затоптать ее ногами, но лишь поморщился от внезапного спазма.

Ольга, встав с кровати, подошла к нему и наклонилась, разглядывая ранки. Ольга, ничего не сказав, спустилась по лестнице на первый этаж и завела машину. Игорь медленно и осторожно, не без помощи жены, дошагал до авто и развалился на заднем сиденье. Автомобиль резво тронулся и, плюясь мелкой галькой из-под задних колес, вылез, как огромный слепой крот, на дорогу и двинулся в сторону Феодосии. Сзади грузно трусила беременная собака и отчетливо подвывала.

Мимо за окном пролегали виноградники, и сейчас, в сезон, на толстой и извилистой лозе уже висели еще зеленые блестящие кисти. Казалось, протяни руку из окна, и тебе под ноги упадут увесистые окатыши.

– Это ты меня укусила, ты, – неожиданно с заднего сиденья взревел Игорь и хлопнул Ольгу по кожаному подголовнику.

Ольга резко нажала на педаль тормоза, Игорь грубо полетел в середину салона. Ольга достала из пачки сигарету, закурила и произнесла:

– Тебя укусила сколопендра!

Дмитрий ГЛЕБОВ

РОЛЬ

Рассказ

– Виски и затылок покороче сделайте, – попросил Саша.

Парикмахерша Лариса скривила морду и потянулась к машинке.

Когда Саша ушел, она подошла к Оле:

– Заплатил хоть. Вообще его обслуживать не хотела. Кто его записал, бляха-муха?

– Да Машка вроде, – неуверенно ответила Оля. – Это она в среду работала. А чего ты так?

– Чего-чего... Не видно, что ли? Наркот он. Ненавижу наркотов. Вообще непонятно, чего от них ждать. Или за жопу схватит, или убежит, не заплатив.

– Во-во. У меня тоже один такой был. Я его подстригла, так он просто встал и ушел, – вспомнила Оля.

– Ну, а ты чего?

– Ничего. В сторонку отошла. Что я ему сделаю, такому неадекватному? Здесь мужик нужен. А мужиков в тот момент поблизости не было.

– Мужиков никогда нет, – подтвердила Лариса.

Выйдя из полуподвальной парикмахерской, Саша купил бутылку пива и уселся на скамейку. Припекало ласковое весеннее солнышко. Ветерок теребил обновленную челку. В последнее время с Сашей творилось что-то неладное. Возможно, это было следствием употребления психотропных веществ. Он вдруг стал догадываться, что на самом деле вовсе не Саша, а кто-то совсем другой.

Это мысль настолько захватила его, что он даже забывал принимать наркотики. Ежедневно он находил все новые и новые подтверждения этой теории. Почему, например, он не помнит себя раньше, чем с 2010 года? И откуда у него такое жгучее желание фотографироваться и раздавать автографы? И куда подевался его паспорт? И за каким фигом соседи по коммуналке с ним так вежливо обходятся?

Однажды ему в руки попалась телепрограмма, где были заметки про фильмы из тех, что показывали на неделе. И там была фотография канадского актера-подростка Кори Хэйма. Фильм назывался «Пропащие ребята». В статье писали, что этот ужастик стал культовым в восьмидесятые и прославил юного актера, который позже увлекся наркотиками и умер от передоза в 2010 году.

– Все сходится, – поднял глаза от статьи Саша. – На самом деле меня зовут Кори Хэйм.

В интернете Саша нашел большое количество фотографий и видеороликов с Хэймом. Сходство действительно было поразительное. Особенно в поздние Корины годы, когда тот совсем сдал, одевался в костюмы как с чужого плеча и ходил с недовольной рожей.

Саша пересмотрел все фильмы со своим участием. Особенно ему понравилось «Право на вождение» 1988 года. Он играл там троечника, который очень хочет получить права, чтобы клеить девок. Когда герой засыпает на занятиях по вождению, злобный преподаватель говорит: «А таких, как ты, панков санитары соскребают в шесть утра с асфальта».

– Вот меня и соскребли, – вздохнул Саша по поводу своей безвременной кончины.

В Голливуде у Саши остались мать, распродающая личные вещи умершего сына на аукционе «Ebay», и товарищ по разудалым восьмидесятым актер Кори Филдман. Последний написал в новой автобиографической книге, что Саша все это время был скрытым бисексуалом.

Дмитрий Глебов родился в 1985 году. По образованию психолог. Окончил бакалавриат, магистратуру и аспирантуру РГПУ им. Герцена. Автор романов «Скейт-Гонг» («Свободное Марксистское Издательство», 2012) и «Черный троллейбус» («Айлурос», 2014). Проза печаталась в журнале «Нева», альманахе «Транслит». Живет в Санкт-Петербурге.

Саша этому, конечно, удивился. Никогда за собой такого не замечал. Но еще больше его поразило, что он еврей. Что мама у него еврейка, и даже лучший друг – и тот тоже еврей. Не то чтобы Саша был антисемитом, но скорее все-таки был, чем не был.

– Но с другой стороны, – размышлял Саша, – разве может быть что-то более нееврейское, чем мое самоуничтожение в зените славы? Из секс-символа на красивой машине я превратился в банкрота, нарка и лузера. А значит, на самом деле я не еврей. Вон Филдман, тот да. Какую книгу, паскуда, обо мне написал. Знает, небось, что я застрял в России, забыл английский язык, а значит, не дотянусь, чтобы в морду его наглую жидовскую дать!

Как именно он оказался в России, Саша Хэйм не помнил. Но это мало волновало его. Мало ли чего в мире не бывает. Пусть он и был бывшей звездой, но, говорят, лично знавал Майкла Джексона. А там два шага до имитации смерти и тайного переселения туда, где его точно никто не будет искать.

Тем более что после того, как Сашу Хэйма перестали приглашать на съемки в конце девяностых, он на несколько лет переселился в провинциальный городок. То есть он уже такое практиковал.

А в Голливуд Хэйм вернулся только в середине двухтысячных, когда официально объявил себя банкротом. Нужно было срочно заработать, вот он и вспомнил о ремесле. Но триумфального возращении не вышло. Сначала всем стало интересно, особенно мамашам ближе к сороковнику, во что превратился герой-любовник их юных лет. А после того, как они его хорошенько разглядели, Хэйму предлагали только маленькие роли или фильмы категории «Б».

Саша уже пятый год работал на радиорынке, где скупал и перепродавал краденые телефоны.

Узнав, что на самом деле он известный голливудский актер, Саша попробовал себя в массовке и эпизодических ролях в сериалах про ментов. Вскоре его заметили и стали регулярно пригашать играть наркоманов и барыг. Он стал королем наркоманского эпизода.

Когда он в следующий раз пришел стричься в ту же полуподвальную парикмахерскую, Лариса сразу узнала его. Работая ножницами, она специально терлась об него грудями.

– Вы очень талантливый актер, – сказала она. – Я в прошлый раз не сразу поняла, что вы в образе. Подумала, что натуральный наркот. Где вы учились играть? В Театральной академии? Я пробовала туда поступать после школы, но пролетела.

– Я нигде не учился, – честно признался Хэйм. – Это идет, знаешь, откуда-то отсюда, – он похлопал себя по груди.

Вскоре Лариса и Хэйм стали вместе спать. Он признался ей, что на самом деле вовсе не Саша, а Кори. Она не стала задавать дальнейших вопросов, приняла все как есть. Хотя, безусловно, задумалась. Они были счастливы. Вместе курили траву и бухали. Хэйм вернулся и к любимым своим таблеткам, но предпочитал принимать их в одиночестве, зная, как Лариса относится к наркоте. Траву она наркотиками не считала.

Жизнь совсем наладилась и обещала стать еще лучше. До тех самых пор, пока Саша Хэйм не попался на том же, на чем и в Голливуде. Ему доверили большую роль с множеством ярких реплик. Она обещала стать новой вершиной. Все знали, что к Саше давно присматривается Тимур Бекмамбетов.

Но Саша переволновался и приперся на съемочную площадку обдолбанным в хлам. После этого его перестали приглашать на съемки. От огорчения он стал жрать таблетки безо всякой осторожности, и однажды Лариса его запалила. Она уже крутила когда-то романы с наркотами, поэтому ушла без лишних объяснений. Ловить здесь было уже нечего.

Все роли Кори Хэйма были похожи. Не Саши, а того, голливудского. По сути, это был один и тот же подросток, озабоченный лишь получением удовольствия от жизни. Раздолбай, которому везет вопреки всему. В итоге он получает девку, деньги, машину, – в зависимости от сюжета, – или все вместе. На этом фильм заканчивается. После титров герой взрослеет, обзаводится зависимостями и дурным характером. Пророчество сбывается, и рано утром его соскребают с асфальта.

Непонятно, как Хэйму удалось очутиться в России. Да и удалось ли вообще. Но роль Саши была им сыграна так же добротно, как и в лучше годы.

Вадим МЕСЯЦ

Кино и немцы

А.Остудину

Сгустился сумрак утлых чердаков,
осенний дым клубится из подвала.
И холод перекрестных сквозняков
за кончики приподнял одеяло.

Мы чувствуем пружины в позвонках,
нервозность целлофановой брюшины.
Луна рисует мелом на щеках,
и расправляет сложные морщины.

И друг за другом в мусоропровод
летят коты, орудуя хвостами.
Тысячелетье новое грядет.
Все кладбища усыпаны цветами.

Полуночной грозы электрошок
сбивает с ног могучего атлета.
Ногою наступи в ночной горшок
и с грохотом беги до туалета.

В шкаф платяной стремительно войди
пытаясь тщетно отыскать рубильник.
И получи для смелости в пути
от бабушкиной шубы подзатыльник.

Спрячь под подушку даму козырей,
уткнись лицом в обшарпанный застенок.
Сейчас в квартале Красных фонарей
у проституток длится пересменок.

Дрожит живая пена на смычке.
В дверном проеме вспыхивают лица,

Вадим Месяц родился в 1964 году в Томске. Окончил физический факультет Томского государственного университета, кандидат физико-математических наук. В 1993-2003 годах – куратор российско-американской культурной программы при Стивенс-колледже (Хобокен, Нью-Джерси). Редактор-составитель трех поэтических антологий, в т.ч. «Антология современной американской поэзии» (совместно с А. Драгомощенко, 1996) и антология современной русской поэзии «Crossing Centuries: The New Generation in Russian Poetry» (совместно с Джоном Хаем и др., 2000). Автор более пятнадцати книг стихов и прозы, лауреат премии New Voices in Poetry and Prose (1991, USA), Бунинской премии (2005), премии им. П.П. Бажова (2002), финалист Букеровской премии (2002) и др. Организатор «Центра современной литературы» в Москве и руководитель издательского проекта «Русский Гулливер». Стихи и проза переведены на английский, немецкий, итальянский, французский, латышский, румынский, польский и испанский языки.

где висельник на бельевом крючке
как пойманная рыба серебрится.

Арбузы

Каждый художник – с отрезанным ухом.
Ухо отрезано. Сам небрит.
Если на миг ослабеешь духом,
то сразу станешь совсем забыт.

С грузовика – продают арбузы.
Грузчики пляшут. Звучит гобой.
Если уловишь дыханье музы
больше не будешь самим собой.

Галлюцинация – это приятно.
В безумии спрятан предел ума.
Если на брюках остались пятна,
то без сомнения – от дерьма.

Бросит жена – заведи собаку.
Пару собак. Чтобы про запас.
Если случайно полезешь в драку,
попробуй профиль сложить в анфас.

Мы не послушались астронома,
кричавшего – к нам прилетит болид.
Где наш Содом? Больше нет Содома.
Руки дрожат. Голова болит.

Город сгорел тополиным пухом.
Курит чинарики архимандрит.
Каждый певец обладает слухом.
У каждого в землю талант зарыт.

Восток вещей

Они сходят с ума,
прижимая к щекам фотографии
незнакомых детей, небоскребов и пирамид.
И вчерашней газетою застилают постели.
И свечу зажигают в чулане как вечный огонь.

Половина пути была пройдена незаметно.
Почему остаток представляется тяжким?
Может, самое страшное позади?

Коридор в отпечатках ладоней.
На стенке окно нарисовано синим мелком.

Восемь слов по-немецки. Цитата из Гете?
Где пролитая кровь? Кто вымыл пол?

Той весной я был абсолютно счастлив.

Я говорил, ищите меня на востоке вещей.
Всматривался в предметы, сличая ауру каждого из них.
Карандашного грифеля запах, сок сырого картофеля,
целлулоид горящий, расплавленный в банке свинец:
милая мелочевка внимательной жизни.

Я на кросна натягивал простыни нашей любви,
и мазал гуашью, разбавленной пивом.

Я пообещал когда – то, что больше не позвоню.
И сдержал обещание...

Когда тебе станет грустно,
вспомни аквариум в детской тюрьме,
как разновидность магического кристалла.
Или зданье дурдома из красного кирпича,
очень похожее на древний кремль...
там за окнами бьются летучие мыши
чтоб взмахами крыльев погасить пожар.

Пробуждение

В дворцовой спальне
спрятан сон младенца:
иголка в сене, бусинка в глазу,
кривые соловьиные коленца,
усыпанные листьями в лесу,
невидимый, неслышимый, немой,
он как живая бабочка зимой.

В скрипящей двери
спит скрипичный ключ,
но за ночь совершит пол-оборота,
письмо идет на плаху под сургуч,
в гороховый стручок ложится нота;
тюльпаны перемотаны бинтом,
и тянутся во тьму овальным ртом...

Ребёнок дышит, кутаясь в тепло
лоскутных одеял с лебяжьим пухом,
запотевает синее стекло,
соприкоснувшись с беспокойным духом,
что рвется вместе с птицами на юг,
сломав три старых трости и каблук.

Вращается живой калейдоскоп,
переполняясь бричек пестрым бегом,
со всех сторон подтаявший сугроб
бока латает прошлогодним снегом,
пока в печи румянится пирог,
нежданный как подкидыш на порог.

Кормилицы ночлег сторожевой
спокоен, будет день и будет пища.
Сон короля, топор без топорища,
уходит в черный омут с головой;
и в сладострастной патоке халвы
увязли хлебосольные волхвы.

Наследный принц,
что фляга с молоком,
ты в будущем безвестном целиком,
а прошлого захлопнулись страницы.
Петух поет в пылающей столице,
колеса мельниц вертятся кругом.
И мира разбегаются границы
застигнуты внезапным сквозняком.

Апокриф

Скелеты из шкафа спешат на свет,
и тут же находят рояль в кустах.
Мы ищем в завете крутой совет,
но там все стоит на своих местах.

Мария рождается в сентябре,
когда созревают в садах плоды.
Зло густо замешено на добре,
подобно муке в синеве воды.

Ей выбор назначен родить царя.
И вот он приходит в рассветной мгле,
с людьми и животными говоря
гуляет с клюкой по родной земле.

Заглянет однажды в масличный сад,
подарит бродягам беспечный смех.
И тот, кто на Лысой горе распят,
назавтра искупит наш общий грех.

И вот приготовлен пасхальный хлеб.
И праздник украшен порханьем птах.
И в перестановках людских судеб
все прочно стоит на своих местах.

Крепость

Делать любовь
в гороховой соломе смерти,
вдумчиво будто строишь крепость
из разноцветных кубиков
женских душ.
Всю жизнь возводить ее
этаж за этажом,
чтобы сегодня
разрушить
одним щелчком,
встретив тебя.

Синкопа на свежем воздухе

В клетке, подвешенной под потолком,
смерть в окруженье шальных канареек
рот прикрывает атласным платком,
ею исчерпан запас батареек.
В горле слипается каменный ком
из мармелада и раковых шеек.

Мы облачаемся в пробковый шлем,
мы покупаем москитную сетку.
Как соблазнить своим видом кокетку
(только на время, а не насовсем)
нам рассказал добрый сказочник Брем,
надо Альфреду поплакать в жилетку.

Я задыхаюсь в букетах духов,
в обморок падаю от фимиама.
Зверя будить и воспитывать хама
это – занятье для мрачных лохов.
Высшего света высокая дама
выжить не может без низших грехов.

Кто предпочел изучить телескоп,
выбрал для жизни другую планету,
место под солнцем согласно билету
занял среди марсианских особ,
тот безвозвратно отправился в лету.
Проклят навеки предатель и жлоб.

В сени вступает чеченский спецназ.
И, оставляя у коврика берцы,
важно вручает железное сердце
каждому, кто малодушен сейчас.
Все мы по-прежнему единоверцы.
Все мы вдыхаем на воздухе джаз...

Глухонемые ярмарки

1.
Помнишь, как китайцы пересыпали лед
ранним утром? Он стучал по днищу
их короба и отзывался эхом в горах Катскилла.
Мы рвали вишни в ничейных садах,
слушали соловья.
Его песни были похожи на брагу.

В индейском дыму я поднимаюсь над бездной.
Любая моя дорога как водопад.

Бегут по краям шоссе
бесшумные ярмарки глухонемые.

2.
Старый бандеровец плачет, упав головой
на скатерть.
И проклинает отчизну.
Яблоки окаменели.
На дощатой стене сарая пляшут лохматые тени.
Карлос Сантана играет на школьном балу.

У нас по-прежнему нет детей,
и мы нянчимся друг с другом.

Прежний ужас нельзя включить, как настольную лампу.
И все же он повторяется через каждые семь лет.

3.
Медвежонок бежит наутек, испугавшись коровы.
Воротами крепостными закрывается лес.
Скрип петель созвучен скрипу уключин
лодки, идущей в холодный туман
вслед колесному пароходу.

Дышать становится тяжелее. И потом
в душе что-то лопается, словно бычий пузырь...

Я могу попросить прощенья даже у школьных подруг.
Даже у мертвых.

Рафаэль ШУСТЕРОВИЧ

ЯВЛЕНИЯ ПЕРЕНОСА

по требованию

Вишню варили, малину,
Сушили липовый цвет.
Забытое наполовину
Время, которого нет.

Ромашка и скабиоза,
Душистый трофей шалфей.
Журчи, аркадская проза,
В устах порхающих фей.

Трещи, кузнечик залётный,
Бессмертием упоён;
Тучней своей плотью плотной,
Подпольный гриб шампиньон.

Меж ивой и тополем, снами
За межевым столбом,
К покосившейся раме
Прислоняешься лбом.

2015

памяти Паниковского

Едва ускользнул из паучьих, палачьих лап.
Душа побрела далёко, к прощальным рекам.–
И вот над тобой вещает какой-то Остап:
А был ли покойный нравственным человеком?

Бывало, общественный долг диктовал нам тон –
Убить тирана, отмстить неразумным чучмекам;
Ты Брут, Помпей, Гармодий, Аристогитон –
Но был ли, покойный, ты нравственным человеком?

Рафаэль Шустерович родился в 1954 году, окончил Саратовский государственный университет, в настоящее время живет в городе Ришон-ле-Цион (Израиль). Публикации в журналах «Волга», «Иерусалимский журнал», «Крещатик», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Северная Аврора», «Зинзивер» и др.

Засаленных карт лови мелькающий крап,
Живи в лесах – не мошенником, но дровосеком,–
Опять вопросит с высот какой-то Остап:
А был ли покойный нравственным человеком?

И если сошлась толпа – расточилась, как сон,
Им время плодить калек, подавать калекам.
И чей-то глас шелестит средь осенних крон –
А был ли покойный нравственным человеком?

2011

новый колобок

вот так замолчишь певцом
на свободу с помятым лицом
бежишь семенишь с волками
размахивая руками

стая стоит сопит
бурый в берлоге спит
тает снежок на пару
небо глядит в дыру

кто-то гулял сопел
то ли дышал то ли пел
то ли кричал стонал
по матери вспоминал

2013

экфрасис-1875

Циклёвщики полов, натурщики Кайботта –
Стирающие свет, ворующие тьму –
В лукавом янтаре аттического грота
Застывшие на миг сто сорок лет тому.

Всё строится в ряды, всё исчезает в пене,
Войдя из пустоты, опять уходит в тлен;
Мы ближе к чертежу, вставая на колени –
И дальше от него, когда встаём с колен.

Могучая рука, изрядная манера.
Закончив этот труд, ужели отдохнём?..
К чему вам богомаз, зовите инженера –
Устраивать дела, равняться с первым днём.

Побойтесь, господа, ронять свои игрушки –
Их унесёт в ничто безгубая волна.

Поёт упрямый дуб, и запах свежей стружки
Спрядается с душком дешёвого вина.

Османовы рабы, заложники Кайботта –
Теряющие свет, вбирающие тьму.
Размолвка двух стихий, сакральная работа,
Застывшая на миг сто сорок лет тому.

2015

сон о двух городах

На холмах Сицилии бродит весна,
Ковром – орхидеи и маки,
Укрыла разверстых небес тишина
Соседские древние драки.

Что не поделили вы: пашню, покос,
Ручей или сруб для амбара?
Сначала до крови, а после до слёз,
А дальше – до эпоса свара.

Ослиная челюсть, копьё и кинжал –
Любое сгодится на брата,
Кто плуг направлял или парус держал,
Тот станет солдатом когда-то.

Презрите разруху, и рабство, и плен,
Оставьте семейную нежность,
Бушуйте – пока не пришёл Карфаген
И греки, и прочая нечисть.

Пшеница забыта, и масло, и мёд:
На кровью пропитанном грунте
На бой Селинунте Седжесту зовёт,
Седжеста зовёт Селинунте.

Доносится гул от холма до холма,
Вулкан то погаснет, то вспыхнет.
Обрушены храмы, сгорели дома,
Но клич «алале!» не утихнет...

Но вот оседает заветная пыль,
Дорический скалится камень –
Скелетоподобный один перистиль
Другой перистиль окликает.

2014

фокусник

В корзине ракушка, сова на плече.
Что сердце? – Игрушка, огонь при свече.
Напёрсток и столик, судьба напоказ.
Досмейтесь до колик, раз выдался раз.

Смотрите, как вертится в пальцах клубок,
Как гаснет жемчужина, тает платок,
Смотрите – перо забивается в щель.–
Карманы очистят, подрежут кошель.
Вот фокус.

Торговля заброшена и ремесло,
Эй, фокусник, нас-то куда занесло?
Глазеть недоверчиво, руку тянуть...
В момент соберётся – и двинется в путь.

Мошенник, он вытащил из пустоты
Всё ту же жемчужину, те же цветы,
Мелькнут, ошарашат – и снова во тьму.
Да, мы бы поверили, только – кому?
Вот фокус.

2012

мобиль

Во имя равновесия небес
Идешь себе по жёрдочке, по бровке,
В порядке, скажем, рекогносцировки,
Но с целью впереди. А может, без.

Вокруг цветёт, и пахнет, и поёт,
А то воняет, а порой грохочет,
И всю конструкцию никто не обесточит,
И ритм она без спроса задаёт.

Каким усильем, на каких болтах
Загадочная свинчена машина,
Где шелест волн, и трепетанье птах,
И облаком укрытая вершина

Играют в им известную игру
И воздуха полощут на ветру?

Какой крепёж удержит розы шип,
Трёхцветной кошки возмущённый шип,
Палящий зной, листву, платок нашейный
В загадочных взаимоотношениях?

Кто так настроил этот механизм –
На звук, на цвет, на запах и на слово –
Что пусто всё, и ничего пустого,
И некому, греша, добавить: «-изм»?

2012

явления переноса

– А что там за река,
И что за местность это?
– Носитель холодка,
Злопамятная Лета.

Стоять на берегу
Молочных трав, медовых,
В невидимом снегу
Цветения плодовых,

Где козы щиплют в рост
Прибрежные оливы,
Где в метках диких роз
Их спутанные гривы,

Где вам прощальный вид
Небрежно заслонили
Малины гибкий щит,
Тяжи сассапарили.

2011

Николай БЕРНЕР

«КРОМЕШНОЕ ЛЕТО»

Публикация, примечания Татьяны Нешумовой

Бернер Николай Федорович (псевдонимы: Николай Божидар, Божидар и Дир, Nikolas Berner, Ф. Николаев; 1890–1969) – поэт, автор рецензий на поэтические сборники. Родился в Киеве, учился в киевской гимназии вместе с Александром Вертинским, затем в Московском университете на юридическом факультете. Поэтическим учителем своим считал В.Я. Брюсова. Автор книг стихов «Одиннадцать» (М., 1915), «Осень мира» (Киев, 1922), «След на камне» (Зальцбург, 1952,). С 1912 печатался на страницах альманаха «Жатва», журнала «Путь», сборника «Песни жатвы», в 1920-е – в московских неподцензурных машинописных журнале «Гермес» и альманахах «Мнемозина» и «Гиперборей». В 1925 был арестован и сослан на пять лет в Соловки. После заключения сослан в Брянск. В 1934 году – в Воронеже. Во время Великой Отечественной войны попал в лагерь для перемещенных лиц в Зальцбурге, потом жил в Мюнхене, позже во Франции, где и умер в доме для престарелых. Подробнее см. о нем: Устинов А. Две жизни Николая Бернера – Лица: Биографический альманах. Вып. 9. СПб., 2002. С. 5–64.

Публикуется по: РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 2. Ед. хр. 10.

Подборка стихотворений (машинопись с правкой и рукописи) сопровождается заметкой неустановленного лица:

«До революции 1917 года Николай Бернер был весьма видным поэтом на Украине. Особенно хорошо были известны его стихи в Киеве в 1910–1916 годах. Печатался в "Киевской мысли", а также во многих журналах.

За антисоветский характер своих стихов Ник. Бернер в 1927 году был сослан на Соловки, где находился до 1931 года.

Стихи "1854 год на Соловках", "Десять лет", "Горькому" и другие написаны в Соловках. В этих стихах полностью сказались мысли, настроения, мировоззренческие сдвиги, связанные с пребыванием в ссылке».

1854 ГОД НА СОЛОВКАХ

Поэма

Пролог

Первая нежная зелень.
Вскрытое море. Июль.
Вечер кремля канителен
От разгулявшихся пуль.
Выброшен с башни старинной
К бою растущему флаг.
Вечер акафистом длинным
Льется в тускнеющий мрак.
С моря угроза нависла,
Давит соборная тьма.
Глохнет и путает числа

Узник, сходящий с ума.
Тлеет кромешное лето.
Глух севастопольский год.
Что это – сполохи света
В крутени черных высот?
Что это – сноп ли надежды?
Воздуха-солнца глоток?
Пыткой смеженные вежды
Приподымает восток.

Глава I

Свой подвиг пастыря творя,
Заядлым фанатизмом страшен,
Во имя бога и царя
Метал ты ядра с древних башен.
Ты Соловки оборонял
От бомб английского фрегата,
Ты в сердце узника-солдата
Надежду вольности ронял.
Ты с арестантов кандалы
Снимал для стойкой обороны,
Чтоб узник, волей обольщенный,
К престолу возносил хвалы.
Спаситель древнего гнезда
Наград высоких удостоен,
Но тот, кого гнала нужда
Щитом стать крепостных пробоин,
Убогий пасынок судьбы,
Хотя бы гренадер Сергеев,
Жизнь отдающий, не жалея,
Жестокосердию борьбы.
Простой[1] мужик земли Рязанской,
Он службы царской тягло нес,
Замученный[2] учебой пес,
Колодник[3] веры христианской.
Не чая света на пути,
Он убегает в топь Сибири,
Бедняк, взыскующий о мире,
Которого не обрести.
Таких, как он – ах, легионы –
Безвестных париев земли,
Невзгоды их, лишенья, стоны
В пластах гранита залегли.
Кто слушает века – услышит,
Как вросший в землю монастырь

[1] Зачеркнут первоначальный вариант: Вот тот.

[2] Зачеркнут первоначальный вариант: Тот загнанный.

[3] Зачеркнут первоначальный вариант: ревнитель.

Костями засадил пустырь,
Тысячеустным воплем дышит.

Глава 2

Кандальный стук. Дозор охраны
Который год
И сумрачный, и бездыханный,
И гулкий свод.
Часы и дни все та же дума
Одна в душе:
Вдруг угадать наличье шума,
Исход во тьме.
Но звуков нет – о них восплачет
Не раз душа.
Передрассветный блик маячит,
Уснуть спеша.
Исчезнет он и распадется,
Надежды знак.
Неровным, грозным пульсом бьется
Темничный мрак.
Глотает каменную плесень
Заложник лет.
Его пытливым взорам тесен
Огромный свет.
Он строил мир, как математик,
Из строгих числ.
Но отомстил ему фанатик
И русский смысл.
За то, что не коснел в застое,
За дар борца,
За то, что подрывал устои –
Кусок свинца,
Из-за угла удар смертельный
Задумал шпик.
На нем – след раны огнестрельный
Рубцы от пик.
На камень подземелья брошен,
Не умер он.
Ему, полуживому, тошен
Бесславный трон.
Недаром в нем – тоска звучала,
Как в ночь набат.
Недаром к пропасти примчала
Волна утрат.
Он – крепостной России странник
В людском аду...
Не странник Он, нет, Он – избранник
На череду!...
Час недалек. Так. Жребий вынут,

И дрогнул свод.
Вот он из пасти тленья кинут
В водоворот.
Он с башни озирает море,
И кремль, и вал.
С собой самим в бессрочном споре
Седым он стал.
И вдруг пальбою ошарашен –
Недобрый знак.
Он отступил – вздымает с башен
Трехцветный флаг.
Залогом страдного бесправья,
Веков тюрьмы
Трехцветный флаг самодержавья
Взнесен из тьмы.
Как долгожданная свобода
Затем пришла,
Чтоб ринулся борец народа
В защиту зла.
Разгневан Он. Он озабочен,
Но жребий пал:
Клинком страдания отточен
Девятый вал.

Глава 4 [1]

Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый росс.

Пальба растет ежеминутно.
Упала бомба у ворот
Прядильной башни. «Стройся, взвод!»
Была команда. Час попутный.
И только взор подъемлет мутный
Один безумец в жуть высот.
Так вот она, святая слава,
Где искажен природы лик!
Он видит: бесноватых лава,
Кровавый меч – собрат владык.
Он видит: духовник Варнава
Крест подымает, лют и дик.
И над людским столпотвореньем
Ход крестный возрастает пеньем,
Святой водой кропится штык.
Кто возглашает: «Стойте, братья!»
Там узник – молнией заклятья
Над толпами кремля возник.
Как лист, обугленный пожаром,
Он пулей сбит. Но вот рука –

[1] *Так у автора.*

Рука соседа-старика
Его приподымает. В старом
Солдате – в дряблой той руке,
Посул горячечной тоске.
В мозолистой руке солдата
Успокоительнейший дар.
Смертельным зноем горло сжато.
В сухой груди жестокий жар.
Вот залпы с дальнего фрегата.
Взмыл остывающий пожар.

Сам ад в лицо страдальца пышет:
«Сей жизни скоро ли конец?!..» –
Так мыслит узник. Еле дышит.
Жжет грудь расплавленный свинец.
Взор неподвижен. Звон колец
Чугунных внятен. Он мертвец.
Нет, не мертвец. Он ласку слышит,
Он чувствует издалека
Все ту ж заботу старика.

В себя приходит, а над ним
Хлопочет гренадер Сергеев.
«Что это? – сон? – скользящий мим?
Или действительность?...» – как дым
Остылой битвы, дума тлеет.
И память в нем живет едва,
Но в сердце падают слова
Безмерного успокоенья.
Так дальняя растет молва
Залогом смутным торжества
Из самых недр изнеможенья.

Глава 5

Он с часом каждым здоровеет.
Над сводом каменной тюрьмы
Ему в лицо прохлада веет,
Какой не постигали мы.
И он одну мечту лелеет:
Дожить бы до первин зимы.
Когда все шумы станут глуше,
Когда покроет рыжий пух
Бойницы стан. Страдальцев двух
К побегу осмелеют души.
В тревожном хрусте сентября
Знак, подаваемый к побегу,
Еще опасен. Эту негу
Льдяная усыпит заря.
Облит снопами янтаря,

Пусть встанет кремль навстречу снегу.
Раскинет золотые тропы
Дорога к степи снеговой,
А там... там пост сторожевой
К форпостам будущей Европы.

Глава 6

В гранитах – четче пульс минут.
Пульс сердца тут же бьется рядом.
Но близится исход досадам,
Побег морозы стерегут.
Они баюкают сознанье,
И беглецов они хранят,
И каждый шорох леденят,
Намеренно глуша молчанье.
Снега ничуть не выдают
Заботу трудную минут,
И поддаются вдруг засовы.
Негромыхающая дверь
Сдалась. Она – не страж теперь –
Доверенный судьбы суровой.

Глава 7

По глыбам и по ступеням,
И по спиральным переходам
Навстречу выстраданным дням
Они спешат подземным ходом.
Сергеев знает каждый пласт,
Где плесенью свод изукрашен,
И путь кремнистый им не страшен.
Вот наконец Окрайных башен
Уступ и спуск на твердый наст.
Идут в туман: дыбится бездна.
Там ветер сталкивает льды.
Крушений там в зиме беззвездной
Неисчислимые следы.
В даль гонит<ся> штурвал железный
Пустынями морской воды.
Что ни уклон – преградой новой
Крутого шторма грозный зверь.
Где выход к пристани теперь?
Все круче вал белоголовый.
Все пламенней угроза ветра,
Настойчивей кружали волн...
К последней пристани воздета
Надежда, движущая челн.
И перед гибелью возможной,
Бросая в ночь предчувствий груз,
Скрепляют клятвою неложной
Земного мужества союз.

Но брезжит утро снеговое,
И остов утлого челна
Выносит шалая волна
На материк... и роковое
Усилье кончилось. Их двое.
Обоим даль «озарена»!
Но одному она сияет
Как отдых, перевал, судьба,
Другому крест уготовляет
Бродяги, пария, раба.
Два света двух земных улыбок
И два гонца одной тоски,
И в каждом быль страдальных сшибок –
Трагические Соловки.

***

Меня бы ... в сумасшедший дом –
К умалишенным, вот и баста!..
Лунатиков убогих каста,
К горячке вашей я ведом!..

Слепцу не лодка Ахерона
И не любовная – нужна,
А свой двойник столкнуть с перрона
Под насыпь... То ль не тишина!

Да, тишина! Ничто не движет
Чугунных шпал ночную гладь...
Костер зари – костяк мой лижет.
Такой заре не отпылать!

13/V 1930

О столбняке

Вольный сонет

...Итак, избавился от столбняка,
А было, не по-женски, слишком больно.
Какое мужество твоя рука
Вручает вдруг. Я стоек. Мне довольно!
Мы на террасе. Высоко и вольно!
Ах, как чудно бродяжат облака
И эти чувства – полая река,
А самый воздух льется столь раздольно!..
И воля ничему не подневольна,
Она не отдается никому.
Как в головокружительном дыму

Все отошедшее... всё то, что больно.
Так в сотый раз я бормочу: довольно!
А что довольно?.. Толком не пойму.

***

Да, чорт возьми! ... Вы стали мне
Вот этакой еще дороже...
Пристало ли мне лезть из кожи,
Хиреть, страдать, роптать вдвойне?

Я ль безрассуден, чтоб в вине
Блажь затопить... Я стану строже!
Испепелить себя в огне
Безумия. Но... для чего же?

По трафарету ли припасть
К устам... К чему ж остаток дрожи?
Для Вас я только гость захожий –
Такая выпадает масть.

Я не умею, я не буду
Рычать: «Отдайтесь!..» или... клясть.
Скорей сотру, скорей забуду
Недель горячечных напасть.

И вот, как боль или простуду
В шумихе дня – забыть дано, –
Пускай покорствует талмуду
Фанатик... Гордости вино
Запенилось!... Ах, мне смешно
Любовному предаться зуду!..

20/V 1930

Горькому

В тебе прозвучал человек.
А с жизнью так благостны встречи.
Так редок в притворственный[1] век
Писатель с лицом человечьим.

Силен самобытьем ума,
Не болен гордынею духа,
Твой голос – Россия сама,
В которой скудеет разруха.

В которой первины труда
Восходят надежным побегом.

[1] *Зачеркнут первоначальный вариант: в бездушный наш.*

С тобою сроднились года,
Как скифские версты под снегом.

Да. Клич буревестника ты.
И, как буревестник, ты первый
Смятеньем пронзил с высоты
В столбняк погруженные нервы.

Ты первый в полете обрел
Угрозный упор устремленья,
На пасмурных тучах – горенье
И слет на безвременный дол...

В тебе – мировая душа
И залежи русского быта.
Как льдистая ночь хороша
В осоках, в запрудах, в ракитах.

Природа – она велика
Видением в ней человека.
Бурлит ледоходом река –
То значит – рождение века.

То значит: лицо октября
Учуять в трагическом сдвиге.
Ах, редко рождает заря
Из рук откровение книги.

И книга такая сейчас,
Как сердце, как дума, как повесть:
То Горького зоркого глаз,
Писателя трудная совесть.

16/IV 1928

Десять лет

Десять лет тому назад казалось
Это сказкой... Воплотился сон...
В канонадской теми загоралась
Весть неповторяемых времен.
Думали, что нету Рулевого,
Думали: корабль идет ко дну.
И в раскатах бешеного зова
Угадали в первый раз – весну!
Да, весну! Под скрежет пулеметов
Среди груды бездыханных тел,
Мира Брестского упала нота –
Для безумцев[1] день осиротел.
Восклицали: вместо «неделимой»

[1] *Вписано: заблудших.*

У разбитого корыта мы!..
Как ветрами голода гонимы,
Как слепцы, стучали в двери тьмы.
С каждым часом крепли братства узы
К ночи канительных передряг.
Запылал кумач рабочей блузы,
Ленина восстал грозовый шаг.
Чтобы древний быт перебороть,
Мы приняли жертвенную долю,
Закалили дух, смирили плоть,
И над нами прозвучало чудо,
Так на ржавом лезвие штыка
Загорелась истина... Откуда
Исступленный лозунг «В.» «Ч.» «К.»
Охраняя грозный строй коммуны,
Красный Кремль, Вождя и Бунтаря,
Первого чекиста голос юный
Раздался на гребнях Октября.
Был он нужен нам и неизбежен
И суров, как дикая судьба.
Только сон сантиментально-нежен –
Сон свободы, явь ее груба!
Строим мы из твердого гранита
Не картонный домик – бастион.
Жизни строй[1] заждался динамита,
И его конец давно решен.
Нами сброшен оловянный идол.
Только нам и удалось восстать.
И Дзержинский наших дум не выдал,
Чтобы гидру белых растоптать.
Видишь, Кремль одет в кровавый траур,
Кроет прах бессмертных мертвецов.
Ветхий мир – надтреснутый брандмауэр –
Заалел огнем со всех концов.
. . . . . .
Десять лет! О, юноша-ребенок,
Закаленный непогодой век,
Как медведь, среди ночных просонок
Из берлоги вставший Человек.
В нем – наследье дремлющего зверя,
Бродят ощупью глухие сны.
Он наивен в первобытной вере –
Сон – едва родившейся страны.
Встань, «О.» «Г.» «П.» «У.», на новой страже!
Пестуй молодого дикаря!..
Пусть твоя рука ему укажет [2]
Светлый праздник даты Октября.

[1] Зачеркнуто и вписано: Ветхий мир.

[2] Первоначально: Пусть ему рука твоя укажет / Светлый путь Атланта-Октября.

Наталия ЧЕРНЫХ

ШЕСТЬ РЕЦЕНЗИЙ

Первое полугодие 2015 богато разнообразными и интересными изданиями, а так, увы, бывает не всегда. В перечне книг, вышедших в ноябре 2014 и до июля 2015 года, есть уникальные поэтические сборники, есть переводные издания – школа переводчиков демонстрирует новые и неожиданные опыты, есть и заслуживающая внимательного чтения проза. Остановлюсь на нескольких сборниках стихотворений, имеющих в литературе для меня как для обозревателя рубежное значение, и на двух опытах перевода.

НАШКРЫМ. Антология. – Нью-Йорк: Издательство КРиК., 2014. – 288 с.

Уникальное и, пожалуй, самое значительное поэтическое издание нынешнего полугодия. Геннадий Кацов, уроженец Джанкоя, вместе с Игорем Сидом, также крымчанином, составили сборник стихов, посвящённых Крыму. «Ось изменений мировой эстетики пролегает через Тавриду», – читаем в эпиграфе. Содержанием высказывание подкрепляется. Читатель оказывается в Крыму – на земле, по которой в полном смысле слова прошли все мировые перемены. Василий Аксёнов недаром назвал Крым островом. В мировой судьбе Крым – действительно остров. А издание «НАШКРЫМ», в противоположность «Крым наш» и «Крым не наш», показывает, как поэты самых разных политических и эстетических убеждений располагаются на этой древней земле. Собиратели вызвали голоса Крыма, которые слились в единый хор.

Достаточно назвать нескольких авторов, как из почивших, так и живых. В сборнике читатель найдёт стихи Генриха Сапгира («Памяти Коктебеля», «На склонах Дакарага»), Виктора Кривулина (в том числе знаменитое «Восточный Крым, где по ночам не спят...»), Алексея Парщикова, Евгения Сабурова, Руслана Элинина и многих других авторов, которых уже нет с нами, но Крым которых жив, потому что оживлён их жизнью. «НАШКРЫМ» – уникальная антология свершений русской поэзии за последние несколько десятилетий, а то и более полувека. Из авторов-современников назову Константина Кедрова, Елену Кацюбу, Татьяну Михайловскую, Сергея Бирюкова, Сергея Гандлевского, Михаила Айзенберга, Владимира Аристова, Андрея Таврова, Вадима Месяца, и это даже не часть списка. Волошин оценил бы масштаб и размах труда составителей. Позиция каждого автора состоит из нескольких стихотворений. Расположение в сборнике – по алфавиту фамилий авторов. Крымский клуб представлен блестяще и полно: Игорь Сид, Николай Звягинцев, Михаил Лаптев и Мария Максимова. Можно бы сказать, что это поэтическая группа «Полуостров», внутри которой ещё в незапамятные девяностые родилась идея крымского поэтического сборника, но Крым, хоть и поделён на части (Восточный, Западный, ЮБК), всё же един. Что и демонстрирует своим составом и оформлением настоящее издание.

Появление сборника «НАШКРЫМ» должно бы стать сенсацией, вызвать волны отзывов, едва книга появилась. На презентациях, так удачно устроенных в Пен-центре и Музее Серебряного века, предполагались толпы неравнодушных к Крыму и поэзии людей. Но книга ещё ждёт своего часа. Полагаю, есть нечто судьбоносное в том, что внимание к сборнику несопоставимо с его значением для русской поэтической жизни. Примета времени – отсутствие внимания к тому, что ценно. Именно это отсутствие внимания и выражает слабость позиции разделения, непонимания значения и судьбы Крыма не только для России и Украины, но и мира. «Ось мировых перемен пролегает через Тавриду».

Тем интереснее читать сборник и наблюдать, как поэты совершенно разных художественных методов, разных эстетик и убеждений удачно расположились по соседству друг с другом. Это действительно Крым. Стихотворение белеет палаткой или просто брошенным на песок полотенцем. Место нашлось всем. Нет недовольства, что место переполнено или занято чужим. Один выпивает сладкой сентябрьской ночью местное вино, другая прячется с другом от майского дождя в преддверии разлуки под станционным навесом. Уникальность сборника в том, что все стихотворения в нём происходят одновременно и в разных частях Крыма. Времени нет. Есть восторг единого пространства-времени, напоминающего Крым, через который и пролегает мировая ось. Нельзя не отметить терпение и высокий профессионализм Рики Кацовой, вложившей частичку души в каждого автора сборника. Читайте крымские стихи русских поэтов!

Анатолий Головатенко. Изборник. Материалы к энциклопедии вселенской жизни: стихи, проза, эссе. – М., 2014. – 556 с.

Сборник произведений московского автора (1959–2011), с любовью составленный его друзьями.

Когда М.Л. Гаспаров писал об академическом авангардизме, ему, возможно, представлялся автор почти барочного масштаба: умеющий в словесности всё и не отделяющий словесности от наук, гуманитарных или негуманитарных. Этот автор мыслит целой сферой знания, в которой география неразделимо связана с историей и лингвистикой. При этом такой автор пишет достаточно легко, а порой и по-хулигански. Что делал Анатолий Головатенко в то время, когда Гаспаров писал об академическом авангардизме, не знаю. Но точно то, что этот автор, выпускник Московского университета, создал серию учебников для вузов по общественно-историческим дисциплинам, написал несколько книг стихов и прозы. А при обращении к его творениям не учебным с уверенностью можно сказать, что именно такого автора имел в виду Гаспаров.

Это первое сводное издание творений Анатолия Головатенко. Название он выбрал сам. До «Изборника» существовали разрозненные сборники, выходившие по мере надобности их автору – чтобы избавиться от груза уже созревшего творения. Отрадно видеть, что плод уникальной работоспособности Анатолия (которую отмечают все люди, его знавшие) выглядит внушительно и солидно. Не могу не отметить изящество чёрно-белой обложки и тщательнейшую редактуру. Нынче не так много книг радуют грамотностью, которая, кажется, не нужна. Однако при чтении стихов Анатолия Головатенко мысль о том, почему и зачем нужна грамотность, да и что это такое, – проснётся, чтобы больше не засыпать. В довершение всего, в конце книги любознательный читатель найдёт полную библиографию Анатолия Головатенко, что необходимо в академическом издании.

Структура книги сама по себе интересна – это метатекст. Но может быть воспринята и как отдельный текст (кстати, об авангарде) – «Придорожное богословие», «По следам», «После греческих календ». Или: «Полые рефрены» и следом – «Заполнение вакуума». Есть тонкий и очень строгий юмор в том, что, по сути, книга составлена хронологически – к последним записям автора.

Сапоги не тачать бы – но в точности
повторяется след на песке.
Суждены неуместные почести
опочившим босыми в тоске.

«Изборник» начинается со стихов и заканчивается стихами, хотя «Забавные засценки», завершающий книгу цикл, представляют собой короткие эссеистические опыты – актуальная и очень читаемая сейчас литература, сохраняющая непосредственный мгновенный импульс.

Анатолий Головатенко для полуофициальной Москвы 80-х, 90-х и 2000-х – фигура замечательная. Он присутствовал, когда создавался его приятелем и соратником Андреем Полонским неофициальный журнал «Твёрдый знакъ». Его приглашали в начале 2000-х в модные литературные клубы. При этом автор держался всегда особняком и не стремился рекламировать себя, проходил как вода сквозь пальцы. Небезынтересно будет узнать, что Анатолий Головатенко – сын известного московского поэта Юлия Головатенко, сборник которого он сам составил. Для литературного проекта «На Середине Мира» Анатолий составил избранное из стихов Юлия.

И автор, и книга достойны самого пристального внимания. У стихов Анатолия Головатенко бурный и, кажется, вечный роман с мировой культурой, хотя время оставило на их лицах характерный отпечаток. Его исторической фантастике веришь без оглядки и принимаешь даже и самые смешные его версии. Эссеистика потрескивает счётчиком Гейгера. Удачного приобретения, библиоманы. Это по-настоящему стоящая вещь.

Ингер Кристенсен. Избранное / пер. с датск. Алеши Прокопьева и Михаила Горбунова. – Кноппарп-Чебоксары: Ариэль, 2015. – 140 с. – (серия «Моль»)

Датчанка Ингрид Кристенсен (1935–2009) – автор вне пределов отечества довольно известный и уважаемый. Так что данная книжка для желающих полакомиться лучшей современной литературой – праздник. Небольшое издание в мягкой обложке с иллюстрациями Анастасии Бессарабовой

(графика) удивительно, на мой глаз, соответствует содержанию: стихи и эссеистические фрагменты. Переводчики с любовью выбрали из корпуса писательницы самое ценное: избранные стихотворения, отдельно выделили венок сонетов «Долина бабочек» и «Стихотворение о смерти». В избранные эссе вошёл снискавший мировую известность «Бесклассовый язык» и «5 х 25 зимних заметок к летнему проекту». В избранные эссе включено эссе-фантасмагория «Мне снился город» и фрагмент «Разум не подлежит времени».

В тени таких известных авторов как Тумас Транстрёмер тихое и тщательное письмо Ингрид Кристенсен, создаваемое из полутеней и полутонов, в произвольном порядке раненных резкими лучами солнца, не просматривалось так, чтобы его значение можно было оценить по достоинству. Не раз писательница была близка к Нобелевской премии, но её не получила, и это только подтверждает её теневое значение – в том, что происходит в европейской словесности, а уж тем более – в скандинавской.

Несомненно, это литература скандинавского синдрома, если бы такой термин существовал в литературоведении. Ингрид Кристинсен раскрывает картину существования, которое не осознаёт себя как существующее. «Город» её человека выстроен, строится, изменяет свои строения и топологию внутри человека. И неизвестно, сон это или реальность, галлюцинация или озарение.

...обморок расстояния,
почти на перекрёстке моих любимых улиц...

Прежде всего, обращают на себя внимание идущие из глубин сказаний вещи – сон (валькирии), камень, солнце, море, тень. Они современны, сиюминутны, реальны, но они же и фатальны, так как каждая влечёт за собой материализацию, не менее болезненную (а часто и более болезненную), чем смерть. Солнце и смерть у Ингрид Кристенсен – венчанная пара. Море (что удивительно не только у Кристенсен, но и у Транстрёмера) – не вода, а нечто совсем другое («Как шиферно-серое море»).

Это поэзия антиклерикальная – поэтесса, сопротивляясь клерикальному гипнозу, ищет связи с силами природы, но и в них нет уверенности. Также – аполитичная, хотя по записям можно судить, что автор придерживается либеральных взглядов. «5 х 25 зимних заметок к летнему проекту» можно назвать дневником человека, который пытается уйти от всех возможных политических, общественных и нравственных ловушек, но ему приходится признать, что это обречённые попытки.

«Шизофреник изобретает язык, который понимает лишь он сам. Шизофрения общества становится острой, когда его отдельные члены перестают говорить на одном языке. Они больше не разделяют одно и то же общественное бытие».

Что же, есть над чем подумать адептам религии языка. И есть что почитать в этой небольшой северной книжке. Благодарю переводчиков, совершивших этот труд.

Р. М. Рильке. Книга Часов / пер. с нем. Алёши Прокопьева. – М.: Libra Press, 2015. – 110 с.

«Часослов» (в версии переводчика – «Книга Часов») написан Рильке после поездки по России и во многом вобрал её облик и аромат тех лет. Книга со скупой рельефной структурой, можно сказать – ветвистая, как старое дерево. Единый корпус «Книги Часов» условно поделён на три части: «Книга об иноческом бытии», «Книга паломничества», «Книга о бедности и смерти». Между частями есть несомненная связь, и переводчик с любовью показывает её. Исследователи творчества Рильке традиционно считают, что последняя книга (о бедности и смерти) из трёх – наиболее сильная. В отечественном пространстве исследований это мнение основывается на высказывании Марины Цветаевой. Переводы «Книги Часов» на русский предпринимались неоднократно, считается, что лучшие – Владимира Микушевича. Алёша Прокопьев сделал жест довольно рискованный. Он не только заново перевёл то, что уже было переведено, но и предложил альтернативное название. Не «Часослов», что в русском прочно связано с названием необходимого богослужебного сборника, а именно «Книга Часов» – нечто более мягкое, но, возможно, и точное.

Алёша Прокопьев известен увлечённостью немецкой поэзией. После опытов перевода экспрессионистов (как известных, так и малоизвестных) пошли переводы Пауля Целана. Можно сказать, в переводческом деле 2000-х это была небольшая эпоха – увлечение Целаном и чтение его стихов. Опыты Алёши Прокопьева признаны одними из самых удачных. И вот теперь – «Книга Часов» Рильке. Культовая книга, к которой переводчик шёл долгое время.

Поэзия Рильке, как мне доступно из переводов и попыток чтения оригинала, – мощный поток, в котором вместе с чистейшей снеговой водой несутся смертельные камни. Микушевич, переводя «Часослов», имел в виду именно мощь потока и мягкость воды. Его Рильке – грозная, мощная стихия. Алёша Прокопьев открывает читателю в поэзии Рильке женственную, «богородичную» ноту. Он акцентирует чуткость поэта, его устрашающий подчас вселенский слух. Однако «Книга часов» – книга драмы. Между силой (нечто мужественное, строгое) и заботливостью (материнское, ожидающее). Читать это небольшое издание мучительно сладко.

Ты знаешь, чего я хочу.
Быть может – всего во Вселенной.
В падении – тьмы неистленной,
во взлёте – сиянья...

Владимир Аристов. По нашему миру с тетрадью (простодушные стихи). – М.: Русский Гулливер, 2015. – 75 с.

Издательство «Русский Гулливер» уже обращало внимание ценителя поэзии на новаторскую и провокационную поэзию Владимира Аристова. Новая книга открывает новый ракурс этой поэзии. Поэзию Аристова нельзя назвать ни строго поэзией зрения, ни поэзией слуха. Несомненно, это авангард – синтаксис и графика говорят за отличное знакомство с опытом футуристов (Хлебников), и не только отечественных (Аполлинер), и не только прошлого. «По нашему миру с тетрадью» уже в названии отмечает новый (пусть небольшой) шаг поэзии в сторону прозы. Это не может быть принято как должное. Но есть необходимость избавиться от инерциального движения. Поэзия Аристова сложна, но это опыт очищения чувств. Можно взять ещё более близкий ракурс – опыт очищения сердца, как его видит поэт. Если попытка предпринята, мир плавится как мороженое (непонятно, откуда течёт), вещи (и слова) слипаются. Так что самые неожиданные (например, сыр в конверте и почтовый рейс) окажутся рядом. Опыт поэзии Аристова – опыт райский: лев лежит рядом с ягнёнком. Но и опыт признания своего поражения. Бог, царь, раб. На последнем месте оказывается червь, и уж совсем после него – человек. Который и направляет поэтические токи, вызывает словесные молнии (сравнение хорошо описывает графику стихов Аристова, ведь молнии не имеют чётких линий). А в этом потоке возникает и странный приятель юности, и вчерашний незнакомец, и стены лифта, пакет молока.

Ты снимал в гостях свои заснеженные ботинки
И вдруг увидел хозяйские непарные ботинки
Что с ними делать?
На руки их не наденешь.

Евгений Никитин. Стэндап-лирика. – М: atelier ventura, 2015. - 96с

Новая книга очень интересного и необычного московского автора идёт поперёк его прежним поэтическим опытам. Утончённая оптика «Невидимой линзы» (2009) ушла, появились ноты техно-панка, если можно применить музыкальный термин к поэзии. Однако суть поэзии Евгения Никитина осталась прежней. Это песнетворчество, лирика. Даже если описываются вымышленные социальные бури или стихотворение само по себе напоминает триллер («Wanted»). О чём бы ни писал Никитин (пусть это вымышленная литературная премия «Закат»), неизменной остаётся его прохладная и даже хладнокровная симпатия к персонажам, хотя порой он ужас что с ними делает. Это смех и слёзы под одной обложкой. Книга небольшая и очень разнообразная: стихи, малые прозаические формы, аранжировки записей в социальных сетях. Трогательные стихи о детских годах в Молдавии соседствуют с испепеляющей публицистикой записей Никитина в соцсетях. Кстати, именно у Евгения Никитина аранжировки записей в социальных сетях наиболее удачны, чем у многих известных мне авторов. Это вполне традиционный розановский опыт, обработанный Синявским и сведённый после записи на студии местного фб в оригинальные фрагменты. Читайте, читайте и впитывайте – что хочет сказать автор.

Андрей ФАМИЦКИЙ

РАССУЖДЕНИЕ О ПТИЦЕ

Надя Делаланд. Сезонные раскопки акведука. – Таганрог: Нюанс, 2015. – 24 с.

Писатель с псевдонимом Сирин выдумал писателя по фамилии Делаланд. Плод фантазии великого Набокова-Сирина претворился в реальность, но преобразился в поэта-женщину. Поэт Делаланд еще в книге «Это вам, доктор!» (2000 год) писала:

...И как только смогу
Я представлюсь с сомненьем: Набоков...

В своей же последней книге Делаланд, вовсе в этом не сомневаясь, призналась в том, что она птица. Итак (и так) круг замкнулся.

Новая книга Нади представляется программной: именно здесь Делаланд окончательно стала самой собой – птицей, и пишет стихи, все время держа это в уме. Иногда даже проговаривается.

Сначала как бы еще не о себе:

Я пыталась задать их, подсаживала,
как в гнездо
нерадивую птичку, но мне отвечали:
«Не надя!
уноси свои перья, ты что – с головою
не ладишь?..»

Или вот в другом стихотворении об умирающей рыбе, где рассказывается о том, как Бог

бродит по морю, когда не спится,
поднимает рыбу, превращает в птицу.

Стоит ли объяснять, что если автор не говорит прямо: я – птица, это не значит, что он себя ею не считает? Но есть и стихи, где Делаланд говорит:

В детстве я протягивала лицо
маме и говорила: «Поцелуй
старую птицу».
Мама смеялась: «Какая ж ты старая?»
И целовала.
Теперь я иду, бормоча себе:
«Старая птица»...

Нельзя не заметить, что поэт пишет свое имя со строчной буквы – «надя», и это уже не впервые: в книге «Это вам, доктор!» есть стихи, где читаем:

Ты – нигде, никогда тыщу раз мной
не найден,
Потому что ты маленький, толстый и глупый,
Но не надин. А я раньше думала – надин...

Что это? Самоуничижение? Не совсем. Часто людское – и авторское – самоуничижение лукаво. Но Делаланд не лукавит, она просто не наводит резкость на себя, не считает нужным настаивать на своих словах, на своих стихах. Она их просто пишет, просто проговаривает в них разные вещи. Она как та птица, которая прячется в зарослях, чей голос мы только и слышим. Но какой это голос! Услышав, его уже не удается забыть и хочется стоять и слушать, и узнаешь этот птичий голос всюду.

Действительно, стихи в «Раскопках» уникальны по своей тональности. Чтение этой книги как будто возвышает, делает читающего лучше (лично я, читая книгу, почему-то был взволнован). Да, это звучит не филологично, но при всем при том является правдой.

В чем тут дело? Может быть, в том, что Делаланд практически всегда использует неточные рифмы, рифмует по принципу созвучности согласных? То есть это стихи без резких углов. Это, если угодно, не Маяковский. Стихи обволакивают, заполняют слух, проникают глубже, волнуют своей музыкой.

Кроме того, «Раскопки» – книга, содержание стихов которой волнует само по себе. Поэт Делаланд проницает все предметы и события человеческой жизни своей нежностью и лирическим вниманием, постоянно помня при этом о быстротечности и хрупкости всего, вообще жизни.

Нежность, как смерть. Обе зреют уже внутри.

Отсюда – то грустное и пристальное желание охватить всё, увидеть все детали, осязать их, пропустить через себя их значение, впитать их

суть. Отсюда – осознание невозможности этого. И здесь Делаланд расшифровывает эпиграф к роману Сирина: «Подобно тому как глупец полагает себя богом, мы считаем, что мы смертны». «Да, мы не смертны, – как будто соглашается с Набоковым Делаланд, – но мы действительно не Боги, – замечает она. А бессмертны лишь Боги...»

Вот тоненькая рваная тетрадь,
залитая какой-то темной дрянью.
Любой другой, дотронувшись, отпрянет,
не станет брать...

Там ничего такого, ничего,
что важно для других или прикольно.
Не открывай – мне снова будет больно
живой.

Именно потому, что птица не считает свою песню важной, она поет ее так, как только может, и потому только, что не может не петь. Ей больно, но она поет.

Эта птица – она захлебнулась чирикaньем и
прилегла в подворотне, но звук никогда
не иссякнет,
перейдет на морзянку в груди
и ответит «свои!»,
потому что чужих не бывает...

Потому что чужих не бывает и потому что нежность Делаланд призвана проницать всё, она пишет (приведем стихотворение полностью, оно имеет все шансы войти в золотой фонд русской поэзии):

Бог не старик, он – лялечка, малыш,
он так старался, сочиняя пчелок
Смотри, как хвойный ежик непричесан,
как черноглаза крошечная мышь...

Но взрослые скучны, нетерпеливы,
рассеяны и злы, им невдомек,
какое счастье этот мотылек,
кружащийся над зреющею сливой.

И почему он должен слушать их,
когда его за облако не хвалят?
...Ну что же ты? Как мне тебя обнять-то?
всех вас троих...

Поэт Делаланд любит Бога как малыша, а человека – как Бога. (В скобках заметим, что одном месте она пишет «Бох» – и сразу же вспоминается Денис Новиков.)

Не оставляет Надя Делаланд без внимания и животный мир – пишет о червяках, пауке, водомерке. Так же часто поэт пишет о растениях, травах. Неискушенному читателю может показаться, что «Раскопки» вообще – книга о природе.

На самом же деле автор «Раскопок» чувствует, что природа может дать ответы, которые Делаланд задает не ей, но себе и другим.

Что говорит тебе сердце от имени
спящих деревьев и снега летящего,
долгой дороги кружащей, кружащейся,
все возвращающей в град заколдованный?

И сама же понимает, что окружающие
не ответят на ее вопросы.

И приходится их распускать муравьями
и львами,
Сесть на лысой полянке и тихую
песенку спеть,
Напоследок последнему в самую
смерть посмотреть
И уйти без вопросов, другое уже напевая.

«Раскопки» – книга о том, что жизнь и смерть, а также будущее и прошлое сосредоточены здесь и сейчас, в данной точке времени и пространства.

А если дышать глубоко и легко,
то кажется, что совпадают в пространстве
и люди, и птицы, и свет, и покой,
и детство, и старость.

Надя Делаланд, всматриваясь в лицо жизни, вживаясь в саму ее, видит в ней одновременно вырастание-взросление и старение, старость.

Отсюда – обширный метафоризм ее стихов. Это именно тот язык, которым и можно сказать о ежесекундно изменяющемся мире. Метафорами Делаланд говорит о метаморфозах мира.

Многие критики обращали внимание на неологизмы авторства Делаланд. Никого ее язык не оставляет равнодушным. Но на то ведь и птица, чтобы петь. Вообще большой поэт не может не быть мастером стиха. И Делаланд тому – нелишнее доказательство. Автору «Раскопок» часто недостаточно русских слов, чтобы сказать то, что необходимо сказать, но при этом достаточно рус-

ского языка, из корней которого и по правилам которого она и лепит свои слова так, что диву даешься – как это точно и верно сказано. Делаланд обогащает русский язык, не прилагая к этому никаких усилий, как будто играючи.

И здесь приходит на ум поздний Мандельштам с его теорией «знакомства слов», когда читаешь и не знаешь, какое следующее слово будет сказано поэтом.

Но зная предыдущие книги Делаланд, представляется, что она идет от сложного к простому – скажем, по пути Пастернака и Заболоцкого, а не Мандельштама. Это при том, что приметы стиля Делаланд заостряются и делаются более явственными.

Так же блестяще Делаланд иногда намекает на присутствие в ее поэтике отголосков чужого. В одном стихотворении она может сделать реверанс в сторону того же Пастернака, и Хемингуэя, и Бродского.

Бывает, поэт позволяет себе резкие слова, но так, что они теряют свою резкость и не выделяются, не торчат, а являются единственно верными словами, лучшими – по Кольриджу.

Даже смайлики в качестве знаков препинания использует Надя Делаланд (как известно, смайлик придумал Набоков, – нет ли тут какой-то закономерности?).

И всё, всё, всё, что пишет и делает в своей новой книге поэт, на мой взгляд, говорит, что

жизнь больше и все покрывает.

Кажется, в этих словах Нади Делаланд и выражено то метавысказывание, наличием и сутью которого вообще и должна отличаться одна книга автора от другой.

«Жизнь больше и все покрывает» – это звучит как заповедь, и она содержится в книге, которая не может не оказаться в библиотеке тонкого ценителя настоящей поэзии.

«Сезонные раскопки акведука» – книга тоненькая, но она, несомненно, томов премногих тяжелей. Верится, что она может оказать влияние на последующие тексты пишущих поэтов, как это когда-то произошло с книгой «Розы» Георгия Иванова или сейчас происходит с текстами Сергея Гандлевского. «Раскопки» не вышла тысячным тиражом, как выходили предыдущие книги Делаланд, и поэтому она уже – библиографическая редкость, обладание которой – вкупе с содержанием книги – греет сердце читателя.

Напоследок хочется вспомнить слова незабвенного и уже помянутого сегодня в нашем разговоре Осипа Мандельштама, который сказал, что гениальность это длиннейшая цепь сами знаете чего.

Сергей ТРУНЕВ

ВОКРУГ КИТАЯ

Игорь Сорокин. Маленькие стихи для неторопливого чтения. – Саратов: ООО «Саринфо», 2015. – 100 с.

Игорь Сорокин – один из поэтов, крайне редко позиционирующий себя в этом качестве. По жизни занимается в основном культурными проектами (точнее, музейными) и пишет чаще довольно любопытные и очень своеобразные эссе. А тут – книга стихов, надо бы выяснить, по какому поводу...

Стихи, действительно, маленькие, я бы сказал «короткие». Но кто и для кого в наше время смс-сообщений станет писать поэму? А вот чтение неторопливое в то же самое время – это уже для сибаритов. Тут необходимо и досуг свободный иметь, и быть этаким гурманом от поэзии. К слову сказать, маленькие стихи Игоря Сорокина, действительно, не канапе для закуски, но нечто более изысканное, даже, не побоюсь этого слова, экзотичное.

Метафорой им может служить понятие китайской шкатулки, которое я бы по случаю определил как «коробочка с тайной». Не случайно слова «Китай», «китайцы» встречаются в начальных стихотворениях, как бы задавая рамку всей книге. «Китай» для автора – это что-то загадочное, непонятное, то, во что необходимо всматриваться и вслушиваться, постепенно погружаясь в «метафизику места». Это означает, что «Китаем» в стихах Сорокина может быть и исторический Китай, и, собственно, все что угодно: Африка, Франция, Россия, детская площадка у подъезда, воспоминания, мысли и переживания, также создающие специфический внутренний ландшафт. Важно открыть коробочку, прикоснуться к ее содержимому, познать его изнутри.

А познание наше построено, как известно, по принципу герменевтического круга: чтобы видеть детали – надо исследовать целое, но чтобы рассмотреть целое – надо увидеть его сквозь

проступающие частности. Сорокин выбирает частности. Экзотический объект, вброшенный в чуждую ему среду, создает литературное подобие коллажа: «Сборник стихов Пазолини,// упавший в морскую воду,// вывернулся на солнце...» (82). А далее Коктебель и Рим, а если бы в воду по воле автора упали рукописи Ван Вэя, то и Китай. И это как раз означает, что географическая точка отчета для Сорокина вовсе не обязательна. Точнее, ею может стать практически любая точка физического или психологического пространства. Важно, чтобы экзотический объект был с нею кровно связан, чтобы он служил мостиком для дальнейшего экзистенциального путешествия.

Настоящее путешествие – это ведь почти всегда встреча с экзотикой. Сорокин вылавливает ее не только в географически и культурно отдаленных точках, но и в непосредственной близости к собственной исторической родине: в угрюмых провинциальных городах, на усеянных мусором берегах Волги. Вот и получается: «Где-нибудь там, за ржавым чужим гаражом, // начинаются пиренеи» (59).

Будучи человеком, жизнь которого не нормирована рабочим днем, на ежедневную людскую суету автор смотрит, позволяя себе мечтать, чувствовать и наслаждаться: «Иногда, по утрам, я встречаю Венеру Татарскую – // Она выше других, вместо губ у нее полумесяц» (21). Или блаженно взирает на мир с высоты птичьего полета: «Солнце прощально-ласковое // речки-ручьи степные // ветвящиеся запятые // малюсеньких волг и каспиев» (54). Это напоминает позицию человека в даосизме или чань-буддизме: всегда быть созерцателем, внеположенным миру, но проникающим в его суть неторопливым медитативным сознанием.

Субъектом, то есть активным, преобразующим началом также может быть все что угодно: земля, ветер, деревья, вещи. Человек же лишь наблюдатель, тонкий (в меру освоения «вэнь» – цивилизованности) прибор для регистрации происходящего в мире. Но если позиция классических китайских поэтов как правило статична, то взгляд нашего автора динамичен: «с утра европа // азия в ночи» (50). Его путь (Дао) – есть непрерывное скольжение по тонким и хрупким мосткам природы и культуры. По сути, стихи Сорокина являют собой результат этого скольжения, не то чтобы точную регистрацию пройденного пути, но некий реальный, а возможно, и виртуальный опыт.

Что же касается «вэнь» – то этого Сорокину не занимать. Стихи его также «культурны». Ну, например: «чтоб стать продавщицею рыб // средь шумного рынка // случайно» (89). Те же, кто не увидит прямых текстуальных совпадений, получат удовольствие от встречи с более знакомыми реалиями, ненавязчиво и со вкусом вплетенными в общую ткань стиха.

Есть в книге, впрочем, и некоторые досадные оплошности, заметно смазывающие общее благоприятное впечатление. При медленном чтении найти их нетрудно, да и выбранный размер произведений (не предполагающий ничего лишнего) играет отнюдь не на руку автору. Ну, вот, например: «Черти, черти свои круги,// квадраты, свастики и стрелы.// Смотри как жизнь заиндевела,// перебирая пироги» (81). Ну откуда на голову читателя свалились эти самые «пироги»? Отчего не «батоги» или, скажем, «утюги»? Такое ощущение, что Сорокин просто взял первую попавшуюся рифму, да и влепил ее в текст. В одном из стихотворений встречается целый набор графоманских рифм, таких как «забор–двор», «бака–собака», «зима–с ума» и тому подобное.

В заключение отмечу, что хотя книга местами неровна, читать ее, тем не менее, приятно и интересно. Притом читать медленно, как этого и требует от нас автор, редко называющий себя поэтом.

Александр КОТЮСОВ

ЖИЗНЬ ЗА СКОБКАМИ

Сергей Носов. Фигурные скобки // Новый мир. 2015. №1, 2.

Роман Сергея Носова «Фигурные скобки» завоевал «Национальный бестселлер» ярко и практически безальтернативно. Девятнадцать голосов от членов Большого Жюри – абсолютный рекорд за все время существования премии. Практически все из них, отдавшие свои голоса за «Скобки», отмечают две самые главные особенности романа. Первое – это легкость повествования, когда, казалось бы, не родные вовсе, а местами и вовсе эклектичные по сути своей трагическое и комическое сплетаются воедино, создавая совершенно неожиданно на редкость гармоничный текст. И второе – практически полное отсутствие привычной каждому концовки,

эпилога, той самой последней страницы, когда даже плохо разобравшемуся в хитросплетениях сюжета читателю все становится ясно – быстро, четко и сразу. Носов никому ничего не хочет раскладывать по полочкам. В эпилоге «Фигурных скобок» количество вопросов только увеличивается. Важен не результат. Важен процесс. Тут сразу рождается и третья отличительная черта стиля автора: «Скобки» – книга для подготовленного читателя. Впрочем, любому, уже знакомому с творчеством Носова, эта черта известна.

Со всей очевидностью можно утверждать, Носов – писатель необычный, выходящий творчеством своим за рамки (скобки) привычной литературы. Трактовка книги в устах любого критика будет разной, мнения не совпадут. «Вот он где, магический-то реализм! Всех, кто интересовался жанром, отсылаю к новому роману Сергея Носова, да и тех, кто не интересовался – тоже. Будет интересно, а временами – поучительно», – пишет о «Фигурных скобках» член Большого жюри Нацбеста Анна Матвеева . С той или иной степенью уверенности я бы назвал Носова экзистенциальным писателем. Как известно, экзистенциализм акцентирует внимание на уникальности бытия человека, его иррациональности. Почти все герои романа «Фигурные скобки» иррациональны по факту своей профессии. Они волшебники, маги, или, если следовать их собственной классификации, – микромаги, люди, способные творить чудеса без специального оборудования, только с помощью рук и головы.

Согласно философии экзистенциализма, чтобы осознать себя как «экзистенцию», человек должен оказаться в пограничной ситуации – например, перед лицом смерти. Смерть у Носова есть, даже не одна. Одна по ходу действия романа, две других за его страницами. Но об этом мы поговорим чуть позже. Для начала – о сюжете книги, хотя надо отметить: для Носова сюжет все же не является определяющим.

Главный герой романа – Евгений Капитонов. Приезжает на учредительную конференцию микромагов в Петербург. Делегат. Когда-то Капитонов жил здесь. Работал. Были и друзья. Мухин. Но он давно умер. Жена Марина вышла замуж за другого. Конференция должна избрать президента гильдии. Капитонов – математик по профессии. Впрочем, «Капитонов не ощущает себя преимущественно математиком. Если спрашивают, он говорит о себе “преподаю математику” и чаще всего добавляет: “гуманитариям”». А еще есть некая сверхспособность: Капитонов умеет угадывать числа. Двузначные. С трехзначными не получается. Можно и однозначные, только надо, чтобы они были загаданы как в телефоне – 07, 09. С телефона, собственно, и началось. И еще с «пограничности». Перед лицом смерти, правда не своей, а собственной дочери, шестилетней Анны – нам, однако, неизвестно, что там случилось, была потеря крови и требовался срочный ответ – какая у девочки группа? И резус... И времени несколько минут. А в руке телефон. И право на звонок. Кому? Какой-то родственнице. Вот только в телефоне цифр много, но не записан он, большая часть известна, а две последние нет, и надо нажимать на кнопки, перебирая все варианты от 00 до 99. Время идет, пусть по полминуты на каждый вариант, 01, 02, 03... так полчаса минимум на все звонки потратишь, а времени нет.

Капитонов угадал все с первого раза. Угадал, позвонил, группу крови назвали мгновенно. Аня осталась жива. С тех пор и открылся у Капитонова дар – видеть те цифры, которые загадывают люди. Превратилось все словно в цирковой номер. «Вечеринка в офисе? Пожалуйста. Выездной корпоратив? Сколько угодно. Вагон-ресторан? Почему бы и нет». Из стресса перенесла жизнь это чудо на цирковые подмостки, поставила Капитонова в один ряд вместе с клоунами. Ну хорошо, не с клоунами, с микромагами. Суть одна, название не принципиально. За домашним застольем потешить гостей. Загадайте число, прибавьте пять, отнимите десять. Вы загадали 36! Правильно. Вроде бы фокус, вот только у всякого фокуса есть свой секрет. У этого нет, объяснить нельзя, потому что нет объяснения. Просто видит Капитонов то число. И есть лишь две границы: 10 и 99. Границы экзистенциализма. Загадать эти числа – значит подвергнуть себя риску. Охраняют двузначные стражи Евгения Капитонова. Слева от однозначных. Справа от трехзначных. Внутри – жизнь микромага. Жизнь, заключенная в фигурные скобки. Вне этих границ – смерть.

А еще есть пожиратели времени. Они могут отъесть кусок. Могут справа – укоротить жизнь. Украсть, как у Водоемова, тоже делегата конференции. «Сообщают о пожаре в отеле... Погибло 17 человек... А вот мальчик и девочка, девятиклассники, взявшись за руки, выбросились из окна с одиннадцатого этажа. За стеной Пожира-

тель Времени (это ж он сосед Капитонова) рычит и давится, давится – он пытается вызвать рвоту». Он реален, не выдумка. Это он сожрал время жизни этих людей?!

А могут и слева! Сожрать не то, что могло случиться потом, а то, что уже было раньше. Как у Мухина. Ты вдруг просыпаешься в один прекрасный день и понимаешь, что ты Мухин. «Я могу попытаться понять, кто я такой, почему я не Мухин и почему именно Мухина я заместил на позапрошлой неделе». И живешь ты в теле Мухина. Но до Мухина ты был не Мухиным вовсе. А кем был, не знаешь. Но про Мухина помнишь все, словно Мухиным и был всегда. А то время, которое ты не был Мухиным, у тебя съели.

И снова про смерти. Умирает Водопьянов. Картежник. Фокусник. Загадал число и умер. Загадал 99. Не повезло. Ту самую цифру. Редкую. Пограничную. Никто никогда не загадывал до него. Вначале Капитонов просит прибавить. Пять просит. А к 99, что ни прибавь, сразу за границу перейдешь. А за границей защиты нет. Перешел за нее и лишился жизни. Отнять уже не успел. Да и отнимать надо три было всего. Остался Водоемов за границей. 99 плюс 5 минус 3 равно 101! Не дали вернуться в защищенное поле. За фигурными скобками остался. Хотя следователь тоже загадал 99. Тот, который дело расследовал о смерти Водопьянова. И остался жив. Впрочем, возможно сработало право первого загадывания. «Я второй, – говорит следователь. – Но вот в чем проблемка. Он задумал 99 – и в морге, а я задумал 99 – и, как видите, живой...» А может, как в «Сталкере» у Тарковского. Вышел герой Кайдановского в область трансцендентного вместе со своими героями. И вернулся. Это искусство. Вернуться. Если умеешь ходить туда, то остаешься живым. Если нет, то... За границу словно в царство теней. Не каждому дано.

Другие смерти не столь театральны. Умер Мухин. Умерла жена Капитонова. Умерли за страницами романа. Мы даже не знаем как. Автор словно теряет контроль над героями. В конце романа вообще их смерть ставится под сомнение. А вот сам Капитонов, возможно, и умер. Точнее он-то думает, что жив. Но может быть, он давно уже не Капитонов. Контроль над героями переходит читателю. Решайте сами, кто умер, кто нет, подсказывает автор. Впрочем, не нужно искать в романе детективный сюжет в стиле Агаты Кристи. Смерть как основа экзистенции, не более того. Пограничность ситуации в ином – есть кто-то Высший, он вправе менять тела и души, словно карточный шулер, наперсточник, главный над всеми микромагами, макромаг – про души лишь наши мысли – что там он меняет, нам непонятно, понятно лишь то, что герои «Фигурных скобок» не имеют свободы. Они даже забывают выбрать на своей конференции президента гильдии, а именно это и было задачей. Забывают не случайно. Президента среди магов нельзя выбрать. Он избран давно и без воли делегатов. То ли дьявол, то ли бог... Поправителем называет его Носов. Он – суровый редактор жизни, сдающий (еще... еще... себе) карты сидящим напротив него игрокам, простым смертным. Перебрал карт – умер. Только не «очко» тут перебираешь, другие карты у Поправителя. Хотя и его можно обмануть. Нужно лишь заключить свою жизнь в фигурные скобки. Да не в одни, в комбинацию из трех. «В общем, они защищают», – говорит жена Мухина. Может и так. Только вот от кого? От смерти? Прекрасно! Разве это не мечта – стать бессмертным?

Значительное место в философии экзистенциализма занимает постановка и решение проблемы свободы, которая определяется как выбор личностью одной из бесчисленных возможностей. Носов как бы следует учению экзистенциализма – ставя перед выбором читателя. Направо пойдешь – по одному пути события развернутся, налево – по-другому. Носов словно парк сажает и читателю говорит – ты уж сам разбирайся, где тут идти тебе, ходи, путь протаптывай, а я потом дорожки, что натопчешь, заасфальтирую, чтоб другим ходить удобнее было. Плетет Носов сюжет свой словно лабиринт, вычерчивает по парку тропки. Одни настоящие, другие обман таят. Тропа натоптана, идешь по ней уверенно. Читаешь про дочь Капитонова Анну. В романе ее много, но она при этом словно за страницами. Капитонов с ней поругался. Едет в Петербург, переживает, дочь дома одна. Не звонит, не пишет. «Ссоримся без конца. Она меня, вероятно, считает деспотом. Что бы я ни спросил – покушаюсь на ее свободу, независимость, суверенитет. Я уже не спрашиваю ни о чем. С другой стороны, почему я должен не спрашивать? Я что – посторонний человек? Да она сама деспот!..» Мучается Капитонов. Хочет перед ней то ли извиниться, то ли признаться в любви. В конце романа признается. «Люблю тебя очень», – пишет смску. И она в ответ ему – «И я тебя очень». Только он в фигурных скобках, а

она в ответ без них. И дальше обрывается книга. Сам додумывай, читатель, этот роман. Сам топчи тропу в парке. А что же было тогда, когда она истекала кровью и требовалось отгадать две цифры? То ли ложная тропинка ведет в тупик, то ли обманывает читателя лабиринт, то ли это принцип экзистенциализма – тысячи вариантов свободы, думай-думай, книга заставляет тебя. Или вот Мухин. Погиб он, узнаем мы почти в самом начале романа. Почему? Нет ответа. Автор молчит, держит нас в напряжении, ждем мы развязки, читаем, быстрее, резво листаются страницы. Снегу намело, не пройти, переваливаемся через заносы. Кончился роман. Почему погиб Мухин? Это тебе вопрос, читатель, сам решай. А может, он и не погиб вовсе. Может, жив. В Монголии живет. Вместе с Водоемовым. А вот еще вопрос – почему Пожирателя времени все время рвет? Подумай на досуге, читатель, Носов позволяет. Впрочем, время – вещь не слишком съедобная, чего уж там думать. Может, потому и рвет. Вроде два дня Капитонов провел на конференции. Ан нет, целую неделю, объясняет ему попутчица из поезда – ехала туда вместе с ним, обратно встретились в аэропорту. Пожиратель времени время съел. Как и положено. Жалко, конечно, недели. Но жизни всей больше жалко. Вот у Водопьянова Пожиратель съел целый 41 год. Да так съел, что у того больше и не осталось ничего. Только умереть...

Основной принцип экзистенциализма применительно к человеку гласит: существование предшествует сущности. Свою сущность человек обретает по ходу существования на протяжении всей жизни. Он делает себя сам. Носов словно смеется над своими героями, вкладывая волшебную палочку в чемоданчик с документами учредительной конференции. Сувенир. Палочка из набора для японской еды. Ей едят суши. Каждый взрослый человек это понимает. Особенно если он микромаг. Но ведь не все люди вокруг такие. Есть и обычные. А есть и иные. Их мир не похож на наш. У них иная сущность. Они ее обрели. «Коаблик, коаблик». Взрослое дитя. Несчастье в семье. Женя. Даун. Сосед Капитонова в поезде. Едет в Петербург вместе с мамой. Посмотреть на «коаблик». И вот он снова, в конце книги. Словно случайно. «Капитонов ему:

– Видел кораблик?

– Ты видел коаблик? – возвращается вопрос Капитонову».

«Взяв палочку, тезка Женя встряхивает ее, как градусник, и начинает бормотать что-то свое, непостижимое». Говорят, что и незараженное ружье стреляет раз в тысячу лет. Так же и палочка. Смотря кто ей машет. Ей машет Женя. Что-то сейчас случится...

Муха! Маленькая муха в холодильнике. Сонная, еле ползающая. Осталась с прошлого лета? Залетела случайно? Или знак? Что-то должно произойти. Что-то сейчас случится. Кто такой Капитонов? Капитонов ли он. «Вы неадекватно себя ведете», – останавливают его полицейские в метро в день приезда на конференцию. И в день отъезда тоже.

«–Вы уверены, что это паспорт ваш?

– Там моя фотография!

– Только поэтому?

(...)

– И подпись!»

Ну ладно! Отпускают. Вот только кого отпускают? Капитонова? Или того, кто живет в теле Капитонова? Или Капитонова, который живет не в теле Капитонова? Капитонов никогда не носил очки, и вдруг видит в зеркале себя в них. Он ли это? А может быть, Евгений Капитонов давно уже Женя, тот самый Женя, который стоит посреди аэропорта и трясет волшебной палочкой, меняя ею жизни, переселяя души, пожирая время, тасуя ход событий. Рядом сидит Поправитель. Присматривает за взрослым дитем. Мало ли, натворит что, всякое бывает. Все мы живем в зоне риска. Жизнь нельзя защитить фигурными скобками. Жизнь беззащитна. В жизни слишком много иррационального.

Иван КОЗЛОВ

СЛАБЫЕ СТОРОНЫ СИЛЬНЫХ И НАОБОРОТ

«Охотник на лис» (реж. Беннетт Миллер)

Вряд ли российские зрители в курсе криминальной хроники США двадцатилетней давности, зато они могут позволить себе роскошь смотреть «Охотника на лис», не зная финала. Если не читать спойлеры и очень быстро пробегать по диагонали рецензии, то можно получить предварительную информацию такого рода: фильм повествует о реальных событиях 1996 года, главные участники – знаменитый мультимиллионер Дюпон (Стив Карелл) и двое известных братьев-спортсменов Шульцев (Ченнинг Татум и Марк Руффало).

Это уже потом зрители полезут в Интернет и узнают, насколько сценаристы с режиссером сдвинули временные рамки, познакомятся с реакцией выживших действующих лиц («Всё было не так») и статьями на тему той истории со стрельбой, хлынувших как из рога изобилия после выхода фильма.

А фильм удивительный. Спортивная драма (сколько мы таких видели!) начинает мерцать, словно чешское стекло: обернется застарелым симптомом детских обид, то экзистенциальной неустроенностью; Соревнования по борьбе – выяснением родственных отношений; воплощение американской мечты – воплощением уже традиционных для Америки психоаналитических конструкций; визуальный ряд тренировок с их ритмичностью превратится в раскачивающиеся цветовые пятна.

Более того, к середине фильма даже сменится главный герой, вернее – загадочный Дюпон заслонит собой стеснительного и корявого Шульца-младшего. Впрочем, всех всё равно переиграет великая Ванесса Редгрейв (она исполняет роль матери Дюпона), которая появится в двух-трех эпизодах и произнесет всего несколько реплик.

«Одержимость» (реж. Дэмьен Шазелл)

Как «Охотник на лис» заставляет припоминать спортивные драмы («Бешеного быка» в первую очередь), так и «Одержимость» поневоле принуждает воспроизводить в памяти киносюжеты на тему «непростые отношения талантливого подчиненного с авторитарным начальником» – такое было и в комедиях, и в военных драмах. В данном случае ситуация осложняется тем, что коллективом в данном случае является оркестр, а в интриге важная роль отводится непосредственно творчеству.

Фильм «Одержимость» (оригинальное название «Whiplash» – это одновременно и музыкальная пьеса, исполняемая в фильме, и «работа из-под палки» в буквальном переводе) может напомнить еще и «Репетицию оркестра» Феллини. Но итальянский дирижер равен своему американскому коллеге только несколько секунд – перед тем, как он на мгновение «превратится» в фюрера. В аннотациях «Одержимости» почему-то говорится о режиссере-садисте, что кажется мне явным преувеличением (думаю, покажется и всем, кто имел когда-то счастье играть в оркестре). Но авторитарность и ее границы в руководстве музыкальным творческим коллективом всегда будут предметом обсуждения, особенно если руководитель является своего рода «гуру» со всеми характеристиками, которые ему придаются в тесном универсуме тоталитарной секты.

Но «Одержимость» – еще и фильм и о том, кто кого переиграл. И о том, кто и что от этого выиграл. Самое удивительное, что это решается в финале фильма на протяжении музыкальной темы, да и, собственно, самим исполнением этой темы. Удивительный тип развязки конфликта.

«Процесс» (реж. Константин Селиверстов)

Роман Кафки «Процесс» уже имеет свою киноисторию – классическая экранизация Орсона Уэллса с Энтони Перкинсом, Роми Шнайдер и Жанной Моро (1962) и относительно недавняя – Дэвида Хью Джонса (1992) с Кайлом Маклахленом и Энтони Хопкинсом.

Действие фильма перенесено в Петербург, что немедленно притягивает к понятию «кафкианство» всю русскую литературу скопом, здесь есть где развернуться Гоголю и Достоевскому. Архитектурные декорации «Процесса» становятся то театральным портиком, то подлинно античным локусом, а абсурдная (значит, по определению – все-таки и смешная?) трагедия Кафки с удобством устраивается в северных широтах, благо исторический бэкграунд вполне благоприятствует.

Игра света и теней щедро используется в этой черно-белой киноленте, воссоздающей, а то и пародирующей то фильм-спектакль, то поиски классического киноавангарда. Это немного и «домашний» проект, ведь деньги на озвучку собирались в формате краудфандинга.

На конец этого года запланирован выход еще одного фильма Селиверстова по Кафке – экранизация «Замка». Ждем, и будем смотреть, как режиссер станет спорить с Балабановым, снявшим свой «Замок» в 1994 году.

Добавим, что проза о кино Константина Селиверстова «12 с половиной, или Моя жизнь в чистом искусстве» публиковалась в «Волге» в 7–8 номере за 2011 год.

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Алексей Александров
Алексей Голицын
Алексей Слаповский
Олег Рогов

Подписано в печать 17 августа 2015 г.
Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://magazines.russ.ru/volga/

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.